

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2023. Том 74

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
заграницей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русьны

2023. № 74

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2023. Nr. 74

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodol'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
--------------------------	---

История

Юрасов М.К.

Когда началось переселение венгров на современную родину из «страны Ателькузу»?	13
--	----

Довгань Е.Ф.

Агиология святого великомученика Иоанна Нового (Сочавского): авторство жития	24
---	----

Суляк С.Г.

Деятельность Ф.Г. Лебединцева в Холмщине	35
--	----

Верняев И.И.

Правосудие Российской империи в Бессарабии конца XIX – начала XX в.: адаптация к разнообразию	109
--	-----

Зиновьев В.П., Суляк С.Г.

Межэтническое разделение труда в Бессарабской губернии по данным переписи 1897 г.	133
---	-----

Иванов А.А.

Украинская тематика в национальном воспитании народных масс Подолии и Волыни: по материалам церковных изданий начала XX в.	148
--	-----

Шевелев Д.Н.

А.В. Копыстьянский vs Т.Г. Масарик: взгляд из Сибири на послевоенное устройство межэтнического пограничья Восточной Европы (осень 1918 – осень 1919 гг.)	175
--	-----

Чемакин А.А.

Кубанская Чрезвычайная краевая рада (1918–1920 гг.): выборы и состав депутатского корпуса	198
--	-----

М. Пекар

Под давлением словацких националистов: статус и политическая активность русинов в Словакии в 1939–1945 гг.	216
--	-----

Морозов С.В.

Тенденции польско-венгерского взаимодействия в отношении Подкарпатской Руси (1919–1938 гг.)	236
--	-----

Содоль В.А.

Этнический и социальный состав церковного актива Кишинёвско-Молдавской епархии во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. (на примере приходов районных центров)	257
--	------------

Тельвак В.В., Тельвак В.П., Наконечный В.М.

«Друга побіч церкви святиня»: образи «Просвіти» на сторінках «Нашого лемка»	274
--	------------

Казак О.Г.

Отражение истории Подкарпатской Руси межвоенного периода в учебных пособиях для высших учебных заведений Республики Беларусь	291
---	------------

Лингвистика и язык

Дериглазова Л.В., Погорельская А.М.

Ценностное содержание русского литературного канона и способы его передачи в России	298
--	------------

Искандарова Д.М.

Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны	319
--	------------

Социология и политология

Трубникова Н.В., Саркисова А.Ю., Рогачева И.Е.

Исторические нарративы национальной идентичности в оптике больших данных Рунета: смысловые конструкторы «война» и «мир»	339
--	------------

CONTENT

Editorial	9
 History	
<i>Yurasov M.K.</i>	
When did the Hungarians begin to resettle from Etelköz to their modern homeland?	13
<i>Dovgan E.F.</i>	
Hagiology of the Holy Great Martyr John the New of Suceava: The authorship of the Life	24
<i>Sulyak S.G.</i>	
Feofan Lebedintsev and his activities in Chełm Land	35
<i>Verniaev I.I.</i>	
Justice of the Russian Empire in Bessarabia in the late 19th and early 20th century: adaptation to diversity	109
<i>Zinoviev V.P., Sulyak S.G.</i>	
Interethnic division of labor in Bessarabia according to the 1897 census	133
<i>Ivanov A.A.</i>	
Ukrainian themes in the national education of peasantry in Podolia and Volhynia: following church publications of the early 20th century	148
<i>Shevelev D.N.</i>	
Adrian V. Kopystyansky vs Tomáš Masaryk: A view from Siberia on the post-war organization of the interethnic borderlands of Eastern Europe (fall 1918 – fall 1919)	175
<i>Chemakin A.A.</i>	
The Kuban Extraordinary Regional Rada (1918–1920): Elections and composition of the deputy corps	198
<i>Pekár M.</i>	
Under pressure from Slovak nationalists: The status and political activity of the Rusins in Slovakia 1939–1945	216
<i>Morozov S.V.</i>	
Tendencies of Polish-Hungarian interaction in relation to Subcarpathian Rus (1919–1938)	236

Sodol V.A.

The ethnic and social composition of the church activists of the Chisinau-Moldavian diocese in the second half of the 1940s – early 1950s (a case study of parishes in regional centers)	257
---	------------

Telvak V.V., Telvak V.P., Nakonechnyj V.M.

“Another shrine next to the church”: The image of “Prosvita” in Nash Lemko (“Our Lemko”)	274
---	------------

Kazak O.G.

The interwar history of Subcarpathian Rus in textbooks for universities in the Republic of Belarus	291
---	------------

Linguistics and Language

Deriglazova L.V., Pogorelskaya A.M.

Values in Russian literary canon and methods of its transmission in Russia	298
--	------------

Iskandarova D.

Linguistic situation in Tajikistan: Ethnocontact zones	319
---	------------

Sociology and Political Science

Trubnikova N.V., Sarkisova A.Yu., Rogaeva I.E.

Historical narratives of national identity in the optics of Runet big data: Semantic constructs of “war” and “peace”	339
---	------------

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

В 74-м номере журнала «Русин», наряду с другими материалами, публикуются прошедшие рецензирование статьи, подготовленные на основе докладов, прозвучавших на международных конференциях «Славянский мир в условиях современных вызовов» (Томск, 5–6 октября 2023 г.) и «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Двенадцатые чтения памяти И.А. Анцупова)» (Тараклия, 27–28 октября 2023 г.).

Международная научно-практическая конференция «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Двенадцатые чтения памяти И.А. Анцупова)» прошла в Тараклийском государственном университете им. Гр. Цамблака.

На конференции было заявлено 43 доклада, сделанных представителями Молдавии, России, Украины, Болгарии, Словакии, Германии, США, Израиля, Таджикистана.

Работа конференции происходила в двух секциях: «Межэтническое пограничье: проблема диалога культур» и «Бессарабские болгары: проблема сохранения этнокультурной специфики».

На первой секции прозвучало 20 докладов. Результаты свои исследований, в частности, представили сотрудники Санкт-Петербургского университета Н.И. Милютенко («Существовала ли русинская служба св. Владимиру?»), С.Г. Суляк («Деятельность Ф.Г. Лебединцева в Холмщине»), И.И. Верняев («Правосудие Российской империи в Бессарабии конца XIX – начала XX в.: адаптация к разнообразию»), А.А. Иванов («Украинская тематика в национальном воспитании народных масс Подолии и Волыни: по материалам церковных изданий начала XX в.»), А.А. Чемакин («Кубанская Чрезвычайная краевая рада (1918–1920 гг.): выборы и состав депутатского корпуса»). Исследователи Томского государственного университета подняли проблемы межэтнического разделения труда в Бессарабской губернии по данным переписи 1897 г. (В.П. Зиновьев), деятельности Центрального Карпаторусского совета в Омске (1918–1919 гг.) (Д.Н. Шевелев). Представители Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Молдова, Приднестровье) В.А. Содоль, Т.И. Царан рассказали об этническом и социальном составе церковного актива Кишинёвско-Молдавской епархии во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. и ходатайствах и жалобах верующих в Молдавской АССР против закрытия молитвенных зданий.

М.М. Чореф (Израиль) представил доклад на тему «Подражание статуре Рескупорида IV чекана 560 г. н.э. как источник исторической информации». М.К. Юрасов (Институт российской истории Российской академии наук) – «Когда началось переселение венгров на современную родину из “страны Ателькузу”?». Е.Ф. Довгань (Институт исследования восточного христианства (США)) – «Народность, аскетика и молитва в традиции почитания святого великомученика Иоанна Нового».

На второй секции прозвучало 23 доклада по проблемам сохранения этнокультурной идентичности болгарского населения региона и его языка, формам и методам обучения в дошкольных учреждениях, средней и высшей школе.

Напоминаем, что нами в 2024 г. совместно с Томским государственным университетом (Россия) и Тараклийским государственным университетом им. Гр. Цамбалака (Молдова) запланировано проведение трёх конференций:

1. X Международная научная конференция «Славянские языки в условиях современных вызовов». 13–14 мая 2024 г., Томск (совместно с Томским государственным университетом). Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/slavleng>

2. VIII Международная научная конференция «Славянский мир в условиях современных вызовов». 10–11 октября 2024 г., Томск (совместно с Томским государственным университетом). Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/slavworld>

3. Международная научно-практическая конференция «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Тринадцатые чтения памяти И.А. Анцупова)». 28–29 октября 2024 г., Тараклия (совместно с Тараклийским государственным университетом им. Гр. Цамбалака). Сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/antsupov>

Информация о сроках регистрации, предоставлении тезисов докладов и т. д. размещена в информационных письмах, выложенных на сайтах конференций.

Регистрация участников уже началась.

Формат проведения конференций: очный или онлайн.

*С.Г. Суляк,
главный редактор*

DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS!

Together with other research, this issue publishes peer-reviewed reports presented at the conferences *Slavic Languages: Responding to New Challenges* (Tomsk, October 5–6, 2023) and *Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts* (The 12th Ivan A. Antsupov Readings) (Taraclia, October 27–28, 2023).

The international conference *Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts* (The 12th Ivan A. Antsupov Readings), was held at G. Tsamblak Taraclia State University. The 43 presentations by scholars from Moldova, Russia, Ukraine, Bulgaria, Slovakia, Germany, the USA, Israel, and Tajikistan, divided between two tracks: “Interethnic borderlands: The problem of dialogue of cultures” (20 presentations) and “Bessarabian Bulgarians: The problem of preserving ethnocultural specificity” (23 presentations). In the first track the researchers from St. Petersburg State University presented the following reports: “Was there a Rusin service to St. Vladimir?” by Nadezhda Mulyutenko, “Feofan Lebedintsev and his activities in Chełm” by Sergey Sulyak, “Justice of the Russian Empire in Bessarabia in the late 19th – early 20th centuries: Adaptation to diversity” by Igor Verniaev, “Ukrainian themes in the national education of peasantry in Podolia and Volhynia: following church publications of the early 20th century” by Andrei Ivanov, “The Kuban Extraordinary Regional Rada (1918–1920): Elections and composition of the deputy corps” by Anton Chemakin. The researchers from Tomsk State University raised the problems of interethnic division of labor in Bessarabia according to the 1897 census (Vasiliiy Zinoviev), the activities of the Central Carpatho-Russian Council in Omsk (1918–1919) (Dmitry Shevelev). The scholars from the Shevchenko Transnistria State University (Transnistria, Moldova) Veacheslav Sodoł, Tatyana Tsaran spoke about the ethnic and social composition of the church activists of the Chisinau-Moldavian diocese in the second half of the 1940s – early 1950s and petitions and complaints of believers in the Moldavian Autonomous Soviet Socialist Republic against the closure of prayer buildings.

Mikhail Choref (Israel) presented a report “Imitation of the Rhescuporis IV stater minted in 560 BE as a source of historical information.” Mikhail Yurasov (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences) delivered a report “When did the Hungarians begin to resettle from Etelköz to their modern homeland?” Eutichius F. Dovgan (Institute for Studies of Eastern Christianity at UTSNYC, USA) spoke about the problem of nation, asceticism and prayer in the tradition of veneration of the Holy Great Martyr John the New.

The 23 reports of the second track discussed the problems of preserving the ethnocultural identity of the Bulgarian population of the region and its language, forms and methods of education in preschool institutions, secondary and higher schools.

In 2024, Rusin International Journal of History Editorial Board is planning to hold three conferences together with the National Research Tomsk State University (Russia) and G. Tsamblak Taraclia State University (Moldova):

1. The Tenth International Conference Slavic Languages: Responding to New Challenges (May 13–14, 2024, Tomsk), together with the National Research Tomsk State University. Conference website: <http://conference.tsu.ru/slavlang>

2. The Eighth International Conference Slavic World: Responding to New Challenges (October 10–11, 2024, Tomsk), together with the National Research Tomsk State University. Conference website: <http://conference.tsu.ru/slavworld>

3. International Conference Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (The 13th Ivan Antsupov Readings) (October 28–29, 2024, Taraclia), together with G. Tsamblak Taraclia State University (Moldova). Conference website: <http://conference.tsu.ru/antsupov>

Detailed information about the deadlines for registration, submission of abstracts, etc. is available in the information letters posted on the conference websites.

Registration of participants has already begun.

The format of the conferences is both face-to-face and online.

*Sergey G. Sulyak,
Chief Editor*

УДК 94(4)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/74/2

Когда началось переселение венгров на современную родину из «страны Ателькузу»?

М.К. Юрасов

Институт российской истории РАН

Россия, 117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Авторское резюме

«Страной Ателькузу» в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» названо степное пространство между нижним течением Днепра и рекой Сирет. Венгры находились там в 60-х – середине 90-х гг. IX в. Эта территория едва позволяла венгерским племенам вести эффективное отгонное скотоводство, а там ещё проживали славянские земледельцы уличи и тиверцы. Присоединение каваров (части хазар) к венграм усилило ощущение перенаселения в Ателькузу. С 862 г. венгры впервые участвовали в междоусобицах, не прекращавшихся в Центральной Европе. В 881 г. венгры и кавары воевали на территории будущей Австрии, поэтому знали о том, что между Великой Моравией и Болгарией существовала широкая малонаселённая буферная зона, где проживали небольшие группы предков западных и восточных славян. Это могло побудить часть обитателей «страны Ателькузу» уже тогда начать заселение местностей по другую сторону Карпат. По свидетельству Иоганнеса Турмайра (Авентина), в 892 г. восточнофранкский король Арнульф санкционировал занятие оказавшими ему помощь венграми большей части Карпатской котловины – к востоку от линии Грона – Среднего Дуная. В 895 г. остававшиеся в Ателькузу венгры покинули эту страну.

Ключевые слова: Венгерская конфедерация племён, Великоморавское княжество, Первое Болгарское царство, Восточнофранкское королевство, Среднее Подунавье в IX в., начало завоевания родины венграми

When did the Hungarians begin to resettle from Etelköz to their modern homeland?

Mikhail K. Yurasov

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

19 D. Ulianov Street, Moscow, 117292

E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Abstract

The name “Etelköz” in the treatise *De Administrando Imperio* (Eng. On the Administration of the Empire) by Constantine Porphyrogenitus refers to the steppe space between the lower reaches of the Dnieper and the Siret, where the Hungarians lived in the 860s – mid-890s. However, the territory barely allowed effective transhumance and had to be shared with the Uliches and Tivertsy farmers. When the Kavars (a branch of the Khazars) joined Hungarians, Etelköz was overpopulated. Since 862, the Hungarians began participating in continuous internecine conflicts in Central Europe. In 881, the Hungarians and Kavars were fighting in the territory of the future Austria, so they knew about a wide, sparsely populated buffer zone between Great Moravia and Bulgaria, where small groups of the ancestors of the Western and Eastern Slavs lived. This could have prompted some of the Etelköz residents to begin settling the areas on the other side of the Carpathians. According to Johannes Thurmayr (Aventine), in 892, the East Frankish king Arnulf authorized the occupation of most of the Carpathian Basin east of the Hron-Middle Danube line by the Hungarian assistants. In 895, the Hungarians left Etelköz.

Keywords: Hungarian Confederation of Tribes, Great Moravian Principality, First Bulgarian Kingdom, East Francia, Middle Danube in the 9th century, Hungarian conquest of the Carpathian Basin

Сведения о пребывании семи племён «турок» (= венгров) в «стране Ателькузу» содержатся лишь в трактате византийского императора Константина VII Багрянородного (945–959) «Об управлении империей», написанном между 948–952 гг. Здесь в главе 38 даны географические ориентиры этой легендарной страны – протекающие через неё реки: Варух (Днепр), Куву (Южный Буг), Трулл (Днестр), Брут (Прут) и Серет (Сирет) [2: 394, примеч. 27, 28]. Естественно, в данном случае

имеются в виду участки названных рек, находящиеся в степной зоне Северного Причерноморья. Само название «Ателькузу» – греческая транскрипция венгерского *Etelköz* 'междуречье', что подтверждается перечислением главных рек описываемой им страны. Если на основании этих данных очертить пределы Ателькузу-Этелкёза, то её северная граница проходила по лесостепному поясу, за обладание которым восточные славяне боролись с кочевниками, южной было побережье Чёрного моря, западной – предгорья Карпат западнее Сирета, а восточной – нижнее течение Днепра.

По свидетельству императора Константина, венгры (названные им турками) поселились в Ателькузу через несколько лет после первого поражения, понесённого ими от пришедшей в Северное Причерноморье первой волны печенегов – трёх племенных объединений кангаров. «Когда же меж турками и пачинакитами... состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии... а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождём Леведией, в местах, именуемых Ателькузу...» [2: 158–161].

Точную датировку времени ухода второй конфедерации венгерских племён из Леведии в Ателькузу определить невозможно ввиду полного отсутствия сведений источников. Автор этих строк поддерживает тех исследователей, которые датируют этот процесс 861 г. [13: 63–64] Переселение в Ателькузу означало сокращение почти в два раза территории кочевания венгерских племён. Несмотря на то, что часть их ушла в Закавказье, в новой конфедерации было семь племён (фактически – племенных объединений), каждому из которых нужен был ареал кочевания, предусматривавший пребывание скота зимой и летом в разных местностях. Кроме того, на территории Ателькузу уже проживали этнополитические общности восточных славян – уличи и тиверцы, главным занятием которых было земледелие.

Не позднее 880 г. к венгерской конфедерации племён присоединились кавары – часть хазар, восставшая против своего кагана и потерпевшая поражение от каганского войска. О факте их присоединения свидетельствует Константин Багрянородный в названном трактате, не давая временных ориентиров [2: 162–163], а под 881 г. Большие Зальцбургские анналы сообщают о совместном походе венгров и каваров на земли Восточной марки – будущей Австрии: «Первая война с унгарам у Вены. Вторая война с каварами у Кульма» [8: 742]. Кавары представляли собой три «племени» (скорее – объединения малых племён), и их появление в степной полосе к западу от нижнего течения Днепра должно было усилить ощущение перенаселённости «страны Ателькузу».

Как известно, географические границы кочевых этнополитических объединений никогда не были понятием, строго привязанным к конкретным элементам природного ландшафта, поэтому их можно начертить на карте лишь приблизительно. Кочевые племена часто меняли области своего проживания, расселяясь в местах, пригодных для их хозяйственно-культурного типа. В случае с Ателькузу Карпаты не являлись непреодолимым препятствием для проникновения внутрь образуемой линией их хребтами подковы этнических групп степняков из Северного Причерноморья.

Самым ярким тому примером является появление на Среднем Дунае т. н. секеев, ставших в Средние века особым венгерским этносом, поселившимся в Трансильвании и сохранившим древнейшие патриархальные традиции. По свидетельству неизвестного нотариуса короля Белы III (1172–1196), которого принято называть Венгерским Анонимом, написавшего свои «Деяния венгров» на рубеже XII–XIII вв., секеи «сначала были людьми Аттилы» [16: 101], а значит появились в этом регионе задолго до прихода венгров. Проблема происхождения секеев породила огромную литературу с несколькими десятками разнообразных концепций [15]. По данным археологических исследований, по крайней мере, в XII в. секеи уже жили на своей средневековой родине [12: 624], но Аноним явно опирался на древние предания, согласно которым предки секеев появились в Карпатской котловине до обретения там родины венграми. Шимон Кезаи в своей хронике и Композиция венгерских хроник XIV в. помещают сведения о секеях в «Истории гуннов» – первой части своего текста, где описывается общее легендарное прошлое венгров и гуннов до конца IX в. [9: 279; 17: 162]

Если проблемы происхождения секеев и датировки их появления на землях Карпатской котловины пока представляются неразрешимыми, то другая уникальная информация Венгерского Анонима – о хазарах – таких проблем не вызывает. В главе 11 его беллетризованной хроники можно прочесть о том, что жители Галицкой земли, расписывая пришедшему к ним вождю Алмошу природные богатства Паннонии и перечисляя владения местных вождей, сообщили ему, что междуречье Мароша и Самоша (часть Трансильвании) «населяют люди, называемые хазарами» [16: 49]. Главное в этом свидетельстве Анонима, так же, как и его сведения о секеях, основывающихся на исторических преданиях средневековой венгерской народности, является то, что какая-то часть хазар появилась на землях Карпатской котловины до начала обретения родины венграми в этом регионе.

Если это соответствует действительности, то единственным объяснением этого факта может быть то, что под упомянутыми Анонимом хазарами следует понимать каваров, которые, как пришедшие в Ателькузу позже остальных племенных объединений венгерской конфедерации, в условиях перенаселённости этой страны получили наименее благоприятные районы для кочевания. Через очень короткое время после присоединения к венграм (в начале или середине 80-х гг. IX в.) кавары могли начать освоение местностей, находившихся по другую сторону от линии Карпатских хребтов. Никаких серьёзных препятствий для этого у них не было.

Область, куда Венгерский Аноним помещает хазар, находилась в буферной зоне между сферами влияния Восточнофранкского королевства и Первого Болгарского царства, там не было никакой пограничной стражи в рассматриваемое время. На территории буферной зоны не существовало крупных до- или раннегосударственных образований, немногочисленное население этого региона было представлено в основном славянами, как западными, так и восточными – предками подкарпатских русинов, а также небольшими группами аваров. Как утверждали видные дореволюционные российские специалисты по исторической географии Древней Руси Н.П. Барсов и С.М. Середонин, бассейн Верхней Тисы и более западные территории вплоть до Эгера были населены самыми западными группами восточного славянства [1: 104, 111–112; 5: 147–149, 189–190], а крупнейший советский–российский специалист по славянской археологии В.В. Седов заявлял о том, что материальная культура славян по обе стороны Карпат в междуречье Днестра и Тисы была однотипной [4: 126].

Кроме того, конфедерация венгерских племён не была монолитным этнополитическим объединением. Венгры, как и вытеснившие их из Северного Причерноморья печенеги, находились на одном – догосударственном – уровне политического развития. Если пользоваться терминологией западных социантропологов, те и другие переживали период *сложного вожинства*, когда у них уже существовали союзы малых племён, но каждый из таких союзов (называемый императором Константином «фемой» применительно к печенегам) был полностью самостоятельным в принятии политических решений. Печенеги никогда не выступали в поход объединённым войском всех восьми «фем», доказательство чего приведены мной в статье, опубликованной в журнале «Русин» [6].

Примерно так же действовали и племена, входившие в венгерскую конфедерацию, но венгры находились в последние десятилетия IX в. в более тяжёлой внешнеполитической ситуации, что заставило их формально выйти на более высокий уровень сплочения и создать

(как пишет Константин Багрянородный, по инициативе правителя хазар) институт постоянного верховного вождя всех венгерских и присоединившихся к ним племён, которым стал Леведия(я): «...хаган отправил посольство, [требующее], чтобы Леведия пришёл к нему. Хаган сказал ему: “Мы позвали тебя ради того, чтобы избрать тебя... первым среди турок, архонтом твоего народа и чтобы ты повиновался слову и велению нашему”» [2: 160–161].

Однако это отнюдь не означало перехода Венгерской конфедерации племён на более высокую стадию политического развития – *суперсложного вожDESTВА*, когда институт верховного вождя становится постоянным, и все вожди отдельных племён признают его власть над собой. Эта стадия общественно-политического развития уже непосредственно предшествует появлению раннего государства. Как показывает история освоения венграми и присоединившимися к ним этническими группами территории Кавказской котловины, лишь в последней четверти X в. князь Геза (970/972–997) начал последовательное подчинение вождей отдельных племён центральной власти, завершённое его сыном Иштваном I Святим (997–1038).

Территория буферной зоны не была для венгров и присоединившихся к ним в Ателькузу этническим группам *terra incognita*. Впервые они появились на землях Восточнофранкского королевства в 862 г. по призыву герцога Карломана, поднявшего мятеж против своего отца – короля Людовика II Немецкого (840–876) [11: 93]. Как отмечено выше, в 881 г. венгры и кавары разорили земли будущей Австрии. Тогда они были союзниками моравского князя Сватоплука I (870–894). Лёгкость, с которой конники из Северного Причерноморья преодолевали несколько сотен километров и внезапно появлялись на окраинах Восточнофранкского королевства, свидетельствует о том, что серьёзных препятствий на своём пути они не встречали. Владения Болгарии простирались не далее течения трёх Кёрёшей и самого юга Алфёлда [19: 11], а главным направлением её внешнеполитической экспансии было южное, противостояние с Византией. Что же касается Блатенского княжества Прибины (начало 840-х гг. – 861 г.) и его сына Коцела (861 г. – сер. 870-х гг.), а также Великой Моравии, то они, с одной стороны, считались вассалами Восточнофранкского королевства, а с другой – им были выгодны междоусобия в стане своих патронов.

Автор «Всемирной хроники» Регинон Прюмский (ум. в 915 г.) датировал изгнание печенегам венгров из «Скифии» 889 г. [3: 45; 18: 131–132] Эта уникальная датировка до сих пор принимается некоторыми исследователями как относящаяся к первому нападению печенегов на Венгерскую конфедерацию племён, о котором пишет Константин Багрянородный [2: 158–159]. Однако уже в конце XIX в.

венгерские историки подвергли её сомнению [14: 142]. Скорее всего, Регинон ошибся при пересчёте даты от СМ, имевшейся в использованном им источнике, в годы от РХ [3: 45]. В то же время нельзя исключать и того, что в 889 г. какая-то группа венгров переселилась из Ателькузу в одну из областей Карпатской котловины, о чём много позже стало известно Регинону. Он же, составляя текст своей хроники, доведённой им до 906 г., совместил это известие со сведениями об изгнании печенегами венгров из Северного Причерноморья, точную дату которого он не знал. Впрочем, это предположение представляется маловероятным. Кстати, Композиция венгерских хроник XIV в. датирует приход венгров в Паннонию 888 г. (не опираясь при этом на Регинона), а Шимон Кезаи – 872 г. [9: 286; 17: 164]. Эти датировки явно были придуманы хронистами. Что же касается Венгерского Анонима, то он, используя сведения Регинона Прюмского, пропустил в его дате латинскую букву-цифру V, из-за чего 889 превратилось в 884 [16: 41].

Начало 890-х гг. стало временем резкого усиления внешнеполитической активности Венгерской конфедерации племён. К тому времени обострились отношения между Восточнофранкским королевством и стремившимся освободиться от вассальной зависимости от него Великоморавским княжеством, а также между набиравшим силу Первым Болгарским царством и Византийской империей. Заинтересованность в привлечении вспомогательных отрядов венгерской конницы проявили оба названных враждовавших государства в Центральной Европе, а также Византия. Это, с одной стороны, способствовало распылению военных сил венгров и присоединившихся к ним этнических групп, опасное в условиях нарастающей опасности со стороны печенегов, число «фем» которых увеличилось с трёх до восьми [2: 154–155, 158–159], а с другой стороны, обитатели страны Ателькузу не могли не осознавать привлекательность «ничейных» территорий за линией Карпатских хребтов, которые можно использовать в качестве естественной защиты от наседавших с востока печенегов.

В начале 90-х гг. IX в. великоморавский князь Сватоплук I попытался стать полностью независимым от восточнофранкского короля Арнульфа (887–899) правителем. Последний в 892 г. собрал коалицию из подчинённых ему этнических групп, проживавших на территории будущей Германии, и пришедших из Ателькузу венгров. Об этом свидетельствуют Фульдские анналы, ограничившиеся сведениями о том, что венгры приняли участие в разорении Великой Моравии [7: 121]. Поскольку Фульдские анналы были закончены в конце IX в., а значит создавались непосредственным свидетелем событий, их сведения заслуживают полного доверия.

Безусловно, менее надёжным по сравнению с этими погодными записями является источник, относящийся к началу XVI в. и содержащий уникальные подробности о взаимоотношениях Венгерской конфедерации племён с королём Арнульфом. Это «Анналы Баварии» немецкого историка-гуманиста Иоганна Георга Турмайра (1477–1534), более известного под псевдонимом Иоганн Авентин, создание которых он завершил в 1523 г. В этом труде, где собраны сведения всех доступных его автору (в том числе не дошедших до нас) источников, есть свидетельство о том, что в 892 г. венгры за свою помощь против Сватоплука I получили санкцию Арнульфа на занятие восточной части Карпатского бассейна, всей территории к востоку от линии реки Гарам (Грон) – Средний Дунай. Эта линия проходит почти точно по меридиану с севера на юг, а признанное Арнульфом сферой венгерских интересов пространство занимает большую часть Карпатской котловины [10: 282].

Безусловно, поставить под свой контроль всю территорию от линии Гарам – Среднего Дуная до восточных и южных отрогов Карпатских гор не покинувшие окончательно страну Ателькузу венгры и прибившиеся к ним этнические группы не могли. Однако их правящая верхушка прекрасно знала ситуацию в рассматриваемом регионе благодаря тому, что конные отряды кочевников Северного Причерноморья давно использовались государями Центральной Европы в качестве вспомогательного войска в борьбе со своими противниками. Это могло усилить стремление части племён, входивших в Венгерскую конфедерацию, особенно присоединившихся к ней, переселиться в более спокойные области Карпатской котловины.

В 894 г. началась очередная болгаро-византийская война. Поскольку вначале удача была на стороне правителя Болгарии Симеона (893–927), византийцы обратились за помощью к венграм, чтобы заставить Болгарию воевать на два фронта. Это заставило Симеона и его окружение натравить на венгров печенегов, чтобы поставить Венгерскую конфедерацию племён в аналогичную ситуацию. В том же 894 г. часть венгерского ополчения отправилась в Великую Моравию для участия в походе Сватоплука I против Арнульфа. Распыление военных сил мадьяр и примкнувших к ним этнических групп на разных театрах боевых действий способствовало тому, что, по свидетельству Константина Багрянородного, «пачинакиты вместе с Симеоном пришли против турок (= венгров), истребили целиком их семьи и беспощадно прогнали оттуда турок, охраняющих свою страну» [2: 164–165] (Ателькузу. – М.Ю.).

Поход венгров с мораванами на Восточнофранкское королевство не состоялся по причине смерти Сватоплука I, после чего степняки подвергли Моравию разорению. Скорее всего, часть их, узнав о напа-

дении печенегов, решила не возвращаться в Ателькузу, тем более что на Нижнем Дунае активно действовали болгары после заключения мира с византийским императором Львом VI Мудрым (886–912). 895 г. стал временем переселения из Северного Причерноморья в Карпатскую котловину остававшихся там и уцелевших от печенежского разгрома венгров и их союзников.

Вышеизложенное позволяет предположить, что переселение племён, присоединившихся к конфедерации «семи мадьяр», через линии Карпатских хребтов на будущие восточные окраины Венгерского королевства, скорее всего, началось после 881 г., после того как отряды венгров и каваров дошли до юго-восточных окраин Восточно-франкского королевства. Оно стало более активным после санкции, полученной обитателями страны Ателькузу в 892 г. от короля Арнульфа на занятие земель к востоку от линии Гарама – Среднего Дуная.

Список сокращений

MGH SS – Monumenta Germaniae Historica Scriptorum. Hannoverae–Lipsiae; MGH SS rer. Germ. – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi; SRH – Scriptorum rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Vol. I–II. Budapestini: Typographiae Reg. Universitatis Litter. Hung. sumptis. 1937–1938.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. 2-е изд. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1885.

2. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, пер., коммент. / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. 2-е изд. М.: Наука, 1991.

3. Рeginон Прюмский. «Хроника» с продолжением (начало X в. и после 973 г.) // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV: Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 44–49.

4. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1982 (Археология СССР).

5. Середонин С.М. Историческая география. Лекции. Пг.: Типография главного управления уделов, 1916.

6. Юрасов М.К. Существовала ли «империя печенегов» в степях между Трансильванией и Нижним Доном? // Русин. 2022. № 69. С. 11–30.

7. *Annales Fuldenses sive annales regni Francorum orientalis* / ed. by F. Kurze. Hannover, 1891 (MGH SS rer. Germ. T. 7).
8. *Annales Iuvavenses maximi* / ed. by H. Bresslau // MGH SS. T. XXX. Pars 2. Fol. 1. Lipsiae, 1926. P. 741–743.
9. *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV* / ed. by A. Domanovszky // SRH. Vol. I. P. 217–505.
10. *Cisnervs Nic. Aventini Annalium Boiorum libri VII*. Basiliae: impensis Ludouici Regis, 1615.
11. *Grat F.–Vielliard J.–Clémencet S. Annales de Saint Bertin*. Paris: C. Klincksieck, 1964.
12. *Kordé Z. Székelyek* // *Korai magyar történeti lexikon* (9–14. század) / Főszerk. Kristó Gyula. Budapest: Akadémiai kiadó, 1994. P. 623–625.
13. *Kristó Gy.–Makk F. A kilencedik és tizedik század története*. Budapest: Pannonica kiadó, 2001.
14. *Kristó Gy. Hungarian History in the Ninth Century*. Szeged: Szegedi Középkorász Műhely, 1996.
15. *Kristó Gy. A székelyek eredete*. 2. kiad. Budapest: Balassi kiadó, 2003.
16. *P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum* / ed. by Ae. Jakubovich, annot. D. Pais // SRH. Vol. I. Budapest, 1937. P. 13–117.
17. *Simonis de Keza. Gesta Hungarorum* / ed. by A. Domanovszky // SRH. Vol. I. P. 129–194.
18. *Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi* / ed. by F. Kurze. Hannover, 1890 (MGH SS rer. Germ. T. 50).
19. *Történelmi atlasz a középkor számára*. Budapest: Kartográfiai vállalat, 1986.

REFERENCES

1. Barsov, N.P. (1885) *Ocherki russkoy istoricheskoy geografii* [Essays on Russian Historical Geography]. 2nd ed. Warsaw: Warsaw educational district.
2. Constantine Porphyrogenitus. (1991) *Ob upravlenii imperiei* [On the Administration of the Empire]. 2nd ed. Translated from Latin. Moscow: Nauka.
3. Regino of Prüm. (2010) “Khronika” s prodolzheniem (nachalo X v. i posle 973 g.) [“The Chronicle” series (beginning of the 10th century and after 973)]. In: Jackson, T.N., Konovalova, I.G. & Podosinov, A.V. (eds) *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiya* [Old Rus in Foreign Sources. A Reader]. Vol. IV. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. pp. 44–49.
4. Sedov, V.V. (1982) *Vostochnye slavyane v VI–XIII vv.* [Eastern Slavs in the 6th – 13th centuries]. Moscow: Nauka.
5. Seredonin, S.M. (1916) *Istoricheskaya geografiya*. Lektsii [Historical Geography. Lectures]. Petrograd: Tipografia Glavnogo upravleniya udelov.

6. Yurasov, M.K. (2022) Was there the “Pecheneg Empire” between Transylvania and the Lower Don? *Rusin*. 69. pp. 11–30 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/69/2

7. Kurze, F. (ed.) (1891) *Annales Fuldenses sive annales regni Francorum orientalis*. Hannover: Hahn.

8. Bresslau, H. (ed.) (1926) *Annales Iuvavenses maximi*. In: *Monumenta Germaniae Historica SS*. Vol. XXX (2/1). Lipsiae: [s.n.]. pp. 741–743.

9. Domanovszky, A. (ed.) (1937) *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*. In: Szentpétery, I. (ed.) *Scriptores rerum Hungaricarum*. Vol. 1. Budapestini: Typ. Reg. Univ. Litter. Hung. pp. 217–505.

10. Cisnerus, Nic. (1615) *Aventini Annalium Boiorum libri VII*. Basiliae: impensis Ludouici Regis.

11. Grat F., Vielliard, J. & Clémencet, S. (1964) *Annales de Saint Bertin*. Paris: C. Klincksieck.

12. Kordé, Z. (1994) Székelyek. In: Kristó, Gy. *Korai magyar történeti lexikon (9–14. század)*. Budapest: Akadémiai kiadó. pp. 623–625.

13. Kristó, Gy. & Makk, F. (2001) *A kilencedik és tizedik század története*. Budapest: Pannonica.

14. Kristó, Gy. (1996) *Hungarian History in the Ninth Century*. Szeged: Szegedi Középkorász Műhely.

15. Kristó, Gy. (2003) *A székelyek eredete*. 2. kiad. Budapest: Balassi kiadó.

16. Jakubovich, Ae. (ed.) (1937) *P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum*. In: Szentpétery, I. (ed.) *Scriptores rerum Hungaricarum*. Vol. 1. Budapestini: Typ. Reg. Univ. Litter. Hung. pp. 13–117.

17. de Keza, S. (1937) *Gesta Hungarorum*. In: Szentpétery, I. (ed.) *Scriptores rerum Hungaricarum*. Vol. 1. Budapestini: Typ. Reg. Univ. Litter. Hung. pp. 129–194.

18. Regino of Prüm. (1890) *Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi*. Hannover: Hannoverae Impensis Bibliopolii Hahniani.

19. Hungary. (1986) *Történelmi atlasz a középiskolák számára*. Budapest: Kartográfiai vállalat.

Юрасов Михаил Константинович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Россия).

Mikhail K. Yurasov – Institute of Russian History, Academy of Sciences (Russia).

E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

УДК 248.12(130.2)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/74/3

Агиология святого великомученика Иоанна Нового (Сочавского): авторство жития

Е.Ф. Довгань

Институт исследований Восточного христианства Колумбийского университета в Нью-Йорке

США, 10027, г. Нью-Йорк, Бродвей, 3041

E-mail: stnickbrotherhood@gmail.com

Авторское резюме

Рассматривается вопрос, поднятый румынскими учёными, об авторстве жития святого великомученика Иоанна Нового (Сочавского). В историографии церковного почитания святого Иоанна Нового сложилось два условных подхода в изучении традиции его почитания. Подобное исследование традиции почитания святого Иоанна Нового не только в агиологии, но и в истории Церкви и исследованиях средневековой славянской письменности молдавского происхождения было осуществлено ещё Александром Яцимирским. Однако русские и румынские учёные разошлись во мнениях. На наш взгляд, на создание проблемы авторства источника повлияло функциональное назначение и дальнейшее развитие традиции почитания – общецерковной (церковно-славянской) и новейшей румынской, а также субъективизм в оценках и приводимых фактах, выявляющих национальный патриотизм, текстологическое исследование агиографической литературы в агиологии святого, исследовательской литературы *Pax Slavia Orthodoxa*. Изучение традиции почитания святого Иоанна Нового на месте мучения и по сюжету источника (т. е. жития) раскрывает актуальные проблемы и историческое влияние на этносоциальные (общеправославные и национальные), этнополитические отношения (православные румынской и славянской традиции); традиция почитания актуальна в четырёх странах юго-восточной Европы. Своеобразие данного региона связано с многонациональностью или «мультикультурностью», являющейся важной чертой современного города. Изучение житийного текста, устных и письменных свидетельств о чудесах и исцелениях, богослужебных текстов, обычаев и обрядов местного населения показало два направления исследований. В историографии и агиографии почитания Иоанна Нового выявлен ряд проблем, освещённых в данной статье и связанных с авторством источника тради-

ции почитания, рукописной книги «Мучения святого великомученика Иоанна Нового». Агиографический анализ жития святого Иоанна Нового является важным для христианина и обладает уникальным содержанием, раскрывает понятие традиции почитания мучеников как деятельное стремление православных прихожан к святости, воплощённой в сложившейся традиции почитания Иоанна Нового, покровителя края, семьи и торговли.

Ключевые слова: Григорий Цамблак, агиология, история церкви, почитание мучеников, жития святых, Иоанн Новый (Сочавский), средневековые рукописи Молдавии

Hagiology of the Holy Great Martyr John the New of Suceava: The authorship of the Life

Eutichius F. Dovgan

Institute for Studies of Eastern Christianity at UTSNYC

3041 Broadway, New York, 10027, USA

E-mail: stnickbrotherhood@gmail.com

Abstract

The article focuses on the authorship of the Life of the Holy Great Martyr John the New of Suceava (later St. John the New) by Romanian scholars. The historiography of the church veneration of St. John the New has developed two conditional approaches to the tradition of St. John the New's veneration. A similar study of the tradition of venerating St. John the New, not only in hagiology, but also in the history of Church and studies of medieval Slavic writing of Moldavian origin, was done by Aleksandr Yatsimirsky. Later, Russian and Romanian scholars split over the problem. The problem of the authorship source was influenced by the functional purpose and further development of the tradition of veneration – the general church (Church Slavonic) and the latest Romanian; subjectivism in assessments and cited facts that reveal national patriotism; textual study of hagiographic literature in the hagiology of the Saint and research literature of Pax Slavia Orthodoxa. The study of the tradition of veneration of St. John the New at the place of torment and according to the source plot (that is, the Life) reveals current problems and historical influence on ethno-social (general Orthodox and national) and ethno-political (Orthodox Romanian and Slavic) relations. The tradition of veneration is relevant in four countries of the southeastern Europe. The uniqueness of the region is associated with multinationalism or “multi-culturalism”, which is a modern urban feature. The study of the hagiography, oral and written testimonies of miraculous cases

and healings, liturgical texts, as well as customs and rituals of the local population has shown two directions of research. Thus, the research has revealed a number of problems related to the authorship of the source of the veneration tradition, the handwritten book *The Torment of the Holy Great Martyr John the New*. The hagiographic analysis of the life of St. John the New is important for the life of Christians and has a unique content, which reveals the concept of the tradition of veneration of the martyrs as an active desire of Orthodox parishioners for holiness, embodied in the established tradition of veneration of John the New, the patron saint of the region, family, and trade.

Keywords: Gregory Tsamblak, hagiology, Church History, veneration of the martyrs, lives of saints, John the New of Suceava, medieval manuscripts of Moldova

В вопросе авторства жития святого Иоанна Нового есть много дискуссионных моментов, которые нашли отображение как в специальных работах о святом покровителе Молдавии и Буковины, так и в энциклопедических изданиях. Примером последнего может служить статья о святом в «Православной Энциклопедии» авторства Андрея Турилова, которым также написана статья о Григории Цамблаке, предполагаемом авторе жития великомученика Иоанна Нового. «Православная Энциклопедия» указывает, что житие святого Иоанна Нового написано примерно в 1402 г. монахом Григорием, «игуменом обители Пантократоровой и пресвитером Великой церкви Молдовлахийской» [7: 460], которого большинство исследователей отождествляют с будущим митрополитом Киевским и Литовским, – Григорием (Цамблаком), в связи с перенесением мощей из города Белгород-Днестровский (Белеград, Аккерман, Четате Альба, Аспро Кастро) в город Сочава (Сучава), столицу Земли Молдавской [8: 417]. А.А. Турилов в «Православной Энциклопедии» справедливо отмечает, что такое отождествление периодически оспаривалось, однако криптографический и литературно-жанровый анализ рукописей жития святого Иоанна Нового подтвердил авторство Григория Цамблака. Прежде всего нам стоит опереться на предположения А.И. Яцимирского, который видел список 1490 г. и свидетельствует об этом в своём исследовании (список утерян в Ростове-на-Дону в 1925 г.). Исследования С.Ю. Темчина о вильнюсском списке приводят к выводу, что автором жития был Григорий Цамблак [6: 150]. На сегодняшний день общецерковное направление исследований рукописей источника почитания Иоанна Нового, наиболее полно представленное русскими славистами А.А. Туриловым, Ю.К. Бегуновым, С.Ю. Темчиным (Литва) и А.Д. Паскалем, нами условно названо восточным и подтверждает, что житие Иоанна Нового написано одним из выдающихся учеников

Тырновской литературной школы конца XIV – начала XV в., учеником патриарха Евфимия Тырновского Григорием Цамблаком. Это также подтверждают исследователи позднесредневековой славянской письменности из Болгарии, Сербии и Румынии [3: 190].

С выявлением авторства жития святого Иоанна Нового связано второе направление исследований в агиологии Иоанна Нового, условно нами названное западным, историографическим направлением румынских учёных, которые определяют автором жития святого Иоанна Нового, некоего Григория Молдавского. Такую линию исследований представляют румынские ученые Петру Настурэл, Штефан Горovej, Матфей Казаку, Елена Фаря, молдавский учёный Эмиль Драгнев и др.

По мнению Юрия Бегунова, отрицание авторства Григория Цамблака источника почитания, жития Иоанна Нового приводит на практике к появлению двойников, одинаково именующих себя в заглавиях своих сочинений, при этом румынскими авторами осознанно или подспудно (вероятно, потому, что житие Иоанна Нового является древним и первым литературным памятником Молдавии) движет стремление поставить у истоков национальной литературы румынского соотечественника [2: 50].

«Православная Энциклопедия» указывает также, что житие святого Иоанна Нового, сохранилось в большом количестве списков XV–XVIII вв. (вероятно, не менее 60) [6] преимущественно русского происхождения; то же самое подтверждает, возможно, единственный сегодня в России специалист славянской письменности молдавского происхождения, научный сотрудник РГБ А.Д. Паскаль. Известно, что старшие списки славяно-молдавского происхождения переписаны известным монахом-книгописцем Гавриилом Уриком [5]. А.И. Яцимирский провёл большое количество исследований в Нямецком монастыре в конце XIX в. и обладал в то время многими документами и монашескими нарративами о Григории Цамблаке; однако документы из его личного архива, вероятно, уничтожены после его смерти в 1925 г., и мы не можем использовать информацию, опубликованную Александром Яцимирским в начале прошлого века, однако не имеем права и игнорировать его свидетельства [8].

В «Православной Энциклопедии» в разделе «Агиография» информационного справочника по Иоанну Новому в 24-м томе приводится информация о том, что помимо пространного Жития Иоанна Нового митрополит Григорий Цамблак написал также краткое житие, «Афлисис», с проложным стихом в начале текста. Оно читалось по 6-й песне канона во время богослужения на утренней службе. Прологовое житие Иоанна Нового сопровождает не все списки службы святого,

из многих русских текстов службы оно исключено; данный вопрос рассмотрен литовским славистом С.Ю. Темчиным, который пришёл к заключению о понижении статуса службы. Современные текстологические выводы Сергея Темчина, сделанные в 1997 г., а также выводы в конце XIX – начало XX в. Полихронием Сырку и наше исследование действительно свидетельствуют о понижении статуса службы святого Иоанна Нового в Русской православной церкви.

В 1534 г. игуменом Вознесенского Нямецкого монастыря Феодосием на основании жития святого Иоанна Нового было составлено «Похвальное слово святому великомученику Иоанну Новому», не получившее распространения в рукописной традиции (содержится в прибавлении 1574 г. к молдавской Минее служебной на апрель 1467 г. (РГБ. Унд. № 81)). Текстологический анализ слова на день памяти святого сделал Александр Паскаль, который доказал на уже выявленных источниках похвального слова Иоанну Новому, что его автором не был Григорий Цамблак [4].

Александр Яцимирский в своей книге о Григории Цамблаке приводит ряд исследователей, не только русских, но и польских, румынских и немецких критиков, и показывает двоякий образ этой исторической личности [8]. С одной стороны, это благоприятное свидетельство нямецких монахов о Григории Цамблаке почти как о святом аскете, авторе не только службы-жития, но и Похвального слова святому Иоанну Новому. Нахождение книг Гавриила Урика и их копии в современных архивах определяют немногочисленный, редкий корпус славянской письменности молдавского происхождения [3]. С другой стороны – негативная характеристика Григория Цамблака от московской церковной власти как руководителя православного представительства на Констанцком соборе, сторонника униатства и разделителя Киевской кафедры, жертвы интриг митрополита Киевского Фотия и Патриарха Константинопольского, которые его запрещали в священстве. Однако К. Никольский утверждал, что в Чине Православия имени Григория в списке анафематствования нет, но, как указывает А.И. Яцимирский, до начала XX в. мнение русских историков о Григории Цамблаке было негативное [8]. А.И. Яцимирский приводит ряд упоминаний о Григории Цамблаке и указывает, что наиболее полное знание о литературном наследии Григория Цамблака есть у таких авторов, как священник П.П. Соколов, проф. Е.П. Шевырев, нямецкий иеромонах Андроник, Романский епископ Мелхиседек (Тоцилеску), Н.Н. Дурново, А.В. Горский, архимандрит Леонид (Кавелин), П. Сырку, епископ Арсений (Стадницкий), Е.Е. Голубинский, А. Попов, Сабатовский. Кроме того, его наследие изучали митрополит Евгений (Болховитинов), митрополит Макарий (Булгаков), архиепископ Филарет

(Гумилевский), митрополит Платон (Левшин), а также И.А. Чистович, Устралов, Н.К. Никольский, К.Ф. Радченко [8].

А.И. Яцимирский который, на наш взгляд, наиболее полно изучил литературное наследие Григория Цамблака, на основании собранных историографических фактов и критики выдвинул гипотезу о дате и месте его смерти, однако тем самым он сподвигнул исследователей взять за основу так называемую западную славистскую линию гипотетических версий в исследованиях с историографическим формальным подходом, не подтверждённых источниками, которую представляют румынские учёные-историки. Авторство Григория Цамблака рукописи «Мучения Иоанна Нового» и славянскую линию исследований отрицали такие ученые, как В.Сл. Киселков (болгарский), Е.П. Наумов (советский), Петре Нэстурел (Petre Ș. Năsturel), Александру Дицэ (Alexandru Diță), Матей Казаку (Matei Cazacu), Штефан Горовеи (Ștefan S. Gorovei) (румынские) и их ученики и последователи: Елена Фаря (Elena Farea) и др.

Так, в статье в «Румынской энциклопедии» 1900 г. профессор-филолог Черновицкого университета И.Г. Сбиера (Ion G. Sbiera), ссылаясь, в первую очередь, на книгу этнографа и священника из Сучавы С.Ф. Мариана (Simion Florea Marian), привёл об Иоанне Новом интересные с точки зрения современной ему историографии сведения. Его статья, имеющая ссылки на современную историографию, свидетельствует, что румынские и австрийские авторы из Буковины в конце XIX – начале XX в. датировали перенесение мощей святого в Сучаву из Белгорода-Днестровского в 1402 г. Это потом, в 60-е гг. XX в. П. Нэстурел стал указывать другую дату – 1415 г. [9]. Румынские учёные в своих исследованиях выводят дату перенесения мощей из Аккермана в Сучаву в 1415 г., основываясь на гипотетических версиях историографии региона, а также на некой рукописи, которую якобы видели и расшифровали румынские историки. Таким образом, вопрос авторства источника почитания святого Иоанна Нового румынские учёные хотят оставить открытым, так как в это время Григорий Цамблук был в Вильно. Соответственно, года смерти определяются позже на 15 лет, и местом мучения святого Иоанна Трапезундского указывается в их исследованиях город Керчь. Мы можем также оставить вопрос авторства открытым, однако это требует дальнейших исследований и подтверждения в источниках, а на сегодняшний день авторство жития Иоанна Нового (Сочавского) наиболее всего приписывается митрополиту Григорию Цамблаку, церковному исихасту и писателю.

Также, в частности, автором данной статьи, может быть принята гипотеза, что Григорий Цамблук во время служения в кафедральном

соборе в городе Сочава у митрополита Иосифа (бывшего епископа Белеграда) являлся составителем, переводчиком, редактором и автором, уже имевшей место греческой службы и жития святого великомученика Иоанна Трапезундского, однако Похвальное слово, по существующим в научном обороте на сегодняшний день рукописям молдавского происхождения, не могло принадлежать его автору.

Жизнь господина Григория Цамблака стала примером византийского и славянского культурного слияния, а знание греческого и славянских языков и византийское образование, позволили ему стать характерным представителем *Rex Slavica Orthodoxa* в культурном пространстве Восточной Европы. Исследование жизни митрополита Григория Цамблака как церковного писателя второго южнославянского влияния, видного церковного дипломата и администратора представляет особую важность для понимания возникновения государства Земля Молдавская и церковно-государственных отношений того времени в Восточной Европе, что, на наш взгляд, актуально и сегодня. Так, авторство «Мучений Иоанна Нового» приписывали Григорию Цамблаку и его происхождение определяли такие авторы исследований, как архимандрит Леонид (Кавелин), епископ Мельхиседек (Штэфинэску), П. Сырку, П.П. Соколов, Х.И. Попов, Э. Калужняцкий, А.И. Яцимирский, М.Г. Попруженко, П. Попович, Э. Турдеану, В. Велчев, Д. Радойичич, Б.Ст. Ангелов, Д. Трифунович, Ю.К. Бегунов, П.А. Русев, А. Давидов, Д. Кенанов, Ю.Ю. Афанасенко, А.А. Турилов, Е. Бакалова, Д. Панаитеску, А.Д. Паскаль и С.Ю. Темчин [3: 25].

В ходе реконструкции ранней биографии Григория Цамблака и генеалогической структуры его рода, на основании исследований Юрия Афанасенко, Андрея Турилова, Сергея Темчина и Александра Паскаля и отдавая должное западному славистскому подходу, нами может быть выдвинута гипотеза о македонском происхождении Григория Цамблака из города Фессалоники или его окрестностей из так называемых солунских славян. Культурная среда Фессалоник, как мы знаем, стала родиной славянской письменности в лице святых Кирилла и Мефодия, а Григорий Цамблак является писателем и прямым наследником литературных традиций *Slavia Cyrillomethodiana* [1: 150].

Придерживаясь линии исследований А.И. Яцимирского и с учётом современных исследований Ю.С. Бегунова, А.Д. Паскаля, С.Ю. Темчина, А.А. Турилова можно утверждать, что Григорий Цамблак был только автором и составителем службы и жития святого Иоанна Нового, на основании источниковедческих исследований позднесредневековой славянской письменности молдавского происхождения. Авторство книги «Мучения Иоанна Нового» и его церковная карьера, в частности

дружеские отношения с семьёй Мушатов в Сучаве и Гедиминовичей в Вильно, а также почитание святого Иоанна Нового семьей из рода Могилы и другие события этой эпохи, сыграли главную роль в понижении богослужебного статуса и распространения почитания Иоанна Нового в России. Время смерти Григория Цамблака – зима 1419–1420 гг. [7: 460].

Благодаря исследованиям А.И. Яцимирского и Ю.Ю. Афанасенко удаётся обосновать предположение, что Григорий Цамблак до своего пострижения мог носить имя в честь святого Георгия Победоносца, особо почитаемого в Фессалониках, о чем свидетельствуют три редакции похвальных слов этому святому авторства Григория Цамблака. Род Цамблаков находился в тесной духовной связи с Ватопедским монастырем и другими обителями Святой Горы Афон. Семья Григория Цамблака вынуждена была покинуть Фессалоники из-за турецкой оккупации, это произошло до 1379 г. Духовное становление Григория Цамблака, вероятно, началось с 1386 г., когда он отправился в Константинополь, а затем в монастыри Афона. Согласно исследованиям Юрия Афанасенко, вопрос о «Плинаирской обители», игуменом которой обозначен Григорий Цамблак в заглавии «Надгробного слова митрополиту Киприану», разрешается тем, что это фамильное имя Цамблаков – Принарион, – передававшееся в пользование Ватопедскому монастырю из поколения в поколение. Одним из наследников Принариона и стал Григорий Цамблак как представитель фессалоникийских Цамблаков и келейник патриарха Матфея I. Решение этих вопросов позволило Ю.Ю. Афанасенко реконструировать ранние этапы биографии Григория Цамблака [1: 51–58].

Творческое наследие Григория Цамблака представляет большой интерес не только с литературной и богословской точек зрения, но и как источник по биографии самого митрополита и его современников. Историко-критический анализ его произведений позволяет более точно определить время рождения Григория Цамблака (между 1362 и 1371 гг.) и решить вопрос о нем как об авторе сочинений, таких как «Похвальное слово отцам Констанцского собора» (существует в единственной редакции XVI в.), «Похвальное слово великомученику Георгию», а также авторство службы и жития Иоанну Новому. Анализ произведений Григория Цамблака, сделанный украинскими, белорусскими, литовскими и русскими учёными, такими как Светлана Шумило и другие, позволяет выдвинуть предположение о том, что родство Григория Цамблака с митрополитом Киприаном Киевским и патриархом Евфимием Тырновским было духовным. Будучи служителем Киевской митрополии, Григорий Цамблак активно участвовал в книжной, агиографической и литургической деятельности в Великом

Княжестве Литовском и по праву являлся одним из видных представителей Тырновской книжной школы и второго южнославянского влияния на книжную культуру Восточной Европы [8].

В заключение можно сказать, что в информационном разделе «Иоанн Новый (Сочавский)» в «Православной Энциклопедии» необходимо сделать дополнения в связи с последними исследованиями сохранившихся рукописных списков службы-жития и Похвального слова святому Иоанну Новому и оставить место для дискуссий об авторстве Григория Цамблака. Наследие Григория Цамблака ещё требует отдельного исследования, однако для нас представляет интерес такой замечательный и уникальный труд, как «Мучение святого великомученика Иоанна Нового», составителем и автором которого на сегодняшний день признан Григорий Цамблук.

По результатам нашего исследования можно выдвинуть гипотезу о македонском происхождении Григория Цамблака; подтверждается авторство источника традиции почитания Иоанна Нового, биография Григория Цамблака в «Православной Энциклопедии» (по А.А. Турилову), в частности года смерти, а также его литературное наследие среднеболгарским изводом Тырновской рукописной школы в Болгарии. Нами предлагается версия об авторстве, переводе и редакции Григория Цамблака уже существующего жития и службы в греческой церкви Белеграда.

Григорий Цамблук, согласно исследованию Александра Паскаля и по данным нашего исследования, на данный момент времени не был автором Похвального слова, однако в связи с отсутствием окончательного определения корпуса церковно-славянской письменности молдавского происхождения и отдавая должное румынским учёным, можно оставить вопрос об авторстве открытым, зная, что Служба, Житие и Слово святому великомученику Иоанну Новому является первым литературным произведением уникального корпуса средневековой славянской письменности молдавского происхождения в так называемом *Pax Slavia Orthodoxa*. «Православная Энциклопедия» в разделах «Иоанн Новый» и «Григорий Цамблук» требует дополнений, а также вспомогательных исследований в истории славянского наследия молдавского происхождения, так называемого *Pax Slavic*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасенко Ю.Ю. Митрополит Григорий Цамблук в общественно-политической и церковной жизни Восточной Европы: дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2016. 209 л.

2. Бегунов Ю.К. «Мучение Иоанна Нового» в сборнике первой трети XV в. из собр. Н.П. Лихачева // Советское славяноведение. 1977. № 4. С. 48–55.

3. Кенанов Д. Озареният Григорий Цамблак. По материали от Вилнюските ръкописни и старопечатни сбирки. Пловдив: ИК «ЖАНЕТ–45»; Издат. ПИК. Пловдив, 2000. 200 с.

4. Паскаль А.Д. Об источниках «Похвального слова Иоанну Новому» // Slověne. 2019. Vol. 8, № 1. С. 429–466.

5. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Архив СПбИИ РАН. Русская секция. Кол. 238 (коллекция Н.П. Лихачева). № 364.

6. Темчин С.Ю. Гимнографическое творчество Григория Цамблака: вильнюсский список службы с житием Иоанну Новому Сучавскому, 2 VI // Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne: Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim. Kraków, 1997. T. 2. S. 143–203.

7. Турилов А.А. Иоанн Новый, Сочавский // Православная Энциклопедия. М.: Православная Энциклопедия, 2010. Т. 24. С. 459–462.

8. Яцимирский А.И. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. 3-е изд. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1904. VI, [2], 501 с., 14 л. факс.

9. Sbiera I.G. Ioan (Ion) cel Nou dela Suceava // Enciclopedia română. Publicată din însărcinarea și sub auspiciile Asociațiunii pentru literatura română și cultura poporului român de Dr. C. Diaconoich. T. II. Copepode – Keman. Sibiu: Editura și tiparul lui W. Krafft, 1900. P. 857.

REFERENCES

1. Afanasenko, Yu.Yu. (2016) *Mitropolit Grigoriy Tsamblak v obshchestvenno-politicheskoy i tserkovnoy zhizni Vostochnoy Evropy* [Metropolitan Gregory Tsamblak in the socio-political and church life of Eastern Europe]. History Cand. Diss. Minsk.

2. Begunov, Yu.K. (1977) “Muchenie Ioanna Novogo” v sbornike pervoy treti XV v. iz sobr. N.P. Likhacheva [“The Torment of John the New” in the collection of the 1st third of the 15th century from N.P. Likhachev’s Collection]. *Sovetskoe slavyanovedenie*. 4. pp. 48–55.

3. Kenanov, D. (2000) *Ozarenijat Grigoriy Tsamblak. Po materiali ot Vilnyuskite r’kopisni i staropechatni sbirki*. Plovdiv: IK ZhANET–45, Izdat. PIK.

4. Pascal, A.D. (2019) Ob istochnikakh “Pokhval’nogo slova Ioannu Novomu” [On the Sources of “The Eulogy of John the New”]. *Slověne*. 8(1). p. 429–466.

5. St. Petersburg Branch of the RAS archive. Archive of SPbII RAS. Russian section. Coll. 238 (N.P. Likhachev’s Collection). No. 364.

6. Temchin, S.Yu. (1997) *Gimnograficheskoe tvorchestvo Grigoriya Tsamblaka: vil’nyusskiy spisok sluzhby s zhitiey Ioannu Novomu Suchavskomu, 2 VI*

[Hymnographic works of Gregory Tsamblak: The Vilnius list of the service with the life of John the New Suceava, 2 VI]. In: *Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne: Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim*. Vol. 2. Kraków. pp. 143–203.

7. Turilov, A.A. (2010) Ioann Novyy, Sochavskiy [John the New od Soceava]. In: *Pravoslavnaya Entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 24. Moscow: Pravoslavnaya Entsiklopediya. pp. 459–462.

8. Yatsimirsky, A.I. (1904) *Grigoriy Tsamblak. Ocherk ego zhizni, administrativnoy i kn. deyatel'nosti* [Grigory Tsamblak: Essay on his life, adm. and book activities]. St. Petersburg: [s.n.].

9. Sbiera, I.G. (1900) Ioan (Ion) cel Nou dela Suceava. In: *Enciclopedia română. Publicată din însărcinarea și sub auspiciile Asociațiunii pentru literatura română și cultura poporului român de Dr. C. Diaconoich*. Vol. II. Sibiu: Editura și tiparul lui W. Krafft. p. 857.

Довгань Евтихий Феликс – игумен, научный сотрудник в Институте Исследований Восточного Христианства Колумбийского Университета в Нью-Йорке (США).

Eutichius Felix Dovgan – Institute for Studies of Eastern Christianity at UTSNYC (USA).

E-mail: stnickbrotherhood@gmail.com

УДК 94(47)+94(438)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/74/4

Деятельность Ф.Г. Лебединцева в Холмщине

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Феофан Гаврилович Лебединцев (24(12).03.1828, с. Зелёная Дубрава (Зелёная Дуброва, Зелёная Диброва) Козачанской волости Звенигородского уезда Киевской губернии – 24(12).03.1888, Киев) – русский православный церковный деятель, историк, журналист, издатель, педагог, профессор Киевской духовной академии, действительный статский советник, основатель и редактор журнала «Киевская старина». Был членом Комиссии для разбора древних актов, состоявшей при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе, членом Императорского Одесского общества истории и древностей. Встречался и переписывался с Т. Шевченко, получил от него «Кобзарь». Читал ему свою проповедь о ярмарках (беседу с селянами), увидевшую свет в № 6 журнала «Основа. Южно-русский литературно-учёный вестник» за 1861 г. под названием «Объ ярмаркахъ. (До сільськхъ парафіанъ)» (с. 72-78). С 1864 по 1872 г. Ф. Лебединцев был начальником Холмской учебной дирекции. Благодаря ему открывались учебные заведения для русинов-униатов, в т. ч. и начальные сельские школы. В то время в газете «Киевские епархиальные ведомости» появляются его материалы об открытии в Холме русских семиклассной гимназии, педагогических курсов и женского училища. Важным источником по истории Холмщины и Галичины, деятельности Ф. Лебединцева на посту начальника Холмской учебной дирекции, сведений о видных деятелях русинского Возрождения, галицкого и холмского униатского духовенства служат его письма к брату протоиерею Петру Лебединцеву за 1865–1867 гг., большая часть которых была издана в 1898 г. в трёх весенних номерах журнала «Киевская старина». Выйдя в отставку в 1880 г., он вернулся в Киев. В 1882 г. основал «Киевскую старину». В журнале Ф. Лебединцев продолжал публиковать материалы, посвященные русинской проблематике.

Ключевые слова: Феофан Лебединцев, Холмщина, Подлясье, Подляшье, Забужье, Царство Польское, Русская Польша, Галиция, русины, униаты (греко-католики), православные

Feofan Lebedintsev and his activities in Chełm Land

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Feofan Gavrilovich Lebedintsev (born March 24(12), 1828, Zelenaya Dubrava (Zelyonaya Dubrova, Zelenaya Dibrova), Zvenigorod district of Kiev province – died March 24(12), 1888, Kiev) – a Russian Orthodox church leader, historian, journalist, publisher, teacher, professor of Kiev Theological Academy, actual state councilor, founder and editor of the magazine *Kievskaya starina* (Kiev Antiquity). He was a member of the Commission for the Analysis of Ancient Acts, attached to the Kiev, Podolsk and Volhyn Governor-General, and a member of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities. He corresponded with Taras Shevchenko and received *Kobzar* from him, read to Shevchenko his sermon about fairs (conversation with villagers), which was published in *Osnova. Yuzhno-russkiy literaturno-uchenyy vestnik* for 1861 under the title “About Fairs (Before the Silk Parafians)” (pp. 72–78). From 1864 to 1872 Lebedintsev was the head of the Chełm educational directorate. He contributed much to establishing educational institutions for Uniate Rusins, including primary rural schools. His materials about the opening of a seven-grade gymnasium and pedagogical courses, as well as a Russian women’s school were published in the newspaper *Kievskie eparkhial’nye vedomosti* (Kiev Diocesan Gazette). His letters to his brother Archpriest Pyotr Lebedintsev for 1865–1867 are an important source on the history of Chełm and Galicia, Lebedintsev’s activities as head of the Chełm educational directorate, other prominent figures of the Rusin revival, and the Galician Uniate clergy. The letters were published in 1898 in three issues of *Kievskaya starina*. After retiring in 1880, he returned to Kiev. In 1882 he founded *Kievskaya starina*. In the magazine, Lebedintsev continued to publish materials on Rusin issues.

Keywords: Feofan Lebedintsev, Chełm Land, Podlasie, Zabuzhie, Russian Poland, Galicia Rusins, Uniatism, Greek Catholics, Orthodoxy

С 1864 по 1872 г. Ф.Г. Лебединцев был начальником Холмской учебной дирекции и немало сделал для создания первых русских начальных и средних учебных заведений для русинов-униатов края. В то время во втором отделе газеты «Киевские епархиальные ведо-

мости» появляются его материалы об открытии русской семиклассной гимназии и педагогических курсов, его речь на открытии гимназии [14–15], русского женского шестиклассного училища, речь при открытии училища [16–17]. В конце 1865 г. побывал в Галиции с целью приглашения местных русинов-униатов на должности в Холмской униатской епархии и в качестве преподавателей в местные начальные и средние учебные заведения. Познакомился с рядом видных деятелей русского движения, сохранив в дальнейшем с ними дружеские отношения. Выйдя в отставку и основав журнал «Киевская старина», Ф. Лебединцев продолжал публиковать материалы, посвящённые русинской проблематике [2; 4; 7–10; 42–45]. Его псевдонимы: И. Беркут, Братчик, Д-р Б., К. Ц., И. Кулюмбаш, Ф. Лобода, Старожил, Фратеркулус, Холмский, Холмский братчик, Холмский старожил, Ц. К., А. Цыбульский, Б. Цыбульский, К. Цыбульский, Т. Цыбульский, Т. Шнейдер, К. Шнейдер, Иер. Ф-л, Ф. Л-в [3; 18: 63; 24: 273; 39: 68].

Биографические данные о Ф. Лебединцеве содержатся в мемуарах его брата Андрея [12], многочисленных справочных статьях [1, 18–21; 39], некрологах [23; 25–26; 36–37], воспоминаниях [3; 27], материалах О. Маковея [22], Г.Ю. Калинич [5], Ю. Лабынцева и Л. Щавинской [11], С. Шурлякова [47] и др. О его деятельности в Холмщине упоминают в своих работах Е.М. Крыжановский [6], И.П. Филевич [40–41]. Часть трудов Ф. Лебединцева перечислена в «Обзоре жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 8. Русские писатели, умершие в 1888 году» Д.Д. Языкова [18] и С.И. Пономарёвым в статье «К литературной деятельности Ф.Г. Лебединцева» [31]¹. В «Киевской старине», кроме подписанных Лебединцевым статей, «есть много и неподписанных». Он «не позволял, бывало, обозначать их даже в годовых указателях журнала» [31: 31]. К сожалению, мнение редакции «Киевской старины», высказанное в мартовском номере 1898 г., что «биография Ф.Г. Лебединцева, весьма интересная уже потому, что на его долю выпала в жизни почтенная роль *учёного, педагога и литератора*, до сих пор не только не разработана, но, можно сказать, почти не начата» [27: 316], не потеряло актуальности и сегодня.

По словам его бабушки, род Лебединцевых происходил от одного из атаманов Войска Запорожского, обитавшего у Днепровских порогов. Подтверждение этому, как писал в «Моих воспоминаниях» протоиерей Андрей Лебединцев, родной брат Феофана, есть в сочинениях А.А. Скальковского, где указывалось, что в числе прочих куреней казаков, кочевавших у порогов Днепровских, было несколько куреней, населённых казаками «Лебединцами». Один из этих атаманов, Лебединец, имени которого бабушка не помнила²,

наказал старшему из двух сыновей, Григорию, быть священником «для того, чтобы, когда мы придём туда, народ был подготовлен к приходу нашему и дал бы помощь отрядам нашим, между прочим и фуражом, другого же сына своего атаман Лебединец оставил при себе в отряде своём» [12: 142–143].

Их дед, «запорожец Григорий Лебединец» пошёл «в Киевскую теперь губернию и, по одобрении громады, посвящён в священники села Зелёной Дубравы». Село так называли, потому что оно «находилось на поляне, окружённой большими дубовыми деревьями». Рассказывала бабушка и о тяжёлой доле православного священника во времена польского правления, «покуда не смиловался над нами Господь и над всем православным народом правобережной Малороссии, стоившим под гнётом поляков, и не внушил царице Екатерине мысль принять нас под своё крылышко и дать нам право свободно исповедовать свою православную веру». После этого Григорий Лебединцев («так стал зваться он, когда поступил под власть русского правительства») вёл работу среди униатов Киевской, Подольской и Волынской губерний по возвращению их в православие [12: 143–144].

Его сын Гавриил, получив начальное домашнее образование, поступил в Киевскую духовную академию. После травмы ног он около года ходил на костылях, прервав своё обучение. Родители его, не видя улучшения состояния его здоровья, пообещали отдать его на служение Богу при каком-нибудь монастыре, если он сможет ходить. После выздоровления его направили в Мошногорский монастырь Киевской епархии. Здесь Гавриил через два-три года «был назначен уставщиком, или правящим хором монастырским, а вместе и письмоводителем старца игумена». После окончания срока обета он возвратился домой и «занял при отце своём должность церковного дьячка» [12: 144–145].

Родители матери Феофана жили в с. Яблуневке (Яблуневке) Богуславского уезда. Отец её, о. Иосиф Вакуловский, был сельским священником. Потеряв жену, он через некоторое время и сам скончался. Дочь его осталась сиротой. Прихожане и помещица села «ходатайствовали перед епархиальным начальством о зачислении Яблуневского прихода за священнической сиротою Фёклою Осиповною». Однако прошение не имело успеха. Тогда Фёкла сама отправилась в Киев просить митрополита Серапиона помочь решить вопрос, и владыка пошёл ей на встречу [12: 145–146].

Как-то в зимнее время Фёкла ехала со своим дедушкой к родственникам в с. Торговицу, находившееся на границе Херсонской губернии. Ночь их застала у Зелёной Дубравы. Здесь их приютил о. Григорий Лебединцев. Возвращаясь обратно, Фёкла со своим де-

душкой выполнили обещание и заехали в Зелёную Дубраву. В тот приезд произошла помолвка Гавриила с Фёклою «с условием, чтобы по вступлении в брак Гавриил Григорьевич занял священническое место в с. Яблуновке». В Яблуновке у них родились Матрона, Арсений, Пётр, Даниил и Ефросиния. После смерти своего отца о. Гавриил «перешёл на священническое место в с. Зеленую Дубраву». Здесь в семье родились Андрей, Феофан, Александра, Марфа и Мария (умершая в детстве) [12: 146–147].

Жизнь Григория и Фёклы «не отличалась в с. Зелёной Дубраве достатком, а Яблунровский приход был много беднее». О. Гавриил, «будучи любимым священником как в Яблунковском приходе, так ещё более у прихожан зеленянских, за своё благочестие и особенно за усердное благоговейное богослужение и любвеобильное отношение к прихожанам был вспомоществуем ими, хотя не деньгами, по бедности их, но натуральными вспомоществованиями, которые состояли в следующем: прихожане пахали отцу церковные земли; во время уборки посевов на полях они по собственному вызову жали, косили и свозили во двор батюшке». Когда пятеро сыновей³ стали учиться, «после праздничных и летних каникул приносили пшено, соль, крупу, просольную рыбу и разные другие продукты», т. е. всё то, «что мы должны были доставлять хозяевам, у которых мы квартировали, состоя в учебных заведениях». У о. Гавриила была единственная лошадь, необходимая ему для выезда по пастве и к соседним священникам. Прихожане, как упоминал А. Лебединцев, «для провоза нас в школы (в Богуслав и Киев) приводили своих лошадей и своих парней (т. е. молодых сыновей), чтобы не отвлекать от работ двух-трёх годовых работников, служивших у нашего отца» [12: 147–148].

Начальное образование Феофан получил в сельской церковно-приходской школе и в семье. Затем закончил Богуславское духовное училище, Киевскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию. В 1851 г. представил кандидатское сочинение «Взгляд на унию, бывшую в Юго-Западной России». Закончил академию в 1851 г. со степенью магистра богословия. В 1851 г. преподавал русскую литературу в Вятской духовной семинарии. С 1852 до 1855 г. – историю и греческий язык в Воронежской духовной семинарии. В 1855–1861 гг. читал риторику и латынь в Киевской духовной семинарии. В 1860 г. начал исполнять обязанности делопроизводителя Киевской археографической комиссии (Комиссии для разбора древних актов, состоящей при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе) [1; 21: 190; 39: 68]. В том же году вместе со своим сослуживцем и другом Е.М. Крыжановским⁴ начал издавать журнал «Руководство для сельских пастырей», был его первым редактором

(1860–1863). Вскоре журнал стал одним из лучших и востребованных духовных изданий в России [35: 107]. Ф. Лебединцеву принадлежат идея о создании журнала, его программа и первое редакторство им в 1860–1863 гг. [31: 31]. В первых номерах он опубликовал поучения и статьи «Сон Пресвятой Богородицы», «О происхождении и значении некоторых обычаев, соединяемых в православной церкви со празднованием св. Пасхи» и т. д. С 1861 г. – бакалавр (доцент), затем, до 1864 г., – экстраординарный профессор на кафедре истории раскола Киевской духовной академии. В те годы он публиковался в «Вестнике Юго-Западной и Западной России», «Основе», «Киевских епархиальных ведомостях» [1; 21: 190; 39: 68].

После подавления польского восстания 1863 г. на территории Царства Польского началась реформа системы образования. Было создано 10 учебных дирекций. Бывший попечитель Киевского учебного округа Ф.Ф. Витте в 1864 г. стал главным директором Комиссии по народному просвещению в Царстве Польском. В учебные дирекции регионов, населённых русинами-униатами, проживавшими в Седлецкой и Люблинской губерниях, он пригласил лиц с высшим богословским образованием, которые, зная историю православия в крае, могли бороться с латинско-униатской пропагандой. Ф. Витте предложил Ф.Г. Лебединцеву возглавить Холмскую учебную дирекцию, а Е.М. Крыжановскому – Седлецкую [35: 108]. В этих регионах проживало большинство русинского населения Царства Польского.

Как писал позднее И.П. Филевич, «униатский характер Холмщины естественно указывал и для её обновления тот же путь, на который ступила униатская, тесно связанная с нею Карпатская Русь. По призыву Милютина и Черкасского в Холмщину собралось немало малорусских людей с разных концов России, особенно южнорусов и, в частности, киевлян (Ф.Г. Лебединцев, Е.М. Крыжановский, на короткое время П.А. Кулиш), а наряду с ними стали в общий дружный строй и приглашённые сюда же галичане с знаменитым своим "батком" – епископом Михаилом (Куземским)» [40: 56].

1 декабря (19 ноября) 1864 г. Ф.Г. Лебединцев был освобождён от священства, а 16 (4) декабря назначен начальником Холмской учебной дирекции [39: 68]. На территории Холмской дирекции, «в южной части Холмской Руси, русская народность сохранилась, без сомнения, гораздо цельнее, чем в соседнем седлецком Подляшье» [41: XLI].

17 (5) октября 1865 г. он открыл в Холме русскую мужскую 7-классную гимназию и педагогические курсы, 8 ноября (27 октября) 1866 г. – женское 6-классное училище. По его замыслу между Холмом и Люблином был устроен почтовый тракт. Немало сделал он и для открытия начальных сельских школ. При его участии два

больших селения на австрийской границе вернулись в православие. Он планировал создать в Холме православное братство и учёное литературное общество, но не успел это осуществить, т. к. в 1872 г. стал начальником Радомской учебной дирекции с содержанием 5 500 рублей [1: 115; 39: 68–69].

В отличие от Е. Крыжановского, который в своей работе старался больше опираться на местные силы, Ф. Лебединцев «мало надеялся на местных униатов и предполагал образовать учебный персонал усиленным и неотложным вызовом лиц из России и Галиции» [41: XLI].

В конце 1865 г. Ф. Лебединцев в целях ознакомления с положением православных в Галиции побывал в этом населённом русинами крае империи Габсбургов [1: 115]. Ф. Витте поручил ему поискать здесь учителей и из духовных лиц. Священники, согласившиеся на учительские должности в Холмщине, получали от греко-католического митрополита Галиции Спиридона (Литвиновича) «отпустительные грамоты». С ними они могли устраиваться и на должности в Холмской епархии [35: 129].

Позже он хлопотал о приёме галицких священников на священнические места в Киевскую епархию. Также Лебединцев уделял внимание образованию галицкого духовенства, ходатайствовал перед митрополитом и обер-прокурором о приёме галичан в русские семинарии [1: 115].

Деятельность Лебединцева в Холмском крае, как писал Н.Ф. Сумцов, «направлена была к возрождению греко-униатского населения в духе православия и русской народности, с соблюдением уважения к его языку и местным обычаям. Ф.Г. Лебединцеву пришлось работать в этом крае в самую трудную пору переходного его состояния от укоренившихся в стране польско-католических культурных влияний к южнорусскому строю жизни, сохранившемуся в языке и быте простого народа. Энергическая и разумная деятельность Ф.Г. была оценена правительством и обществом» [37: 725].

Работа Ф. Лебединцева на Холмщине вызвала противоречивые оценки у ряда исследователей. К примеру, в справочной информации о Теофане (Феофане) Лебединцеве в Украинской малой энциклопедии Е. Онацкого со ссылкой на высказывание М. Кордубы он назван «орудием русофильской работы среди украинского населения Холмщины» [20]. В изданной в 1925 г. в Берлине книге «Украинское движение. Краткий исторический очерк: преимущественно по личным воспоминаниям», написанной русским эмигрантским историком и публицистом А.В. Стороженко (под псевдонимом Андрей Царинный), Ф. Лебединцев вместе со своим однокашником и другом Е. Крыжановским наоборот причислен к «украинцам»: «восстание 1863 года

отбросило "українцев" в русский лагерь, примирило их с деятельностью правительства и даже толкнуло многих из них на службу русскому делу в Польше. Назовём хотя бы П.А. Кулиша, В.М. Белозерского, Ф.Г. Лебединцева и Е.М. Крыжановского, которые поехали в Варшаву на призыв князя Черкасского и Н.А. Милютина»⁵ [46: 155].

В 1868 г. после смерти жены Юлии (в девичестве Барской) и малолетних сыновей Алексея и Николая остался с младшим сыном Александром (р. в 1866 г.). Его жена была крёстной матерью М.С. Грушевского⁶. Второй раз он женился в 1876 г. на Ольге Железовской. Их сын Константин (1878–1925) стал впоследствии учёным-математиком, профессором [39: 69].

10 сентября (29 августа) 1880 г. Ф. Лебединцев вышел в отставку в чине действительного статского советника (1874) «по выслуге 5 лет свыше 20-летнего срока»⁷ [26] и поселился в Киеве, где его брат о. Пётр служил протоиереем в кафедральном Софийском соборе.

За свою службу он был награждён орденами Св. Станислава II ст., с императорской короной (1866), Св. Анны II ст. (1868), Св. Владимира III ст. (1879), медалью в память войны 1853–1856 гг. [32: 714].

В Киеве Ф. Лебединцев вместе с братом Петром основал исторический журнал «Киевская старина», «одно из лучших провинциальных научных изданий» [1: 115]. Первый номер датирован январём 1882 г. Журнал позиционировал себя как неофициальный орган «Исторического общества Нестора-летописца». Ф. Лебединцев привлёк к сотрудничеству в журнале в качестве авторов Н. Костомарова, В. Антоновича, М. Драгоманова, А. Лазаревского, В. Науменко, М. Чалого, П. Ефименко, Д. Багалея, Н. Сумцова, А. Скальковского и др. [39: 69]. Число подписчиков (в первый год их было 800), как и небольшая правительственная субсидия, не покрывали расходы Лебединцева на журнал, т. к. он платил гонорары, причём маститым авторам, довольно значительные. Позже гонорары были снижены, или авторам из-за отсутствия средств он «стал платить неаккуратно». Ф. Лебединцев стал больше использовать «бесплатных сотрудников». В результате часть авторов стала печататься в других изданиях [23: 877]. С начала выпуска журнала Ф. Лебединцев выполнял функции не только главного редактора журнала, но и переводчика, корректора, рекламного агента, рецензента. Он ввёл в научный оборот значительное количество источников по истории Юго-Западной Руси, много писал сам, анонимно или под псевдонимами, на различные темы [39: 69]. В «Киевской старине» Ф. Лебединцев не поместил ни одной статьи под своей фамилией. Есть только одна, подписанная Ф. Л-в. Остальные вышли под многочисленными псевдонимами [23: 878–879].

В письме Н. Сумцову от 18 июля 1885 г. он жаловался: «Когда на-

чиналась "Киевская старина", ни одного листка писанного не оказалось, а уверений, обещаний – целые горы. Есть люди, что за четыре года ни одной строчки не дали, а послушать их, как они рассуждают о "Киевской старине", так подумать можно, что они горы написали» [37: 726]. В другом письме от 28 февраля 1886 г. сообщал, что «на Масляной в субботу был на балу в Дворянском собрании», «а на эту субботу говею, от грехов хочу очиститься – редакторских, издательских, сотруднических, корректорских, конторщицких и по части корреспонденции» [37: 729].

Он «затрачивал на "Киевскую старину" много труда» [37: 729]. Постоянная нехватка средств на выпуск журнала, большая нагрузка («угнетает долг, тяжесть работы, невозможность сделать улучшения») [37: 727] «окончательно расстроили его здоровье, уже давно надломленное службой в Привислинском крае» [26]. В конце 1886 г. Ф. Лебединцев в письмах к Н. Сумцову жалуется на ревматизм и нервное расстройство [37: 729]. Он даже подумывал о закрытии журнала [23: 876; 37: 730]. Он писал Н. Сумцову 9 ноября 1887 г.: «Болезнь моя – болезнь плечевых и позвоночных нервов – самая ужасная» [37: 731].

Ф. Лебединцев был редактором журнала шесть лет (с 1882 по 1887 г.). 16 (4) декабря 1887 г. он передал право на издание журнала А.С. Лашкевичу, который стал его новым редактором-издателем. Ф. Лебединцев скончался в день своего рождения, 24 (12) марта 1888 г., перед выходом в свет первой книжки «Киевской старины» под новой редакцией. На первой странице журнала под большим чёрным крестом редакция написала, что «в лице покойного новая редакция понесла тяжёлую утрату; она потеряла в нём деятельного, талантливого сотрудника и умудрённого опытом благожелательного советника» [37: 731–732; 39: 69].

Был погребён на Шекавицком кладбище в Киеве. Напротив его могилы через четыре с половиной месяца будет похоронен его друг, сослуживец по академии и по работе в Царстве Польском действительный статский советник Е.М. Крыжановский (1831–1888) [35: 113].

По воспоминаниям современников, Ф. Лебединцев «отличался необыкновенно благодушным отношением к окружающим, хотя не без примеси некоторой обычной в малороссе хитрости. Характера он был весьма живого и весёлого, собеседник был презанимательный. Особенно любил он рассказывать о случаях, некогда происходивших с русскими иерархами, и очень жаль, что никто не записывал его остроумных, хотя, может быть, и анекдотичных рассказов. Речь его всегда блистала неподдельным юмором, может быть, не всегда достаточно скромным, но лишённым даже малейшей доли сарказма» [23: 879].

Наиболее известные работы Ф. Лебединцева: «Материалы для истории православия в Западной Украине в XVIII ст.»; «Архимандрит Мелхиседек Значко-Яворский», 1864 г., 2 т.; «Братства: исторический обзор братств от первоначального их появления до настоящего времени» («Киевские епархиальные ведомости», 1862 г., № 8–10); «О жизни и трудах Кирилла и Мефодия» (там же, № 6), ряд статей религиозно-духовного и проповеднического содержания; ряд заметок: «О ярмарках» («Основа», 1864 г., № 6), «Открытие в Холме русской седмиклассной гимназии и педагогических курсов» («Киевские епархиальные ведомости», 1865, № 21) и т. д. В «Киевской старине» Лебединцев поместил ряд рецензий и две статьи: «О Шевченке» (1887 г., кн. 11) и «Воспоминания отшельника» (1887 г., кн. 12) [1: 115]. Весной 1888 г. «Киевская старина» напечатала «Письма Ф.Г. Лебединцева к брату в Киев (1865–1867)» [28–30].

Как писал Н. Сумцов, «имя Феофана Гавриловича Лебединцева будет в обществе забыто с потерей последнего интереса к южнорусской старине, забыто лишь в смысле поучительного начала, как живая движущая к добру сила; но оно всегда будет жить в благодарных летописях истории как имя просвещённого и энергического труженика исторической науки, озаботившегося о сохранении лучших преданий народа в связи с уразумением основных начал его прошлой жизни» [36: VI].

Ряд статей о состоянии народного образования среди русинов Холмщины Ф. Лебединцев опубликовал ещё в бытность свою директором Холмской учебной дирекции на страницах «Киевских епархиальных ведомостей» в её неофициальной, второй части⁸.

В декабре 1865 г. в «Киевских епархиальных ведомостях» помещена статья Ф. Лебединцева об открытии 17 (5) октября этого года в Холме «русской седмиклассной гимназии и педагогических курсов». Автор описывает это «негромкое, но богатое внутренним смыслом торжество». Учебные заведения, открытые в г. Холме Красновоставского уезда Люблинской губернии, были предназначены для греко-униатского населения Царства Польского «с целью приготовления учителей для начальных греко-униатских училищ» [14: 801].

Для читателей газеты Ф. Лебединцев вначале даёт пояснение, что «в пределах Царства Польского, в юго-восточной части Люблинского и северной части Августовской губернии издавна живёт значительная часть населения одинакового с нами происхождения, говорящего одним с нами языком, исповедавшего в течение нескольких веков одну с нами православную веру и с XVII в. вовлечённого в унию с Римскою церковью, хотя в богослужении и обрядности сохранявшего доселе древнюю связь с церковью Восточною» [14: 801].

С тех пор этому населению, «не переставшему никогда быть русским», дано название греко-униатского. Его количество, «несмотря на все насильственные перевороты в его судьбе», насчитывается в настоящее время более 227 тыс. чел. (216 093 – в Люблинской и 8 845 – в Августовской губерниях). Ф. Лебединцев считал, что до такой численности это населения было доведено «действиями латино-польской пропаганды, не прекращающейся и до сего дня. Если и вообще плачевна история русского населения, бывшего подвластным Польше, то история так называемого греко-униатского населения Царства по преимуществу достойна слёз и сожаления». Со времён Городельской, Люблинской и Брестской уний это население, «живя бок о бок с поляками», находилось под постоянным влиянием «господствующего племени, его религиозных верований и политических тенденций, его образования и цивилизации, и будучи сверх того ближайшею жертвою иезуитской пропаганды». В результате греко-униатское население «потерпело сильные изменения в своём языке, в своих нравах и обычаях и едва не утратило чистоты своего даже униатского исповедания». Причём напор пропаганды усилился в то время, когда этот регион стал частью Российской империи, особенно «в последние годы». Если бы «ещё несколько лет продолжался прежний порядок вещей», по словам «образованнейших из местных греко-униатов», «мы навсегда лишились бы веры и своей народности» [14: 802].

После подавления польского восстания 1863 г. появилась надежда «возрождения для всего забитого сельского населения Царства и вместе для населения русского, давно лишившегося представительных своих классов». Начавшиеся после усмирения мятежа реформы «по всем отраслям управления Царства» коснулись и этого «несчастливого» населения и «полагают прочные основы для его самобытной, без сомнения, лучшей жизни его в будущем» [14: 803].

Одна из самых важных реформ, осуществлённых в Царстве Польском, – это реформа в области народного образования. Она предоставила полное равноправие всем национальностям в пределах Царства и «возвратила русскому здешнему населению веками попранные его права на самостоятельное образование в духе своего вероисповедания и своей народности» [14: 803].

Императорский указ 11 сентября (30 августа) 1864 г. о начальных училищах в Царстве Польском допускал и устройство училищ для греко-униатского населения, давая «возможность и начало самостоятельного образования сообразно с его вероисповедным и национальным характером». Но «численность русского населения в Царстве» и предоставленная возможность всем национальностям «в отношении к образованию» не позволяли ограничиваться созданием

«одних только начальных греко-униатских училищ». Греко-униатское население не имело ни одного среднего учебного заведения, тогда как у польского населения их было до 37. Создание одних только начальных училищ привело бы к тому, что, начав обучать юношество «в русском духе», «потом поставить оное в необходимости усвоить по-прежнему польское образование, польский языки и польский дух». Ф. Лебединцев отметил: «Говорим это для того, чтобы показать недругам и клеветникам нашим, что в деле устройства средних учебных заведений для греко-униатского населения Царства не могло быть никакой задней мысли, что оно было только прямым логическим развитием начал свободы и равноправности, положенных в основу реформы народного образования в Царстве и указом 30 августа (11 сентября) 1864 года, предоставленным всем национальностям, живущим в пределах Царства Польского» [14: 803–804].

Учредительный комитет в Царстве Польском вскоре после указа принял решение о создании средних греко-униатских учебных заведений в начале 1865 г. Было принято решение о создании одного–трёх средних учебных заведений для греко-униатов, исходя из их численности. Одно из этих заведений – семиклассная мужская гимназия – должно было открыться в Холме, и пятиклассная прогимназия – в городе Бяле (Беле). Кроме того, при холмской гимназии планировалось открыть русские педагогические курсы для подготовки учителей греко-униатских начальных училищ. В марте учредительный комитет одобрил проект учреждения этих учебных заведений и их штатное расписание и «представил всё это дело на высочайшее государя императора благоусмотрение». 10 мая (28 апреля) «последовало высочайшее по этому предмету повеление». Учредительный комитет принял ряд решений: перевести уездное училище из Красностава в Холм и преобразовать его в греко-униатскую семиклассную гимназию; в ней открыть в начале 1865/1866 учебного года шесть классов, а через год седьмой класс; при холмской семиклассной гимназии организовать педагогические курсы для подготовки учителей начальных греко-униатских училищ; бяльское уездное училище преобразовать в русскую греко-униатскую пятиклассную прогимназию, которую впоследствии при необходимости преобразовать в семиклассную гимназию [14: 804–806].

В процессе подготовки учебных заведений к открытию выявились проблемы. Учебным заведениям в Холме были переданы здания закрытых в Холме пиарского (римско-католические монастыри Ордена пиаров (пиаристов) занимались бесплатным обучением и воспитанием мальчиков и юношей всех сословий. – С.С.) и реформаторского монастырей⁹, была разработана смета по перестройке этих

зданий. Однако встала необходимость отделить и «особо устроить одно из зданий для помещений женского греко-униатского закрытого института». Из-за этого пришлось менять планы и сметы, затем искать рабочих и строительные материалы «в бедном и удалённом от больших городов Холме», что «замедлило дело». В полуторамесячный срок надо было «очистить и переделать страшно запущенное здание и устроить по крайней мере классные помещения». Как подчеркнул автор, «люди неблагонамеренные, враждебно смотревшие на предпринятое дело, настойчиво распускали слухи, что заведение не будет открыто в этом году, распускали другие нелепые слухи о их цели и значении, смущая тем будущих учеников и их родителей. Другие утверждали, что заведение останется без учеников или что ученики не будут понимать русских учителей и их чтений, что они не поймут русских книг и проч., и проч.» [14: 806–807].

Примерно к 27 (15) сентября были готовы классные помещения, незадолго до этого начался приём учеников, прибыли инспекторы учреждаемых заведений и несколько учителей. Ко дню открытия гимназии в ней числились 124 ученика, на педагогические курсы записались 24 человека. Их открытие было назначено на 17 (5) октября. Накануне прибыл «главный директор, председательствующий в правительственной Комиссии народного просвещения, действительный статский советник Фёдор Фёдорович Витте». По согласованию с ним и местным епископом-номинатом был «установлен порядок предстоящего торжества». Гимназия была создана в основном для греко-католического населения, а курсы – только для него, но среди учеников были и представители других конфессий: православные и католики. Поэтому утром было совершено богослужение в церквях соответствующего исповедания, «чтобы каждая группа перед началом такого вот важного дела могла принести Господу Богу молитву в духе верования и по обряду своей церкви» [14: 807–808].

По приглашению Ф. Лебединцева к 10:30 в Холм прибыли главный начальник Люблинского военного отдела, начальник Люблинской гимназии и другие лица, в т. ч. директор Люблинской учебной дирекции, военный начальник Красновоставского уезда, начальники Красновоставского и Грубешевского уездов, несколько униатских священников и до 20 войтов (старост) ближайших к Холму гмин (сельских общин). В 11 часов началась поздняя литургия в греко-католическом кафедральном соборе, которую совершил управляющий Холмской епархией епископ-номинат Иоанн Калининский. Были освящены иконы для открываемых заведений, «заказанные предварительно у варшавского униатского иконописца». Обедня была совершена «со всей торжественностью». «Нам, русским, особенно приятно было слышать

в этот знаменательный для нас день литургию на священно-родном нам языке славянском со слишком знакомым нам напевом Бортыанского» [14: 809–810].

По окончании литургии было совершено молебствие «о высочайше дарованной греко-униатскому населению милости учреждением для него особых средних учебных заведений». Затем состоялся крестный ход по главной улице города к зданию гимназии и педагогических курсов. Впереди шёл бургомистр, за ним местные войска (пехотная рота и эскадрон гусар), потом ученики гимназии, с ними учителя и администрация, за ними директор холмской учебной гимназии Ф. Лебединцев, далее ученики с иконами для гимназии и курсов, войты с зажжёнными свечами, потом несли хоругви и кресты, за которыми шли певчие, а после них греко-униатское духовенство в священных облачениях, с горящими свечами и во главе – преосвященный епископ-номинат, за ним Ф. Витте, руководство Люблинской губернии и все остальные, прибывшие на торжества и «многочисленные посторонние зрители» [14: 810–811].

После освящения здания епископом-номинатом и окропления его освящённой водой начались торжества «собственно училищные». Ф. Лебединцев зачитал указ об открытии гимназии и курсов, огласил штатное расписание этих заведений [14: 811–812]. В своей речи он также отметил, что «открытым ныне холмской гимназии и холмским педагогическим курсам присвоено название *русских* учебных заведений. Само это название ясно обозначает цель и значение этих заведений, и не следовало бы нам входить по этому предмету в дальнейшее объяснение, если бы это название не казалось для многих новым после некоторого времени и некоторых обстоятельств, если бы не было людей, которые готовы оспаривать естественность этого названия и в присвоении его видеть только проявления преобладающей власти и силы, если бы и в самом деле предшествующая коловратная судьба этого края не сделала столь близкого, родного названия как бы чужим, как бы новым для слуха многих и многих. Говоря это, я надеюсь, отгадываю мысли и ощущения не только отсутствующих, но, быть может, многих из присутствующих. Более полугода прожил я здесь, в земле Холмской, входил в соприкосновение с разными слоями местного общества, слышал многообразные толки и суждения по поводу предполагавшихся прежде к открытию, а теперь уже открытых учебных заведений. Трудно представить себе то разнообразие, какое примечает в этих толках и суждениях, но главный мотив или колорит их один и тот же и говорит одно. Много и слишком даже много недоразумений, опасений и даже нареканий и все по поводу цели и назначения открытых заведений, так ярко

проглядывающих в самом их названии». Докладчик объясняет, почему эти учебные заведения должны быть «русскими по названию, цели и характеру» [15: 844–845].

К сожалению, отведённое время и место не позволяли Ф. Лебединцеву «последовательно изложить исторические судьбы земли Холмской», «постепенный переворот, веками совершавшийся в этом древнейшем русском крае, постепенный переход его от первоначального чистого русского вида к тому странно смешанному образу, в котором видим его ныне». «Скажу более: для воссоздания исторического образа земли Холмской как древнейшего достояния России, – отметил он, – напрасно стал бы я прибегать к летописцам польским – они едва известны здесь по имени, напрасно стал бы ссылаться на сказания русских летописцев – их творения неизвестны здесь, их свидетельства заподозрены были бы в пристрастии. Вообще историческая наука, как и правда, не живут здесь. Но есть памятники другого рода – то вообще пощаждённое рукой времени, то несокрушимое для самого времени, которое наглядно представляет нам, чем была издавна Холмской земля, когда дошла она до настоящей своего положения и чем она есть теперь» [15: 845–846].

Он вкратце рассказал о памятниках древности, которые остались на Холмской земле. Затронув историю города Холм, который существует около 600 лет, он указал, что «история ясно обозначила время его построения, имя его строителя – русского князя Даниила Романовича Галицкого и то, что он был некоторое время столицей русского удельного князя». Говоря о названии города, Ф. Лебединцев привёл два его варианта – русское Холм и польское Chełm (шлем) и пришёл к выводу, что название Холм соответствует его «внешнему виду и местности» и «ясно, что русское название нашего города является во всех древнейших сказаниях о нём и проходит через ряда веков не только в частных исторических известиях и в документах официальных – до тех пор, пока русский язык был здесь господствующим не только в разговоре, в сочинениях, в школах, но и в делопроизводстве». Докладчик сказал, что у него «в руках русский письменный документ первой половины XVII столетия – грамота униатского митрополита Антония Селявы, и в нём город наш является с русским названием». Это название сохраняется до сих пор «в простом здешнем народе, который вообще не скоро принимает насильственные, не сродные ему нововведения» [15: 847–848].

Ф. Лебединцев упомянул и о других памятниках «всегдашнего господства здесь русского духа, русской жизни, русского языка», перечислив названия некоторых населённых пунктов: Спас, Щекавица, Угрь, Покровка, Замостье, Дубинка, Красностав, Дьяконов, Богородица

и т.д. Он отметил, что «если останавливается над такими названиями, то пришлось бы едва не всю Холмскую землю призвать в свидетельствование того, что она издревле была Русской землёй» [15: 848].

Время, когда Холмская земля вместе с соседнем Подлясьем, а также с Литвой, Украиной, Волынью и Подолией перешла «из-под власти литовских князей под владычество Польши, а потом от иерархической подчинённости в делах веры константинопольскому патриарху в зависимость от престола римского», докладчик охарактеризовал как «великий, сперва гражданский, потом религиозный переворот». Этот «великий переворот» «извратил самые основы русской жизни и едва не истощил её до конца не вследствие однако ж перевеса нравственных начал польско-католической жизни, но вследствие рассчитанного насилия, создавшего целую систему изумляющих нас своей жестокостью преследований». После брака литовского князя Ягелло с польской королевой Ядвигой вся Западная Русь «пришла в династическое единство с Польшей». «Ягелло из православия обратился в католичество и воздвигнул целый ряд религиозно-гражданских гонений в соединённой Руси». Вкратце докладчик изложил историю «религиозно-гражданских преследований», попытки с помощью унии «ополячить и окатоличить жившее в пределах Польского королевства православно-русское население» [15: 848–851].

Однако «Холмская земля никогда не переставала быть русской, хотя и потерпела под влиянием неотразимых обстоятельств значительные перемены своей религиозно-общественной жизни». Ф. Лебединцев обратил внимание «на сохранившиеся у нас и всем доступные памятники и следы прошедшего». В униатской церкви в Холме, построенной на развалинах православного храма, «хранится и доселе сияющая чудесами древнейшая русская святыня – образ Богоматери, также благоговейно чтимая в униатстве, как прежде чтилась в православии». В Красноставе, где уже нет следов унии, под частным домом найдены развалины православной, ставшей впоследствии униатской церкви. В Дубенке, Рейовеце, Скребешове имеются письменные памятники о «прежнем полном господстве там унии, заменившей собой православие». В Замостье есть храм, долгое время бывший православным, который поражает «своим древним русско-византийским стилем и в том же стиле устроенным иконостасом». Причём православным храм оставался и после введения унии. Здесь было православное братство, при нём – школа и богадельня. Их создание «благословил православный епископ Львовский Гедеон Балабан и утвердил своим концессом (дозволением) владелец Замостья, знаменитый некогда Ян Замойский». В Грубешове тоже есть «следы русских церквей и дом жидовский на развальных некогда

униатского, а первоначально православного храма, устроенного здесь в самом разгаре унии». В Терадине, «ныне деревне, прежде местечке, есть крест с русской надписью половины XVII века». В Тарногороде «стоит до сих пор убогий ветхий деревянный храм», на наружной стороне которого Ф. Лебединцев прочёл следующие слова: *создася храм сей в лето от воплощения Бога Слова 1585-е*, т. е. за 10 лет до принятия унии. Есть немало и других памятников [15: 852–853].

Далее Лебединцев подчеркнул, что, несмотря на все насильственно произведённые в ней перемены, «Холмская земля всегда была русской землёй». Свидетельством этому является уния с её греко-восточным обрядом, русский (точнее малорусский) язык, на котором говорит до сих пор не только всё сельское греко-униатское население, но и частью даже и католическое, употребляя этот язык «лишь в своём собственном кругу». «Кто после этого может сказать, что здешние русские жители, эти аборигены Холмской земли не имеют права на воспитание в духе своего исповедания, своей народности, своей истории, своих преданий и проч., словом, на свои отдельные учебные заведения? Кто затем может сказать, что учебные заведения, открываемые для русского издревле здешнего населения, не могут и не должны быть названы русскими?» [15: 854].

Как отметил Ф. Лебединцев, «название в этом случае служит только внешним знаком их внутреннего смысла и значения». «После векового бесправия в этом крае русской народности» «наука приходит сюда мирным естественным путём без всякой задней мысли, без всякой посторонней цели. В силу одного только неоспоримого исторического права открываются ныне заведения русские. И они должны быть так таковыми. Их цель – давать русскому греко-униатскому юношеству такое воспитание, какое способно определить их веками утвердившиеся исповедание и несокрушённую никакими усилиями иезуитской политики народность. Скажу более: их назначение путём образования поддержать колеблющееся исповедание, поднять упавшую народность» [15: 855].

Приём в оба учебных заведения продолжился и после их открытия. Вскоре в гимназии было уже 144 ученика, на педагогических курсах – 32 [14: 815].

После открытия в 1865 г. в Холме семиклассной русской гимназии и русских педагогических курсов и преобразования в русскую прогимназию польского пятиклассного училища в Беле 10 августа (29 июля) 1866 г. принято постановление учредительного комитета в Царстве Польском о преобразовании бельской прогимназии в русскую семиклассную гимназию, об учреждении здесь же русских педагогических курсов, о преобразовании седлецкой польской гим-

назии в русскую, об учреждении в Седльце четырёхклассной женской русской прогимназии, в Холме – женского шестиклассного училища, в Замостье – русской четырёхклассной мужской прогимназии и о преобразовании пятиклассного польского училища в г. Грубешове в русскую четырёхклассную гимназию. Таким образом, в среднем на 20 тыс. человек греко-униатского населения приходилось по одному среднему учебному заведению и на каждую тысячу – по одному начальному училищу [16: 704–705].

Открытие женского училища в Холме «по обстоятельствам чисто хозяйственным» состоялось только 8 ноября (27 октября) 1866 г. Открытие его тоже прошло торжественно. В Холм прибыл главный директор комиссии внутренних дел князь В.А. Черкасский, который был и почётным попечителем училища, исполнявший обязанности главного директора комиссии народного просвещения действительный статский советник И.Г. Михневич. Были совершена, как и ранее, при открытии гимназии, ранняя литургия «в церквах всех трёх исповеданий» [16: 706], торжественный ход из греко-униатского кафедрального собора к месту открытия училища [16: 710]. В литургии в греко-униатском кафедральном соборе, помимо местных священников, участвовали и «три недавно зачисленные в Холмскую епархию галицких священника». Это «ректор Холмской семинарии доктор богословия о. Ипполит Криницкий, вице-ректор о. Иоанн Лавровский, отличный знаток церковного пения и искусный композитор, и о. Филипп Дячан, учитель греческого языка в холмской гимназии, глубокий филолог, автор известной Галиции греческой грамматики» [16: 709]. О. протоиерей Иосиф Войницкий, председатель Холмской консистории, заведовавший делами епархии, перед литургией обратился к князю Черкасскому: «На земле русского народа, на месте, где стоял храм, воздвигнутый мощной рукой равноапостольного князя Владимира, встречаем тебя, князь Владимир Александрович, как защитника угнетённого и принижённого в этой русской стране нашего русского народа. Пусть же братья наши не смотрят нас, как на блудных сынов, но как на единоплеменников!» [16: 707–708].

В своей речи на открытии училища Ф.Лебединцев отметил, что среди открытых и открывающихся русских учебных заведений женскому училищу принадлежит «едва ли не самое большое значение» [17: 23]. Он затронул вопрос печального положения женщин «в отношении к образованию» в Польском государстве [17: 24]. Причём в Польше до 40-х гг. XIX в. «не было ни одного правильно организованного женского учебного заведения, и первое в этом роде учреждение – бывший Пулавский институт» [17: 24–25].

Докладчик коснулся «характера общественного образования

в Польше». Правительство старалось «держать Русь в невежестве и грубости», «русских учебных заведений здесь не было, да и не могло быть». «Когда не стало *de jure* правительства польского, общество польское равнодушно, по-видимому, смотрело, как русины, по выражению евангельскому, подобно псам, питалась крупичами, падавшими от трапез господ своих. Мы нимало не преувеличиваем дела, употребив здесь евангельскую фразу: русский, попавший в школу, боялся признаться в своём исповедании и происхождении. Слова *пёс* и *русин* были синонимами, и ещё в последние дни слова эти слышались в тех заведениях, где русские и поляки учились вместе». Положении русской девочки, по словам Ф. Лебединцева, в польском пансионе было тяжёлым. Она должна была скрывать свою веру и народность. Если её тайна открывалось, то «на неё со всех сторон сыпались презрительные и бранные слова», она «мучилась, колебалась и редко-редко выходила в жизнь с сознанием, что она не полька-католичка. Всё, что было русского, священного, заветно дорогого – всё погибало при таком воспитании то от злонамеренных насилий воспитательниц-фанатичек, то под влиянием заразной среды» [17: 25–26].

Касаясь роли женщины в истории, докладчик напомнил о важной роли женщин в обществе, начиная с античных времён [15: 28]. Задача воспитания здесь такая же, как и цель всех правительственных распоряжений относительно здешнего русского населения, по словам Лебединцева, «лишь в том, чтобы положить конец вековой неправде, избавить это население от давившего его гнёта, оторвать от чуждой ему жизни и ввести в союз с общею семьёй русского народа» [15: 29]. Во вновь открытом женском училище предполагалось избежать ошибок и недостатков, которыми ещё не так давно страдало женское образование. Ф. Лебединцев отметил, что «мы будем преследовать в образовании только положительность и жизненность, по мере сил своих будем внушать только такие понятия, чувства и знания, которые облегчили бы воспитавшейся здесь тяжёлую и мудрёную задачу в жизни» [17: 30].

Важным источником по истории Холмщины и деятельности Ф. Лебединцева на посту начальника Холмской учебной дирекции, а также истории Галиции, которую он посетил в конце 1865 г., являются его письма к брату протоиерею Пётру Гавриловичу Лебединцеву (1820–1896), историку, археологу, педагогу, журналисту, религиозному и общественному деятелю. «Киевская старина» посмертно, в мартовском, апрельском и майском номерах за 1898 г. опубликовала «Письма Ф.Г. Лебединцева к брату в Киев (1865–1867)». Всего увидело свет 20 писем за 1865 г., 15 – за 1866 г. и 10 (по нумерации –

11, но без 9-го) – за 1867 г. (письма за каждый год пронумерованы, даты проставлены. – С.С.) [28–30]. Из 46 писем (точнее – 45. – С.С.) Ф. Лебединцева оригиналы 24 хранятся в комплексном фонде III («Переписка») Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (НБУВ). Там же есть ещё четыре письма этого периода. Современный украинский исследователь Г.Ю. Калинич пояснила: «Письма в "Киевской старине" публиковались несколько отредактированными (для смягчения оценок и высказываний Феофана Гавриловича) и со значительными сокращениями, касающимися личной жизни и некоторых служебных дел, в частности, не слишком достойного поведения имперских чиновников, противоречий между ними, а также хода тех назначений, которые в конце концов не состоялись» [5: 250–251].

Редакция журнала в майском номере указала, что «некоторые из писем, как не заключающие в себе интересных сведений, нами опущены» (как понимаем, речь идёт в т. ч. и о девятом письме за 1867 г. – С.С.) [30: 190]. Письма были подготовлены к печати и снабжены примечаниями П.Г. Лебединцевым. Они были опубликованы с разрешения сына Ф. Лебединцева А.Ф. Лебединцева [28: 316]. Письма как раз охватывают холмский период жизни Лебединцева. В них много места уделяется хозяйственным, финансовым, кадровым проблемам, с которыми столкнулся Ф. Лебединцев (их мы коснёмся вкратце), показаны его отношение к униатской церкви, галичанам, местным русинам, полякам, проявленные им не только профессионализм и компетентность, но и человеческие качества. В небольшом предисловии его брат написал: «Издаваемые письма Ф.Г. Лебединцева к брату, кроме братских и семейных отношений, вызывались в значительной степени и потребностью заместить благонадёжными в учебном и нравственном отношении русскими лицами вакансии в существовавших и вновь открывавшихся гимназиях, прогимназиях, педагогических курсах и народных училищах довольно обширной Холмской учебной дирекции» [28: 319]. Интерес представляет также его описание Галичины и местных русинов, с некоторыми из которых он продолжал поддерживать связь и после своей поездки во Львов.

17 января 1865 г. Ф. Лебединцев вместе с Е. Крыжановским отправился из Киева в Варшаву «для представления новому своему начальству в качестве начальников учебных дирекций и получения от него словесных и письменных инструкций». Прибыв в Варшаву, он в **письме 1** от 24 января 1865 г. извещает брата: Ф.Ф. Витте принял «так любезно и внимательно, как ожидать было трудно», упомянув «без упрёка или замечания», что они прибыли с опозданием. Им выдали подьёмные: Ф. Лебединцеву – 1 200 руб., Е. Крыжановскому – 800

руб. Лебединцева направили в Холм, «потому что там была резиденция униатского епископа, там униатская семинария, дьячковская и вместе учительская униатская школа, и там хотят устроить русскую гимназию. Холм – скверный городок; говорят, даже квартиру трудно найти. Вся надежда на будущее. Я не тужу. Бог даст, устроимся как-нибудь». На заседании Комиссии народного просвещения их «ввели в должность». «Работы будет бездна. Сегодня и завтра делаем визиты, по указанию Ф.Ф. Витте, князю Черкасскому, Кошелеву, Фундуклею, Трепову и проч., и проч. На завтра приглашены на обед к князю Черкасскому; завтра же будем представляться наместнику Царства Польского Бергу, послезавтра будем обедать у Витте. Бывши вчера в греко-униатской комиссии, познакомились мы с холмским униатским бискупом-номинатом (Иоанном Калинским. Подробнее о нём см.: [35]. – С.С.). Простой старичок и на вид невзрачный» [28: 319–320].

Письмо 2 от 27 января 1865 г. он начинает словами: «Слава Богу, надежды наши на будущее проясняются. Решено открыть в Холме гимназию, и мне поручено заняться этим делом; самое же открытие состоится в июле настоящего года. И так я могу окружить себя и свою семью своими же людьми – образованными и нам сочувствующими. По открытии гимназии, вероятно, там появятся и другие учебные заведения. Выбор учителей Витте предоставляет мне» [28: 320].

«Предполагается открытие русской гимназии и в м. Белой с преобразованием гимназии седлецкой в дирекции Ефима Михайловича. Там, в Холме, хотим мы создать "русский центр", говорил мне князь Черкасский, и на мой вопрос: "Скоро ли это предполагается сделать?", ответил: "Хоть бы и завтра; вам предстоит большой труд, но вы можете оставить по себе памятник". Витте и Михневич обещали хлопотать о том, чтобы в холмской гимназии были положены вышние оклады для учителей, чем в прочих польских гимназиях. Мне, наконец, обещают дать помещение в каком-либо из закрываемых в Холме католических монастырей, которые и поручают осмотреть немедленно по приезде в Холм. Дирекция моя считается в числе пяти старших; местность, говорят, там прекрасна, без болот, воздух чистый и здоровый». Также Ф. Лебединцев упомянул, что на обед к князю Черкасскому были приглашены В.М. Белозерский (в то время правитель канцелярии Учредительного комитета. – С.С.) и П.А. Кулиш (чиновник в канцелярии Учредительного комитета. – С.С.) [28: 321].

В **письме 3** от 15 февраля 1865 г. Ф. Лебединцев сообщает брату, что на совещании об устройстве гимназии в Холме «положили жалования учителям только по 1 000 руб., несмотря на мои возражения. На другой день мне удалось исхлопотать ещё по 200 р. для 4 учителей. Содержание инспектору гимназии, который будет и препода-

давателем одного из предметов, определяется в 2 750 рублей, при казённой квартире, с отоплением и освещением. Главному учителю Педагогической школы положили 1 500 руб. при казённой квартире. О кандидатах на эти и прочие гимназические места нужно крепко подумать» [28: 322].

В **письме 4** от 27 (15) февраля 1865 г. он пишет о прибытии в Холм. Город «по местоположению удивительно красив. Просто душа возрадовалась, когда увидал. Окрестности несравненные, но и только. Население незначительное, постройки бедные; вдобавок он два раза погорел. Тип его польский, и в этом его достоинство». «Что будет далее, не знаю, а от первого впечатления я ещё не тужу, что попал в такое место, которое во многих отношениях большое захолустье» [28: 323]. Далее он рассказал о встречах с руководством города, своём устройстве, подборе кадров для своей канцелярии и т. д. [28: 323–325].

Из **письма 6** от 16 (4) марта 1865 г.: «Что сказать вам о Холме и моей жизни в нём? Пока пустейший городишко, и, если бы не дел пропасть, можно бы умереть с тоски. Униаты, те самые, которые хлопочут о восстановлении своей народности и не испугались бы православия, – мелкий и слабый очень народ. Черкасский это понимает и хочет усилить здешних униатов вызовом из России и преимущественно из Галиции, а в Галиции на такие приглашения спрашивают обыкновенно: а когда православие принимать – сейчас или немного погодя? Галичане далеки от православия и от народности великорусской ещё далее. Там образовалась недавно партия красных: ругают на чём свет стоит московщину в прозе и в стихах. Так называемая хохломания там великая сила и развивается с неудержимою быстротою. Наука там принимает популярное направление. Одного из галичан, именно протоиерея Криницкого, человека умного, дельного и образованного, вызывают в Холм ректором семинарии. Нынешний ректор – старик, отживший свой век, но в то же время ярый латинист» [28: 329].

Он побывал в греко-униатском кафедральном соборе. «Долго ходил я по церкви, рассматривал иконы, алтарь, восемь боковых престолов, устроенных совершенно по-католически; был потом на поздней спеваной обедне, вглядывался, вдумывался в богослужение, служащих, предстоящих и чуть не расплакался в самой церкви, а потом так тяжело было весь день, что я не знал, куда деваться. Что за странная смесь! Искажение, безобразие так и видишь в каждой мелочи. И чего стоила эта микстура? Крови, потоков крови и мук тяжких. Православие – точь-в-точь как в погребальной песне поётся: и вижу во гробе лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну и бесславу, не имущую вида; а над нею, как погребаль-

ный покров, уния, а в стороне католичество, как страшный призрак смерти всепожирающей. Грустно... Был у бискупа. Великий плут; но так прост и недалёк, что не веришь глазам своим, что видишь пред собою архиерея. В нём особенно видишь жалкое положение унии. Он получает жалованья 6 000 р., но доходов никаких, а детей 12, а было всех 20. <...> Был в школах холмских – польской и униатской. В первой 72 уч., во второй 6; там ксёндз каждый день ходит на урок, а здесь никто не бывает. <...> Хочу употребить все усилия для поднятия русской школы и начинаю с того, что перевожу её с отдалённого болота в средину города» [28: 330].

Из **письма 10** от 6 июля (24 июня) 1865 г.: «Число школ сильно растёт, а учителей нет. Мне сдали 64 прошения желающих из России, и я держу их у себя, не давая пока им никакого ходу. По самой большей части просится всё дрянь: пустить её – значит осрамить Россию и здесь испортить дело. Я говорил Витте, что гораздо лучше на первый раз выписать самое небольшое число окончивших курс семинарии и самых лучших, между прочим для того, чтобы и Черкасскому показать, что наши лучше его дьяков-униатов, не умеющих даже читать по-славянски. Витте вполне согласился на это...». Он согласовал с Ф. Витте выдачу учителям, помимо жалованья, «наградных или добавочных» [28: 338]. Ф. Лебединцев напомнил, что в Киеве в присутствии брата к нему приходило несколько человек, окончивших семинарию, проситься в учителя, и попросил его известить в семинарии «приватным образом вызов на 10 человек». «Приглашая кандидатов на учительские места, вы потрудитесь, конечно, собрать об них сведения» [28: 338–339].

Из **письма 11** от 30 (18) июля 1865 г.: «Кума я просил, чтобы он приискал мне двух учителей на математику, одного на латинский и одного на греческий язык. Прошу вас и об этом. На галичан остатняя надежда погибла, хотя, признаться, мне не хотелось их» [28: 342].

Из **письма 15** от 22 (10) августа 1865 г.: «Униаты такие небылицы разносят о ком угодно, даже о Черкасском, что превзошли в этом отношении *Час* и *Ойчизну* (польские газеты, издававшиеся в Кракове и Львове. «Прославились» измышлениями о русских и их деятельности в Польше. – С.С.). Это подлейший, омерзительный народ, в девять раз хуже поляков» [28: 350].

И далее: «Учредительный комитет решил вызвать для гимназии из Галиции не более 2 или 3 учителей, и то, когда истощатся все средства к отысканию русских учителей, для народных же школ – 10–15 учителей на две дирекции, но с величайшею осмотрительностью и самую крайнюю осторожность относительно их политического направления. Витте просто называет это узким взглядом и форма-

лизмом, а опасения насчёт сепаратизма – чуть не дурачеством. Вот что значит честный немец» [28: 350].

«Если найдутся кандидаты на учительские места в гимназии, то пусть присылают поскорее прошения к Витте. Галицией только поминают, а кто их дожждётся, да и не хотелось бы мне самому этих новых униатов». «Семинаристам скажите, чтобы не ехали прямо сюда на учительство, не подав предварительно прошений и не получив ответа, иначе поставят и меня, и себя в крайнее затруднение. На всё нужно время, и на то опять, чтобы выискать подходящее место» [28: 351].

Из **письма 18** от 22 (10) октября 1865 г.: «Итак, гимназия и педагогические курсы открыты 5–17 ок. На открытии по личному повелению государя императора был Витте и по моему приглашению Костанда (генерал, начальник пехотной дивизии. – С.С.) и Буцковский (люблинский губернатор. – С.С.), кроме множества ксёндзов, военных и других чинов. Служил Калинин и дом освятил соборне после народной процессии. Торжество было велие, но стоило лично мне до 200 р. с. С след. почтою непременно вышлю вам описание оногo для Епар. ведомостей» [28: 353–354].

Из **письма 19** от 5 ноября (24 октября) 1865 г.: «Итак, открытие гимназии состоялось наконец. Много хлопот и много денег стало это дело, но теперь я чувствую себя и лучше и как будто легче. Уже одно то для меня большой выигрыш составляет, что я могу посылать в гимназию на экзамены всех кандидатов на учительские места, которые делали мне много хлопот. С открытием гимназии русский элемент взял здесь ещё более сильный перевес, а когда гимназия устроится вполне и будет открыта гимназия женская, тогда Холм примет совершенно русскую физиономию» [28: 354].

«Торжество, как видите, вышло довольно пышное; но были некоторые неудачи, о которых, конечно, нельзя было упомянуть в описании. Прежде всего, разгневался Костанда на законоучителей униатских, которые не явились на церемонию, уехав в свои приходы, и ближайшего из них Шелеметка за 15 вёрст велел доставить (и доставлен) с жандармами. Хотя всё это поделом, но следовало бы осторожнее действовать. Я старался уговорить и Костанду, и Витте; но видно, что они не изучили ещё униатов. Потом Витте сказал речь, которая была у него написана загодя, но, произнося, он сбивался и повторялся. Моя речь очень резка, и потому я с вечера читал её Витте в присутствии Теодоровича¹⁰ и ещё нескольких лиц, прося их сказать, что смягчить, а что совсем выбросить; но все в один голос твердили, что и то уже очень мягко» [28: 356].

Из **письма 20** от 25 (13) декабря 1865 г.: «2 декабря я воротился, наконец, из Львова. <...> Побывал же я в центре унии, в среде хох-

ломании. Много особенного, интересного, да всего не пересказать. <...> Мрачное некоторое впечатление произвела на меня с первого разу Галиция, может быть, потому что я ехал в дурную погоду, а может быть, и оттого, что грустно было смотреть на родной нам уголок, искалеченный под двойною властью поляков и немцев. По дороге с превеликим любопытством я останавливался при встрече с поселянами и вступал с ними в разговор. Всё то же, что и у нас: хаты, клуны, хлева, одёжа, язык, походка, взгляд, оклад лица, приёмы в разговоре и ненависть к ляхам. Только столбы везде австрийские и надписи немецко-польские. Это особенно злило меня. Церкви такие же, как и в Холмщине, и какие у нас были ещё не очень давно, напр. в Сигидинцах, в Журавке. Видно, что архитектура была когда-то везде общая на всём протяжении малорусской земли. В местечке Раве заходил к священнику Пославскому и первый раз услышал натуральный говор малорусский, не по прихоти употребляемый, – от самого иерея, его жены и дочери панны» [28: 359–360].

«Приехав в Львов пред вечером, я не мог никуда более отправиться, кроме русского театра. Шла пьеса нравоучительная, *Подгоряне*, сюжет которой взят из быта карпатских русинов. Пьесу писал священник, музыку положил священник же, в театре всюду виднелись священники. Я пришёл до начала представления; играла великолепная полковая музыка из чехов. Вдруг растворяются двери, входит какой-то ксёндз в скуфейке, какую Данило Максимович С. надевает на свои именины; весь народ поднялся и отдал ему почтение; за ним другой ксёндз, старый-престарый, едва плёлся, сгорбившись и опираясь на палку. Спрашиваю соседей, кто такие, отвечают: митрополит Литвинович и епископ Перемышльский Полянский. Поднялся занавес, и на сцене показалась богато убранная и весьма красивая *дивиця*. Что сказали бы у нас? А тут ничего; всё в порядке обычном, и никого не удивляет присутствие владык в театре. Играют на сцене по-малорусски, говорит публика вся по-малорусски, кавалеры с дамами перешёптываются и комплименты подпускают также по-малорусски, и никто не может упрекнуть их в сепаратизме, в прихоти, в чудачестве и т. п. Тут действительно чувствуешь, что говор малорусский не есть прихоть или чудачество, но единственная натуральная речь, ибо говорить по-немецки или по-польски было бы действительно странно» [28: 360].

«На другой день был у митрополита Литвиновича. Помещение у него небольшое, но хорошо отделанное; экипаж его, говорят, первый в Галиции, прислуга говорит по-малорусски. Человек он очень умный, бойкий и ловкий. На меня поглядел с большим недоверием, хотя принял весьма деликатно и почтительно. Когда в другой раз я был у него, он отнёсся уже совсем иначе – с такою искренностью,

с таким чувством, что я и доселе не могу забыть его прощанья со мною, когда он, взяв меня обеими руками за голову и благословляя, приговаривал: "Нехай вас Господь благословить, куды вы повернётесь, на всяке добрее дило! Нехай вам Господь наградыть, що й нас бидных не забуваєте (пред прощаньем речь шла о покупке у них книг, что дало значительную поддержку их Ставропигии, и о выпiske *Неділи*, которая без этого должна была бы прекратиться) тай для моих едыноплеменників трудитесь и выриваете их из зубив оттих проклятых ляхив". Сейм произвёл в нём решительную перемену: доселе его упрекали в наклонности к полонизму и католицизму, теперь он показал себя совсем иным; русины в восторг приходят, и я верю, что восторгаются не напрасно. Ввиду опасности Литвинович стал во главе русинов и вступил в отчаянную борьбу с поляками, которых и предо мною ругал на чём свет стоит» [28: 361].

«Был я потом у протоиерея Петрусевича (А.С. Петрушевича. – С.С.), учёнейшего мужа, который много лет трудится над составлением сравнительного словаря всех славянских наречий, у Головацкого – предобрый старичок, и Дедицкого, редактора «Слова» – весьма живой и энергический человек. Петрусевич живёт в 2 маленьких комнатках, буквально заложённых книгами; Головацкий – очень просто и даже бедно, а Дедицкий – просто бурлакою, в одной комнате вместе с редакцией. Бедность и простота – отличительная черта галицийских русинов. Инспектор всех уч. заведений Галиции Яновский живёт чуть не на чердаке, в 3 комнатах, и ход чрез кухню. Так ли живёт киевский или другой попечитель либо ваш главный директор, а ведь это равные места» [28: 362].

«Был несколько раз в кассино, т. е. в русинском клубе, в так называемом Русском народном доме. С такою надписью в лучшей части города красуется 4-этажный обширный дом, построенный на ежегодный с 1848 г. взнос от всех без исключения русинов по одному только крейцеру! Тут русская гимназия, педагогические курсы, театр, клуб и библиотека. С утра до вечера тут толкутся всевозможные русины, читают журналы и газеты, играют в бильярд и карты, говорят о всевозможных делах и решают всякие вопросы» [28: 362].

«Был раз 5 на сейме. Огромная зала в два света, с галереями по трём сторонам. Скамьи для послов великолепные – ясеневое дерево, с мягкими, трипом обитыми подушками, на которых восседают человек 20 простых мужиков в свитках и кожах. Рядом с Ковбасюком сидит граф Адам Потоцкий. Для маршалка богатейшая эстрада, он сидит на великолепном золочёном кресле и торжественным стуком булавы призывает к порядку. Это Сапега, бежавший из России в 1831 г., человек умный и представительный, но с великим гонором.

Одет в кунтуш. Ляхва ведёт себя на сейме как будто в корчме, слишком развязно. Положение селян довольно неловкое, хотя они также держат себя весьма свободно. Выспренняя речь им неведомы, пустые словопрения наводят скуку, и я был свидетелем, как один хохол среди какой-то цветистой речи одного ляха зазевал во всю свою пасть» [28: 362–363].

«Покойный митрополит Яхимович составил было проект очищения обряда и созвал было собор для обсуждения и утверждения; но вдруг пред самым собором скоропостижно умер, как говорит его секретарь, от яду, будто бы данного ему подкупленным от поляков слугою. Проект этот хранится у того же секретаря. Яхимович доходил до того, что хотел надеть на священников наши рясы и отрастить бороды. Тайком и теперь некоторые священники носят рясы, по крайней мере, говорили мне, что у них есть рясы. Все открыто говорят, что шизмы они не боятся, равно и москиевщины, а над унией и папою просто подсмеиваются. Ненависть к полякам невероятная. В театральных пьесах то и дело поддевают поляков и то, как они знищили Русь. Такие места возбуждают неистовый фурор» [28: 363–364].

«Учителей для гимназии и школ народных нашлось довольно. Наука стоит там высоко; духовенство русское несравненно образованнее католического, что сознают и сами поляки. Внешнее благочестие и дисциплина в упадке. В клубе под день *Введения* священники преспокойно поигрывали в карты» [28: 364].

«Братства православного нет и не было в Львове с 1717 г., как уверяли меня Петрусевиц и Шараневич – великие историки и местные жители. Все мои расспросы по этому предмету оказались тщетными. Есть православная церковь, священник и самое малое число прихожан. Церковь помещается в доме. Хотели строиться и просили места, но места не дали, и дело не состоялось» [28: 365].

«Милютин позавчера приехал в Варшаву, и Витте хочется, чтобы я лично представился ему и объяснил положение дел в Холмщине и Галиции» [28: 365].

В **письме 1** от 8 февраля (27 января) 1866 г. Ф. Лебединцев, приехав в Варшаву, тоже поднимает галицкую тематику: «Милютин, по моему представлению, согласился снабжать чрез меня галичан русскими книгами на счёт правительства, предоставить им стипендии в университетах, допускать в холмскую гимназию и на педагогические курсы, и даже в гражданскую службу. Завязать такую связь необходимо, о чём когда-нибудь на досуге буду писать пространнее. Жаль, что Черкасский подозрительно смотрит на галичан и все славянские народы называет мошенниками, попрошайками» [29: 51].

«Что было писано в "Голосе" о протесте поляков против моего

приезда в Львов, то справедливо, а писал К-ий, бывший, кажется, учителем в полтавской гимназии. Галичане крепко просили меня о высылке икон из Киева на комиссию. Нельзя ли устроить это дело с Лавроу? Потрудитесь поговорить с наместником, да и митрополиту написать, если нужно. Я сам хочу писать об этом митрополиту. Во Львове ужасающие латинством и безобразием иконы. Директор ставропигии говорил мне, что киевские иконы там весьма желательны и были бы полезны; он же слёзно просил о высылке их. Может быть, Лавра что-нибудь и подарила бы» [29: 55].

«Удалось кое-что и для гимназии сделать чрез Милютина. Разрешено дать деньги на медицинские пособия; число и размер стипендий предоставлены моему усмотрению, с тем что деньги будут давать по моим представлениям» [29: 52].

Из письма 2 от 22 (10 марта) 1866 г.: «Многое предстоит впереди. Вот гимназии никак не укомплектуем. Странные всё случайности выходят: то Чепурковский и соглашается, и отказывается по несколько раз, то за Гнипова отказывается виленский попечитель, не давая ему знать, а за Будкевича – попечитель киевский... А тут ещё Витте по секрету пишет, что он вошёл уже с представлением о преобразовании седлецкой гимназии и грубешовского училища в русские заведения; между тем и для женской гимназии потребуются и классные дамы, и учителя. Где взять людей, когда так много требуется их разом, а их насильно не пускают? На математику назначен как-то очень скоро Малиновский, учитель Полтавской семинарии. Только духовенством и пробавляемся да униатами. Пишете: не увлекаюсь ли я галичанами? Да тут и татарами увлёкся бы! Впрочем, я сам убеждён, что скопление галичан (их будет до 6) в Холме не может быть полезно, и заблаговременно просил Витте рассортировать их с преобразованием грубешовского училища, бельской прогимназии и седлецкой гимназии. Что Витте на это согласится, я не сомневаюсь; но не пишите о сём Ефиму М. (Крыжановскому. – С.С.), так как он не терпит галичан, а ему придётся накинута́ть хоть одного» [29: 56].

«На днях я получил письмо от Милютина. Он пишет, что данную ему Витте выписку из моих писем о поездке в Галицию он, по важности содержащихся там известий, счёл долгом повергнуть на высочайшее усмотрение, и что его величество, удостоив прочтения сию выписку, соизволил собственноручно написать на ней: *Весьма любопытно*; причём прибавляет, что ему особенно приятно сообщить мне об этом, а также порадовать известием, что все мои представления об установлении связи с Галицией и о снабжении её книгами увенчаются полным успехом. <...> Галиция засыпает меня письмами. Все просятся в учителя. Сейчас получил письмо от почтеннейшего Головацкого с

присылкой книг для раздачи по школам... Калининский¹¹ целый год не получает жалованья. Теперь он продаёт всё имущество, ибо в буквальном смысле есть нечего» [29: 58].

Из **письма 3** от 18 (6) мая 1866 г.: «Благодарю сердечно за поздравление с орденом. Чувствуется особенное удовольствие, когда подумаешь, что на прежней службе и до конца жизни такой штуки не дождался бы. Правда, в Польше ордена раздаются направо и налево, особенно по Учредительному комитету. <...> Благодарю и за хлопоты ваши по высылке учителей Похилевича и Тетеруковского. Разумеется, что этого последнего я определю теперь же и пошлю на место Смирницкого... Когда-то вы писали, что у меня дела идут медленно. Что делать? Порядок такой. Школы открываются постепенно и слишком медленно. Проходит часто полгода и более в переписке. Вот я и держу давно переданные мне прошения киевских и других семинаристов. Откроется школа, я назначаю и посылаю представление в комиссию о выдаче прогонов, а комиссия в – Совет управления, а тот держит месяца два, пока разрешит, да опять в комиссию, а комиссия – в губ. правление, а то в губ. казначейство, а это – в уездное, а уездное – ко мне и т. д. Теперь у меня из 120 прошений осталось не более 40» [29: 58].

«Одновременно с этим вышло нечто в забавном виде. В крепости Замостье гарнизонными офицерами в 1864 году учреждена русская школа. Православные ученики были большею частью незаконнорождённые, то нижних чинов, то самих офицеров. Было немножко униатов, попадались и католики. В прошлом году с упразднением крепости школа имела рухнуть за недостатком денег и помещения. Я исхлопотал 200 руб. ежегодно на содержание от правительства, выпросил временное помещение и каменный дом крепостной навсегда, назначил учителя, священника определил законоучителем и блюстителем и выхлопотал ему жалованье. Несмотря на то, существующая там издавна школа польская много мешала делу русскому, и я решился закрыть её, но так, чтобы придать этому вполне законный вид и не возбудить ропота поляков. Так как этих последних очень мало, и сами они без жидов, которых до 4 000, не в состоянии были бы содержать школы, то я убедил жидов присоединиться к русской школе и преобразовал её в двухклассную. Школа польская рушилась, но, кажется, что и русской грозит то же. Архиепископ Иоанникий ни с сего ни с того объявил, что эта школа церковно-приходская и должна находиться под ведением консистории, а не дирекции, которой он изъявляет только свою архипастырскую признательность за благотворное содействие. Комиссия утвердила постановление консистории по этому предмету и меня, по желанию Иоанникия, обязывает сооб-

щать свои наблюдения два раза в год и даже чаще. Слуга покорный! Как ни оскорбительно для меня это несправедливое дело, но я охотно отказался бы от замостьской школы, если бы она могла существовать под управлением консистории. Но именно теперь ей грозит погибель. Жиды откажутся и пристанут снова к школе польской, а между тем в русской школе собственно русских учеников очень мало, за окончательным выступлением гарнизона. Пробовал я часто довести об этом до сведения Витте и Иоанникия, так они руками и ногами. Я решил молчать...» [29: 59–60].

Говоря «о делах униатских», Ф. Лебединцев отметил, что «только что получено распоряжение о введении в униатские церкви богослужебных книг московского издания. Предварительно военным начальникам поручено переговорить об этом с униатскими священниками. Надо ожидать страшной бури. Судя по тому, как принято ими предложение о проповеди на русском языке, за которую и деньги давали, можно крепко сомневаться в успехе этого нового распоряжения. Калинского переводят в Красностав, где пока ни одной души униатской не осталось. Кажется, это делается с тою целью, чтобы посадить в Холме суффрагана с саном епископа, разумеется, человека сговорчивого, а Калинского почётным образом удалить от дел. Политика Черкасского в этом отношении не разгадана, да он её никому и не открывает» [29: 60].

Из **письма 4** от 7 июля (26 мая) 1866 г.: «Прислал мне, наконец, книги Ламанский. Обещает и ещё. Просит и в Буковину выслать» [27: 62]. Положительно решился вопрос о стипендиях для галичан: Милютин выхлопотал 20 стипендий. «Государь ассигновал на это собственные деньги, поручив набрать благонадёжного человека для выбора молодых людей. Витте подал по этому поводу записку Милютину, а тот – государю. В записке благонадёжным человеком наименовали меня» [29: 63].

Из **письма 6** от 22 (10) июля 1866 г.: «Проект устава женской гимназии послан уже на высочайшее утверждение. О преобразовании в русскую прогимназию грубешовского училища и открытии русской прогимназии в Замостье также представлен. Потребуются учителя; но где их взять? <...> ... И то однако ж сказать нужно, что Киевский учебный округ ставит сильные преграды к переходу в Холм охотников. Придётся из Галиции брать: оттуда и доселе просятся. Кроме учительских должностей, есть другие места, на которые также требуются кандидаты» [29: 64].

«У нас теперь страшная работа. С одной стороны – постройки и обзаведение гимназии женской, на что дано мне 10 000 р., с другой – съехались 50 учителей на обучение, а тут бы и по школам нужно бы

поехать, где также построек много, более чем на 10 000 руб. Учителя все ходят в православную церковь; хор богатейший» [29: 64].

«Вчера прибыл один учитель-галичанин. В Австрии страшная паника¹². Только от России чают спасения и немцы, и даже поляки. Сердятся даже, что Россия не вступается. Галичане спят и видят себя под Россией. Такое в народе зародилось убеждение» [29: 65].

P.S. (на отдельном листе). После того как Ф. Лебединцев запечатал данное письмо и наклеил марку, к нему пришёл холмский униатский законоучитель, галичанин, доктор богословия Ипполит Криницкий «с просьбою ходатайствовать пред киевским митрополитом о принятии в Киевскую епархию и в число православных иереев одного галицийского униатского священника *Антония Могильницкого*¹³, с назначением, конечно, и прихода. Могильницкий немолод, лет за 40, окончил курс в Львовском университете на богословском факультете, пописывал статьи в разных духовных и светских изданиях. В 1848 году он один из первых стал за восстановление русинской народности и восточного обряда. Энергический и прямой, он нажил этим себе врагов в епархиальной духовной администрации, которые теснили всячески. Будучи человеком многосемейным (у него 6 сыновей и 4 дочери), он обеднел сильно от постоянных в течение 6 или 10 лет отлучек от прихода и хозяйства по званию депутата на сейм областной и в рейхсрат. На последнем сейме он, подобно другим, восстал против Литвиновича за его то равнодушие, то колебание в русской справе или борьбе против поляков. Теперь Литвинович стал его теснить и дал приход беднейший где-то в Карпатских горах. Подавленный семьёй и бедностью, он решился принять православие, от которого всегда недалёк был более других своих собратий. Конечно, в настоящем его поступке руководит расчёт на поправление своих обстоятельств; но это не может служить ему укором, если по своим убеждениям он и прежде принадлежал более православию, чем уни. Я лично познакомился с ним во Львове, и он мне показался очень хорошим и умным человеком, в том же смысле говорили о нём и другие, а Криницкий, давно его знающий, положительно его хвалит. Устройте, ими же весте судьбами, судьбу сего гонимого. Говорит он по-малорусски отлично, а пишет отчасти по-великорусски, т. е. близко к литературному языку. Спасая его, вы спасёте 10 душ униатских, не считая его и жены. Ответьте о нём до отъезда из Киева, ибо он просит скорого ответа. Если митрополит Арсений будет согласен, то он пришлёт ему своё прошение и грамоту. Штука эта была бы очень хорошая. В Галиции много таких, что и сегодня перешли бы в православие. Приехавший к нам учителем греческого языка священник Дячан¹⁴ хотел перейти в Виленскую гимназию с принятием православия, а он был в чести и ласке у Литвиновича и получал 1 375 гульденов» [29: 65–66].

В письме 7 от 26 (14) июля 1866 г. он напоминает брату: «В бытность мою во Львове, как я уже давно писал вам, у меня перебивало более 200 молодых людей из галичан. Просились во всевозможные места, между прочим, в университеты и академии русские. Государевы стипендии удовлетворяют уже ищущих образования светского, алчущие же духовного образования в России остаются пока без удовлетворения. Прошу заявить о сём митрополиту (Арсению), не может ли он исходатайствовать у св. Синода хоть пять или десять стипендий в Киевской академии для галичан. Дело это, само по себе малое, может иметь весьма важные последствия, и мне кажется, что именно на св. Синоде лежит священнейший долг устроить это дело. Своими ушами и очами убедился я, как недалёки галицкие униаты от православия. На нашей опеке холмские униаты, сущие враги православия и ревнители латинства, но они смотрят на галичан, и нам нужно воздействовать и на Галицию, чтобы когда-либо рассчитывать на успех в Холмщине. Душою и телом преданные России молодые галичане, получив духовное образование в колыбели православия, пронесли бы с собою по Галиции верные сведения о православии и симпатию к нему. Остальное по воле Божией, а это наш долг. О сербах, болгарях и проч., т. е. о принятии их в Киевскую академию, пишут обыкновенно их митрополиты в Синод; но от Литвиновича сего ждать нельзя. Это не то, однако ж, значит, чтобы Литвинович стал противодействовать такому делу; в душе он и сам был бы рад ему, только бы оно состоялось без его участия и ведома. Такая его политика среди партий правительственной, общественной немецкой, польской и народной галицкой. Если бы митрополит устроил это дело, я берусь доставить столько кандидатов, сколько потребуется. Некоторые у меня записаны. Это молодые люди, окончившие полный гимназический курс и слушающие богословие в университете Львовском» [29: 66–67].

Далее он пишет, что «штаты холмского духовенства утверждены, наконец, скоро будут введены» и «что ещё в 1864 г. Черкасский хотел добыть из Львова и епископа, и священников. Дело не сладилося затем, что народная партия (Дедицкий, Головацкий, Петрушевич и проч.) рекомендовала одних людей, а Литвинович – других. Черкасский хотел кандидатов народ. партии, между прочим, Гинилевича на епископство, а Литвинович не пустил их. Оказалось, что Литвинович был прав, ибо Гинилевич человек вялый и замешан во многих скандальных историях. Кандидат Литвиновича Южичинский гораздо лучше Гинилевича и безукоризненнее, как сознаётся и самая народная партия теперь. Литвинович, сойдясь с этою партией, обратился сам к Черкасскому, и теперь идут деятельные переговоры. Просят и

моего ходатайства, и я завтра пишу к Кулишу, который вступает уже в должность директора отделения исповеданий» [29: 67–68].

В **письме 8** от 23 (11) сентября 1866 г. Ф. Лебединцев сообщает брату, что вчера вечером возвратился из Варшавы после трёхнедельного отсутствия. А «в сегодняшнюю ночь, с 10 на 11 число, ровно в 12 часов ночи приехал Сидорский, жандармский полковник и военный начальник с братией. Через час Калининский катил уже по дороге в Варшаву в сопровождении двух жандармов. Ему назначено жить в Вятке, туда и повезут безостановочно. Сам он выслушал это решение довольно спокойно, но дочери страшно кричали и сыпали проклятиями на всех. Им выдали по 100 руб. единовременно, а отцу оставлено жалованье в 1500 руб. Холмские униаты сильно взволнованы и огорчены, даже и те, которые были против него. Теперь-то открылись истинные их чувства. Войцицкий принимает епархию, а Сидорский сдаёт. Послушаем, что скажет епархия. Выходит, точь-в-точь Богуславская консистория¹⁵... Дело о епископе снова отложено. Междуцарствие открывает возможность для многих реформ; Криницкого уже назначили ректором униатской семинарии; пойдут дальше. Введут галичан, благо Черкасский потерял веру в местных униатов, от чего и мне полегчало» [29: 68–69].

Далее он рассказывает о своих делах: «открытие женской гимназии последует между 15 и 20 октября». «Теперь нужно людей набирать. Ивана Максимовича В. я назначил сегодня и сегодня же посылаю номинацию и предложение прибыть в Холм. Прочитав ваше письмо, я тотчас же распорядился написать и в Киевск. консисторию о неимении препятствий. Прошу выслать Ивана М. как можно скорее. Мне он чрезвычайно нужен, хоть бы сегодня даже. Если ему понадобятся деньги, ссудите под его ответственность, ибо я не уверен вполне, дадут ли ему на проезд, так как даётся одним лишь учителям. Соною Б. я также назначил сегодня классною дамою и номинацию посылаю. Нужны ещё две классные дамы. Соня Б. рекомендует подругу *свою Болотинову*, получившую серебряную медаль в Фундуклеевской гимназии, в комиссии же дали мне прошение какой-то *Суворовой Александры*, дочери полковника, окончившей курс в Киевском институте в 1859 г. О той и другой прошу собрать сведения. Болотникова явится к вам сама, а Суворова, кажется, известна вам прежде... <...> Нет ли также учительницы рукоделий с жалованьем в 400 р.? Нет ли затем учителей? Требуется два на русский язык в холмскую женскую гимназию. Жалованье обоим по 1200 р., но один может получать добавочно 365 руб. по должности члена хозяйственного комитета. Нет ли на латинский язык в грубешовское училище (жал. 1200 р.)? Нет ли очень хорошего человека для должности инспектора в том

же училище, с жалованьем в 1400+200=1600 руб., при казённой квартире? Прибавляю: очень хорошего, ибо за неимением такового я представляю кого-нибудь из учителей холмских. Прошу ответа на сие в скорейшем времени» [29: 69–70].

Пожаловался Ф. Лебединцев на то, что «начальница гимназии ни в чём не помогла ни на волос. Это молодая барыня, сильная знакомством с Черкасским и другими важными лицами. Витте говорил, что о назначении её просили 20 генералов. Когда я приехал, Витте предлагал послать за нею, чтобы она явилась ко мне, то я отклонил это и сам поехал к ней, а она и пошла потом посылать за мною – раз, два, три. Вилуев страшно взволновался этим, Витте тоже, Михневич тоже. Я молчал, пока ей не сказали в комиссии, что-де есть начальник, что вы-де обязаны то и то..., явиться и помочь и проч. Она побывала, не застала и опять прислала за мною, но я уехал. Это начало болезней. В хозяйстве и в зуб толконуть не умеет» [29: 70].

В **письме 9** от 30 (18) сентября 1866 г. он опять поднимает вопрос о А. Могильницком: «Могильницкий прислал прошение на немецком языке вчерне и при том бланке с своею подписью. Переводил новый ректор семинарии Криницкий, а я подправил в тех местах, где выходило темно, но оставил много галицийского. Переписывал Иль-яшевич. Ответ и разрешение попрошу прислать ко мне, а я отправлю при случае, чтобы не попала бумага в руки австрийских властей и не наделала хлопот бабчскому приходнику, т. е. о. Могильницкому. Заранее прошу приютить сего пастыря и оказать содействие в устройении судьбы детей его, ищущих науки. Событию этому я придаю много значения, не потому что обращается Могильницкий, но потому что к нам идёт галицкий униат. Два, три, несколько таких фактов, и мысль о православии с большею и большею силою пойдёт кружить в Галиции. Кажется, я писал вам, что Иоанникий просил меня добыть галичанина для православной церкви в Тарногороде. Я обещал и держу слово без труда» [29: 71].

Из **письма 10** от 28 сентября 1866 г. становится ясно, почему А. Могильницкий так и не попал в Россию: «Дело о *Могильницком* придержите и прекратите, а свидетельства его вышлите мне. К счастью, вовремя я получил несомненное сведение, что он и до сегоднe подвержен налогу запоя, периодически возобновляющегося. Боже избави! Но не говорите сего митрополиту. Оказалось, что Криницкий знал Могильницкого только в лучшие часы его жизни, знал лично и по тем блистательным речам, которые он произносил в рейхсрате. Я уже сказал Криницкому написать Могильницкому, что дело его по разным причинам не может состояться. Жаль, а человек, говорят, просто гениальный и образованнейший» [29: 73].

Касаясь дел в Холмщине, Ф. Лебединцев отметил: «Сидорский доселе у нас, и с ним жандармский полковник Дроздов, бывший регент пензенского архиерея, сын о. дьякона. Вице-ректора и Зиневича доселе держат в Люблине... Униаты наши страшно перепуганы и не только молчат, но даже Лазаря поют. Они на всё теперь готовы. Так бы и давно следовало сделать. Русская проповедь, русское делопроизводство уже производятся, но до русского духа, конечно, далеко» [29: 73].

Из **письма 11** от 20 (8) октября 1866 г.: «Голуховский (Агенор Ромуальд Онуфрий граф Голуховский старший был наместником Галиции в 1849–1859, 1866–1868 и 1871–1875 гг. – С.С.) начал расправу с русинами. Трое самых важных лишены мест. Головацкий¹⁶ пишет, что и его ждёт то же, и просит сделать для него что-нибудь. Двух дочерей его я принимаю в гимназию, а 3-ю, старшую, – учительницею музыки, но ему не придумаю места, да и трудно. Вот бы в Киев, а православие принял бы. Ведь это европейская учёная знаменитость. Во всей Европе едва ли кто лучше его знает славянскую литературу; говорит он на всех славянских наречиях, по-русски совершенно, кроме того, по-немецки, по-французски и проч. Жаль только, что священник, а то в университет легко попал бы» [29: 75].

В **письме 12** от 22 (10) ноября 1866 г. Ф. Лебединцев опять касается судьбы Я. Головацкого: «Головацкий писал, что об увольнении его изготавлен уже доклад министру, но что дочерей он привезёт лишь на след. год. Литвинович отказался дать ему даже в селе приход» [29: 82].

Из **письма 13** от 6 декабря (24 ноября) 1866 г.: «В Галиции или собственно в Вене какой-то поворот в политике. Сейчас получил я письмо от Головацкого. Пишет, что Белькреди (граф Рихард Белькреди – председатель Совета министров Австрийской империи в 1865–1867 гг. – С.С.) не решается утвердить его отставку. Говорили и прежде, что в Вене побаиваются России, и Бейст (Фридрих Фердинанд фон Бейст 30 октября 1866 г. стал министром иностранных дел Австрийской империи. – С.С.) настаивал будто бы на увольнении Голуховского. Впрочем, пока Голуховский успеет что-нибудь, у нас не дремлют. В Варшаве насчёт Учредительного комитета напечатано уже несколько учебников для сельских школ на польском языке, но русскими буквами. Работа продолжается и будет продолжаться до тех пор, пока не настанет время для объявления русского алфавита обязательным. Действительно, отличная штука: читая эту книгу, видишь, что это точно славянское наречие, и понимать гораздо легче. Жаль, что нет у меня под рукой этой штуки, послал бы вам» [29: 83].

Касательно своих дел: «В Замостье у военных я отвоевал здание, в котором помещалась академия Замойских. Это будет великолепней-

шее помещение для прогимназии, какого нет ни в одной гимназии Царства. По зале серьёзно конём нужно ехать, а квартир без счёту. Прибавьте к этому баню и прачечную в отдельных зданиях и ещё большую армянскую церковь, временный склад полевой артиллерии. Но содержать такую громаду трудно, и потому я думаю выступить с проектом об открытии там же женской русской прогимназии... В воскресенье будет объявление высочайшего благоволения по поводу телеграммы в день открытия женской гимназии. Государь повелел объявить при этом жителям Холмского края уверенность его, что "они непоколебимо сохраняют те чувства преданности престолу и *общему* Отечеству, которыми всегда отличались сыны Русской земли"» [29: 83–84].

Из **письма 14** от 25 (13) декабря 1866 г.: «Самая важная у нас новость, которой мы не знаем ещё в определённых чертах, – это оставление Польши князем Черкасским. Я вам писал в своё время об аресте 4 униатских священников, демонстрировавших по поводу вывоза Калинского. Доселе они безнадежно сидели в Варшавской крепости. На прошлой неделе неожиданно дано было по телеграфу предписание освободить их и отправить на места. Воротившиеся таким способом вице-ректор Гарасовский и профессор Зиневич привезли положительное известие, что Черкасский не возвратится в Варшаву, и что жена его выезжает уже оттуда. Известие это вполне подтверждается всеми соприкосновенными обстоятельствами. Но вот вопрос: куда же девается Черкасский? Выходит ли он в отставку или попадает в канцелярию государя, либо в Комитет по делам Царства Польского – в этом весь интерес новости. Милютин, опора русской партии в Варшаве, сражён параличом, а Берг в Петербурге. Не одолела ли немецкая партия? Это весьма вероятно, и в Варшаве Брауншвейга прочат на место Черкасского... Беда, если не только Милютин, но и он станут в стороне от польского вопроса. Берг весьма склонен в примирительной политике; тогда, как говорится, пропало, що й писали» [29: 84].

Из **письма 15** от 31 (19) декабря 1866 г.: «Пишу по особому случаю. Сейчас приехал из Львова о. Ясинский, о котором я уже писал вам, и привёз оттуда самые горестные вести. Все, впрочем, самые безбожные проделки и поляков, и правительства стали вещь обыкновенною. Одно только обстоятельство способно поразить кого угодно своею чрезвычайностью – это невероятная нищета ораторов-послов, которым рукоплещет вся Европа. Вот что передал он мне о Наумовиче: Европа в долони плескала його мови, а чи знає Европа, що той ораторь смільий не має навіть штанов полотняних?! Истинно так. "В день в сойми сижу, сказал ему Наумович, а в ночи латы латаю: що маю

робити". Ужасно, но именно так. Пожар испепелил всё его имущество, жена и дети где-то в деревне без крова и без хлеба, а он в сейме речи говорит... Не забудьте, что он простой сельский священник и получает жалованья всего 80 гульденов австрийской валюты. Дети подросли, так не за что было в школу отдать ещё до пожара, а теперь босые и голые. Христа Господа ради, сжальтесь над знаменитым бедняком и устройте в Киеве подписку в пользу его, да что соберёте, присылайте ко мне, а я в Львов отошлю при оказии. Мы в пять минут собрали и завтра посылаем до 200 руб. Дали бы и больше, да уже совсем истошились, ибо в этом году шестой раз уже жертвуем, и мне одному пришлось до 200 р. положить. На казённую субсидию погибла надежда с тех пор, как Милютин сражён» [29: 85–86].

Из **письма 1** от 7 января 1867 г.: «Наместник по приезде в Варшаву выразился вообще, что привёз такие реформы, каких и сам не ждал. Против присоединения он восставал и назвал, говорят, это милютинскою политикою, на что будто государь отвечал ему так: "Это не милютинская, а моя политика, – моё давнишнее желание, которое мешали мне привести в исполнение". Прибавляют, впрочем, что Берг остаётся пожизненно наместником, да не знаю, как это примирят с присоединением. Присоединение, как известно, случилось в день увольнения Черкасского. Берг и другие ставили при этом в вину Черкасскому заключение моей речи, в его присутствии произнесённой, которое немецкие и польские газеты разбирали на разные лады, видя в нём посягательство на Галицию; но государь будто бы выразился, что он сам сочувствует галичанам и в таком заявлении, какое было в Холме, не видит ничего худого. Не знаю, можно ли верить сему известию, хотя это дошло из уст весьма важного в Варшаве лица, и хотя действительно немецкие газеты моего шумели по поводу моего благожелания. Помню, Черкасский сам говорил мне: "Пожалуй, австрийское правительство ноту нам пришлёт". Поляки львовские взъелись на меня. Голуховский отдал секретный приказ, чтобы никаких писем ко мне из Галиции не пускать, а мои ловить и распечатывать. У Головацкого недавно произвели полицейский обыск, причём забрали всю заграничную его корреспонденцию. В моих письмах ничего, впрочем, не найдут, кроме глухого известия о книгах, о стипендиатах. <...> От Головацкого позавчера получил письмо. Пишет, что, хотя в его корреспонденции ничего компрометирующего не найдено, но вообще озлобление против него так велико, что скоро он ждёт себе верной отставки, а потому с удовольствием готов принять кафедру славянских наречий в Киевском университете или в академии. <...> Головацкий ждёт ответа и просит уведомить его: неужели ж я должен написать, что это так только пошутили, чтобы позабавить вас? Чтобы

выйти с честью, Гогоцкий и Селин должны, по крайней мере, внести в совет своё предложение, а что скажет совет, это другое дело. Учитель Хомин, ездивший в Львов, рассказывал, что с Головацкого после обыска снимали допрос по пунктам, и что на вопрос, зачем содействовал переходу священников и учителей в Холм, Головацкий отвечал, что об этом была речь между Александром II и Францем-Иосифом в Штутгардте, и что последний согласился на это» [30: 170–171].

«Хомина водили в полицию и допрашивали, не за учителями ли приехал. <...> "Слово" хотели запретить по поводу моей речи. Учителям и священникам не дают паспортов. Тех, которые приглашены были Ефимом Михайловичем (Крыжановским. – С.С.), равно Попеля (Маркелл (Попель). – С.С.), немедленно уволили и вот третий месяц без жалования держат и паспортов не дают. Ухитрились деньги за воспитание требовать, с кого 1 000, с кого полторы и более гульденов. Комиссия объявила, что заплатит все гульдены. Народ истощается в своём терпении, и тогда как интеллигенция (русская же) высылает депутацию в Вену, собственно рискует отправить ходоков к Белому царю, чтобы наказать ляхов. Мне рассказывали много фактов, вроде того, как, напр., солдат из русинов всенародно топтал ногами австрийский орден и говорил, что не хочу служить цисарю, что есть у него свой царь-билий и проч.» [30: 171–172].

«Перейду к холмским делам. Войцкий был и есть двоедушен, прочие тоже. Одна надежда на галичан. Хомин привёз мне от протоиерея Малиновского пункты, писанные им с Литвиновичем, насчёт того, как устроить дела холмские. Видно, что Литвиновичу хочется всунуть сюда свой нос, и что-то, говорят, писал он в Петербург» [30: 172].

«Милютин, кажется, поздоровел. Так заключаю из сегодняшнего письма Витте о стипендиате из галичан, которого Милютин поручает мне отыскать и пригласить» [30: 172].

Из **письма 2**, без даты, февраль 1867 г.: «Витте уехал 21 янв. на совещание с Толстым (граф Д.А. Толстой был с 1866 по 1880 г. министром народного просвещения. – С.С.) об уничтожении комиссии. Он против уничтожения дирекций; но не ручается, чтобы наше жалование целиком было зачтено в пенсию. Ему завтра пишу кое-что о наших делах и галицких. Головацкий уже переезжает в Петербург, на что дана ему 1 000 руб. Его прочат в Главную школу в Варшаву, а пока пристроили к Археографической комиссии. Витте находит, что всего лучше было бы поместить его в Москве. Там и в Петербурге огромное сочувствие к галичанам в обществе и сфере правительственной. Субсидии, о которых и вы писали, уже даются и ещё дадутся как из казённого, так и общественного каншука (кошелька. – С.С.).

Холм избирают передаточным пунктом, к чему удобно послужит формируемое мною братство, устав которого Иоанникий обещал провести чрез Толстого. Самая важная у нас новость – новые штаты для православного духовенства в Царстве» [30: 173].

Из **письма 3** от 16 марта 1867 г.: «Деньги ваши на галичан получены, и был случай выслать их; но наши галичане разошлись во мнениях о назначении, какое дать этим деньгам. Одни предлагали послать на бурсы – львовскую, перемышльскую и коломыйскую, другие – некоторым священникам и учителям, а ещё иные советовали удержать в Холме для выдачи тем из галицийских юношей, которые будут прибывать сюда в гимназию и на педагогические курсы, как необходимое пособие на первых порах, пока стипендия будет назначена» [30: 175].

О холмских делах: «Подляское униатское духовенство с месяц тому назад подало наместнику несколько адресов (по благочиниям), в которых протестовало против нынешнего порядка управления Холмскою епархией и требовало епископа, папою признанного. Многих арестовали; производится строжайшее следствие. Государь внимательно следит за этим делом. Теперь наше духовенство подаёт государю благодарственный за все благодеяния адрес. Собираются подписи не только здесь, но и на Подлясье, и не от одного духовенства, но и от народа. Адрес редактирован мною. Выпущен на днях, по-моему, между прочим, настоянию, циркуляр консистории о проповедях на русском языке, равно об отмене годзинок, рожанцев¹⁷ и органов. Циркуляр – моей редакции; один экземпляр посылаю. Начали с Богом» [30: 176].

Из **письма 4** от 2 апреля 1867 г.: «Выдачу паспортов на Холм Голуховский взял в свои руки. Наши поляки поднимают носы; говорят, что их уже 40 000 войска. Должна быть рухавка (физическая зарядка. – С.С.) для *освежения чувств*, как говорил Бисмарк. <...> В Львове идёт открытая вербовка в повстанье. Русские вечером не выходят на улицу. Эмигрантов в Львове – тьма тьмущая» [30: 178–179].

Из **письма 6** от 12 мая 1867 г.: «Варшаву я оставил с тяжёлым чувством. Всеобщий упадок в духе. Нет прежнего куражу, энергии насчёт русского, а тем паче униатского дела. Нужно ждать, пока всплывёт опять Черкасский, которого уже два раза по воле государя приглашали в Комитет по делам Царства Польского» [30: 180].

Из **письма 7** от 23 июня 1867 г.: «С открытием прогимназии в Замостье мне сушая беда. Военное ведомство до сих пор не отдаёт здания, а комиссия не может по этому случаю объявить об открытии и сделать необходимые распоряжения. Из-за этого бьюсь почти целый год, и всё без успеха. С недели жду решительного ответа из Варшавы» [30: 182].

«Сегодня в Моск. ведомостях прочёл о слухах насчёт конгрессушки, распускаемых в Вильне, Петербурге и Москве. То же говорят в Варшаве, Холме и Грубешове. Сейчас от Худзинского получил письмо: пишет, что там целые толпы собираются около почты в ожидании указа о восстановлении крулевства. В Холме произведено несколько арестов за эти и другие слухи, что будто бы снова крестьянство утверждается. Конечно, всё это вздор, но волнение посеяно и посеивается. Что за всем этим вздором скрывается, решить мудрено. Гораздо хуже упадок энергии насчёт русского здесь дела в главных наших командирах, о чём я уже писал вам. Униатский вопрос, по-видимому, совершенно предан забвению. О галичанах также забыли, а там Голуховский чудеса делает, паспортов никому, школы русские под *zarząd* (управление. – С.С.) польский отдал, до 70 учителей русских в конскрипцию всеми неправдами тянет. Я, впрочем, не отступаю ни на шаг и даже вперёд иду, подражая великому моему соседу Голуховскому: закрываю польские школы, где хоть одна душа униатская есть, преобразовываю их в русские; где закрыть неудобно, посылаю русских учителей в польские школы, ввожу русский язык в них – везде как обязательный предмет, а где и как язык преподавания» [30: 182].

Из **письма 8** от 16 июля 1867 г.: «Я только что из Замостья, где принял знаменитую академию Замойских, т. е. здание, в котором она помещалась. Там же я получил разрешение представлять кандидатов на учительские и другие должности и представить своё мнение о времени открытия прогимназии в Замостье. И хочется, и нужно открыть эту прогимназию как можно скорее; но у меня мало очень учителей, и нет или почти нет инспектора. Пособите сему горю как можно скорее. Отыщите двух филологов, одного на латинский язык, на историю гражд. с географией или 4 уроками греческого языка. Да нет ли дельного инспектора из учителей гимназии в Замостье или Грубешов? <...> Инспектора прошу не из духовных, ибо об них продолжительна переписка» [30: 184–185].

Здесь же он пишет о постигшем его горе: «Господь посетил нас великим несчастьем. С 22 июля жена слегла в постель и перенесла страшные мучения. Теперь наступило ослабление болезни и возврат к сознанию, которое, впрочем, не было потеряно вовсе. <...> Как ближайший наблюдатель болезни жены я не мог не заметить, как губительно действовали на неё хозяйственные заботы и огорчения, особенно же эта пустота жизни, которая так ощутительна в Холме для людей, незанятых службою и не вьевшихся в т. наз. униатский вопрос. Неудавшаяся поездка в Киев, кажется, окончательно срезала жену» [30: 185–186].

Из **письма 10** от 19 октября 1867 г.: «Вот уже три недели, как я бо-

рюсь с своим тяжёлым горем, но не поборю никак и нисколько. Всё то же почти, как и в первый день, только грудь давит немилосердно, да кашель притом. Верую, как Господь повелел, да силы веры нет – всё горе побораёт. Молюсь, да теплоты нет. Бесконечно текут слёзы, но всё это слёзы скорби, разъедающей тоски, и более ничего. Дети – великое утешение; но довольно мне увидеть их, чтобы затрястись всем телом. Они же утешают меня: не плачь, папа, не плачь, папа! Но это утешение пуще ножа острого, и я умолкаю, как только они поднимут вопль. Я не малодушествую, стою прямо лицом к горю, отдаюсь ему вполне; но Господь наделил меня особенною чувствительностью, и потому, вполне понимая, что мне приходится платить лишь обычную дань, не могу не ставить вопроса о том, кто кого поборет: я ли своё горе, или оно меня. Страшный вопрос, и Господь один ведаёт, как он разрешится. Понимаю притом и мою тяжёлую обязанность – быть вместе отцом и матерью для детей...» [30: 187].

«Мне удалось даже похоронить Юлинку близ церкви, что польский закон положительно воспрещает. Дело было трудное: Иоанникий по телеграфу ответил, что согласен, *“если гражданское начальство согласится”*. Между тем начальник уезда формально запротестовал. Я ответил ссылкой на телеграмму, не объявив условия, а спустя неделю написал письмо к Брауншвейгу (Р.И. Брауншвейг 11 декабря 1866 г. был назначен главным директором Правительственной комиссии внутренних дел Царства Польского. – С.С.), и тот был так добр, что по одному частному письму на другой день испросил разрешение наместника и уведомил меня, равно дал знать консистории и губернатору. Слава Богу и добрым людям!» [30: 188].

«Как устроить мне свою жизнь, пока не могу решить. С хозяйством устроился; но в жизни детей слишком заметная пустота» [30: 188].

После выхода в отставку Ф. Лебединцев продолжал поддерживать отношения с сослуживцами и знакомыми в Холмщине, переписывался с галицкими русинами, был в курсе местных событий, получал от них издательские новинки. Он продолжал поднимать холмскую тематику на страницах «Киевской старины», публикуя под различными псевдонимами в основном рецензии на вышедшие в крае и о крае издания.

В ряде материалов в рубрике «Библиография» Ф. Лебединцев под различными псевдонимами публикует свои обзоры изданий, выпущенных Холмским православным Свято-Богородицким братством. В майском номере «Киевской старины» за 1883 г. Ф. Лебединцев под псевдонимом *Холмский Братчик* помещает своё суждение по поводу выпущенной братством брошюры «Город Холм и его древняя святыня – чудотворная икона Божией матери. Издание Холмско-Богородицкого православного братства. Варшава. 1882 г.». Она представляет

собой оттиск из «Холмско-Варшавского епархиального вестника». Также Ф. Лебединцеву был прислан отчёт братства за 1881/1882 г., второй год его существования. Из него следует, что данная брошюра была отпечатана тиражом в 3 000 экз. и «предназначена для бесплатной раздачи *народу*, т. е. воссоединившимся в 1875 г. из унии в православие холмским униатам». К ней приложены изображение древней холмской святыни – чудотворной иконы Божией матери, «вид Холма в XVII ст., вид Холмского кафедрального собора, в котором помещается икона Божией матери и, наконец, вид двух древнейших, находящихся близ Холма каменных башен» [44: 653].

Брошюра написана обстоятельно, доступным языком, «издание вообще производит впечатление приятное, печать и бумага весьма удовлетворительны. Нам кажется, что всякий новообращённый житель Холмщины, прочитав эту книжечку, получит отчётливое и наглядное представление о холмской чудотворной иконе и о том, как она, составляя издревле достояние православия, в течение долгого времени переходила от православных к униатам, от этих к католикам и обратно, пока окончательно вновь не стала достоянием церкви православной». Таких древнейших русских икон, которые в течение нескольких веков были предметом спора между «двумя родственными, но разделяемыми исповеданием веры племенами», было четыре [44: 653–654].

Рецензент отметил, что к данной брошюре нельзя применять «строгое научных требований». «Это небольшое популярное исследование передаёт вполне не особенно обильные исторические данные, какие можно найти о Холме и его древней святыне». Автор брошюры относит существование Холма к временам князя Владимира, хотя «ходячее мнение» относит начало города ко времени Даниила Галицкого и приписывает ему его постройку. «Нам непонятно только, отчего, разбирая рассказ об этом Ипатьевской летописи, автор не определяет значения слова *место* в вопросе Даниила: "како именуется *место* се?", с которым князь обратился к одному из туземцев при виде Холма». Приведено «довольно» доказательств древности Холма, и они удачно сгруппированы. Однако рядом со свидетельствами Никоновской летописи, Длугоша и Кромера «несколько странно встретить, без оговорок даже, ни на чём не основанное известие о найденных будто на месте древней Дорочи, нынешнего Угря, якорях, свидетельствующих якобы о судоходстве этой реки. К таким же известиям надо отнести "слова старожилов (холмских), читавших будто бы древние пергаменные рукописи, находившиеся в любомльском (Волынской губ.) монастыре св. Георгия, о том, что первая холмская церковь построена Владимиром святым". Зная лично этот источник, мы можем сказать, что ему столько

же можно доверяться, как и приведённым затем, также без оговорок, словам холмского епископа Якова Суши о том, что «в его время (в половине XVII ст.) холмскую церковь считали семисотлетней» [44: 654].

«Помимо отмеченных мест брошюры, обойти которые мы не считали себя вправе ввиду почтенной её задачи, не можем не пожалеть о том, что автор, увлечшись как бы временами глубокой древности, мало места и времени оставил для последующих столетий и, сказав обстоятельно о судьбе святыни вплоть до нашего времени, мало или вовсе не сказал о последующей судьбе Холма и Холмской земли и русской в них народности. Сжатый очерк истории Холмщины и Подляся в такой брошюре был бы весьма нелишним даже в задачах братства. Отстаивая в этой местности нашу святыню и наше древнее православие, не следует упускать из виду и нашей народности: этому учили нас такие умные учителя, как Н.А. Милютин и кн. В.А. Черкасский» [44: 655].

В заключение Ф. Лебединцев заметил, что количество экземпляров данной брошюры «недостаточно в сравнении с числом тех, для кого она предназначается», и вкратце проанализировал отчёт братства [44: 655–657].

В том же году в сентябрьском-октябрьском номере под псевдонимом *Фратеркулус* появляются его две рецензии ещё на два издания Холмского богородицкого братства. В 50-страничной брошюре А. Лонгинова «Памятник древнего православия в Люблине – православный храм и существующее при нём братство» (Варшава, 1883) с литографией люблинской иконы Божией матери даётся «живой, понятно, краткий очерк судеб православия и народности русской, как они отразились в судьбе православной русской общины в Люблине». Русское население в городе могло появиться рано. В XIII в. Люблин завоевал Даниил Галицкий, и 57 лет он находился во власти русских. Князь «построил в нём свой замок и, вероятно, крепость. Церковь, которой посвящена брошюра, была построена в конце первой половины XV в. Её построила дочь какого-то киевского князя Ивана, Мария, состоявшая в родстве с царствовавшим тогда в Польше королём Казимиром IV, сыном киевской же княжны, питавшим поэтому первоначально сочувствие к греко-православному обряду» [43: 290–291].

«Люблинская церковь и её приход были передовым постом православия и народности русской от стороны Червонной Руси, позже Холмской Руси». О церкви есть свидетельства более чем четырёх столетий и её судьба отражает судьбы православия и народности русской в пределах Польского Королевства [43: 291].

Значение церкви и её прихода связано с усилением политического значения Люблина, который со второй половины XV в. стал

местом важных сеймов, а позже – «центром верховного судилища для присоединённых к Польше русских областей. Русские всех званий и сословий из самых отдалённых пунктов Волыни, Подолья и Украины стекались в Люблин иногда в огромном числе, должны были бывать в нём более или менее часто, проживать более или менее долго». Поэтому была необходимость в своей церкви, и эта церковь «пользуется общим от всех сочувствием, составляет предмет забот и попечения князей и дворян, является особой статьёй домогательств Хмельницкого и Выговского, добывается и отстаивается козаками с оружием в руках». Братство появляется при ней в последней четверти XVI в. Среди братьев «имена богатейших и могущественнейших русских князей: Острожских, Вишневецких, Корецких, Чарторыйских, Четвертинских, Сангушек, Путят и множества знатных дворян». В 30-х гг. XVII в. вместо сгоревшей деревянной с помощью братчиков была построена каменная церковь. Её освятил митрополит Пётр Могила на обратном пути из Львова после своего посвящения. Митрополит Сильвестр Коссов лично отобрал эту церковь у униатов в 1650 г. по Збровскому трактату [43: 291–292].

Вскоре часть Южной Руси перешла в московское подданство, в оставшейся части «русские роды постепенно слились с Польшей, казачество перестало существовать в самой Украине. Не стало опоры, поддержки, и на всём пространстве оставшихся за Польшей русских областей православие и народность русская были постепенно поглощаемы преобладающим полонизмом и католичеством» [41: 292]. Такая же участь постигла и Люблинскую православную русскую общину со своей церковью и монастырём. Община постепенно уменьшалась, в списках братства всё реже встречались лица с видным общественным положением. Доходы церкви падали, земельное имущество расхищалось. В 1695 г. бывшие в ней монахи-василиане приняли унию, вместе с ними перешла в унию и сама церковь [43: 292].

Реформы, начавшиеся после польского восстания 1863 г., «не застали в Люблине ни русского духа, ни русского имени, и едва сохранилось название униатской церкви и при ней десятки униатов». При церкви был униатский монастырь, имевший значительный капитал, который был то ли похищен повстанцами, то ли передан им. С его закрытием в 1864 г. церковь, хотя и была открыта в 1867 г., пребывала в страшном запустении. В неё был назначен настоятель из галичан. В 1875 г. люблинская Спасо-Преображенская церковь возвратилась в православие при общем объединении униатов Царства Польского. Викарий перереформированной Холмско-Варшавской епархии стал именоваться епископом Люблинским, имея на это историческое обоснование [43: 292].

Сама брошюра при солидном и богатом содержании, как написал рецензент, однако «не имеет полной общедоступности и живого изложения». Автор, поместив изображение люблинской иконы Божией матери, не упоминает о ней в тексте. Не пишет он также и об учреждённой при церкви в 1868 г. русской школе. Снимок церкви сделан неудачно: на переднем плане дана колокольня, которая закрывает вид церкви [43: 293–294].

Вторая рецензия написана на брошюру «Явление чудотворной иконы Богоматери в Лесне, в связи с другими современными событиями на Руси. В. Т. М.-ч. Варшава. 1883 год». Эта брошюра, как и предыдущая, издана Холмским православным св. Богородицким братством. Автору «предстояло рассказать историю чудотворной иконы в д. Лесне (Седлецкой губернии Бельского уезда), составляющей предмет спора между православными и католиками; но истории икона не имеет, по крайней мере, эта история очень немногосложна и до крайности запутана. По действительному положению относящихся к ней фактических данных об иконе нельзя было бы составить брошюры, которая понадобилась Холмскому братству в его миссионерских целях, или же это дело потребовало бы гораздо больше времени и труда и заставило бы говорить, кроме веков прошедших, о временах недавних, что не всегда бывает удобно. Не сам собою, вероятно, автор и пришёл к мысли написать книжицу об этой спорной иконе, а взялся, может быть, только послужить, так сказать, *святым* целям братства. Отсюда особая точка зрения, особые приёмы, особая постановка предмета, которые дали названной брошюре главный характер полемический, а не исторический» [43: 294–295].

Далее рецензент описывает историю появления иконы и переноса её в Лесну: «В конце XVII в. на Подлясье, в селе Буковичах с населением русским и долго православным (таким упоминается в визите 1595 г.), местными пастухами в лесной чаще найдена была на ветвях груши икона Божией матери, написанная на темно-красном камне». Как икона там оказалась, осталось неизвестным, «но икона, как это всегда в подобных случаях бывает, признана чудесно явившеюся, а потому и заслуживающею особого почитания». Её поставили в местной буковичской церкви» [43: 295].

«Началось поклонение, стечение народа, а за ними потекли богатые доходы в пользу церкви и местного священника. Позавидовал этому ксёндз Яницкий, живший в 2 верстах от Букович, в м. Лесне, или Лешно, имении того же помещика Михаловского. Борьба между католичеством и православием была тогда в полном разгаре. Помимо богатых доходов от иконы, в интересах пропаганды много значило, в чьих руках находится народная святыня. Не прошло и 3 лет со времени

обретения иконы, как она очутилась в Лесне и помещена в новоотстроенном там костёле. По обычаям и нравам того времени можно допускать, что ксёндз выкрал икону, ибо иначе нельзя объяснить первого проявленного его чуда, именно что её несли ангелы из Букович в Лесно пред рассветом, что будто бы видели трое из жителей этого села. Сообразительный ксёндз завёл книгу, пустил в ход чудеса и за одно время своего настоятельства записал их в книгу 500, но чудо о перенесении иконы ангелами занесено уже спустя около 30 лет, когда перемерли очевидцы того, как икона взята была из Букович в Лесно. Но признать икону чудотворною по постановлению Тридентского собора мог только епископ, притом обследовав её чудеса. Ксёндз усиленно хлопотал об этом и только у третьего епископа добился назначения комиссии. Свидетелей явилось всего четыре, и в числе их помещица; показания их о чудесах были смутны и сбивчивы, тем не менее составлен был протокол 1700 г., 24 ноября, и икона объявлена чудотворною. Так и осталась икона навсегда в Лесне» [43: 295–296].

Однако, как заметил Ф. Лебединцев, «вышло одно странное обстоятельство: в течение двух столетий ксёндзам при всех их усилиях не удалось установить время особого чествования этой иконы в такие дни, которые празднуются в Римской церкви; напротив, и католики, и униаты до последнего времени приходили сюда на богомолье в дни праздников Восточной церкви, именно 8 сентября, в Рождество Богородицы и 14 сентября, в день Воздвижения Креста Господня» [43: 296].

В 1752 г. костёл перешёл к монахам-паулинам, которые построили новый большой костёл. Они окружили икону богатыми украшениями и проводили торжественные процессии. Также они разместили «громких размеров орган», игру которого, как говорят, было слышно на расстоянии 10 вёрст. В 1863 г. паулинский монастырь «ревностно служил целям восстания: массы богомольцев, в их числе и русские, слушали здесь революционные гимны и проповеди, призывавшие к бунту». Правительство закрыло монастырь, оставив, как и в других, одного монаха для совершения богослужения. В 1865–1875 гг., в период очищения униатского обряда, монастырь опять стал «местом агитаций и возмущения униатского». Правительство превратило костёл в православную приходскую церковь, «возвратив по принадлежности несомненно русскую древнюю икону, предмет народного почитания. Массы богомольцев не перестают и теперь приходить к ней на поклонение; но ни споров, ни призыва к бунту уже нет» [43: 296].

Однако, помимо этой «недлинной» истории леснинской иконы, автор, чтобы «допечь латинян, не перестающих и теперь вредить православию в Холмщине и Подлясье, охранение которого приняло

на себя Холмское братство», чтобы «заполнить чем-нибудь иконную историю», добавил ещё два рассказа, «где также действуют захват, насилие, обман». Это история о том, «как в XVI в. католический ксёндз г. Красностава, родственник православного холмского владыки Ивана Сосновского Григорий Сосновский совратил в латинство своего племянника, и длинная повесть о злодеяниях Иоасафата Кунцевича, признанного у католиков и униатов святым» [43: 296].

Автора брошюры не смутило то, что «где Холм, и где Витебск, и где Лесно; единство места, времени, предмета в сторону; благо везде эта несносная латинопольская пропаганда, а её облаять надо и все её коварства выставить». «Понятно, что от этого брошюра не выиграла, а, напротив, проиграла, ибо одно спокойное и простое изложение исторической истины способно действовать на ту среду, которую облюбовало себе Холмское братство. Тон брошюры страстный, даже неприятный, изложение неясное, отчасти спутанное, живости, увлекательности рассказа совсем нет, язык тяжёлый, изобилующий иностранными терминами и вовсе не приспособленный к пониманию простого народа, рассказ перемешивается с обличением, и истории местной мало, да и самые источники совсем не первой руки и даже не первой свежести» [43: 297].

Ф. Лебединцев посоветовал «братству пересоставить и переиздать брошюру, которая по основному сюжету так пригодна для его целей. Ведь братство в свою очередь ведёт пропаганду, хотя, быть может, только охранительную, и оно обязано её вести по своей задаче; но и пропаганду вести надо умеючи. А это что? Ах вы, мол, аршинники, арбузники, огуречники! А они, пожалуй, вам ответят: а вы kapustniaki... И стыдно тогда будет» [43: 297].

В июльском номере за 1886 г. под псевдонимом *К. Цыбульский* выходит его разбор «Отчёта Холмского православного Свято-Богородицкого братства за 1884–5 (шестой) год». «Год деятельности Холмского братства и вместе отчётный его год считается с 8 сентября, дня открытия братства и престольного праздника в Холмском кафедральном соборе. Настоящий отчётный год есть уже шестой год существования Холмского братства». Перед самим отчётом дан краткий обзор деятельности братства с начала его основания [7: 548].

За эти годы «одних книг и брошюр издало оно 45 000 экз., без малого на 4 ½ т. р. с., а приобрело тех и других покупкой и пожертвованием с лишним 36 000 экз., без малого на 6 ½ т. р. с. Из числа последних целую половину составляют молитвенники (15 т. экз.), в которых, конечно, наибольшая потребность в тамошнем воссоединённом населении, а в ряду изданий братства первое место занимают "Богогласник", или сборник набожных песен, особенно

любимых народом и издавна в нём распространённых, и "Холмский народный календарь", представляющий собою, сверх календарных сведений, сборник статей, направленных к уяснению минувшей судьбы забужного русского населения, едва не утратившего своей веры и народности под гнётом польщизны и католичества. Последнее издание меняется в своём содержании ежегодно и выходит в числе 10 т. экземпляров» [7: 548].

Ф. Лебединцев полагал, что «для распространения изданий братства вне района его деятельности у него есть свои естественные пути, как постоянные – в лице церкви и школ, так и особые – в дни больших праздников и торжеств, особливо в Холме, Радочнице, Лешне и т. п., куда стекаются тысячи народа. Конечно, кроме Холмщины и Подлясья, во всех других и местностях Привислянского края найдётся много православных, которым было бы желательно и полезно ознакомиться с изданиями братства; но тут для людей образованных обыкновенный путь – покупка или выписка по публикации в газетах, а для людей простых, бедных – приходские попечительства, которые есть во всякой почти губернии» [7: 549].

Он отметил, что выбор «как изданных самим братством, так и приобретённых им книг и брошюр» «становится всё более тщательным и целесообразным». Братство планирует издать «Памятники русской старины в Замостье» священника Александра Будиловича, брата известного историка А.С. Будиловича, и брошюру Е.М. Крыжановского «Забужная Русь», «уступленную автором в собственность братства». Кроме книг и брошюр, братство «в течение 6 лет приобрело и распространило среди православного населения Холмщины до 80 тысяч икон, медальонов, крестиков и разных священных и исторического содержания картин. Всё это приобреталось и на наличные средства братства, и путём пожертвований, а распространялось исключительно почти бесплатно. Раздача производилась большей частью при торжественной обстановке, при многолюдных собраниях народа, после архиерейского богослужения и крестных ходов, в дни храмовых праздников в городах и сёлах. По свидетельству очевидцев, такая раздача представляла всегда умиляющую картину и производила умирительное действие на народ, связывая его с своими пастырями и со всем православно-церковным и Русским миром» [7: 549–550].

Рецензент обратил внимание на то, что «денежные средства свои братство расходовало с большою осмотрительностью и экономией, раздав за 6 лет вспомоществований: церквам – 1 519 р., частным бедным лицам – 1 030 р., учащимся – 136 р. и стипендиатам Холмского духовного училища – 1 386 р., но зато оно обеспечило свою деятельность в будущем капиталом, превышающим 15 т. р.» [7: 550].

Братством также были восстановлены почти во всех приходах церковно-приходские братства, учреждён музей, в котором хранится большое количество печатных и рукописных памятников «холмской старины», получено «высочайшее покровительство, и учреждён внешний знак принадлежности к братству 3 степеней», приняты на попечение братства школы, «вновь открывающиеся в тех местностях, где нет школ министерских», созданы в ряде приходов «склады для распространения в народе духовно-нравственных книг, заведена при братском музее особая библиотека, устроены и надлежащим образом центральный при братстве склад книг и церковных вещей, а также братская лавка с принадлежностями церковного богослужения, иконами, крестиками и пр.» [7: 550–551].

Автор считал, что «восстановление церковных братств во всех почти приходах Люблинской, Седлецкой и Августовской губерний должно считать величайшею заслугою Холмского братства». К сожалению, в отчёте не говорится, как это было совершено, «какие братства были прежде, и какими они стали теперь, и в чём проявляется их деятельность; он только ссылается на недоступные публике отчёты по Холмско-Варшавской епархии». Братства существовали до 1875 г. «во всех почти униатских приходах в той самой форме, в какой они существовали ещё до введения унии, и что это наследие древней южнорусской жизни, уничтожившееся на всём почти пространстве Южной России, как окаменелость, уцелело только здесь, под скорлупою унии. Куда же девались эти братства, когда и отчего они уничтожились, если теперь пришлось вновь восстанавливать их?» [7: 551].

О музее «теперь с истинным удовольствием читаем отчёт о постоянно увеличивающихся его приобретениях, описании их и приведении в порядок. Музей существует всего три года, и какое множество драгоценных православно-русских древностей успел он собрать в этом заброшенном и непочатом уголке земли русской. Тут древние, начиная с XIV и XV ст., иконы, кресты, медальоны, рукописные евангелия числом 18, разные церковно-богослужебные книги, поучения на весь год на западнорусском языке XV–XVII ст., несколько помянников, отдельных актов до 700, Апостол первопечати Ивана Фёдорова, много униатских изданий и в числе их Акафист и молебны Божией матери на польском языке как памятник покушения заменить в униатском богослужении церковнославянский язык польским». Эти «вещественные и письменные памятники местной старины по приведении их в известность докажут ту историческую правду, что тамошний край искони русский и православный, и что уния навязана была в нём насильно после продолжительной борьбы народа за своё древнее "благочестие"» [7: 551–552].

Церковно-приходских школ открыто братством 16, из них 5 перешли в разряд министерских, 11 остаются на попечении братства. Лебединцев пишет, «что и эти 11 школ братство без ущерба для дела могло бы передать в ведение министерства. Учебное дело в Холмщине и Подлясье давно устроено надлежащим образом, школ там столько, как ни в одной местности России, пособие от казны на устройство и содержание их даётся в большом и даже неограниченном размере, да и народ здесь, как и во всём Привислинском крае, гораздо менее, чем в коренной России, обременён налогами и податями, и материальное его благосостояние значительно улучшилось за последние двадцать лет. Вообще вопрос о церковно-приходских школах, вызванный совершенно противоположными условиями народного образования в империи, на наш взгляд, не применим к тамошней местности и возник здесь лишь благодаря нашей привычке к всеобобщающим приёмам» [7: 552].

Братство состоит из 813 членов, «средства его увеличиваются с каждым годом, пожертвования идут со всех концов России, деятельность братства разрастается и оживляется. Словом, братству предстоит почётная и прочная будущность, а его делам – широкие и долговечные последствия. Челом бьёт вам старая Киевская Русь, бескорыстные труженики Холмской Руси, зане храните вы заветы отцов и воскрешаете на вашей ниве семена, посеянные Владимиром святым!» [7: 552].

В 1887 г. в журнале «Киевская старина» под псевдонимом *Холмский старожил* появилась рецензия Ф. Лебединцева на «Холмский народный календарь на 1888 год. Год IV. Издание Холмского правосл. Богородицкого братства. Киев. 1887 г.».

Календарь состоит из трёх частей. В первой даётся перечень церковно-исторических событий, имеющих отношение к Холмской Руси, список холмских православных епископов со времени учреждения Холмской епархии, «Церковный год православного христианина», «Сведения о храмовых праздниках и торжественных празднованиях в церквах Люблинской и Седлецкой губерний, с показанием крестных ходов и мест особого стечения богомольцев». В «Церковном годе» о. Антоний Медведь «мастерски делает историко-нравоучительное объяснение взятых им на выбор 13 дней в году, отнюдь не из числа великих и наиболее замечательных» [45: 768 – 769].

Далее Ф. Лебединцев замечает, что «"Сведения о храмовых праздниках" и пр., это может вполне понять только тот, кто знает глубокую набожность этого населения, воспитанного в сём направлении общим строем господствовавшей там польско-католической церковной жизни и её пышных церемоний. К особой чести и проницательности

духовных руководителей тамошнего воссоединённого люда надо отнести то, что они позаботились не только поддержать, но распространить и усилить те крестные ходы и торжественные празднования, какие существовали в воссоединённых приходах на пространстве двух смежных губерний, Люблинской и Седлецкой. Помещённые в "Холмском народном календаре на 1888 год" сведения об этих крестных ходах и празднованиях показывают, в какие дни в году и в каких приходах они совершаются и какое число богомольцев привлекают» [45: 769–770].

Во второй части, помещены «популярные статьи историко-практического характера». Помимо рассказов священников о просвещении Руси крещением и основании Киево-Печерской лавры, о жизни и подвигах преподобного Иова Почаевского и т. д., вначале помещён материал о св. равноапостольном князе Владимире с его изображением. Этот образ писал в 1866 г. для холмского, тогда ещё униатского кафедрального собора «гисторичный маляр» из Галиции Устинович. Здесь Ф. Лебединцев отметил, что «пора бы установить общий, хотя приблизительный верный исторический тип великого просветителя России, чуждый всякой тенденции». Само повествование, хоть и «не отличается ни особою живостью и общедоступностью изложения, ни строго соображённым подбором летописных сказаний», «довольно искусно» показывает связь князя с Холмщиной и с самим Холмом [45: 768, 771].

Третья часть представляет собой «смесь практически нравоучительных, медицинских и сельско-хозяйственных сведений, с некоторыми официальными сведениями (о Холмском духовном училище и братстве), заканчивающимися кратким отчётом о деятельности Холмского братства в 1885/6 г.» [45: 768].

В том же номере под псевдонимом *К. Шнейдер* помещена ещё одна рецензия Ф. Лебединцева на «Сводную галичско-русскую летопись с 1700 до конца августа 1772 г. Часть 1-я» А.С. Петрушевича, изданную в том году во Львове. С Петрушевичем автор рецензии познакомился, будучи в командировке в Львове в конце 1865 г. Лебединцев пишет: «Имя достоуважаемого составителя настоящей книги о. А.С. Петрушевича давно пользуется почётною известностью не только в галицко-русской, но и нашей исторической литературе. Недавно в сём году в Львове состоялось скромное чествование 35-летия учёной его деятельности, прошедшее у нас совершенно незамеченным» [10: 773].

Автор книги «кратко, а иногда и довольно обстоятельно отмечает все сколько-нибудь примечательные события в судьбах Южной Руси и преимущественно Галичины». «Задачею его, как видно, было груп-

пировать, хотя в хронологическом порядке, все имеющиеся у него и доступные ему исторические данные и ими осветить судьбу своей родины вообще и в частности за указанный период времени, сделав эти данные достоянием людей науки». В очерчиваемом периоде он видит «расширение унии в западнорусских областях с постепенным погублением в них русской народности не только в среде православных, но и униатов, а это погубление, систематизированное проектами уничтожения Руси 1717 и 1786 гг., считает прямым делом всей внутренней политики Польши, навязанной ей Римом и представляющей продолжение борьбы, погубившей Моравское княжество. С этой стороны труд о. Петрушевича может служить поучительным указателем для современной польско-католической лиги в Галиции и для всего славянского запада. Как научная работа он соединяет в себе полную добросовестность и точность, обилие драгоценного материала и необычайную кропотливость в его собирании и группировке» [10].

Ранее А. Петрушевич выпустил такой же свод событий 1600–1700 гг., который вышел в «Литературном сборнике» Галицко-русской матицы. Автор обещает в ближайшее время окончание этого свода (1772–1800 гг.). Его же «Сводные летописи» за XIV, XV, XVI вв. остаются неизданными по материальным причинам. Автор надеется, что его другой труд, «Сводная молдавско-русская летопись», будет издан с помощью румын [10: 774].

В «Киевской старине» за 1886 г. под псевдонимом *К. Цыбульский* опубликована рецензия Ф. Лебединцева «Список церквей и духовенства Холмско-Варшавской епархии». Он пишет, что «для всякого русского интересно знать, как стоит в настоящее время дело православия на нашей западной окраине, в пределах б. Царства Польского, ныне Привислинского края, где оно поставлено лицом к лицу с враждебным нам католичеством, подвергается его влиянию и терпит от него ущерб или же ведёт с ним борьбу, интересно знать, как велико число там православных, как распределены они по территории края, как велико число церквей и духовенства для удовлетворения их религиозных нужд, каков состав здесь пастырей-руководителей, их образовательный ценз, материальное обеспечение и т. д. На многие из этих вопросов, хотя и не на все, даёт ответ названная нами книга» [8: 374].

Автор объясняет, что Холмско-Варшавская епархия была образована из двух ранее самостоятельных епархий. Варшавская епархия была учреждена после польского восстания 1831 г. и состояла из 10–15 церквей, предназначенных для служащих здесь русских. После 1864 г. в связи с большим притоком служащих количество церквей в неё увеличилось, и они разбросаны были, помимо Варшавы, по всем губерниям. Церкви второй были расположены в Люблинской,

Седлецкой и частично в Сувалкской губерниях. После присоединения униатов к православию в 1875 г. обе епархии были слиты в одну. Преимущество было отдано названию первой, так как она древнее и существовала, по крайней мере, с XIII в. Церквам и духовенству первой было присвоено название «древнеправославных», второй – «воссоединённых». После объединения эти названия были устранены, церкви были объединены в 20 благочинных округов по территориальной близости. Два варшавских округа ведали церквами, разбросанными в семи губерниях. В Грубешовском и Томашовском уездах Люблинской губернии, Бельском и Влодавском Седлецкой губернии учреждено по два благочиннических округа каждый, т. к. «русское население живёт здесь почти сплошными массами и число церквей весьма значительно» [8: 375]. В Холмско-Варшавской епархии православных числилось 360 880 душ обоего пола, 433 церкви, в т. ч. 310 приходских, 113 приписных и бесприходных и 10 кладбищенских. Из них 173 каменных и 260 деревянных [8: 375].

В книге, изданной как приложение к «Холмско-Варшавскому епархиальному вестнику» за 1886 г., даётся «Список церквей и духовенства Холмско-Варшавской епархии, с указанием благочиннических округов, губерний, уездов, деревень, входящих в состав прихода, количества прихожан и церковной земли» и два приложения: «Алфавитный список священнослужителей с указанием церквей, при которых они состоят» и «Алфавитный указатель городов, селений и деревень с указанием благочиннических округов и приходских церквей, к которым принадлежат показанные местности». В списке «при исчислении церквей и духовенства по благочинническим округам в отдельных графах обозначаются название церкви, её местонахождение и настоятель, разряд церкви (приходская, приписная, бесприходная и т. д.), район прихода и число приписных деревень, общее число прихожан и частное в приходе основном и приписном, а также количество владимой церковью земли, исчисляемой, как можно догадываться, по общепринятой в тамошней местности мере на морги». Данные сведения занимают менее трети книги [8: 376].

Затем следует «Алфавитный список священнослужителей...». Здесь в отдельных графах указываются фамилия, имя, сан священнослужителя, должность, церковь, благочинный округ, степень образования, время начала службы и служебные перемены. Кроме настоятелей церквей, указаны и их помощники, «находящиеся ко всех губернских городах и некоторых больших приходах, равно священники причисленные и заштатные, а также диаконы и монашествующие». Проставленные М., Им., Г. в графе «Служебные перемены» «указывают, принадлежит ли названное лицо к числу местных уроженцев, или

вышло из империи, либо из Галиции. Степень образования, если бы она была определена точно, дала бы нам возможность судить о том, какими интеллектуальными силами располагает наша церковь для укрепления православия в тамошнем крае и для борьбы с воинствующим католицизмом. Но что могут дать отметки: *получил обжалование в Австрии* или: *кончил Холмскую духовную семинарию?* В Австрии, как и у нас и везде, образование имеет различные степени, а что касается Холмской семинарии, то иною она была до преобразования её по общему типу православных семинарий, состоя из трёх специальных классов, и иною после преобразования» [8: 376–377].

В Галиции «русские священники все с университетским образованием» и «в числе и находящихся в Холмско-Варшавской епархии священников из галичан есть много таких, которые, не имея и гимназического образования, в смутное время кое-как прошли чрез Холмскую семинарию до её преобразования, пробыв в ней год и не свыше двух. Эти-то пришельцы переходного времени и увеличили собою число галицко-русских священников Холмско-Варшавской епархии в такой степени, что, тогда как уроженцев империи здесь лишь 77, а местных 80, священников из галичан – 136, не считая нескольких диаконов из них же». Галичане «в большинстве занимают лучшие приходы и сгруппировались преимущественно в Грубешовском и Томашевском уездах Люблинской губернии, где и население более расположено к православию, и земля плодороднее». К сожалению, в издании нет объяснения, откуда появилось и зачем такое большое количество священников из галичан. В ней нет также сведений о жаловании тамошних священников, у которых основное жалование 1 200 руб. «Такое жалованье при готовых, по большей части хорошо устроенных помещениях, при большем или меньшем, иногда же весьма значительном количестве земли и доходах от платы за требы показывает, что тамошнее духовенство в материальном отношении обеспечено гораздо больше всего остального имперского» [8: 377].

В «Алфавитном указателе городов, сёл и деревень...», к которым принадлежат указанные местности, нет никаких новых сведений, кроме постановки в алфавитный порядок известных названий из другого списка. В него можно было бы внести другие сведения, «интересные и нужные для местных священнослужителей, которые нетрудно было бы собрать редакции "Холмско-Варшавского вестника", напечатавшего и настоящий "Список" в виде приложения к своему изданию» [8: 376, 378].

В трёх номерах журнала были опубликованы рецензии на издания по истории Холмщины, выпущенные П.Н. Батюшковым [4; 9; 42]. В июньском номере «Киевской старины» за 1885 г. под псевдонимом

И. Беркут вышла рецензия Ф. Лебединцева на книгу «Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с высочайшего соизволения П.Н. Батюшковым. Выпуск седьмой. Холмская Русь (Люблинская и Седлецкая губ. Варшавского генерал-губернаторства)» [4].

Он пишет, что издание это началось в 60-х годах, «когда правительство приступило к обновлению обветшалых и разрушающихся православных церквей в имениях польских помещиков в Западном крае и занялось собиранием потребных для этого сведений о составе населения края в племенном и вероисповедном отношениях». Первые четыре выпуска «Памятников» описывали волынские древности. Пятый и шестой выпуски были посвящены древностям Виленской губернии и изданы «более научно» [4: 307–308].

Рецензент отметил, что «в отношении учёного достоинства содержащихся в нём статей он уступает двум предыдущим выпускам», не превосходя их в то же время ни богатством, ни большею систематичностью в выборе статей». Книга несколько напоминает «сборники, которые издаются с благотворительными целями и наполняются тем, "кто что даст", по пословице: "С миру по нитке..."». Но есть в настоящем выпуске одна особенность, которую нельзя не приветствовать сочувствием и в которой нельзя не видеть значительного шага вперёд в деле понимания издателем своей задачи. Желая представить материал для возможно полного ознакомления с Холмщиною как исконно русским краем, издатель не ограничился исследованием вещественных памятников местной старины, но пожелал хотя отчасти познакомить читателей с духовною физиогномией *живого народа*, исконного обитателя этого края, и поместил в своей книге весьма интересный "Очерк быта крестьян Холмской и Подлясской Руси" с описанием их обычаев и собранием всякого рода песен, записанных большею частью из народных уст воспитанниками Холмской учительской семинарии. Эти песни оказываются совершенно однородными с теми, что поются на Волыни, Украине и вообще в целой Малороссии. Бесспорно, что ввиду специальной цели издателя "Памятников" доказать "исконную принадлежность Забужского края к России" (правильнее следовало бы сказать "русскому племени") этнография может представить аргументы более убедительные, нежели археология, и можно лишь удивляться тому, что издатель совсем не пользовался этнографическими материалами в прежних выпусках своего издания. Нельзя не пожалеть только, что в художественном отделе разбираемого выпуска мы не находим изображений местных народных типов, костюмов, построек и тому подобных особенностей племенного народного быта, которые одни могут дать наглядное понятие о том, насколько местное население сохранило свои исконные

национальные черты несмотря на многовековые хлопоты об его полонизации» [4: 308–309].

Далее Ф. Лебединцев кратко разбирает материалы сборника, указывая на сильные и слабые стороны. Несмотря на недостатки издания, автор «нисколько не умаляет несомненные заслуги» П.Н. Батюшкова «по изданию целого ряда памятников западнорусской старины, которые без его многолетних стараний и забот, может быть, никогда не были бы известны русской науке и образованному обществу» [4: 312].

В апрельском номере «Киевской старины» за 1886 г. под псевдонимом *Ф. Лобода* опубликована рецензия Ф. Лебединцева на книгу «Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с высочайшего соизволения П.И. Батюшковым. Выпуск VIII. Холмская Русь (Люблинская и Седлецкая губернии Варшавского генерал-губернаторства). СПб., 1885 г.». Упомянув «вкратце состав книги», рецензент заметил, что «уже по одним заглавиям статей, вошедших в сборник, и приложений к ним читатель может видеть, сколько в нём статей, воспроизводящих прежнюю исконно русскую жизнь Холмщины и Подлясья, а в ряду приложений много ли таких, которые представляли бы собою действительные памятники этой жизни. Конечно, касаясь частного, нельзя не говорить о целом, но тут целое, общее притачивается к частному. Преобладание статей общего характера, имеющих отдалённое, едва приметное отношение к изображению собственной жизни Холмщины и Подлясья, недостаток статей и памятников местного характера чувствовал и сам издатель, а потому в обширном предисловии на 10 страницах он старается мотивировать так или иначе помещение тех или иных статей и приложений; но от его объяснений и мотивировки нимало не изменяются ни сущность дела, ни собственный взгляд читателя на целесообразность статей и приложений» [42: 797–798].

«Конечно, все эти статьи более или менее высокого научного достоинства и сохраняют своё значение в деле общей разработки западнорусской истории; но в издании "Памятников русской старины" в Холмщине и Подлясья хотелось бы видеть не то. Уж если сам издатель говорит, что "этот край покрыт древнейшими остатками русского зодчества, ярко отмечен местной русской письменностью и старопечатью", что "по всему его пространству слышится русская речь, поётся русская песня, да и обычаи резко выделяются от обычаев пришедших в крае ляхов", то, казалось бы, за чем и дело стало? Давайте нам все эти памятники в верных снимках, в точных списках, правильных записях, с научными объяснениями, описаниями и исследованиями, всё это будет иметь новость для науки и общества, привлечёт к себе живейший интерес, а главное – мы будем тогда иметь действительные

памятники православия и русской жизни в Забужье, а не многоучёные исследования о материях достаточно известных, об усилиях иезуитов, поляков и униатов к подавлению в нём и православия и народности русской» [42: 799].

Далее автор высказывает свои замечания по материалам сборника, в т. ч. указывает на «недостаток тщательной редакции и даже просто опечатки», «плохую фотографию» и т. д., обращая внимание на те статьи, которые «имеют прямое непосредственное отношение к историческим судьбам Холмщины» [42: 799–804].

В ноябрьском номере журнала за 1887 г. Ф. Лебединцев под псевдонимом *К. Цыбульский* высказался о издании «Холмская Русь. Исторические судьбы русского Забужья». Он отметил, что данная книга «не составляет нарочитого самостоятельного исследования о данном предмете, но только переработку и систематизацию некоторой части содержания VII и VIII выпусков "Памятников русской старины в западном крае"». Необходимость выпуска «Холмской Руси» рецензент обосновал тем, что, «когда два обширные и дорого стоившие сборники один за другим явились в свет, для всякого стало очевидно, что цель издания не вполне достигнута, что оно не даёт цельной картины многовековой жизни Холмской Руси, что в нём недостаёт связного и последовательного изложения её исторической судьбы, что собранный в нём пригодный для этой цели материал разбросан, не сведён к единству и теряется в массе других общих и ненужных материй». Чтобы исправить этот недостаток, и потребовалось новое издание [9: 549–550].

Отметив пользу данного издания и «приветствуя его с полным сочувствием», автор высказался о его «выполнении», разобрав помещённый в нём «Исторический очерк русского Забужья, составляющий главное содержание настоящего издания», написанный профессором Киевской духовной академии Н.И. Петровым, указав в т. ч. и на «недомолвки, неясности, упущения» [9: 550–555]. Он обратил внимание, что все «рисунки, помещённые в рассматриваемой книге, сделаны весьма отчётливо и искусно; пояснения к ним М.И. Городецкого, очень сжатые и весьма содержательные, заслуживают особой похвалы. Книга снабжена, сверх всего, алфавитным указателем встречающихся в ней личных имён» [9: 556].

К материалам Ф. Лебединцева о Холмщине относится очерк «Боле-слав Михайлович Маркевич в роли сельского педагога», вышедший под псевдонимом *Б.Д.-р* в «Киевской старине» в декабрьском номере за 1884 г. под рубрикой «Известия и заметки». В ней он изящно, с юмором описывает приезд в Холмщину в феврале 1868 г. известного русского писателя, публициста, литературного критика, действитель-

ного статского советника Б.М. Маркевича, который небольшой период времени был чиновником по особым поручениям по народным школам в Царстве Польском. Помимо описания личности писателя, автор показывает проблемы, стоявшие перед сельскими школами: неустроенность быта сельских учителей, бедность русинских селений и их жителей, низкий образовательный уровень самих учеников и вытекающие отсюда сложности с их обучением и т. д. Приведённые отрывки также показывают трудности, с которыми столкнулся Лебединцев при открытии сельских школ, и высокий уровень его компетентности. Б. Маркевич должен был «обозревать одни лишь начальные училища», однако осматривал и все средние учебные заведения. В марте, объехав несколько губерний, он прибыл в Холм. Как отмечал Ф. Лебединцев, в писателе «нельзя было подметить ничего ревизорского; всё в нём было изящно просто или изысканно изящно. В учебные часы он посещал уроки, слушал, спрашивал, иногда пускался в объяснения по истории и литературе, говорил плавно, изящно, но казался для всех скорее приятным собеседником, нежели ревизором. В образцовой школе, бывшей при педагогических курсах, он уже не говорил, а только слушал и приходил в неописанный восторг от входившего тогда в моду наглядного обучения или предметных бесед, в существе бывших пустою болтовнёй или толчением воды в ступе. Учитель действительно мастерски вёл эту немецкую игру если не с обезьяной, то с кошкой, и очарованный ревизор то и дело носил фунтами конфеты ученикам-оборвышам, которые рады были куску хлеба» [2: 751]. По вечерам Болеслав Михайлович «восхищал нас своими мастерскими рассказами, заимствованными не из наших сфер», «рассказчик он был удивительный, передавал массу забавных и всяких иных случаев, знал огромное количество стихов и декламировал их бесподобно. Когда истощался разговор и переваливало далеко за полночь, он напевал камаринскую и также весьма успешно». Затем вместе с Ф. Лебединцевым они отправились «в ближайшие деревушки» [2: 751–752].

В первой по пути деревне школа была открыта где-то полтора месяца назад. «Школы росли тогда, как грибы, открывались, как только получалось согласие общества, находилось какое-нибудь помещение, и являлся хоть подержанный или совсем неезженный учитель. Устройство, обзаведение школ, подготовка учителей, самое снабжение учебными принадлежностями и пособиями велись постепенно. В местности так называемой униатской, где всё пожиралось ненасытным латинством и польщиизной, надо было спешить, ставить русскую школу, как веху при железнодорожных изысканиях. Препятствия были на каждом шагу, русская книжка, русский язык служили

пугалом. В школе, лежавшей пред нами, нечего было ни слушать, ни смотреть. Я предупреждал об этом своего спутника, но он пожелал и её осмотреть» [2: 752].

Приехали в деревню, «с трудом пробрались к школе по кочкам замёрзшего классического болота. Вся деревня была разбросана на топком торфянике, пресекаемом то просачивающимися лужайками и озёрцами, то текущею извилистыми ручейками водою. Школа стояла на маленьком пригорке; перед нею точно днепровские плавни в миниатюре. Мы вошли в сени; кормившаяся тут из лохани свинья стремительно шмыгнула между нами и чуть не сшибла с ног столичного гостя. Я отворил дверь в класс; высокий стройный камергер должен был согнуться, чтобы просунуться сквозь узкую и низкую дверь. Классною комнатою и вместе квартирою учителя была простая крестьянская халупа с варистою печью направо от входа. Пол был земляной; обмазанные зимой стены не столько просохли, сколько промёрзли. По двум стенам тянулись в два ряда покрашенные скамьи, сходясь под прямым углом. В углу висела икона, между окон – портрет государя, а против него на неровном земляном полу нетвёрдо стояла водружённая на треножнике классная доска» [2: 752–753].

Б. Маркевич, приветливо поздоровавшись с учителем и детьми, которых было около 20, стал их расспрашивать. Азбука была уже ими пройдена, и они «без особого затруднения читали отдельные слова». Б. Маркевич и Ф. Лебединцев всё время стояли перед учениками, т. к. присесть не представлялось возможным. Прежний урок уже был опрошен, ученики читали дальше, учитель ещё не начал выслушивать и объяснять читаемое, «будучи занят с младшей группой практическим уяснением первого десятка чисел». «Прослушав несколько утомительное пересчитывание пальцев, картофеля и бобов и воображаемое съедение яблок, груш и слив», Болеслав Михайлович решил послушать чтение. «Спрошенный ученик монотонно читал двусложные слова, отбивая на последнем слоге и подчас спотыкаясь и как бы перегрызая слово» [2: 752–753].

Б. Маркевич спросил, понимает ли ученик то, что читает. «Хлопец в отцовском кожухе вскинул на него глазами и произнёс: *га?*

– Понимаешь ли, говорю, мой милый, что читаешь? – последовал опять вопрос.

– А исти! – был ответ» [2: 753].

Маркевич «глядел в недоумении», пока Ф. Лебединцев не объяснил, что это «польское простонародное слово, вошедшее в местное малорусское наречие, и означает утверждение, вроде: *а как же*». На вопрос, что же ты читаешь, мальчик ответил: «Руську книжку» [2: 753].

«– Да, но что ты тут в этой книжке читаешь?

Ученик замигал глазами. Было очевидно, что он не понимал, чего хочется этому забредшему в школу пану. Маркевич и сам понял это и переменял приём. Он заставил ученика читать те же слова, и когда тот прочёл: *остров*, вдруг спросил его:

– А знаешь ли, что такое остров?

Ученик молчал. Маркевич повторил тот же вопрос, обращаясь ко всем детям. Молчали все. Он пожал плечами и принялся сам объяснять.

– Как? Не знаете, что такое остров? Остров...

Но вдруг из угла раздался смелый голос одного мальчика: «Я знаю».

– Ну, ну! Скажи, что такое остров? – спросил обрадованный Маркевич.

– То щось таке гостре, – последовал ответ.

Маркевич, по-видимому, вовсе не понял, как мальчик додумался до такого ответа, и принялся объяснять.

– Остров, дети, это часть земли, окружённая со всех сторон водою...». Закончив объяснение, он опять спросил детей, ответа не последовало. Тогда он принялся рисовать на доске, повторяя сказанное [2: 753–754].

Закончив объяснять, он спросил детей, в ответ один из учеников сказал: «Сокира». «Маркевич сконфузился, с досадою пожал плечами и с недоумением поглядел на меня. Я не счёл удобным объяснять ему причину его неудачи, а учитель в оправдание своё сказал, что читаемых теперь слов ещё не объяснял, будучи занят другою работою.

Перешли к другим немногим предметам. Дети рассказывали страшное ломаным языком о сотворении мира и первого человека, решили на словах несколько простых арифметических задач, показали своё слабое искусство в письме. Спрашивать больше было не о чем» [2: 754–755].

Собираясь выходить из школы, Маркевич спросил у детей:

«– А знаете ли дети, кто у нас государь император? Дети хлопали глазами.

– Как, дети, вы не знаете, кто у нас государь император? – спросил он вновь и принялся уяснять самый вопрос.

– Государь император – это наш отец, это самый больший, самый старший между нами. Он всеми управляет, всем приказывает, его все слушают, словом, он *первый* между нами человек. А знаете, как звать его?

– Первый человек, – отвечал один из учеников.

– Ну да, первый человек; но как его имя и отчество?

Дети не отвечали, Маркевич вместо ответа указал на висевший над их головами портрет государя и предложил прочесть подпись над ним. Ученики прочли не без труда подпись, хотя на лицах совсем не

видно было, чтобы и после этого они понимали, о ком и о чём речь. Маркевич продолжал:

– Так вот, видите, дети, наш государь император называется Александр II Николаевич. Заметьте, называется и проч. – А скажите, кто знает, как называется его жена?

– Я знаю, – с уверенностью сказал один из мальчиков.

– Ну-ну, скажи: как?

– Ева, – последовал решительный и твёрдый ответ.

Импровизированного педагога, восхищавшего своими рассказами и чтениями великосветские салоны, но совершенно незнакомого с мозольною работою сельского учителя, с степенью развития крестьянских детей, с процессом их мышления, образом понимания, такой неожиданный ответ совершенно обескуражил. На минуту он умолк, потом кое-как dokonчил объяснение и, видимо, огорчённый, сухо попрощавшись с детьми и учителем, вышел из школы» [2: 755].

На вопрос Б. Маркевича, как возможны такие ответы, Ф. Лебединцев ответил, что тут нет ничего удивительного. «Детская мысль, при всей своей подвижности, очень упруга и строго последовательна. Отвечавший вам мальчик по-своему прав. Вы спрашиваете, что такое остров; такого предмета он не видал и не слышал, в его польско-малорусском наречии этого слова нет, он припоминает близкое, сходное и отвечает вам: *это нечто острое*. Вы начинаете объяснение, но мысль мальчика занята данным ответом, он подыскивает к своему определению реальный предмет, вашего объяснения не слушает, да и не понимает, и когда вы ставите вновь вопрос: что такое остров, отвечает вам: *сокира*. Ещё натуральнее второй ответ: дети только что отвечали о первом человеке, в вашем объяснении слышат также: первый человек и на вопрос об имени его жены отвечают: *Ева*.

– Но ведь я говорил о государе императоре. Кажется, ясно.

– Ясно для вас, но не для этих детей природы, живущих в лесах и болотах. Таких слов они здесь не слыхали, слышали, может быть, и то не все: найяснейший пан, цесарь, царь, но до уяснения самого понятия им ещё очень далеко. Сумма знаний, представлений, нарастающая у нас вместе с мясом и жиром, добывается здесь тяжёлым, усидчивым трудом. Надо войти в эту сферу, изучить до тонкостей степень и способ её понимания, условия её жизни, её обстановку, её речь, чтоб быть понятным ей, да и то многое до поры до времени будет привито лишь искусственно, принято на веру. Самые простые вещи надо здесь разжёвывать много-много раз, пояснять на десять ладов, терпеливо следить за развитием мысли и речи дитяти, самую речь прививать постепенно и ждать результатов не часами и днями, а месяцами и годами.

– Правда, правда, – заметил Болеслав Михайлович – по сегодняшнему опыту я вижу, как должен быть тяжёл труд здешнего учителя. На всё нужна наука, всё требует навыка, опыта, сноровки, приспособления.

В этот и следующий день мы осмотрели несколько других школ, видели лучшие помещения, слышали гораздо лучшие ответы; но случайного педагога-обозревателя мало интересовал мозольный труд учителя и медленный успех сельской школы, его тянуло в средние учебные заведения, в сферу городскую, сколько-нибудь подходящую к той, которой он привык. Других школ, кроме городских, мы не видели; но и таких оригинальных и поучительных ответов, какие дала первая сельская школа, не слышали» [2: 755–756].

О. Маковей в своей статье «З життя і письменства (Дещо з кореспонденції Лебединцева до історії галицької суспільності 60-их років» (1898, название дано в авторской орфографии. – С.С.) считал, что «год 1866-й в истории Галицкой Руси важен тем, что этом году из лона "твёрдого" консерватизма выступило наверх галицкое москвофильство в декларируемой форме: галицкие москвофилы заговорили отчётливо о единстве русинов с русскими. Эта эволюция, очевидно, должна иметь свою историю и свои причины, но до сих пор не хватало нужных для её освещения документов, и москвофильские авторы дневников и историки могли себе свободно писать, что сама наука научила их этому единству – и больше никто и ничто» [22: 28]. Отметив, что Ф. Лебединцев сильно взялся за приглашение в Холмщину учителей из России и Галиции, а также священников-униатов из Галиции, не симпатизирующих полякам и приверженных православию, он разобрал переписку Ф. Лебединцева с братом, опубликованную в «Киевской старине», касающуюся галицкой тематики [22: 29–46]. Маковей сделал вывод, что из писем видно, под каким влиянием и при каких обстоятельствах возникла москвофильская партия в Галичине, правда, проигнорировав тот факт, что идея общерусского единства в Карпатской Руси появилась гораздо раньше. О. Маковей написал, что, помимо национальной неприязни к полякам и неверия в силы своего народа, здесь сыграла роль и российская политика. «Здесь помогали разные сферы, начиная с царя вплоть до российских чиновников, – начиная от государственной казны вплоть до частных людей, что давали взносы на «бедных» галичан. А те "бедные" галичане и теперь ещё повторяют, что они историческая партия, основанная на науке...» [22: 46]. Вероятно, О. Маковей не обратил внимание, что в своих письмах Ф. Лебединцев постоянно указывает на пророссийскую ориентацию галичан.

Современный украинский исследователь О. Сухий в монографии

«Вид русофильства до москвофильства (росийський чинник у громадський думци та суспільно-політичному житті галицьких українців у ХІХ столітті)» почеркнул роль Ф. Лебединцева в выезде галичан в Холмщину. Он указал, что этому предшествовала обширная переписка М. Раевского¹⁸ и Ф. Лебединцева с Б. Дедицким и Я. Головацким. С последним также переписывался и попечитель Виленского учебного округа в 1864–1868 гг. И. Корнилов. В результате из Галиции выехало около 500 чел., примерно 100 из них были униатскими священниками. Все они были носителями общерусской идеи [38: 389–390].

Из переписки Ф. Лебединцева с братом (где поднимались и рабочие вопросы, и семейные проблемы) и его материалов о Холмщине мы видим, с какими трудностями он столкнулся на своей должности в качестве начальника Холмской учебной дирекции и как он с ними справлялся. Главная из них – кадровая проблема (недостаток учителей для начальной и средней школы и служащих). Учителей и персонал для дирекции пришлось подбирать в основном не среди местных жителей, имевших низкий образовательный уровень и достаточно к тому времени полонизированных, а приглашать из самой империи. Подбор осуществлялся с помощью друзей и знакомых. Большую помощь в этом оказал Пётр Лебединцев, с которым Феофан постоянно консультировался по данному вопросу и который помогал находить кадры среди семинаристов и учителей. Также приглашались русины-униаты из Галиции, которым Ф. Лебединцев доверял больше, чем местным униатам. Целью проводимых в то время Царстве Польском реформ, в т. ч. и образовательной, было усиление его интеграции с Российской империей. Перед Лебединцевым и его коллегами также стояла задача сохранения этнической и религиозной самоидентификации русинов Холмщины, сохранения их «русскости», борьба против их дальнейшей полонизации и окатоличивания.

Также он оказывал помощь русинам Галиции. Она выражалась в закупке и отправке нужной им литературы из России, покупке литературы в Галиции с целью поддержки Ставропигии и местных изданий, пересылке денежных, в т. ч. и личных средств нуждающимся, решении вопроса о стипендиях для обучающихся в России и т. д.

В своих письмах и публицистических материалах Ф. Лебединцев предстаёт перед нами сторонником общерусского единства, российским государственным деятелем, компетентным профессионалом, хорошо знакомым с историей Холмщины, судьбами православной и греко-католической церкви, хорошо разбирающимся в местных реалиях и проблемах русинского населения, чутким и отзывчивым человеком, всегда готовым прийти на помощь.

Примечания

1. К сожалению, в этих работах ряд интересующих нас публикаций Ф. Лебединцева по вопросам образования в Холмщине, опубликованных в «Киевских епархиальных ведомостях», либо не указаны, либо неправильно даны их выходные данные. Не перечислены его многочисленные материалы в «Киевской старине», опубликованные либо под псевдонимами, либо без указания авторства, в т. ч. рецензии и другие работы на русинскую тематику.

2. Есаул войска Запорожского Семён Лебединец. О нём упоминается в жалобе коша Запорожского императрице Елизавете Петровне от 5 октября 1752 г. на миргородского полкового сотника Василия Зарудного [47: 109].

3. В своих воспоминаниях о. Андрей Лебединцев дал информацию о своих братьях: «Из них самый старший, Арсений Гаврилович, впоследствии был кафедральным протоиереем в г. Одессе и имел Анны 1-й степени и на георгиевской ленте на шее (за Севастопольскую оборону) золотой крест, осыпанный драгоценными камнями, выданный из кабинета его императорского величества; второй брат, Пётр Гаврилович, был кафедральным протоиереем в Киеве – кавалер 1-й же степени Анны, пожалован и митрою; третий, Даниил Гаврилович, по окончании Киев. дух. академии и нескольких годов службы своей в качестве преподавателя Кишинёвск. дух. семинарии, перешедший на службу в Петербург по военному ведомству, прослужил по сему ведомству более 40 лет; на службе сей принимал в качестве члена Военного кондификационного комитета преимущественное участие в составлении свода военных законов и умер в чине тайного советника, имел в числе других высших орденов и орден Белого Орла; пятый брат мой, Феофан Гаврилович, вместе со мною учившийся, по окончании Киев. дух. академии, поступил преподавателем в Киев. дух. семинарию, потом переведён бакалавром Киев. дух. академии; перешедши на службу в качестве начальника Учебной дирекции в Привислянскй край, по выслуге срока на пенсию возвратился в Киев и основал здесь журнал "Киевскую старину", труды по коей, как известно мне, и свели его преждевременно в могилу; умер в чине действ. стат. советника. Четвёртый брат – это моя мерность (автор описываемых воспоминаний), заслуженный протоиерей, бывший настоятель собора в губ. г. Ломже, законоучитель 8-классной мужской гимназии и теперь пенсионер по Министерству народного просвещения, кавалер Анны 2-й степени и Владимира 4-й степени. Все мы всегда помнили каждую услугу, оказанную нам зеленянскими прихожанами в трудный период воспитания нашего в духовно-учебных

заведениях. А брат Пётр Гаврилович, умирая, завещал для зеленянской школы и капитал, получаемый из купленной им невдалеке от села Дубровы численной земли, чтобы школа поддерживалась с процентов того капитала» [12: 148–149].

4. Евфимий (Ефим) Михайлович Крыжановский был женат первым браком на Надежде Наркисовне Новицкой (племяннице философа О.М. Новицкого), родной сестре покойной жены Петра Лебединцева Александре. Будучи бездетным, Пётр Лебединцев опекал Надежду в годы её учёбы в Киевском институте благородных девиц, а после смерти отца она вместе с матерью переехала к нему сначала в Белую Церковь, а затем в Киев, куда он был переведён в 1860 г. [5: 251; 35: 107].

5. Напомним, что украинофильское движение в Российской империи, как, впрочем, и в Австро-Венгрии, в то время только зарождалось. Многие общественные деятели и исследователи придерживались теории единства всех ветвей русского народа. Её разделял, судя по его статьям и письмам к брату, и Ф. Лебединцев.

6. Отец М. Грушевского (1866, Холм, Царство Польское, Российская империя – 1934, Кисловодск, СССР) Сергей Фёдорович Грушевский (1830–1901), профессор Киевской духовной семинарии, был приглашён Ф. Лебединцевым учителем русского языка и словесности в Холмской русской гимназии (1865). Затем преподавал в Холмском женском русском 6-классном училище (1866) и Ломжинской мужской классической гимназии (1868). С 1867 г. был инспектором Холмских русских педагогических курсов.

7. Ф. Лебединцев «в службе» с 29 сентября 1851 г. [32: 714].

8. Основателем и первым редактором (1862–1874) «Киевских епархиальных ведомостей» был Пётр Гаврилович Лебединцев, брат Ф. Лебединцева. В 1886–1896 гг. он являлся редактором их официальной части [13: 190].

9. Наместник Царства Польского в постановлении от 28 ноября 1864 г. из-за малого количества монашествующих (по решению Тридентского собора должно быть не менее восьми) закрыл четыре из пяти греко-униатских монастырей (в Холме, Люблине, Беле, Замостье), переведя братию в Варшавский монастырь [35: 143].

10. А.Г. Теодорович в то время был начальником Люблинской учебной дирекции, после её упразднения в результате присоединения части её к Холмской, части к Седлецкой стал начальником Калишской дирекции, затем был назначен директором русской гимназии в Варшаве – мужской и женской. Вышел в отставку в 1871 г. (примечание П.Г. Лебединцева. – С.С.) [28: 333].

11. Жалованье Калинскому-номинату было прекращено за про-

тивоедействие мерам правительства (примечание П.Г. Лебединцева. – С.С.) [29: 57].

12. В это время велась австро-германская война (1866 г. – С.С.), и австрийцы потерпели сильное поражение под Садовой (примечание П.Г. Лебединцева. – С.С.) [29: 65].

13. Мы посчитали, что приводимые сведения об Антонии Любиче Могильницком (1811–1873) расширят наши знания об известном галицко-русском писателе и общественно-политическом деятеле.

14. Ныне протоиерей и ординарный профессор греческого языка в Варшавском университете (примечание П.Г. Лебединцева. – С.С.) [29

15. Учреждённая на Украине польским правительством для заведования православными церквями по случаю ареста и взятия в Варшаве в 1789 г. православного епископа Садковского (примечание П.Г. Лебединцева. – С.С.) [29: 69].

16. Профессор русской литературы в Львовском университете; по удалении от этой должности и прибытии в Россию – действительный статский советник, председатель Виленской археографической комиссии (примечание П.Г. Лебединцева. – С.С.) [29: 75].

17. Годзинки и рожанцы – священные песни, которые распевают католики в своих храмах перед богослужением утренним и вечерним; эти песни на польском языке распевали и униаты в своих церквях (примечание П.Г. Лебединцева. – С.С.) [30: 176].

18. Михаил Фёдорович Раевский (1811–1884) с 1842 г. служил священником Русской посольской церкви в Вене.

ЛИТЕРАТУРА

1. Б.Г. Лебединцев, Феофан Гаврилович // Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением пред. Импер. рус. ист. о-ва А.А. Половцова. Издаваемый Императорским русским историческим обществом. Т. 3. Лабзина – Ляшенко. СПб.: типография Главного управления уделов, 1914. С. 114–115.

2. Б. Д.–р [Лебединцев Ф.Г.]. Болеслав Михайлович Маркевич в роли сельского педагога / Известия и заметки // Киевская старина. 1884. Т. X. Декабрь. С. 751–757.

3. В.Г. К редакционной деятельности Ф.Г. Лебединцева (Из письма в редакцию). Документы, известия и заметки // Киевская старина. 1888. Т. XXI. Май. С. 65–66.

4. И. Беркут [Лебединцев Ф.Г.] Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с высочайшего соизволения П.Н. Батюшковым. Выпуск седьмой. Холмская Русь (Люблинская и Седлецкая губ.). С.-Петербург, 1885 г. (С приложением художественного альбома). Издание Министерства

внутренних дел / Библиография // Киевская старина. 1885. Т. XII. Июль. С. 307–314.

5. *Калинич Г.Ю.* Кадрове питания при видкритті греко-католицьких навчальних закладів на Холмщини и Підляшши у 1865–1867 рр. (За родинним листуванням протоієрея Петра Лебединцева) // Рукописна та книжкова спадщина України. Вип. 24. Київ: НБУ ім. В.И. Вернадського, 2019. С. 247–267.

6. *Крыжановский Е.М.* Русское Забужье (Холмщина и Подляшье). Сб. ст. Е.М. Крыжановского, с предисл. «К холмскому вопросу» И.П. Филевича. СПб.: тип. «Мирный труд», 1911. XLVI, 438 с.

7. *К. Цыбульский [Лебединцев Ф.Г.]* Отчёт Холмского православного Свято-Богородицкого братства за 1884–5 (шестой) год / Библиография // Киевская старина. 1886. Т. XV. Июль. С. 547–552.

8. *К. Цыбульский [Лебединцев Ф.Г.]* Список церквей и духовенства Холмско-Варшавской епархии. Варшава. 1886 г. / Библиография // Киевская старина. 1886. Т. XVI. Октябрь. С. 374–378.

9. *К. Цыбульский [Лебединцев Ф.Г.]* Холмская Русь. Исторические судьбы русского Забужья. Изд. П.Н. Батюшкова. СПб. 1887 г. / Библиография // Киевская старина. 1887. Т. XIX. Ноябрь. С. 549–557.

10. *К. Шнейдер [Лебединцев Ф.Г.]* Сводная галичско-русская летопись с 1700 до конца августа 1772 г. Часть 1-я. Составил А.С. Петрушевич. Львов. 1887 г. / Библиография // Киевская старина. 1887. Т. XIX. Декабрь. С. 773–774.

11. *Лыбынцев Ю., Щавинская Л.* Феофан Лебединцев – основатель «Киевской старины» (К 180-летию со дня рождения: 1828–2008) / Департамент культуры г. Москвы, Управ. культуры ЦАО г. Москвы, ГУК г. Москвы, «Библиотека украинской литературы». М., 2008. 47, [1] с.: ил., портр.

12. *Лебединцев Андрей, протоиерей.* Мои воспоминания // Киевская старина. Т. LXX. 1900. Июль–Август. С. 142–210.

13. *Лебединцев Пётр Гаврилович* // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии. 1819–1920-е гг. Материалы из собрания проф. протоиерея Ф.И. Титова и архива КДА. В 4 т. Т. 2. К–П / [сост. В.И. Ульяновский]. Киев: издательский отдел Украинской православной церкви, 2015. С. 189–190.

14. *[Лебединцев Ф.Г.]* Открытие в Холме русской седмиклассной гимназии и педагогических курсов // Киевские епархиальные ведомости. 1865. № 21. 1 ноября. С. 801–816.

15. *[Лебединцев Ф.Г.]* Речь при открытии в Холме Люблинской губернии русской седмиклассной гимназии и педагогических курсов // Киевские епархиальные ведомости. 1865. № 22. 15 ноября. С. 843–859.

16. *[Лебединцев Ф.Г.]* Открытие русского женского 6-классного училища в г. Холме для греко-униатского населения Царства Польского // Киевские епархиальные ведомости. 1866. № 23. 1 декабря. С. 704–716.

17. [Лебединцев Ф.Г.] Речь при открытии русского женского 6-классного училища в г. Холме // Киевские епархиальные ведомости. 1867. № 1. 1 января. С. 22–31.

18. Лебединцев, Феофан Гаврилович // Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 8. Русские писатели, умершие в 1888 году. М.: Университетская типография, 1900. С. 62–63.

19. Лебединцев, Феофан Гаврилович // Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. Т. 3. Карамышев – Ломоносов. Пг.: типография Императорской академии наук, 1914. С. 411.

20. Лебединців Теофан (1828–88) // Онацький Є. Українська мала енциклопедія. Кн. IV. Литери Ком – Ле. Буенос-Айрес: накладом адміністрації УАПЦ в Аргентини, 1960. С. 811–812.

21. Лебединцев Феофан Гаврилович // Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии. 1819–1920-е гг. Материалы из собрания проф. протоиерея Ф.И. Титова и архива КДА. В 4 т. Т. 2. К–П / [сост. В. И. Ульяновский]. Киев: Издательский отдел Украинской православной церкви, 2015. С. 190–191.

22. Маковей О. З життя і письменства (Дещо з кореспонденції Лебединцева до історії галицької суспільності 60-их років // Літературно-науковий вістник. 1898. Т. 3. С. 28–46.

23. Маркевич А. Феофан Гаврилович Лебединцев // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей, 1889. Т. XV. С. 874–879.

24. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. В 4 т. Т. 4. Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1960. 558 с.

25. Некролог // Исторический вестник 1888. Т. XXXII. № 5. Май. С. 509.

26. Некролог // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. 1888. 1 (13) апреля. № 7. С. 118.

27. Памяти Ф.Г. Лебединцева (по поводу десятилетия его смерти) // Киевская старина. 1898. Т. LXI. Март. С. 315–317.

28. Письма Ф.Г. Лебединцева к брату в Киев (1865–1867 гг.) // Киевская старина. 1898. Т. LXI. Март. С. 318–365.

29. Письма Ф.Г. Лебединцева к брату в Киев (1865–1867 гг.) // Киевская старина. 1898. Т. LXI. Апрель. С. 51–86.

30. Письма Ф.Г. Лебединцева к брату в Киев (1865–1867 гг.) // Киевская старина. 1898. Т. LXI. Май. С. 169–190.

31. [Пономарёв С.И.] К литературной деятельности Ф.Г. Лебединцева / Документы, известия и заметки // Киевская старина. 1888 Т. XXI. Апрель. С. 28–31.

32. Список гражданским чинам первых четырёх классов Ч. 2. Чины четвёртого класса. Исправлен на 25 января 1880 года. СПб.: Типография Правительствующего сената, 1880. 48, 1373 с.

33. Суляк С.Г. И.П. Филевич и Карпатская Русь. Часть 1. Биография. Русин. 2020. № 62. С. 3249. DOI: 10.17223/18572685/62/3
34. Суляк С.Г. И.П. Филевич и Карпатская Русь. Часть. 2. Карпатская Русь в научном наследии учёного. Русин. 2021. № 63. С. 81–137. DOI: 10.17223/18572685/63/6
35. Суляк С.Г. Е.М. Крыжановский о русинах-униатах Русского Забужья. Русин. 2022. № 70. С. 104–147. DOI: 10.17223/18572685/70/7
36. Сумцов Н.Ф. Памяти Ф.Г. Лебединцева // Киевская старина. 1889. Т. XXIV Март. С. I–VI.
37. Сумцов Н.Ф. Феофан Гаврилович Лебединцев, редактор журнала «Киевская старина», † 12-го марта 1888 г. // Русская старина. 1889. Июнь. С. 725–732.
38. Сухий О.М. Вид русофильства до москвофильства (росийський чинник у громадський думци та суспільно-политичному житті галицьких українців у XIX столітті). Львів: Львів. нац. ун-т ім. І. Франка, 2003. 498 с.: ил.
39. Усенко П.Г. Лебединцев Феофан (Теофан) Гаврилович // Энциклопедия історії України. Киев: Наукова думка, 2009. Т. 6. С. 68–69.
40. Филевич И.П. Карпатская Русь накануне XX века // Новый сборник статей по славяноведению. Сост. и изд. учениками В.И. Ламанского, при участии их учеников, по случаю 50-летия его учёно-лит. деятельности. СПб., 1905. С. 45–63.
41. Филевич И.П. Предисловие к холмскому вопросу // Крыжановский Е.М. Русское Забужье (Холмщина и Подляшье). Сб. ст. Е.М. Крыжановского, с предисл. [«К холмскому вопросу»] И.П. Филевича. СПб.: тип. «Мирный труд», 1911. С. V– XLVI.
42. Ф. Лобода [Лебединцев Ф.Г.] Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с высочайшего соизволения П.Н. Батюшковым. Выпуск VIII. Холмская Русь (Люблинская и Седлецкая губернии Варшавского генерал-губернаторства). СПб. 1885 г. Ц. 15 р. / Библиография // Киевская старина. 1886. Т. XIV. Апрель. С. 796–804.
43. Фратеркулус [Лебединцев Ф.Г.] Памятник древнего православия в Люблине – православный храм и существующее при нём братство. Ар. Лонгинов. Варшава. 1883 года. Явление чудотворной иконы Богоматери в Лесне в связи с другими современными событиями на Руси. В. Т. М-ч. Варшава. 1883 год / Библиография // Киевская старина. 1883. Т. VII. Сентябрь – октябрь. С. 290–297.
44. Холмский Братчик [Лебединцев Ф.Г.] Город Холм и его древняя святыня – чудотворная икона Божией матери. Издание Холмско-Богородицкого православного братства. Варшава. 1882 г. / Библиография // Киевская старина. 1883. Т. V. Март. С. 653–657.
45. Холмский старожил [Лебединцев Ф.Г.] Холмский народный календарь на 1888 год. Год IV. Издание Холмского правосл. Св. богородицкого братст-

ва. Киев. 1887 г. / Библиография // Киевская старина. 1887. Т. XIX. Декабрь. С. 768–773.

46. Царинный А. [Стороженко А.В.] Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник / вступит. статья и комментарии М.Б. Смолина. М.: 1998. С. 133–252.

47. Шурляков С. Перший редактор «Киевской старины» // Київська старовина. 1992. № 5. С. 109–114.

REFERENCES

1. Polovtsov, A.A. (1914) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 3. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. pp. 114–115.

2. B. D–r [Lebedintsev, F.G.] (1884) Boleslav Mikhaylovich Markevich v roli sel'skogo pedagoga. Izvestiya i zametki [Boleslav Mikhailovich Markevich as a rural teacher. News and notes]. *Kievskaya starina*. Vol. X. pp. 751–757.

3. V.G. (1888) K redaktsionnoy deyatelnosti F.G. Lebedintseva (Iz pis'ma v redaktsiyu) / Dokumenty, izvestiya i zametki [To the editorial activities of Feofan Lebedintsev (From a letter to the editor) / Documents, news and notes]. *Kievskaya starina*. XXI (May). pp. 65–66.

4. I. Berkut [Lebedintsev, F.G.] (1885) Pamyatniki Russkoy stariny v zapadnykh guberniyakh, izdavaemye s vysochayshego soizvoleniya P.N. Batyushkovym. Vypusk sed'moy. Kholmshchinskaya Rus' (Lyublinskaya i Sedletsкая gub.). S.-Peterburg, 1885 g. (S prilozheniem khudozhestvennogo al'boma). Izdanie ministerstva vnutrennikh del. Bibliografiya [Monuments of Russian antiquity in the western provinces, published with the highest permission of Pompei Batyushkov. Issue seven. Chełm Rus' (Lublin and Sedlets provinces). St. Petersburg, 1885 (With an art album attached). Published by the Ministry of Internal Affairs. Bibliography]. *Kievskaya starina*. XII (June). pp. 307–314.

5. Kalinich, G.Yu. (2019) Kadrove pitannya pri vidkritti greko-katolits'kikh navchal'nikh zakladiv na Kholmshchyni i Pidlyashshi u 1865–1867 rr. (Za rodnym listuvannym protoiereya Petra Lebedintseva). *Rukopisna ta knizhкова spadshchyna Ukraini*. 24. pp. 247–267.

6. Kryzhanovskiy, E.M. (1911) *Russkoe Zabuzh'e (Kholmshchyna i Podlyash'e)* [Russian Zabuzhye (Chełm Land and Podlasie)]. St. Petersburg: Mirnyy trud.

7. K. Tsybul'skiy [Lebedintsev, F.G.] (1886a) Otchet Kholmshchinskogo pravoslavnogo Svyato-Bogoroditskogo bratstva za 1884–5 (shestoy) god. Bibliografiya [Report of the Chełm Orthodox Holy Mother of God Brotherhood for 1884–5 (sixth) year. Bibliography]. *Kievskaya starina*. XV (July). pp. 547–552.

8. K. Tsybul'skiy [Lebedintsev, F.G.] (1886b) Spisok tserkvey i dukhoven-

stva Kholmско-Varshavskoy eparkhii. Varshava. 1886 g. Bibliografiya [List of churches and clergy of the Chełm-Warsaw diocese. Warsaw. 1886 Bibliography]. *Kievskaya starina*. XVI (October). pp. 374–378.

9. K. Tsybul'skiy [Lebedintsev, F.G.] (1887) Kholm'skaya Rus'. Istoricheskie sud'by russkogo Zabuzh'ya. Izd. P.N. Batyushkova. SPb. 1887 g. Bibliografiya [Chełm Rus. Historical destinies of the Russian Zabuzhie. Ed. By Pompei Batyushkova. St. Petersburg 1887. Bibliography]. *Kievskaya starina*. XIX (Noyabr'). pp. 549–557.

10. K. Schneider [Lebedintsev, F.G.] (1887) Svodnaya galichsko-russkaya letopis's 1700 do kontsa avgusta 1772 g. Chast' I-ya. Sostavil A.S. Petrushevich. L'vov. 1887 g. Bibliografiya [Consolidated Galich-Russian chronicle from 1700 to the end of August 1772. Part I. Compiled by A.S. Petrushevich. Lviv. 1887 Bibliography]. *Kievskaya starina*. XIX (December). pp. 773–774.

11. Labyntsev, Yu. & Shchavinskaya, L. (2008) *Feofan Lebedintsev – osnovatel' "Kievskoy stariny" (K 180-letiyu so dnya rozhdeniya: 1828 – 2008)* [Feofan Lebedintsev – founder of "Kiev Antiquity" (To the 180th anniversary of his birth: 1828 – 2008)]. Moscow: Moscow Department of Culture.

12. Lebedintsev, A. (1900) Moi vospominaniya [My memories]. *Kievskaya starina*. LXX (July–August). pp. 142–210.

13. Ulyanovskiy, V.I. (2015a) *Biograficheskiy slovar' vypusnikov Kievskoy dukhovnoy akademii. 1819–1920-e gg. Materialy iz sobraniya prof. protoiereya F.I. Titova i arkhiva KDA* [Biographical dictionary of graduates of the Kiev Theological Academy. 1819–1920s Materials from the collection of prof. Archpriest F.I. Titov and the KDA archive]. Vol. 2. Kiev: Izdatel'skiy otdel Ukrainskoy Pravoslavnoy Tserkvi. pp. 189–190.

14. [Lebedintsev, F.G.] (1865a) Otkrytie v Kholme russkoy sedmiklassnoy gimnazii i pedagogicheskikh kursov [Opening of a Russian seventh-grade gymnasium and pedagogical courses in Chełm]. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*. 1st November. pp. 801–816.

15. [Lebedintsev, F.G.] (1865b) Rech' na otkrytii v Kholme russkoy sedmiklassnoy gimnazii i pedagogicheskikh kursov [Opening speech at the Russian seventh-grade gymnasium and pedagogical courses in Chełm]. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*. 15th November. pp. 843–859.

16. [Lebedintsev, F.G.] (1866) Otkrytie russkogo zhenskogo 6 klassnogo uchilishcha v g. Kholme dlya greko-uniatskogo naseleniya Tsarstva Pol'skogo [Opening of a Russian girls' six-grade school in Chełm for the Greek-Uniate population of the Kingdom of Poland]. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*. 1st December. pp. 704–716.

17. [Lebedintsev, F.G.] (1867) Rech' pri otkrytii russkogo zhenskogo 6 klassnogo uchilishcha v g. Kholme [Speech at the opening of the Russian girls' six-grade school in the city of Chełm]. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*. 1st January. pp. 22–31.

18. Zazykov, D.D. (1990) *Obzor zhizni i trudov pokoynykh russkikh pisateley* [Review of the lives and works of late Russian writers]. Vol. 8. Moscow: Universitetskaya tipografiya. pp. 62–63.

19. Vengerov, S.A. (1914) *Istochniki slovarya russkikh pisateley* [Sources of the Dictionary of Russian Writers]. Vol. 3. Petrograd: Imperial Academy of Sciences. p. 411.

20. Onats'kiy, E (1960) *Ukrai'ns'ka mala encyklopedyja*. Vol. IV. Buenos Aires: nakladom administraturi UAPT v Argentini. pp. 811–812.

21. Ulyanovskiy, V.I. (ed.) (2015b) *Biograficheskii slovar' vypusknikov Kievskoy dukhovnoy akademii. 1819–1920-e gg. Materialy iz sobraniya prof. protoiereya F.I. Titova i arkhiva KDA* [Biographical dictionary of graduates of the Kiev Theological Academy. 1819–1920s Materials from the collection of prof. Archpriest F.I. Titov and the KDA archive]. Vol. 2. Kiev: Izdatel'skiy otdel Ukrainskoy Pravoslavnoy Tserkvi. pp. 190–191.

22. Makovey, O. (1898) Z zhittya i pis'menstva (deshcho z korespondentsii Lebedintseva do istorii galits'koï suspil'nosti 60-ikh rokiv. *Literaturno-naukoviy vistnik*. 3. pp. 28–46.

23. Markevich, A. (1889) Feofan Gavrilovich Lebedintsev. *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. XV. pp. 874–879.

24. Masanov, I.F. (1960) *Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures]. Vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznoy knizhnoy palaty.

25. Anon. (1888) Nekrolog [Obituary]. *Istoricheskii vestnik*. XXXII (5). p. 509.

26. *Kholmsko-Varshavskiy eparkhial'nyy vestnik*. (1888) Nekrolog. 1st (13th) April. pp. 118.

27. Anon. (1898) Pamyati F.G. Lebedintseva (po povodu desyatiletia ego smerti) [In memory of Feofan Lebedintsev (about the decade of his death)]. *Kievskaya starina*. LXI. pp. 315–317.

28. Lebedintsev, F.G. (1898a) Pis'ma F.G. Lebedintseva k bratu v Kiev (1865–1867 gg.) [Letters from F.G. Lebedintsev to his brother in Kiev (1865–1867)]. *Kievskaya starina*. LXI. March. pp. 318–365.

29. Lebedintsev, F.G. (1898b) Pis'ma F.G. Lebedintseva k bratu v Kiev (1865–1867 gg.) [Letters from F.G. Lebedintsev to his brother in Kiev (1865–1867)]. *Kievskaya starina*. LXI. April. pp. 51–86.

30. Lebedintsev, F.G. (1898c) Pis'ma F.G. Lebedintseva k bratu v Kiev (1865–1867 gg.) [Letters from F.G. Lebedintsev to his brother in Kiev (1865–1867)]. *Kievskaya starina*. LXI. May. pp. 51–190.

31. [Ponomarev, S.I.] (1888) K literaturnoy deyatel'nosti F.G. Lebedintseva / Dokumenty, izvestiya i zametki [On the literary activity of Feofan Lebedintsev / Documents, news and notes]. *Kievskaya starina*. XXI. April. pp. 28–31.

32. Russia. (1880) *Spisok grazhdanskim chinam chetvertogo klassa. Ispravlen*

- na 25 yanvarya 1880 goda [List of civil ranks of the fourth class. Amended as of January 25, 1880]. St. Petersburg: Tipografiya Pravitel'stvuyushchego senata.
33. Sulyak, S.G. (2020) I.P. Filevich and Carpathian Rus. Part 1. Biography. *Rusin*. 62. pp. 32–49 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/62/3
34. Sulyak, S.G. (2021) I.P. Filevich and Carpathian Rus'. Part. 2. Carpathian Rus in I.P. Filevich's Scholarly Heritage. *Rusin*. 63. pp. 81–137 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/63/6
35. Sulyak, S.G. (2022) Evfimy Kryzhanovsky on the Rusins-Uniates of the Russian Zabuzhie. *Rusin*. 70. pp. 104–147 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/70/7
36. Sumtsov, N.F. (1889a) Pamyati F.G. Lebedintseva [In memory of F.G. Lebedintsev]. *Kievskaya starina*. XXIV. March. pp. I–VI.
37. Sumtsov, N.F. (1889b) Feofan Gavrilovich Lebedintsev, redaktor zhurnala "Kievskaya starina", † 12-go marta 1888 g. [Feofan Gavrilovich Lebedintsev, editor of the magazine "Kievskaya starina", † March 12, 1888]. *Russkaya starina*. June. pp. 725–732.
38. Sukhiy, O.M. (2003) *Vid rusofil'stva do moskvofil'stva (rosiys'kiy chinnik u gromads'kiy dumtsi ta suspil'no-politichnomu zhitti galits'kikh ukraïntsi v XIX stolitti)*. Lviv: Lviv State University.
39. Usenko, P.G. (2009) Lebedintsev Feofan (Teofan) Gavrilovich. In: *Encyklopediya istorii Ukraïny*. Vol. 6. Kiev: Naukova dumka. pp. 68–69.
40. Filevich, I.P. (1905) Karpatskaya Rus' nakanune XX veka [Carpathian Rus' on the eve of the 20th century]. In: *Novyy sbornik statey po slavyanovedeniyu* [New Collection of Articles on Slavic Studies]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 45–63.
41. Filevich, I.P. (1911) Predislovie k kholmскому вопросу [Preface to the Chełm issue]. In: Kryzhanovskiy, E.M. *Russkoe Zabuzh'e (Kholmshchina i Podlyash'e)* [Russian Zabuzhye (Chełm and Podlasie)]. St. Petersburg: Mirnyy trud. pp. V–XLVI.
42. F. Loboda [Lebedintsev, F.G.] (1886) Pamyatniki russkoy stariny v zapadnykh guberniyakh, izdavaemye s vysochayshego soizvoleniya P.I. Batyushkovym. Vypusk VIII. Kholm'skaya Rus' (lyublińskaya i siedlets'kaya gubernii varshav'skogo general-gubernatorstva). SPb. 1885 g. Ts. 15 r. Bibliografiya [Monuments of Russian antiquity in the western provinces, published with the highest permission of Pompei Batyushkov. Issue VIII. Chełm Rus (Lublin and Siedlce provinces of the Warsaw General Government). St. Petersburg. 1885. Ts. 15 r. Bibliography]. *Kievskaya starina*. XVI. April. pp. 796–804.
43. Fraterkulyus [Lebedintsev, F.G.] (1883) Pamyatnik drevnego pravoslaviya v Lyubline – pravoslavnyy khram i sushchestvuyushchee pri nem bratstvo. Ar. Longinov. Varshava. 1883 goda. Yavlenie chudotvornoy ikony Bogomateri v Lesne v svyazi s drugimi sovremennymi sobyitiyami na Rusi. V.T. M-ch. Varshava. 1883 god. Bibliografiya [Monument of ancient Orthodoxy in Lublin – an Orthodox church and the brotherhood that exists with it. Ar. Longinov. Warsaw. 1883. The appearance of the miraculous icon of the Mother of God in Lesna, in connec-

tion with other modern events in Rus. V.T. M-h. Warsaw. 1883. Bibliography]. *Kievskaya starina*. VII. September – October. pp. 290–297.

44. Kholmiskiy Bratshik [Lebedintsev, F.G.] (1883) Gorod Kholm i ego drevnyaya svyatynya – chudotvornaya ikona Bozhiey Materi. Izdanie kholmiskobogoroditskogo pravoslavnogo bratstva. Varshava. 1882 g. Bibliografiya [The city of Chełm and its ancient shrine – a miraculous icon of the Mother of God. Publication of the Chełm-Bogoroditsky Orthodox Brotherhood. Warsaw. 1882. Bibliography]. *Kievskaya starina*. V. March. pp. 653–657.

45. Kholmiskiy starozhil [Lebedintsev, F.G.] (1887) Kholmiskiy narodnyy kalendar' na 1888 god. God IV. Izdanie Kholmiskogo pravosl. Sv. bogoroditskogo bratstva. Kiev. 1887 g. Bibliografiya [Chełm folk calendar for 1888. Year IV. Edition of Chełm Orthodox Church. St. Theotokos Brotherhood. Kiev. 1887. Bibliography]. *Kievskaya starina*. XIX. December. pp. 763–773.

46. Tsarinnyy A. [Storozhenko, A.V.] (1998) Ukrainskoe dvizhenie. Kratkiy istoricheskiy ocherk, preimushchestvenno po lichnym vospominaniyam [Ukrainian movement. A brief historical sketch, mainly based on personal memories]. In: Smolin, M.B. (ed.) *Ukrainskiy separatizm v Rossii. Ideologiya natsional'nogo raskola* [Ukrainian separatism in Russia. The ideology of national split]. Moscow: Moskva. pp. 133–167.

47. Shurlyakov, S. (1992) Pershiy redaktor “Kievskoy Stariny”. *Kyi'vs'ka starovyna*. 5. pp. 109–114.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/74/5

Правосудие Российской империи в Бессарабии конца XIX – начала XX в.: адаптация к разнообразию*

И.И. Верняев^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург,

Университетская набережная, 7/9

² Тюменский государственный университет

Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

E-mail: i.verniaev@spbu.ru

Авторское резюме

Продолжаются дискуссии о том, в какой мере была успешна судебная реформа 1864 г. Одни исследователи говорят о провале реформы, несоответствии новой унифицированной системы поликультурному контексту. В меньшей степени в историографии представлены мнения об относительном успехе реформы, о взаимной адаптации новой системы правосудия и местных сообществ. Эти историографические позиции проверяются на материалах Бессарабской губернии. Анализ разнообразных данных позволил сделать вывод об относительной успешности судебной реформы в Бессарабии. Выявлены ключевые направления и факторы взаимной адаптации пореформенного правосудия (главным образом, мировых судов) и населения региона. Сочетание региональной стабильности судейского корпуса, местного происхождения большей части судей и их высокого профессионального уровня способствовали этому процессу. Особую роль играли почётные мировые судьи, представлявшие как бессарабскую элиту, так и другие этносословные группы. Важное место в практике пореформенной юстиции продолжало занимать легализованное местное бессарабское право. Особое внимание уделено посреднической роли околосудебной среды

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00268 «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII – начало XX в.», <https://rscf.ru/project/23-18-00268>), реализуемого в Тюменском государственном университете.

в аккомодации имперского правосудия (канцеляристы, переводчики, официальные и нелегальные адвокаты, ходатаи по судебным делам и пр.). В качестве критерия уровня взаимной адаптации новой юстиции и населения Бессарабии рассмотрена статистика гражданских дел. Сделан вывод об исключительной судебно-гражданской активности жителей региона разной сословной и этноконфессиональной принадлежности.

Ключевые слова: Российская империя, Бессарабия, пореформенная судебная система, мировые суды, региональная адаптация, судейский корпус, местное право, околосудебные посредники, судебная активность

Justice of the Russian Empire in Bessarabia in the late 19th and early 20th century: adaptation to diversity*

Igor I. Verniaev^{1, 2}

¹ St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: i.verniaev@spbu.ru

² University of Tyumen

6 Volodarskogo St., 625003, Russia, Tyumen,

E-mail: vigoriv@mail.ru

Abstract

Discussions continue regarding the extent to which the judicial reform of 1864 was successful. Some researchers argue that the reform failed, citing the mismatch of the new unified system with the multicultural context. Less represented in historiography are opinions on the relative success of the reform and the mutual adaptation of the new judicial system and local communities. These historiographical positions are examined using materials from the Bessarabian Governorate. Analysis of diverse data led to the conclusion regarding the relative success of the judicial reform in Bessarabia. Key directions and factors of mutual adaptation of post-reform justice (mainly magistrate

*This research was supported by Grant N 23-18-00268 ("Justice in the system of security maintenance and in the processes of integrating the periphery regions of the Russian empire (the 18 – early 20 centuries)" from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00268/> realized in Tyumen State University.

courts) and the region's population have been identified. The combination of regional stability in the judiciary, the local origin of most judges, and their high professional level facilitated this societal process. Honorary magistrate judges played a special role, representing both the Bessarabian elite and other ethno-social groups. Legalized local Bessarabian law continued to occupy a significant place in post-reform justice practice. Special attention is given to the mediating role of the extrajudicial environment in accommodating imperial justice (bureaucrats, translators, official and unofficial lawyers, judicial consultants and others). Statistics of civil cases are considered as a criterion for the level of mutual adaptation of the new justice and the population of Bessarabia. The conclusion is drawn about the exceptional judicial-civil activity of the region's residents with different social and ethno-confessional affiliations.

Keywords: Russian Empire, Bessarabia, post-reform judicial system, magistrate courts, regional adaptation, judiciary, local law, extrajudicial intermediaries, judicial activity

В историографии продолжают споры о том, в какой мере преобразования в соответствии с Судебными уставами 1864 г. были успешны, оказались ли пореформенные судебные институты способны обеспечить единый правопорядок, унифицировать правовое пространство империи, сформировать новую правовую культуру в условиях устойчивого социокультурного разнообразия населения. Одна группа исследователей настроена скептически. Они настаивают на том, что новые, заимствованные в Европе принципы устройства суда, судебные процедуры, правовые нормы и ценности оказались несовместимы с обычными нормами, правовыми представлениями и традиционными судебными практиками разнообразных сообществ империи (А.Н. Медушевский, Т.В. Шатковская, Й. Баберовски, Т. Пирсон и др.). Преобразования усилили правовой дуализм. Реформа подорвала сложившиеся формы дореформенного партикулярного – сословного и этноконфессионального – правосудия, обеспечивавшие участие различных групп и страт населения в имперском управлении, но не создала новых эффективных институтов взаимодействия разнообразных сообществ и государства. В результате реформа усилила отчуждение между имперской судебно-правовой системой и различными элитными и простонародными стратами полиэтнической страны [18; 37; 40; 44]. Другие авторы более оптимистичны в оценке результатов судебно-правовых реформ и их распространения в регионах империи в последние десятилетия XIX – начале XX в. (Дж. Бёрбэнк, С. Кирмзе, И.А. Попп, А.П. Боршевский, И.И. Верняев и др.). Реформа создала новые каналы и формы взаимодействия

имперских судебных институтов и имперских подданных и их разнообразных сообществ. С одной стороны, происходила постепенная адаптация новой судебно-правовой системы к имперскому разнообразию, а с другой стороны, сами индивиды и целые группы активно её осваивали и использовали для борьбы с девиациями и разрешения гражданских конфликтов в своей среде. Они были не пассивными объектами «интеграции», но деятельными акторами, адаптирующими, меняющими имперские институты и «проникающими» в них. Особое внимание эти исследователи уделяют разнообразной среде медиаторов, посредников между сообществами и новыми имперскими судами, помогающими взаимной адаптации и взаимопроникновению. Исследуется возрастающая активность населения в обращении к пореформенной имперской юстиции [1–3; 7; 23; 41; 42]. Есть в историографии и промежуточная позиция, в соответствии с которой реформа была относительно успешна в городах империи и несостоятельна в сельской местности (Дж. Ньюбергер) [43].

В настоящей статье анализируются формы и каналы взаимной адаптации населения Бессарабии и пореформенной имперской юстиции. Тем самым вносится вклад в отмеченную дискуссию о судебно-правовых преобразованиях позднеимперского периода. Основное внимание уделяется мировой юстиции как наиболее массовой части нового правосудия, наиболее глубоко проникающей в «толщи» городских и сельских масс. Анализ различных форм и каналов взаимной адаптации завершается сравнительной оценкой активности населения Бессарабии в обращении к базовым пореформенным институтам – мировым судам. В историографическом плане настоящее исследование развивает работы И.Г. Будака, С.В. Кустрябовой, А.П. Боршевского, С.К. Захария, внесших большой вклад в изучение имперской юстиции в Бессарабии [1–4; 17].

Бессарабская губерния в соответствии с имперской категоризацией относилась к разряду «внутренних», т. е. администрируемых в соответствии с «общим порядком» управления. Однако среди «внутренних губерний» регион отличался своеобразием. Для него был характерен высокий уровень этнокультурного и культурно-правового разнообразия. Подсчёты по данным переписи показывают, что в Бессарабской губернии был один из самых высоких в регионах индексов этнолингвистического разнообразия – 0,71. Сопоставимые или ещё более высокие значения индекса разнообразия были характерны для городов региона: Кишинёв – 0,68, Оргеев – 0,58, Бельцы – 0,62, Сороки – 0,61, Хотин – 0,64, Бендеры – 0,73, Аккерман – 0,63, Измаил – 0,72, Болград – 0,50, Килия – 0,73, Кагул – 0,75, Рени – 0,77 [22: 70–73].

Исключительно высокий уровень разнообразия Бессарабской

губернии, с одной стороны, требовал от новых судебных институтов империи адаптации к местным культурно-правовым нормам (писаное, конфессиональное, обычное право) и бытовым привычкам поликультурного населения региона. С другой стороны, разнообразие, причём зачастую маломасштабное (т.е. на уровне городских и сельских поселений, микроареалов), вызывало необходимость обращения к общим, непартикулярным, общегражданским, охватывающим всё население институциональным площадкам разрешения конфликтов. Основной вызов в решении сложных задач взаимной адаптации взяла на себя мировая юстиция как наиболее разветвлённая сеть нового правосудия, наиболее приближенная к населению в его повседневной жизни и разрешающая наибольшую часть судебных дел.

Реформа в Бессарабской губернии была проведена в 1869 г., новые мировые суды стали полноценно функционировать с 1870 г. Как и во всех внутренних земских губерниях мировой суд был выборным. В уездах судей избирали уездные земства, в городах – городские думы. Однако в Измаильском уезде, после его вхождения в 1878 г. в состав Российской империи, мировые судьи по представлению министра юстиции назначались императором. Мировые суды функционировали до 1892 г., а затем в соответствии с положениями контр-реформы 1889 г. на большей части губернии они были ликвидированы и заменены судебно-административными учреждениями – земскими начальниками, уездными членами окружного суда, городскими судьями, уездными и губернскими присутствиями. Это не коснулось выборных мировых судей Кишинёва и назначаемых Измаильского уезда, которые продолжали свою деятельность до конца империи.

Важнейшим фактором адаптации мировой юстиции к условиям Бессарабии стала стабилизация судейского корпуса и его укоренённость в регионе. Большая часть состава судейского корпуса были местными уроженцами, представителями как региональной элиты, так и более массовых страт населения. При этом судейский корпус отчасти отражал региональное групповое разнообразие.

По данным на 1889 г., треть (около 33 %) судей в составе мировой юстиции имели этот статус и в 1875 г., пройдя тем самым через четыре и более трёхлетних выборных цикла [31: 157–225]. По большей части это были представители бессарабского дворянства, но также отдельные выходцы из мещан и поселян. Так, в первом составе мирового корпуса Оргеевского уезда из семи судей четверо были представителями бессарабских дворянских фамилий (М.Е. Димо, В.Е. Димо, Е.Е. Феодосию, Н.Э. Донич), один – представитель среднего чиновничества региона (Н.Е. Кречунеско), один выходец из бессарабских поселян (Ф.Е. Чабан) и один выходец из остзейской элиты

(Р.В. Самсон-Гиммельштиерн). По данным на 1891 г. по Измаильскому уезду, из восьми назначенных мировых судей только двое были из числа потомственных дворян, один – личный дворянин, один – офицерский сын, один – мещанин и двое – бессарабских поселян. По данным на 1913 г. по тому же уезду, из 10 мировых судей уже не было ни одного потомственного дворянина; в уездный судейский корпус входил один офицерский сын, три выходца из духовенства, один почётный гражданин, один – выходец из цеховых ремесленников, двое – из мещан, один – из бессарабских поселян. Наметилась тенденция к демократизации судейского корпуса региона [32: 7]. Для сравнения: в соседнем Юго-Западном крае (там мировая юстиция не была ликвидирована в соответствии с контр-реформой 1889 г.), как показало исследование, в начале XX в. она проявилась уже в полной мере (количество дворян в судейском корпусе снизилось с 50 до 25 %) [8].

Приведём два ярких примера длительной службы в мировой юстиции края двух местных уроженцев: одного – выходца из бессарабских элит, другого – из более демократических слоёв, из бессарабских поселенцев. Представитель молдавско-бессарабской элиты Оргеевского уезда Михаил Егорович Феодосиу (1852 г. р., имение Теленешты) после окончания Новороссийского университета в 1878 г., в 25 лет, был избран участковым мировым судьёй в родном уезде. После ликвидации мировой юстиции до 1898 г. служил здесь же земский начальником, а с 1902 г. выполнял функции почётного судьи в том Оргеевском судебном округе. В 1905 г. М.Е. Феодосиу стал предводителем бессарабского дворянства. Настоящим патриархом бессарабского пореформенного правосудия был выходец из бессарабских поселян Фёдор Егорович Чебан (1841 г. р.). После окончания Новороссийского университета, с 1870 г. он служил выборным мировым судьёй в Оргеевском уезде. После ликвидации здесь мировой юстиции он был назначен мировым участковым судьёй в Измаильском уезде, где и прослужил фактически до конца империи. Тем самым Ф.Е. Чебан имел стаж в мировой юстиции края около 45 лет [26].

Долгая служба в регионе и даже в одном уезде, городе, конкретном участке, местное происхождение большинства мировых судей обеспечивало необходимую адаптацию и контекстуализацию имперской юстиции к региону и конкретному локусу. Большинство судей хорошо знали условия жизни, правовую культуру, нормы, обычаи, хозяйственный и домашний быт, особенности гражданского оборота и языки местного населения.

Помимо своей укоренённости в крае бессарабский судейский корпус отличался высоким уровнем профессионализма. По данным

на 1889 г., среди выборных мировых судей губернии 70 % имели высшее образование (второе место после Таврической губернии), среди назначенных судей Измаильского уезда все были с высшим образованием (лучший результат в империи) [6: 136–138]. Большая часть судей были выпускниками Новороссийского университета в Одессе (до 1865 г. – Ришельевский лицей), в том числе его юридического факультета. Это обстоятельство обеспечивало относительное единство профессиональной «школы» судейского корпуса, что также способствовало его региональной стабилизации. Широко распространённая карьерная траектория судьи, профессионального юриста, в регионе имела следующие типичные этапы: после окончания Одесского университета – служба на разных вспомогательных должностях (секретари, помощники, но также и судебные следователи и пр.) в качестве судебного кандидата при Одесской палате или Кишинёвском окружном суде, далее – мировым судьёй в округе Кишинёвского суда, затем некоторым удавалось занять должность члена окружного суда.

В силу своего относительно высокого профессионализма бессарабские судьи были востребованы и в других регионах империи. Так, после создания в 1889 г. судов по модели Судебных уставов в Прибалтийских губерниях, Министерство юстиции стремилось направить туда лучших судей и юристов из других регионов империи. Учитывалось, в частности, сохранение в Балтийском регионе признанной империей остзейской системы гражданского права. С учётом того, что бессарабское гражданское право, как балтийское, имело в качестве основного источника римское законодательство, были востребованы и профессионалы из Бессарабской губернии. В качестве примера можно привести карьеру Эммануила Фомича Лузанова. Он был бессарабским уроженцем, дворянином, родившемся в 1850 г. в имении Гертоп Бендерского уезда. После окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета и непродолжительной службы в качестве кандидата на судебные должности в 1881 г. Лузанов был избран участковым судьёй Аккерманского округа. Затем, в 1884 г., он был избран почётным мировым судьёй. В 1885 г. юрист стал участковым мировым судьёй в родном для него Бендерском. Лузанов высоко оценивался судебным руководством региона, он сочетал профессионализм, судейский корпоративизм и хорошее знакомство с бессарабским правом и местным социокультурным контекстом. Прокурор при Кишинёвском окружном суде отмечал в своём отзыве, что Лузанов «принадлежит к числу лучших судей Бессарабии». Прокурор Одесской судебной палаты констатировал, что Лузанову за годы службы удалось «приобрести солидные познания, сохранив нравственную безупречность». С учётом этих характеристик в

1889 г. Лузанов был переведён в штат вновь сформированной в Балтии мировой юстиции и был назначен участковым судьёй в Нарве [25].

Значимым фактором укоренения новой имперской юстиции в регионе стал институт почётных судей. В историографии мало внимания уделялось этому институту, созданному положениями реформы 1864 г. Действительно, в центральных губерниях России почётные судьи во многом формально занимали свои посты. Иное дело на окраинах империи. Здесь почётные судьи – например, поляки-католики в Западных губерниях, остзейские немцы в прибалтийском крае, татары-мусульмане в Крыму и др. – активным участием в местной юстиции в качестве почётных судей компенсировали слабое представительство среди участковой мировой юстиции. Также активна была и бессарабская элита. Для неё это был важный дополнительный канал участия в местном правосудии. В этом институте были также представители иных этноконфессиональных и этносословных групп Бессарабии – немецких и швейцарских колонистов, греков, армян и др. По данным на 1873 г., доля таких представителей различных групп региона в корпусе почётных судей Бессарабии составила около 80 %. Остальные почётные судьи – в основном представители русско-го гражданского и военного чиновничества в крае [33: 116–131]. При каждом мировом съезде состояло до двух десятков почётных судей. Они принимали активное участие в заседаниях мировых съездов как апелляционной инстанции, а также могли рассматривать гражданские дела «по совести» при обращении к ним обеих сторон конфликта, с учётом местного бытового и культурно-правового контекста.

По данным за 1873 г., при Оргеевском мировом съезде состояло 20 почётных мировых судей. Почти все – выходцы из известных фамилий бессарабской землевладельческой, чиновной и культурно-профессиональной элиты (иногда по несколько представителей одного рода): Доницей, Кристи, Главче, Феодосиу, Горе, Кирияков, Котруцэ, Дическулов, Катаржи, Скордели и др. В Аккерманском уезде, по данным на 1873 г., среди 19 почётных мировых судей было пять представителей немецких общин уезда (два поселанина-собственника, почётный гражданин, мещанин и домашний учитель). В июле 1883 г. Аккерманский съезд мировых судей обратился к уездному земству с просьбой избрать ещё несколько почётных судей в виду их недостатка. Это означало существенную загрузку почётных судей. Уже сентябре 1883 г. Аккерманское земство выбрало дополнительное их число [20].

Следует отметить также большую роль канцеляристов, письмоводителей, переводчиков, нотариусов, других околосудебных деятелей, которые были, по большей части выходцами из местных сообществ,

хорошо знающими местные языки и правовые обычаи, в адаптации мировой юстиции в крае. На эти должности могли идти как выходцы из средних слоёв, так и элит. Например, при Ясском мировом съезде долгое время роль русско-молдавского переводчика успешно исполнял дворянин Лукиан Кожуховский. Нотариусы должны были при необходимости составлять акты на двух языках – русском и молдавском [39: 72].

После судебной реформы в крае резко увеличился спрос на услуги адвокатов. При этом квалификация их постепенно росла. По большей части это также были местные люди, и они обеспечивали связь между сообществами Бессарабии и новой системой правосудия. По данным переписи 1897 г. мы можем получить представление об этнической принадлежности лиц, официально работающих в сфере частной юриспруденции (адвокатов, консультантов и пр.). В таблице представлена доля представителей основных этнических групп Бессарабской губернии среди всех занятых (всего 474,5 тыс. чел.) и занятых в сфере частной юридической деятельности (всего 231 чел.). На основании это вычислен индекс этнического представительства в этой отрасли. Как видим, помимо великороссов, которые занимали более половины позиций в сфере частной юридической деятельности и были представлены в ней более чем в 4 раза больше, чем среди всех занятых губернии, значительную долю занятых в этой сфере составляли евреи (чуть больше их доле среди всех занятых), поляки (при доле 12 % у них самый высокий индекс представительства – почти 8; соответственно, юридическая деятельность была их нишей специализации в крае), молдаване (при доле несколько более 9 % в юридической сфере они были существенно недопредставлены в ней; то же самое следует сказать и о малороссах и гагаузах). Отметим, что евреи, официально не допущенные к судейским должностям, отчасти компенсировали свою непредставленность в имперском правосудии края большой активностью на поприще частной юридической, по факту околосудебной, деятельности. Если на уровне губернии представительство болгар в юридической сфере было несколько ниже уровня пропорциональности (0,8), то, как показали вычисления только по Кишинёву, здесь они были резко перепредставлены (индекс 3,8), соответственно, в столице края это было их нишей специализации. Более высокой была доля болгар в юридической сфере Аккерманского уезда (6,7 %), где располагались основные болгарские поселения в крае, но с учётом того, что в этом уезде доля болгар среди всех занятых составляла 16,6, их индекс представительства был более чем в 2 раза ниже пропорционального уровня (0,4).

**Этническое представительство в сфере частной юридической деятельности
Бессарабской губернии, 1897 г.**

Этнические группы	Доля самостоятельно занятых во всех отраслях, %	Доля занятых в частной юридической деятельности, %	Индекс этнического представительства в частной юридической деятельности
Великорусы	12,3	51,9	4,2
Малороссы	20,2	2,6	0,1
Молдаване	40,6	9,1	0,2
Поляки	1,5	11,7	7,9
Болгары	4,3	3,5	0,8
Евреи	14,2	16,0	1,1
Немцы	3,1	0,4	0,1
Греки	0,3	1,7	5,8
Армяне	0,2	1,3	7,4
Гагаузы	2,4	0	0
Остальные	0,9	1,8	
Всего	100	100	1

Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. III. Бессарабская губерния. СПб.: ЦСК МВД, 1905 [22: 158–163]. Следует учитывать, что не фиксируемые отдельно переписью русины могли быть записаны в переписных категориях как «малороссы» или «великороссы» [34].

Помимо официальных адвокатов – присяжных и частных поверенных – после реформы резко возросло количество нелегальных ходатаев по судебным делам – как их называли, «аблокатов». Особенно большой спрос на такое посредничество с новой юстицией был со стороны часто судящихся за свои права резешей [10; 35]. Вслед за современным трендом историографии следует отказаться от однозначно негативной оценки этого рода деятелей. Именно они, хорошо знающие, с одной стороны, условия жизни, нужды и воззрения своих клиентов, а с другой стороны, владеющие правилами, процедурами и нормами новой судебной-правовой системы, имеющие контакты и связи в околосудебной и судебной среде, владеющие как русским, так и местными языками, выступали важнейшим каналом связи между имперской юстицией и индивидами и целями группами в Бессарабии.

Важно отметить, что разнообразная среда посредников – судебных канцеляристов, переводчиков, приставов, представителей сторон, ходатаев, легальных и нелегальных адвокатов, консультантов, нота-

риусов и пр. – была полиэтнична и полисословна и связывала тем самым имперский суд с соответствующими социальными стратами и этническими сообществами.

Реформа подтолкнула к систематизации, кодификации бессарабского права и практики его применения. Ключевую роль в этом сыграл уроженец Хотинского уезда из семьи заседателя земского суда, с 1862 г. глава статистического комитета Александр Николаевич Егунов. Он объединил лучшие юридические силы региона. Работы по ревизии и упорядочиванию права начались в 1865 г. в рамках задуманного тогда Бессарабского юридического общества (не было официально утверждено). Важнейшим достижением Егунова и коллег стало то, что статьи бессарабского гражданского права из трёх легализованных империй правовых источников (Сборник кодификации римского и византийского права фессалонийского юриста и судьи Арменопуло 1345 г. Шестикнижье, Руководство для судей боярина Андронакия Доница 1814 г., Соборная грамота молдавского Господаря Маврокордато 1785 г.) были упорядочены в соответствии со структурой общеимперского свода гражданских законов, т. е. с 1-й частью X тома Свода законов Российской империи). Было определено, какие нормы реально продолжают действовать в жизни и в судебной практике, а какие – устарели [13: 140].

В соответствии с российским законодательством (ст. 1606 2-й части X тома Свода законов) имперское право на территории Бессарабии имело субсидиарный характер по отношению к праву бессарабскому (за исключением Аккерманского и Измаильского уездов), т. е. общероссийские нормы должны применяться только в том случае, если отсутствовали или содержали противоречия собственно бессарабские нормы. При этом, по решению Сената 1909 г., при толковании этих источников судами они вправе обращаться к тем положениям римско-византийского права, на которых эти источники основаны [36: 834]. Важно отметить, что Сенат в своих решениях периодически настаивал на принципе субсидиарности и обязательности применения судами местного бессарабского права.

Охарактеризуем некоторые яркие черты местного права, которые реально использовались в судебной практике Бессарабии, апелляционной деятельности Одесской судебной палаты и кассационной работе Сената по бессарабским делам.

Для бессарабского права, в отличие от русско-имперского, была характерна неразличимость статуса родовых и благоприобретённых имуществ. Соответственно, всё имущество подлежало завещанию. Данное положение подтверждалось и детально разъяснялось в решениях Сената [36: 1810].

В тоже время важным коррелятом к норме, определяющей широкие завещательные права собственника, являлся правовой институт *фалкидиона* – законной доли наследников, не подлежащей свободному завещанию. В имперском праве такой нормы не было. В соответствии с бессарабским институтом фалкидиона, треть или половина движимого и недвижимого наследства (в зависимости от числа детей – четверо или более) обязательно отходили законным наследникам. Остальным завещатель мог распорядиться по своему усмотрению [24: 11; 39: 41–43].

При отсутствии духовного завещания наследование осуществлялось по установленным бессарабским правовым нормам. При этом значимой спецификой было то, все дети – и мужского и женского пола – наследовали в равных долях. Также и при наследовании по закону в боковых линиях (если не было нисходящих и восходящих наследников) братья и сёстры наследодателя имели равные права [39: 27–29].

Бессарабское право отличалось особой правовой обеспеченностью приданного жены. Получение приданного по местным законам устанавливалось особым договором. При отсутствии такого договора факт передачи приданного и его содержимого мог быть доказан в суде свидетельскими показаниями [39: 63]. Муж распоряжался приданным своей жены, но не являлся его собственником. При этом жена могла потребовать приданное или его часть на оплату своего содержания, лечения для себя и своих близких родных (отца, матери, братьев и сестёр), на оплату своих долгов, для покупки недвижимости. Жена могла потребовать возвращения приданного в свое распоряжение в случае расточительности мужа, а также при раздельном проживании с мужем по инициативе последнего. Суд мог накладывать запрещение на имущество мужа, которым обеспечивалось приданное. В случае растраты приданного оно восполнялось из имущества мужа. После смерти мужа приданное поступало в распоряжение жены. При этом она не отвечала своим приданным за действия, обязательства и долги умершего мужа. В то же время при живом муже жена не имела право продавать, дарить или закладывать приданное. Но и муж не имел таких прав, так как права на наследование приданного своей матери имели её дети [36: 57; 39: 64–65].

Приведём пример дошедшего до Сената судебного дела, связанного с наследованием приданного. По решению Сената 1879 г., суд удовлетворил иск сына бессарабского землевладельца Константина Фомича Стамати от его первой, умершей к тому времени жены Екатерины Чури, дочери бессарабского боярина. Истец требовал передать ему имение, которое было получено его отцом в обмен на приданное

умершей матери истца (первой жены К.Ф. Стамати) и которое отец завещал детям от второй жены. Сенат в своём кассационном решении встал на сторону истца в его праве на получение имущества, вырученного из приданного его матери. Владение мужем после смерти жены её приданным имуществом не делает его собственником этого имущества – даже в случае обмена на другое, пусть и более ценное имение [24: 11–37]. Дети имели право требовать приданное своей матери [39: 67–69]. На приданное не распространялись правила о давности.

Дополнительной гарантией имущественных прав жены служил институт *иповола*. После смерти мужа при условии отсутствия детей жена имела право требовать *иповол* – дополнительное имущество в размере трети стоимости приданного в качестве вознаграждения за пользование мужем жениным приданным [39: 39, 68].

Определённые права на приданное своей вышедшей замуж дочери сохраняли её родители. Это подтверждал и Сенат. Так, по решению № 10 Кассационного департамента 1889 г. на основании Шестикнижья Арменопуло отец не терял полностью своих прав на приданное дочери. Он сохранял право распорядиться об изменении состава приданного и наложить запрещение на имение зятя для обеспечения целостности приданного. В случае вдовства дочери он имел право временно взять приданное обратно себе, до её следующего замужества. После смерти замужней дочери при отсутствии у неё детей приданное возвращалось её родителям [39: 68].

Бессарабское право особо защищало наследственные права детей, рождённых вне брака. По местным законам, они имели право на 1/6 часть наследства своего умершего без завещания биологического отца. При этом происхождение могло доказываться свидетельскими показаниями [27: 164–171].

Значимой особенностью бессарабского права в сфере поземельно-договорных отношений был институт *эмфитевзиса* – вечного (бессрочного) наследственного пользования участком на чужой земле для выращивания виноградного или фруктового сада за определённую плату. Эмфитевзис был чем-то средним между арендой и полной собственностью. При этом пользователь (эмфитевт) такого участка имел право в течение 2–3 лет не платить собственнику без каких бы то ни было правовых последствий. С ведома собственника эмфитевт имел право продажи выращенного сада или виноградника. При этом собственнику предоставлялось право первой покупки. Договор эмфитевзиса мог быть как письменным, так и устным. В последнем случае для его подтверждения в суде принимались свидетельские показания [39: 78–83].

Особая сфера бессарабского права регулировала *резешское* землевладение. С делами резешей и соответствующими местными нормами постоянно имели дело бессарабские суды, Одесская судебная палата и Сенат. Резеши (хозяева разной сословной принадлежности) были совладельцами вотчины. Резешская поземельная вотчина была едина, но резеши имели право делить свои земельные доли, продавать, дарить, отдавать их в залог. Каждый мог распоряжаться своей долей самостоятельно, но другим резешам вотчины предоставлялось право выкупить участок совладельца в случае его продажи постороннему лицу. По свидетельству члена Одесской судебной палаты М.В. Шимановского, резеши дорожат своими правами и отстаивают их при любом посягательстве [38].

В первые пореформенные десятилетия Сенат колебался относительно статуса объединения резешей – рассматривать ли его общину / общество или нет. В начале XX в. Сенат пришел к модели, что совладельцы резешской вотчины не составляют общества в юридическом смысле и земли резешской вотчины находятся во владении резешей не на праве общественной собственности [36: 402].

Доступные данные позволяют примерно оценить количество и долю гражданских судебных дел, в которых применялось местное бессарабское право. По данным, приводимым М.В. Шимановским, из 3 тыс. дел, которые в период с 1870 по 1885 г. поступили на рассмотрение в Одесскую судебную палату как апелляционную инстанцию из Кишинёвского окружного суда, местное право было применено в 2,3 % (всего 69 дел) [39: 12]. Это кажется небольшим числом. Однако если мы экстраполируем эту долю на уровень Кишинёвского окружного суда, который в этот же период рассмотрел в совокупности 30,5 тыс. гражданских дел, то получится, что число процессов с использованием бессарабского права составит за этот 15-летний период около 700. Соответственно, в год Кишинёвский окружной суд мог рассматривать в среднем до 47 гражданских дел на основе бессарабского права (ежегодно число всех гражданских дел колебалось от 611 до 881). Ещё больший уровень использования местного права мы обнаружим, если учтем мировую юстицию, которая рассматривала в разы большее число гражданских дел, чем окружной суд и судебная палата. Так, в период с 1884 по 1888 г. мировые суды Бессарабской губернии рассматривали в среднем около 49 тыс. гражданских дел [28: 23–27]. Экстраполирую долю процессов с использованием местного права в 2,3 %, получаем, что в мировой юстиции ежегодно таких судебных дел было около 1,1 тыс.

Во втором, 1897 г., издании своего Указателя судебных решений М.В. Шимановский констатировал, что что бессарабское право

«за последнее время получает развитие и жизненный интерес». Автор отмечал, что если «прежний период можно было назвать вымиранием местного права под влиянием стремления разрешать вопросы Гражданского права на основании общих законов Империи, то теперь это право всё больше и больше оживает и получает практическое применение» [39: 9]. На это стремление и отвечала публикация Шимановским нового издания дополненного Указателя. Адвокат при Одесской судебной палате С.М. Гроссман, издавший в 1904 г. полный, почти 500-страничный систематический свод бессарабского права с разъяснениями и кассационными решениями Сената, отчасти объяснил рост популярности бессарабского права, отмеченный Шимановским. Принципы местного права соответствовали лучшим образцам норм в европейских странах (в силу общих корней в римских законах), и они были приняты также при разработке общеимперского Гражданского уложения (работы велись с 1882 г.). Но поскольку разработка Гражданского уложения затягивалась, юристы Одесской палаты в начале XX в. активно выступали за расширение применения этой правовой основы на региональном уровне – в Бессарабии. Такой же позиции придерживался и Сенат, решения и толкования в связи с этими решениями которого носили статус прецедента и были обязательными для всех нижестоящих судов [11: IV].

Следует особо отметить, что помимо своей основной функции разрешения судебных дел, конфликтов вокруг имущества и пр. бессарабское право служило важным элементом и символом поддержания, устойчивости и развития бессарабской региональной идентичности. В соответствии с трактовкой Сената нормы бессарабского права распространялись не только на молдавское население, но на всех уроженцев и постоянных жителей Бессарабской области / губернии всех этноконфессиональных групп и сословных групп.

В Измаильском уезде, территория которого отошла к Российской империи по Берлинскому трактату 1878 г., продолжали официально действовать нормы румынского гражданского законодательства, что подтверждалось в кассационных решениях и толкованиях Сената [36: 772]. Особенное значение имело то, что в отношении сельского и городского управления сохранялся «Румынский устав об общинах городских и сельских» 1864–1874 гг., определявший систему коммунального управления. Сохранялись румынские нормы о таксах и сборах в коммунах [16: 360–362, 389]. В Измаильском уезде при этом не было сословных крестьянских судов. Здесь при переходе в состав Российской империи на низовом уровне действовала только общегражданская мировая юстиция, которая должна была в гра-

жданских процессах применять кроме общеимперских норм также нормы румынского права.

Важным объективным критерием степени взаимной адаптации новой пореформенной юстиции и разнообразных сообществ Бессарабии может служить уровень судебной активности населения в части гражданских исков и соответствующих процессов. В этом отношении Бессарабия отличалась исключительной активностью на фоне других регионов империи.

Так, по данным на 1885 г., в мировые суды Бессарабской губернии поступил 31 гражданский иск в расчете на 1 тыс. населения, что было вторым результатом в империи после столичной Петербургской губернии (41 иск). В одном только в Оргеевском уезде, лидере по судебной активности Бессарабии за 1876 г., всего было решено 16,9 тыс. гражданских дел. Оргеевский округ занимал 2-е место среди 443 мировых округов Европейской России (после Одесского) по судебно-гражданской активности [19: 34–37]. В период с 1870 по 1872 г. каждый мировой судья Оргеевского уезда рассматривал в среднем по 10 дел за рабочий день. Сумма исков за первые два года реформы составила значительную величину более 542 тыс. руб. [12]. Председатель мирового съезда констатировал: «Приведённые цифры всего лучше говорят о том громадном влиянии, которое имеет суд на экономический быт уезда». В 1871 г. в одном только селе Кожушне было инициировано в мировом суде около 500 гражданских дел [14: 440]. Бессарабская губерния отличалась самой большой после столичных регионов средней нагрузкой на один мировой суд. В 1885 г. в мировые суды Бессарабии поступало в среднем по 865 гражданских дел.

Кроме того, Бессарабская губерния оказалась абсолютным лидером по относительному количеству «свидетелей и сведущих лиц», принимавших участие в судебных процессах мировой юстиции – 30 чел. на 1 тыс. чел. всего населения. В среднем по европейской части России в гражданских процессах мировых судов участвовало в 1885 г. 9 «свидетелей и сведущих лиц» на 1 тыс. чел. Это означало, что значительная доля населения Бессарабии – большая, чем во всех других регионах империи, активно и регулярно взаимодействовала с пореформенным имперским правосудием [29: 117–212, 219–262].

При общих гигантских масштабах судебно-гражданской активности средняя цена одного гражданского иска в Бессарабии была одной из самых низких в империи – 55,3 руб. (средняя цена иска в европейской части империи – 93,6 руб.), что также свидетельствовало о массовости судебной активности, участия в ней не только элит, но и сельского и городского простонародья края [29: 178–217].

Наблюдатель исключительной судебной активности Бессарабии отмечал: «...процессы в Бессарабии множатся не из страсти к сутяжничеству, а вследствие развития полноправной гражданской личности во всех слоях населения и юридической возможности защищать её от всякого незаконного притеснения» [13: 145–146]. Отмечая, что камеры мировых судей полны народа, корреспондент «Бессарабских областных ведомостей» констатировал в 1870 г., что «Бессарабия не уронила своей известности в отношении любви к процессам» [15]. Кишинёвский географ П.П. Сорока объяснял активное обращение населения Бессарабии к новой юстиции «страстью к тяжбам» [30: 80]. Депутат IV Думы из Бессарабской губернии крестьянин-старообрядец Д.П. Гулькин из с. Теленешты Оргеевского уезда отмечал в своей речи во время дебатов о реформе местного суда, что огромное количество крестьян Бессарабии не держатся за обособленные волостные суды и «стоят за мировой суд», т. е. общегражданское правосудие, и в перспективе, по мере повышения грамотности, готовы выдвинуть своих представителей в мировой судейский корпус [9: 1081, 1655–1656].

Активному обращению бессарабского населения к пореформенной юстиции способствовало этноконфессиональное и сословное разнообразие сельских и городских сообществ, большая доля городского по сословной принадлежности населения и населения вне юрисдикции сословных судов, порождающие конфликты резешское землевладение, наличие большого количества активно участвующих разного рода экономических сделках мелких собственников и торговцев, укоренённость и профессионализм судейского корпуса, применение местного права. Следует отметить также относительную густоту сети мировых судов. Так, по данным на 1888 г., на одного участкового мирового судью в Бессарабии приходилось около 27 тыс. человек (всего 55 судей на 1,48 млн населения губернии), тогда как в среднем по губерниям европейской части России на один мировой суд приходилось на 50 % больше – 40,5 тыс. чел. В Оргеевском уезде с его наибольшей судебной активностью этот показатель составлял 20,1 тыс. чел. на одного участкового судью [29: 219–259]. Важным фактором высокой судебной активности населения Бессарабии было то, что губерния отличалась хорошо налаженной системой взыскания сумм по гражданским искам, реализуемой через судебных приставов. От взыскания были устранены недостаточно подготовленные для этого волостные старшины (привлечение старшин широко практиковалось в других губерниях). Реализация решений судов приставами укрепляла уверенность участников процессов, что они не останутся только на бумаге, и в конечном итоге это повышало судебную активность граждан [5: 440; 21].

Итак, в статье на разнообразных материалах доказано, что в Бессарабской губернии шли процессы взаимной адаптации пореформенной юстиции и разнообразных сообществ края. Это выразилось, главным образом, в региональной стабилизации и одновременной профессионализации корпуса участковых мировых судей, важной роли в местной юстиции почётных судей, отчасти представлявших сословные и этносословные группы региона, формирование активной околосудебной среды посредников, обеспечивавшей взаимодействие между местными сообществами и институтами нового имперского правосудия, интеграции в судебно-правовую систему империи местного бессарабского права, укреплении сети судебной инфраструктуры и тем самым приближении её к населению сёл и городов Бессарабии. Закономерным результатом процессов взаимной аккомодации стала исключительная судебная активность населения региона, массовое обращение к ней представителей различных сообществ за разрешением конфликтов и споров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боршевский А.* Защита прав еврейского населения Бессарабии во второй половине XIX века: мировой суд. Chişinău: Institutul pentru Democrație, 2011. 320 с.

2. *Боршевский А.* Мировые суды Бессарабии как механизм сохранения культурного наследия // *Păstrarea patrimoniului cultural în Țările Europene*. Chişinău: Business-Elita, 2009. P. 306–308.

3. *Боршевский А., Мыца О.* Применение местных законов и обычаев мировыми судами Бессарабии в гражданском процессе (60–70-е годы XIX в.) // *Мировой судья*. 2009. № 4. С. 2–5.

4. *Будак И.Г.* Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX века в Бессарабии. Кишинёв: Картя Молдовеняскэ, 1961. 219 с.

5. Ведомость о деятельности судебных приставов при Кишинёвском съезде мировых судей с 1 января 1870 года по 1 июля 1872 года // *Бессарабские областные ведомости*. 1872. № 78. С. 440.

6. Ведомость об образовательном цензе лиц судебного ведомства. Приложение к списку чинов ведомства Министерства юстиции 1889 года. СПб.: Правительствующий Сенат, 1889. 324 с.

7. *Верняев И.И.* Адаптация мировой юстиции Российской империи на Южном Кавказе // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2019. № 4. С. 1240–1256. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.405

8. *Верняев И.И.* Профессионализация, демократизация и «коренизация» корпуса мировых судей Юго-Западного края в позднеимперской России // *Былые годы*. 2021. № 16 (4). С. 1835–1848. DOI: 10.13187/bg.2021.4.1835

9. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Заседания 1–32. СПб.: Государственная типография, 1910. 3796 стб.

10. *Готлиб И.* Лже-адвокаты // Бессарабские областные ведомости. 1870. № 56. С. 211.

11. *Гроссман С.М.* Местные законы Бессарабии. СПб.: Тип. А.Г. Розена., 1904. 429 с.

12. Доклад Председателя Оргеевского съезда мировых судей Оргеевскому 4-му очередному Земскому Собранию // Сборник Бессарабского земства. 1874. № 3. С. 27–41

13. *Егунов А.Н.* Местные гражданские законы Бессарабии. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1881. 255 с.

14. *Кирияк К.* Объяснительная записка к отчетным ведомостям о деятельности Кишинёвского судебно-мирового округа с января 1870 по 1 июля 1872 г. // Бессарабские областные ведомости. 1872. № 78. С. 440.

15. Кишинёв, 14 марта // Бессарабские областные ведомости. 1870. № 21. С. 72.

16. *Колычев А.А.* Кассационная практика Правительствующего сената по городским и земским делам. СПб.: Земское дело, 1912. 676 с.

17. *Кустрябова С., Захария С.К.* Введение в Бессарабской области Судебных Уставов Александра II 1864 г. и их влияние на судоустройство края. Оценки данных процессов в источниках и литературе // Probleme ale științelor socio-umane și modernizării învățământului. Vol. II. Chișinău, 2002.

18. *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века. М: Наука, 2005. 638 с.

19. О деятельности мировых судей и судебно-мирового съезда за время с 1 января 1876 года по 1 января 1877 года // Сборник Бессарабского земства. 1878. № 4. С. 34–37.

20. Об избрании участкового мирового судьи // Вестник Бессарабского земства. 1884. № 11. С. 353–355.

21. Отчет Оргеевской уездной управы о действиях и распоряжениях её за время с 1 октября 1877 года по 1 октября 1878 года // Сборник Бессарабского земства. 1879. № 3. С. 22–24

22. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. III. Бессарабская губерния. СПб.: ЦСК МВД, 1905. 254 с.

23. *Попп И.А.* Мировой суд в Пермской губернии. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011. 370 с.

24. *Раввич М.Б.* Сборник сенатских разъяснений по вопросу местных законов Бессарабии. Кишинёв: Тип. Э. Шлиомовича, 1893. 80 с.

25. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1405. Оп. 544. Д. 7649.

26. РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 14502.

27. Решения Гражданского кассационного департамента Сената за 1900 г. Екатеринослав: Тип. И. Когана, 1911. 273 с.
28. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 5. Приложения. СПб.: Правительствующий Сенат, 1890. 27 с.
29. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Дополнение к первому выпуску. Обзор деятельности судебно-мировых установлений за 1884 и 1885 годы. СПб.: Правительствующий Сенат, 1887. 269 с.
30. *Сорока П.П.* География Бессарабской губернии: Кишинёв: Тип. А. Попова, 1878. 175 с.
31. Список чинам ведомства Министерства юстиции. 1889. Ч. 2. СПб.: Правительствующий Сенат, 1889.
32. Список чинам ведомства Министерства юстиции. 1891. Ч. 3. СПб.: Правительствующий Сенат, 1891.
33. Судебно-мировые учреждения // Бессарабский адрес-календарь на 1973 год. Кишинёв: Областное правление, 1873. С. 116–131.
34. *Суляк С.Г.* Русины Бессарабии в XIX – начале XX в.: к проблеме численности // Русин. 2015. № (1) 39. С. 95–115. DOI: 10.17223/18572685/39/7
35. *Суручан Д.Д.* К вопросу о разрушении резешского землевладения в Бессарабии // Новороссийский телеграф. 1888. № 4015.
36. *Тютрюмов И.М.* Законы гражданские с разъяснением Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. СПб.: Законоведение, 1913. 1906 с.
37. *Шатковская Т.В.* Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Ростов н/Д: Южный федеральный университет, 2009. 616 с.
38. *Шимановский М.В.* О резешах и резешском владении. Одесса: Тип. Б. Сапожникова, 1898. 140 с.
39. *Шимановский М.В.* Указатель судебным решениям по вопросам местного бессарабского гражданского права. Одесса: Тип. Б. Сапожникова, 1897. 96 с.
40. *Baberowski J.* Law, the judicial system and the legal profession // Cambridge History of Russia. Vol. II: Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 344–368.
41. *Burbank J.* Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington: Indiana University Press, 2004. 374 p.
42. *Kirmse S.* The Lawful Empire. Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 342 p. DOI: 10.1017/9781108582711
43. *Neuberger J.* Popular Legal Cultures: The St. Petersburg Mirovoi Sud // Russia's Great Reforms, 1855–1881 / Ed. by B. Eklof, J. Bushnell, L. Zakharova. Bloomington: Indiana University Press, 1994. P. 231–246.
44. *Pearson Th.* Russian Law and Rural Justice: Activity and Problems of the

Russian Justices of the Peace, 1865–1889 // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 1984. Vol. 32, № 1. P. 52–71.

REFERENCES

1. Borshevskiy, A.P. (2011) *Zashchita prav evreyskogo naseleniya Bessarabii vo vtoroy polovine XIX veka: mirovoy sud* [The protection of rights of the Jewish population in Bessarabia in the second half of the 19th century: Justice of the Peace courts]. Chişinău: Institutul pentru Democrație.

2. Borshevskiy, A. (2009) *Mirovye sudy Bessarabii kak mekhanizm sokhraneniya kul'turnogo naslediya* [Justice of the Peace courts of Bessarabia as a mechanism for preserving cultural heritage]. In: *Păstrarea patrimoniului cultural în Țările Europene*. Chişinău: Business-Elita. pp. 306–308 (In Russian).

3. Borshevskiy, A., Mytsa, O. (2009) *Primenenie mestnykh zakonov i obychaev mirovymi sudami Bessarabii v grazhdanskom protsesse (60–70-e gody XIX v.)* [Application of local laws and customs by Justice of the Peace courts in Bessarabia during civil proceedings (1860s–1870s)]. *Mirovoy sud'ya*. no 4. pp. 2–5 (In Russian).

4. Budak, I.G. (1961) *Burzhuaznye reformy 60–70-kh gg. XIX v. v Bessarabii* [Bourgeois reforms of the 1860s – 1870s in Bessarabia]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

5. Vedomost' o deyatel'nosti sudebnykh pristavov pri Kishinevskom s"ezde mirovykh sudey s 1 yanvarya 1870 goda po 1 iyulya 1872 goda (1872) [Statement on the activities of bailiffs at the Chişinău Congress of Magistrates from January 1, 1870 to July 1, 1872]. *Bessarabskie oblastnye vedomosti*. 78. p. 440.

6. Vedomost' ob obrazovatel'nom tsenze lits sudebnogo vedomstva. Prilozhenie k spisku chinov vedomstva Ministerstva yustitsii 1889 goda [Statement on the educational qualification of persons of the judicial department. Appendix to the list of ranks of the Department of the Ministry of Justice of 1889]. St. Petersburg: Senate, 1889. 324 p.

7. Verniaev, I.I. (2019) *Adaptatsiya mirovoy yustitsii Rossiyskoy imperii na Yuzhnom Kavkaze* [Adaptation of Imperial Jurisdiction of Magistrates' courts in Transcaucasia]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 64, no 4. pp. 1240–1256 (In Russian) DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.405

8. Verniaev, I.I. (2021) *Professionalizatsiya, demokratizatsiya i «korenizatsiya» korpusa mirovykh sudey Yugo-Zapadnogo kraya v pozdneimperskoy Rossii* [Professionalization, Democratization, and Nativization of the Justice of the Peace Corps in the South-Western Provinces in the Late Imperial Russia]. *Bylye Gody*. 16 (4). pp. 1835–1848 (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2021.4.1835

9. Gosudarstvennaya Duma. Tretiy sozyv. Stenograficheskie otchety. 1909 g. Zasedaniya 1–32 (1910) [The State Duma. Third convocation. Verbatim records. 1909. Sessions 1–32]. St. Petersburg: State Printing House. 3796 p.

10. Gotlib, I. (1870) *Lzhe-advokaty* Лже-адвокаты [Pseudo-lawyers]. / *Bessarabskie oblastnye vedomosti*. 56. p. 211.
11. Grossman, S.M. (1904) *Mestnye zakony Bessarabii* [Local laws of Bessarabia]. St. Petersburg: A.G. Rosen.
12. Doklad Predsedatelya Orgeevskogo s"ezda mirovykh sudey Orgeevskomu 4-mu ocherednomu Zemskomu Sobraniyu (1874) [Report of the Chairman of the St. George Congress of Magistrates to the Orhei 4th Regular Zemstvo Assembly]. *Sbornik Bessarabskogo zemstva*. 3. pp. 27–41.
13. Egunov, A.N. (1881) *Mestnye grazhdanskie zakony Bessarabii* [Local civil laws of Bessarabia]. St. Petersburg: M. Ettinger.
14. Kiriya, K. (1872) Ob"yasnitel'naya zapiska k otchetnym vedomostyam o deyatelnosti Kishinevskogo sudebno-mirovogo okruga s yanvarya 1870 po 1 iyulya 1872 g. [Explanatory note to the accounting statements on the activities of the Chişinău Judicial and Justices of the Peace District, from January 1870 to July 1, 1872] *Bessarabskie oblastnye vedomosti*. 78. p. 440.
15. Chişinău. March 14 (1870) [Chişinău, March 14]. *Bessarabskie oblastnye vedomosti* 21. p. 72.
16. Kolychev, A.A. (1912) *Kassatsionnaya praktika Pravitel'stvuyushchego senata po gorodskim i zemskim delam* [Cassation practice of the Governing Senate on City and Zemstvo Affairs]. St. Petersburg: Zemstvo affairs.
17. Kustryabova S., Zakhariya S.K. (2002) Vvedenie v Bessarabskoy oblasti Sudebnykh Ustavov Aleksandra II 1864 g. i ikh vliyanie na sudoustroystvo kraia. Otsenki dannykh protsessov v istochnikakh i literature [Introduction of the Judicial Statutes of Alexander II in Bessarabia in 1864 and their impact on the judicial system of the region: assessments in sources and historiography]. In: *Probleme ale ştiinţelor socio-umane şi modernizării învăţământului*. Vol. II. Chişinău, 2002 (In Russian).
18. Medushevskiy, A.N. (2005) Proekty agrarnykh reform v Rossii: XVIII – nachalo XXI veka [Agrarian reform projects in Russia: 18 th – the beginning of the 21st century]. Moscow: Nauka.
19. O deyatelnosti mirovykh sudey i sudebno-mirovogo s"ezda za vremya s 1 yanvarya 1876 goda po 1 yanvarya 1877 goda (1878) [On the activities of Justices of the Peace and the Judicial Congress during the period from January 1, 1876 to January 1, 1877]. *Sbornik Bessarabskogo zemstva*. 4. pp. 34–37.
20. Ob izbranii uchastkovogo mirovogo sud'i (1884) [On the election of a district magistrate]. *Vestnik Bessarabskogo zemstva*. 11. pp. 353–355.
21. Otchet Orgeevskoy uездной upravy o deystviyakh i rasporyazheniyakh ee za vremya s 1 oktyabrya 1877 goda po 1 oktyabrya 1878 goda (1879) [Report of the Orhei County Council on its actions and orders for the period from October 1, 1877 to October 1, 1878]. *Sbornik Bessarabskogo zemstva*. 3. pp. 22–24
22. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii 1897 g.

(1905) [The First General Census of the Russian Empire in 1897]. St. Petersburg: Central Statistical Committee

23. Popp, I.A. (2011) *Mirovoy sud v Permskoy gubernii* [The Magistrate's Court in the Perm province]. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information.

24. Ravvich, M.B. (1893) *Sbornik senatskikh raz"yasneniy po voprosu mestnykh zakonov Bessarabii* [Collection of Senate explanations on the issue of local laws of Bessarabia]. Chişinău: E. Shliomovich.

25. RGIA (Russian State Historical Archive). F. 1405. Op. 544. d. 7649.

26. RGIA. Ф. 1405. Op. 545. d. 14502.

27. Resheniya Grazhdanskogo kassatsionnogo departamenta Senata za 1900 g. (1911) [Decisions of the Civil Cassation Department of the Senate for the Year 1900]. Ekaterinoslav: Printing House of I. Kogan.

28. *Sbornik statisticheskikh svedeniy Ministerstva yustitsii*. Vyp. 5. *Prilozheniya* (1890) [Collection of statistical data of the Ministry of Justice. Issue 5. Appendices]. St. Petersburg: Senate.

29. *Sbornik statisticheskikh svedeniy Ministerstva yustitsii*. *Dopolnenie k pervomu vypusku. Obzor deyatel'nosti sudebno-mirovykh ustanovleniy za 1884 i 1885 gody* (1887) [Collection of statistical data of the Ministry of Justice. Supplement to the first issue. Review of the activities of judicial and the Justice of the Peace institutions for 1884 and 1885]. St. Petersburg: Senate.

30. Soroka, P.P. (1878) *Geografiya Bessarabskoy gubernii* [Geography of the Bessarabian province]. Chişinău: A. Popov.

31. *Spisok chinam vedomstva Ministerstva yustitsii*. Ch. 2 (1889) [List of personnel of the Ministry of Justice. 1889. Part 2]. St. Petersburg: Senate. 1

32. *Spisok chinam vedomstva Ministerstva yustitsii*. Ch. 3 (1891) [List of personnel of the Ministry of Justice. 1891. Part 3]. St. Petersburg: Senate.

33. *Sudebno-mirovye uchrezhdeniya* (1973) [The Justice of the Peace institutions]. *Bessarabskiy adres-kalendar'*. 1973. Chişinău: Regional Board, pp. 116–131.

34. Sulyak, S.G. (2015) *Rusiny Bessarabii v XIX – nachale XX v.: k probleme chislennosti* [The Rusins of Bessarabia in the 19th - beginning of the 20th Centuries: the Question of Numbers]. *Rusin*. (1)39. pp. 95–115. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/7

35. Suruchan, D.D. (1888) *K voprosu o razrushenii rezeshskogo zemlevladieniya v Bessarabii* [On the question of the destruction of Rezesh land ownership in Bessarabia]. *Novorossiyskiy telegraf*. 4015.

36. Tyutryumov, I.M. (1913) *Zakony grazhdanskie s raz"yasneniem Pravitel'stvuyushchego Senata i kommentariyami russkikh yuristov* [Civil laws with explanations of the Governing Senate and comments of Russian lawyers]. St. Petersburg: Legal studies, 1913.

37. Shatkovskaya T.V. (2009) *Obychnoe pravo rossiyskikh krest'yan vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [The customary law of Russian peasants of

the second half of the 19th – early 20th century]. Rostov-on-Don: Southern Federal University.

38. Shimanovskiy, M.V. (1898). *O rezeshakh i rezeshskom vladenii* [About Rezesh and Rezesh ownership]. Odessa: B. Sapozhnikov.

39. Shimanovskiy, M.V. (1897). *Ukazatel' sudebnym resheniyam po voprosam mestnogo bessarabskogo grazhdanskogo prava* [Index to judicial decisions on issues of local Bessarabian civil law.]. Odessa: B. Sapozhnikov.

40. Baberowski, J. (2006) Law, the judicial system and the legal profession. In: Lieven, D. (ed.) *Cambridge History of Russia. Vol. II: Imperial Russia, 1689–1917*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 344–368.

41. Burbank, J. (2004) *Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917*. Bloomington: Indiana University Press.

42. Kirmse, S. (2019) *The Lawful Empire. Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108582711

43. Neuberger, J. (1994) Popular Legal Cultures: The St. Petersburg Mirovoi Sud. In: Eklof, B.; Bushnell J.; Zakharova, L. (Eds.) *Russia's Great Reforms, 1855–1881* Bloomington: Indiana University Press.

44. Pearson, Th. (1984) Russian Law and Rural Justice: Activity and Problems of the Russian Justices of the Peace, 1865–1889. *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. Vol. 32, no 1. pp. 52–71.

Верняев Игорь Иванович – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Россия); старший научный сотрудник Тюменского государственного университета

Igor I. Verniaev – St. Petersburg State University; University of Tyumen (Russia).

E-mail: i.verniaev@spbu.ru

УДК 94(47+477)"19/21"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/74/6

Межэтническое разделение труда в Бессарабской губернии по данным переписи 1897 г.*

В.П. Зиновьев^{1,2}, С.Г. Суляк³

¹ Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

² Тюменский государственный университет
Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
E-mail: vpz@tsu.ru

³ Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Цель настоящей статьи – выявить наличие феномена межэтнического разделения труда в Бессарабской губернии. На основе данных переписи 1897 г. доказано, что межэтническое разделение труда, основанное на разных укладах жизнеобеспечения этносов и существенное для восточных регионов империи, для Бессарабской губернии было явлением рудиментарным. Перепись 1897 г. учла в губернии всего 1 935 412 чел. населения, в том числе 474 452 самостоятельных лица и 1 460 960 лиц, живущих за счёт их средств. Главным занятием населения губернии являлось земледелие, оно и обеспечивало расширенное воспроизводство рабочей силы: 281 579 (59,3 % от всех занятых в народном хозяйстве) самостоятельных земледельцев обеспечивали себя и 686 446 членов семей (иждивенцев) или, другими словами, один кормил еще 4 чел. Земледельцы покрывали дефицит кадров в других отраслях производства и в сельской местности и в городах. Жители Бессарабской губернии, кроме земледелия, занимались промышленностью – 46 460 (9,8 %), услугами – 45 422 (9,6 %), торговлей – 34 527 (7,3 %), службой в вооружённых силах – 1 7055 (3,6 %), транспортом – 7 030 (1,5 %) и т.д. К концу XIX в. межэтническое разделение труда населения в Бессараб-

* Результаты исследования получены при поддержке гранта правительства России № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

ской губернии формировалось не как наследие традиционных занятий, а вследствие политических и экономических факторов. Славянское, тюркское, немецкое население имело схожие структуры занятости с преобладанием земледелия. Слабо интегрировались в городское сообщество турки, цыгане, албанцы, немцы, белорусы. Молдаване и малороссы, составлявшие вместе 1,3 млн чел., т.е. большинство населения губернии, в городах играли вторые роли, насчитывая 88 тыс. чел. или около 30 % горожан. Велikorусское население выполняло основные связующие хозяйственные, культурные и управленческие функции, сохраняя традиционное земледелие как ведущее занятие. Поляки, евреи сосредоточились в городах и играли важную роль в торгово-промышленной жизни, в управлении и культурной сфере региона.

Ключевые слова: Бессарабская губерния, межэтническое разделение труда, хозяйственное развитие, русские, молдаване, евреи, болгары

Interethnic division of labor in Bessarabia according to the 1897 census*

Vasiliy P. Zinoviev^{1, 2}, Sergey G. Sulyak³

¹ Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

² Tyumen State University

6 Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russia

E-mail: vpz@tsu.ru;

³ St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

The article aims at identifying the phenomenon of interethnic division of labor in Bessarabia. Based on the data of the 1897 census, the authors prove that the interethnic division of labor, based on different ways of life of ethnic groups and essential for the eastern regions of the Russian Empire, was rudimentary in Bessarabia. The 1897 census took into account a total of 1,935,412 residents of the province, including 474,452 active working population and 1,460,960 of their dependents. The main occupation of

* The results were obtained under the grant of the Russian Federation Government, Project № 075-15-2021-611 "Human in the Changing Space of Ural and Siberia".

Bessarabian residents was agriculture, which ensured the expanded reproduction of the labor force: 281,579 (59.3% of all employed in the national economy) independent farmers provided for themselves and 686,446 family members (dependents), or in other words – one fed another four people. Farmers covered the shortage of personnel in other branches of production both in rural and urban areas. In addition to agriculture, residents of Bessarabia were engaged in industry – 46,460 (9.8%), service – 45,422 (9.6%), trade – 34,527 (7.3%), military forces – 17,055 (3.6% of all employed), transportation – 7,030 (1.5%), etc. By the late 19th century, the interethnic division of labor in Bessarabia had formed not as a legacy of traditional occupations, but as a result of political and economic factors. Slavic, Turkic, and German populations had similar employment structures, with agriculture predominant. Turks, Gypsies, Albanians, Germans, and Belarusians were poorly integrated into the urban community. Moldovans and Little Russians, who together made up 1.3 million people, that is, the majority of the Bessarabian population, played second roles in the cities, numbering 88,000 or about 30% of the townspeople. The Great Russian population performed the main binding economic, cultural, and managerial functions, preserving traditional agriculture as the leading occupation. Poles and Jews concentrated in cities and played an important role in commercial and industrial life, in the administration and cultural sphere.

Keywords: Bessarabia, interethnic division of labor, economic development, Russians, Moldovans, Jews, Bulgarians

Настоящая статья продолжает анализ межэтнического разделения труда в России в конце XIX в. Начат он Е.В. Карих [4; 5]. Она доказала факт существования межэтнического разделения труда в Сибири. Статистический анализ переписи 1897 г. проведен ею по Тобольской, Томской губерниям, Омскому уезду Акмолинской области, т. е. по той территории, которая относится сейчас к Западной Сибири, по Якутской области [6].

Проведенный анализ материалов переписи населения Российской империи 1897 г. по Енисейской, Иркутской губерниям, Забайкальской области подтвердил вывод Е.В. Карих, сделанный на материалах Западной Сибири, о делении населения на скотоводов-тюрьков на юге губерний, пришлых, в основном русских, земледельцев в средней их полосе и охотников и рыболовов эвенков и ненцев в таежной и арктической зонах [1: 137–141; 2: 40–48; 3]. Разрушение традиционных систем жизнеобеспечения у коренных народов Сибири в разных районах края шло в направлении перехода от охоты и скотоводства к земледелию как к более эффективному способу получения средств существования. Цель настоящей статьи – выявить наличие феномена

межэтнического разделения труда в западной многонациональной Бессарабской губернии.

Данные анализируемых таблиц XXII, XXIII, XXIV переписи 1897 г. опубликованы только в погубернских томах, не сведены в общеимперские итоги, поэтому редко используются исследователями.

Сведения таблицы № XXII «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка» по Бессарабской губернии в обобщенном виде представлены в табл. 1. В таблице также выделены наиболее крупные по численности народы: славянские – русские (великороссы, малороссы¹ и белорусы), поляки, болгары, другие индоевропейские народы – молдаване, немцы, греки, албанцы, армяне, цыгане, тюркские народы – турки (вероятнее всего – гагаузы), туркмены, татары, семитский народ – евреи.

Данные в табл. 1 сгруппированы по той же форме, что и по областям и губерниям России для того, чтобы получить сравнимый материал по всей территории империи. Рубрики таблицы XXII «Род занятий населения» из переписи в табл. 1 были укрупнены по той же методике, что и по другим регионам, поскольку для анализа межэтнического разделения труда не требуется столь подробного определения рода занятий населения.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. [8]

Анализ данных табл. 1 показывает, что в Бессарабской губернии перепись 1897 г. учла всего 1 935 412 чел. населения, в том числе 474 452 самостоятельных лица и 1 460 960 лиц, живущих за счет их средств. Таким образом, занятия населения в губернии в целом обеспечивали простое воспроизводство рабочей силы. Один занятый содержал себя и в среднем 3,1 члена семьи. Города губернии, судя по данным переписи, не обеспечивали воспроизводства населения, так как самостоятельное население городов губернии насчитывало 109 302 чел., которые обеспечивали 184 030 иждивенцев, т. е. на одного работающего приходилось 1,8 члена семьи. В сельской местности насчитывалось 1 642 080 чел., в том числе самостоятельного 365 150 чел. и 1 276 930 чел. неработающих членов семей. На одного самостоятельного жителя сел и деревень приходилось 3,5 члена семей [8: 152]. Если же учесть только население, занятое сельским хозяйством, рыболовством и охотой, то соотношение самостоятельного населения и иждивенцев вырастет до 1 к 4,1 [8: 216]. В сельской местности губернии осуществлялось расширенное воспроизводство рабочей силы, а в городах был ее дефицит, что характерно для раннеиндустриального времени, когда отхожие промыслы осуществлялись перемещением рабочей силы преимущественно без семей.

Таблица 1
Распределение населения Бессарабской губернии по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г., чел.

№	Род занятий населения	Население губернии		Великороссы		Малороссы		Белорусы	
		Самодёя- тёльное	Иждивенцы	Самодёя- тёльное	Иждивенцы	Самодёя- тёльное	Иждивенцы	Самодёя- тёльное	Иждивенцы
1-3	Управление	4 933	10 284	2 488	5 535	811	566	16	16
4	Военнослужащие	17 055	1 447	8 065	1 130	2 622	93	68	0
5-8	Служители культа	4 705	9 732	605	1 863	424	748	6	13
9-12	Образование, наука, культура, медицина	5 821	8 134	1 735	2 303	495	485	14	17
13	Прислуга	45 422	40 089	10 664	7 450	9 967	10 395	98	78
14-15	Рантье	14 247	10 622	4 150	3 305	1 488	681	15	12
16	Арестанты	1 055	3	317	0	120	1	0	0
17-18	Земледелие и пчеловодство	281 579	686 446	13 360	45 366	69 684	253 351	325	1 079
19	Животноводство	4 871	4 203	286	327	782	822	2	4
20	Лесные промыслы	659	1 011	245	334	215	310	1	1
21	Рыболовство, охота	1 407	6 269	703	3 799	460	1 691	6	10
22-40	Промышленность	46 460	91 434	8 777	14 521	5 065	8 972	133	309
41-45	Транспорт и связь	7 030	15 266	1 950	4 168	1 738	2 457	70	85
46-62	Торговля	34 527	92 618	4 037	6 657	1 306	2 145	25	59
63	Неопределенные занятия	2 633	3 508	477	524	339	202	2	0
64	Проституция	173	27	52	4	5	2	0	0
65	Занятия не указаны	1 875	1 366	318	157	195	150	1	0
	Итого	474 452	1 460 960	59 231	97 543	95 662	284 036	788	1 683

Продолжение табл.1

№	Поляки		Болгары		Молдаване		Немцы		Греки	
	Самодетель-ное	Иждивенцы	Самодетель-ное	Иждивенцы	Самодетель-ное	Иждивенцы	Самодетель-ное	Иждивенцы	Самодетель-ное	Иждивенцы
1-3	338	393	283	356	724	1 465	106	308	34	56
4	2 558	79	162	13	844	78	820	21	35	2
5-8	11	17	146	333	2 477	3 303	24	76	14	18
9-12	235	196	131	152	680	585	198	367	30	12
13	1 368	927	727	833	11 562	8 278	815	747	194	111
14-15	346	223	507	556	4314	1 635	405	252	150	160
16	18	0	12	0	407	0	5	0	2	0
17-18	468	763	15 517	74 567	157 604	693 516	9 246	36 438	205	297
19	15	16	137	187	3370	1 975	11	629	1	2
20	13	11	5	1	75	103	2	6	2	0
21	2	13	14	37	115	426	1	4	8	2
22-40	1 087	1 364	1 943	3 636	6131	10 829	2 588	6 101	235	254
41-45	189	371	72	134	858	2 220	68	148	12	14
46-62	256	257	903	1 836	1 917	3 209	192	394	363	393
63	55	26	31	34	862	1 194	15	20	10	6
64	6	0	0	0	39	20	2	1	0	0
65	33	31	41	20	594	354	36	29	7	2
Итого	7 008	4 688	20 529	82 969	192 595	728 324	14 700	45 506	1 406	1 331

№	Албанцы		Армяне		Цыгане		Евреи		Турки*		Татары	
	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы
1-3	0	0	17	38	5	13	172	535	21	26	3	1
4	0	0	17	0	3	0	1 007	20	23	0	535	1
5-8	0	1	12	30	0	0	972	3 311	8	12	0	2
9-12	0	0	21	14	6	5	2 181	4 001	17	9	3	0
13	3	0	53	183	150	144	9 491	10 825	110	73	11	2
14-15	3	0	126	174	22	7	2 587	3 567	53	17	6	13
16	0	0	3	0	23	0	142	2	2	0	1	0
17-18	150	682	116	218	542	1 781	3 546	12 165	10 556	12 478	21	119
19	0	0	5	0	3	9	61	117	80	110	0	0
20	0	0	0	0	0	0	98	240	1	5	0	0
21	0	0	1	0	0	0	95	266	0	0	1	0
22-40	4	2	121	134	1 264	3 941	18 793	41 160	244	338	11	9
41-45	0	0	12	2	339	956	1 924	6 481	95	140	2	0
46-62	5	1	209	436	40	86	25 001	76 523	110	197	0	5
63	0	0	7	1	156	361	662	1 112	9	0	14	20
64	0	0	0	0	0	0	69	18	0	0	1	0
65	0	0	15	15	16	9	576	473	25	9	0	0
Итого	162	686	835	1 245	2 272	6 364	67 355	160 813	11 256	44 936	610	167

Источник подсчёта: [8: 158-165].

* Включая 405 туркмен.

Главным занятием населения губернии являлось земледелие, оно и обеспечивало расширенное воспроизводство рабочей силы: 281 579 (59,3 % от всех занятых в народном хозяйстве) самостоятельных земледельцев обеспечивали себя и 686 446 членов семей (иждивенцев) или, другими словами, один кормил еще 4 чел. Для простого воспроизводства достаточно 3 чел., поэтому минимум пятая часть населения деревни была лишней. Земледельцы покрывали дефицит кадров в других отраслях производства, в сельской местности, а также и в городах.

Жители Бессарабской губернии, судя по данным табл. 1, кроме земледелия, занимались промышленностью – 46 460 (9,8 %), услугами – 45 422 (9,6 %), торговлей – 34 527 (7,3 %), транспортом – 7 030 (1,5 %). В управлении регионом были заняты 4 933 чел., или 1 % всех работников, в учреждениях культуры, образования, науки, медицинского обслуживания – 5 821 чел., или 1,2 %, в исправлении религиозных культов – 4 705 чел., или около 1 %, в вооруженных силах – 17 055 чел., или 3,6 % всех занятых. Кроме того, учтены как лица неопределенных занятий 2 633 чел. (0,55 %), не указали род занятий 1 875 чел., или 0,4 % всех занятых. Отдельно зафиксированы 14 247 чел. живущих за счет Казны и частных лиц (3,0 %), и 1 055 чел., находящихся под арестом (0,22 % всех занятых). Животноводство (4 871 чел., или 1,01 %), рыболовство и охота (1 407 чел., или 0,3 % занятых), которые в восточных районах империи были одним из традиционных занятий коренного населения, составившие основу межэтнического разделения труда, в Бессарабской губернии ни один из народов не назвал основным видом деятельности (см. табл. 1).

Из этнических особенностей разделения труда можно отметить связанные уже не с традиционными занятиями аграрного мира, а с индустриальным и культурным развитием региона.

Наиболее крупный коренной этнос – молдаване – был занят в основном земледелием: 157 604 (81,8 %) из 192 595 чел., услугами – 11 562 чел. (6,0 %), промышленностью – 6 131 чел. (3,2 %), животноводством – 3 370 чел. (1,7 %), жили на попечении Казны и родственников – 4 314 чел. (2,2 %), занимались торговлей – 1 917 чел. (1,0 %). Большой среди молдаван была доля служителей культа – 2 477 чел. (1,3 % самостоятельного населения).

Славянские этносы были заняты преимущественно в земледелии: белорусы на 41,2 %, малороссы на 72,8 %, болгары на 75,6 %, затем в услужении – на 12,4; 10,4; 3,5 % соответственно; в промышленности – 16,9; 5,3; 4,6 %; на военной службе – 8,6; 2,7; 0,8 %; в торговле – 3,3; 1,7; 4,4 %.

Великороссы по сферам деятельности были распределены более

равномерно: в земледелии – на 22,5 %, в услужении – на 18,0 %, в промышленности – на 14,5 %, на военной службе – на 13,6 %, в торговле – на 6,8 %, в управлении – на 4,2 %, на транспорте и связи – на 3,3 %, в сфере образования, науки, медицины – на 2,9 % и т. д.

Поляки были заняты преимущественно на военной службе (2 558 чел.), в услужении (1 368), в промышленности (1 087), в земледелии (468), в управлении (338 чел.) из 7 008 самостоятельных представителей этноса в губернии.

Немцы были заняты в земледелии (9 246 чел.), в промышленности (2 588), на военной службе (820), в услужении (815 чел.), в сфере культуры и образования (198 чел.), в торговле (192 чел.) из 14 700 самостоятельных лиц.

Евреи в основном сосредоточились в торговле (25 001 чел.), в ремесле (18 793 чел.), услугах (9 491), земледелии (3 546), образовании, науке, медицине (2 181), транспорте и связи (1 924), на военной службе (1 007) из 67 355 самостоятельных лиц этой национальности в губернии. У евреев наибольшим среди всех этносов было число лиц неопределенных занятий или их не указавших – 1 238 чел. (см. табл. 1).

Греки, зафиксированные переписью в небольшом количестве – 1 406 самостоятельных лиц, занимались в основном торговлей – 393 чел., промышленностью – 235, услугами – 194, земледелием – 205 чел.

Аналогичной была структура занятости армян: из 835 самостоятельных лиц этого этноса в торговле были заняты 209, в промышленности – 121, в услужении – 153, в земледелии 116 чел.

Цыгане – 2 272 самостоятельных лица, были заняты в промышленности (ремесле) – 1 264, в земледелии – 543, в транспорте – 339, в услужении – 150 чел. Значительным было число лиц неопределенных занятий – 156 чел.

Албанцы практически все были заняты земледелием – 150 чел. из 162 самостоятельных лиц.

Признавших родными турецко-татарские языки (в т. ч. турецко-османский) было 57 045 чел. (2,88 % населения губернии). На турецко-османском говорило 55 790 чел. Среди них 55 615 чел. были православными, т. е. гагаузами, и только 43 мусульманами. Всего православных, говорящих на турецко-татарских языках, было 56 256 чел. (97,7 % мужчин и 99,6 % женщин) [8: XXI–XXII, 73–74, 77; 9: 20]. На татарском языке говорило 777 чел., на чувашском – 73, на туркменском – 405 чел. [8: 73]. Мусульманами в Бессарабии записались 617 чел., из них 585 – носители турецко-татарских языков. Гр. Щуровский в кратком анализе данных переписи по Бессарабской губернии упомянул, что среди местных тюрок осталось незначительное количество ногайцев (буджакских татар), кочевавших с XV в. в Буджаке [8: XXI]. У

«турок» 11 183 самостоятельных лиц, занимались главным образом земледелием – 10 485 чел., немного промышленностью – 244 чел., услугами и торговлей – по 110 чел. [8: 163].

Татары, учтенные переписью в губернии, оказались преимущественно военнотружущими: 535 из 610 самостоятельных лиц (см. табл. 1).

Особенности профессиональной занятости отразилась и на размещении этносов в губернии. Греки (на 52,4 %), поляки (на 54 %), армяне (на 62,2 %) жили преимущественно в городах, поскольку занимались торговлей, ремеслами, услужением.

Евреи официально числились жителями городов на 47,8 % (подсчет по данным табл. 2). Однако мещанское еврейское население Бессарабии почти в два раза превышало городское. По временным правилам 1882 г. евреям было запрещено, за редким исключением, селиться в сельской местности и приобретать земли, поэтому они жили в местечках – торгово-промышленных поселениях с особым статусом [7: 314–321]. Составители же переписи 1897 г. не включили местечки в число городов, а их жителей в число горожан.

Евреи составляли значительную часть горожан Бессарабии – 37,2 %, или 109 065 из 293 332 чел. городского населения, великороссы, соответственно, составляли 24,4 %, или 71 621 чел., малороссы – 15,5 %, или 46 214 чел., молдаване – 14,2 %, или 41 549 чел., болгары – 3,9 %, или 11 571, поляки – 2,1 %, или 6 154 чел. Таким образом, население городов Бессарабии были на 45,9 % славянским, на 37,2 % – еврейским и только на 14,2 % – молдавским. Славяне, кроме главного для себя земледелия, занимались, как и евреи, торгово-промышленной деятельностью, управлением, образованием, молдаване, немцы, турки – преимущественно сельским хозяйством (земледелием, скотоводством), прочие занятия для них не были существенными.

Каков был сословный статус представителей основных этносов Бессарабской губернии, дает представление таблица XXIV «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям» [8: 227–228]. На основании данных таблицы XXIV были получены сведения о распределении наиболее крупных народов губернии по сословиям (табл. 2). Анализ сведений таблицы показывает, что сословная идентичность населения Бессарабии прямо не зависела этнической принадлежности, как, например, у инородцев Сибири, только у евреев этнос на 95,4 % совпадал с городскими сословиями мещан (214 920 чел.), купцов (2 362 чел.) и почетных граждан (362 чел.) из 228 168 лиц еврейского этноса. Молдаване, малороссы, немцы, болгары, турки, албанцы числились по большей части крестьянами. Мещане относительно преобладали среди русских, поляков, греков, армян, цыган (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение населения Бессарабской губернии по сословиям
и по родному языку по данным переписи 1897 г. (душ обоего пола), чел.**

Народы	Сословия						
	Дворя- не	Лица духовного звания	Почет- ные гра- ждане	Куп- цы	Мещане	Кре- стьяне	Вой- сковые казаки
Все народы, в т. ч.:	21 863	10 915	17 596	3 492	455 476	1 396 362	1 184
Русские	13 240	2 631	2 891	598	65 050	64 683	1 093
Малороссы	1 276	1 135	1 524	22	78 694	290 487	50
Белорусы	42	18	4	5	1 148	1 182	0
Поляки	2 166	8	58	65	2 769	4 181	0
Болгары	151	595	211	74	11 742	89 841	0
Молдаване	4 281	6 368	12 239	79	71 268	821 603	38
Немцы	231	32	37	97	2 103	54 749	0
Греки	81	23	26	66	697	256	0
Албанцы	0	0	0	0	4	837	0
Армяне	132	33	39	115	1 281	113	0
Цыгане	1	0	6	0	4 809	3 777	0
Евреи	160	0	362	2 362	214 920	7 650	0
Турки	10	66	182	6	590	56 074	0

Продолжение табл. 2

Народы	Сословия				
	Лица, не входя- щие в назван- ные сословия	Про- чие	Ино- странцы	Итого в губернии	В городах
Все народы, в т. ч.:	4 153	1 214	23 157	1 935 412	293 332
Русские	1 718	465	3 405	155 774	71 621
Малороссы	1 136	179	5195	379 698	46 214
Белорусы	16	9	45	2 471	342
Поляки	173	39	2 207	11 393	6 154
Болгары	20	46	545	103 225	11 571
Молдаване	924	279	3 840	920 919	41 549
Немцы	26	12	2 919	60 206	2 100
Греки	3	6	1 575	2 737	1 435
Албанцы	0	0	6	848	13

Армяне	3	4	360	2 080	1 293
Цыгане	1	3	39	8 636	446
Евреи	125	127	2 462	228 168	109 065
Турки и татары	3	19	97	57 045	801

Источник: [8: 227–228].

Деление населения в переписи произведено по основным занятиям. Однако население губернии, кроме основных занятий, занималось сотнями различных отхожих побочных промыслов. Таблица XXIII «Распределение населения, занимающегося сельским или кочевым хозяйством, рыболовством и охотой по побочным промысловым занятиям» дает представление о масштабах отхожих и побочных промыслах сельского населения (табл. 3). Данные о промысловых занятиях сгруппированы по отраслям производства и родам деятельности для удобства анализа.

Таблица 3

Распределение сельского населения Бессарабской губернии по побочным промыслам по данным переписи 1897 г., чел.

Побочные промыслы	Самодельных	Членов семей	Итого
Общее число занятых в сельском хозяйстве	287 857	1 175 419	1 463 276
В том числе занимающихся побочными промыслами	52 023	23 380	75 403
Из них:			
земледелием и пчеловодством	26 653	1 314	27 967
скотоводством	1 663	197	1 860
лесными промыслами и лесоводством	590	162	752
рыболовством и промысловой охотой	1 044	123	1 167
горными промыслами	419	39	458
обрабатывающей промышленностью	10 121	19 768	29 889
строительством	3 643	456	4 099
транспортом	4 640	350	4 990
торговлей и иными занятиями	3 009	717	3 726
черной и поденной работой	4 271	3 353	7 624

Составлено по: [8: 216–224].

В губернии 1 463 276 чел. жили за счет аграрных производств, из них 75 403 (5,2 %) обращались к подсобным промыслам. Преимущественно они были связаны с кустарными промыслами, транспортом,

строительством (около 39,4 тыс. чел.) и земледелием (около 28 тыс. чел.), черными и поденными работами (7,6 тыс. чел.). Занятия скотоводством, охотой и рыболовством не были значимыми.

Можно сделать вывод, что к концу XIX в. межэтническое разделение труда как наследие традиционных занятий населения в Бессарабской губернии не было заметным. Славянское, тюркское, немецкое население имело схожие структуры занятости с преобладанием земледелия. Слабо интегрировались в городское сообщество турки, цыгане, албанцы, немцы, белорусы. Молдаване и малороссы, составлявшие вместе 1,3 млн чел., т. е. большинство населения губернии, в городах играли вторые роли, насчитывая 88 тыс. чел., или около 30 % горожан. Великорусское население выполняло основные связующие хозяйственные, культурные и управленческие функции, сохраняя традиционное земледелие как ведущее занятие. Поляки, евреи, сосредоточились в городах и играли важную роль в торгово-промышленной жизни, в управлении и культурной сфере региона.

Примечания

1. Перепись проводилась по родным языкам, «признавая родной язык признаком народности» [8: XXI]. В графе «Группы и языки» написано: «Русские». Ниже: Великорусский, Малорусский, Белорусский, Итого. Отдельно «руссинский язык» (так в переписи) как родной показали 64 чел. [8: 70]. В то время в Бессарабии проживало не менее 300 тыс. русинов [10]. Таким образом, большинство носителей малорусского языка были русинами, т. е. коренным населением края. Подобная ситуация сложилась с «турками». Из признавших родным турецко-османский язык большинство были православными гагаузами. К сожалению, никаких пояснений по этому поводу в переписи дано не было.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зиновьев В.П.* Межэтническое разделение труда в Енисейской губернии по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 137–141. DOI: 10.17223/19988613/76/16
2. *Зиновьев В. П.* Межэтническое разделение труда в Иркутской губернии по данным переписи 1897 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2022. Т. 40. С. 40–48. DOI: 10.26516/2222-9124.2022.40.40
3. *Зиновьев В.П.* Межэтническое разделение труда в Забайкальской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 149–154. DOI: 10.17223/19988613/78/19

4. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе её хозяйственного освоения. Томск: Издательство Томского университета, 2004. 232 с.

5. Карих Е.В. Экономические связи эвенков и русских на севере Иркутской губернии во второй четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 113–114.

6. Карих Е.В. Этническая структура населения Якутской области в конце XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92–95.

7. Местечко // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 5. Иерусалим, 1990. 457 с. // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/jewish-history/new-age-16-18-centuries/12737> (дата обращения: 18.07.2023).

8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцию Н.А. Тройницкого. Т. III: Бессарабская губерния. СПб.: Типография СПб. акц. общ. печ. и писчебум. дела в России «Слово», 1905. 254 с.

9. Суляк С.Г. Этнодемографические процессы в Бессарабии в XIX – начале XX в. // Русин. 2012. № 1 (27). С. 6–26.

10. Суляк С.Г. Русины Бессарабии в XIX – начале XX в.: к проблеме численности // Русин. 2015. № 1 (39). С. 95–115. DOI: 10.17223/18572685/39/7

REFERENCES

1. Zinoviev, V.P. (2022) Interethnic division of labor in the Yenisei province according to the 1897 census. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 137–141 (in Russian). DOI: 10.17223/19988613/76/16

2. Zinoviev, V.P. (2022) Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Irkutskoy gubernii po dannym perepisi 1897 g. [Interethnic division of labor in the Irkutsk province according to the 1897 census]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 40. pp. 40–48. DOI: 10.26516/2222- 9124.2022.40.40

3. Zinoviev, V.P. (2022) Interethnic division of labor in the Transbaikal region according to the 1897 census. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 149–154 (in Russian). DOI: 10.17223/19988613/78/19

4. Karikh, E.V. (2004) *Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya* [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development]. Tomsk: Tomsk State University.

5. Karikh, E.V. (2009) *Ekonomicheskie svyazi evenkov i russkikh na severe Irkutskoy gubernii vo vtoroy chetverti XIX v.* [Economic relations between Evenks and Russians in the north of Irkutsk province in the second quarter of

the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 320. pp. 113–114.

6. Karikh, E.V. (2007) Etnicheskaya struktura naseleniya Yakutskoy oblasti v kontse XIX veka [The ethnic structure of the population of the Yakut region in the late 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 296. pp. 92–95.

7. Anon. (1990) Mestechko [Shtetl]. In: Oren (Nadel), Y. & Prat, N. (eds) *Kratkaya evreyskaya entsiklopediya* [Brief Jewish Encyclopedia]. Vol. 5. Jerusalem: Society for the Study of Jewish Communities. [Online] Available from: <https://eleven.co.il/jewish-history/new-age-16-18-centuries/12737> (Accessed: 18th July 2023).

8. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* [The first general census of the Russian Empire, 1897]. Vol. 3. St. Petersburg: Slovo.

9. Sulyak, S.G. (2012) Etnodemograficheskie protsessy v Bessarabii v XIX – nachale XX v. [Ethnodemographic processes in Bessarabia in the 19th – early 20th centuries]. *Rusin*. 1(27). pp. 6–26.

10. Sulyak, S.G. (2015) The Rusins of Bessarabia in the 19th – early 20th Centuries: The Question of Numbers. *Rusin*. 1(39). pp. 95–115 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/7

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия); ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Россия).

Vasiliy P. Zinoviev – National Research Tomsk State University (Russia); Tyumen State University (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(47)+94(477)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/74/7

Украинская тематика в национальном воспитании народных масс Подолии и Волыни: по материалам церковных изданий начала XX в.*

А.А. Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9
E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Авторское резюме

Подольская и Волынская губернии имели в начале XX в. репутацию оплота монархических и русских национально-патриотических сил, а местное крестьянство считалось опорой черносотенного движения. Однако после падения самодержавия эти регионы оказались опорными территориями образуемого украинского государства, а местное крестьянство быстро превратилось из «истинно русских людей» в украинцев. В связи с этим целью статьи является изучение публикаций волынских и подольских церковных периодических изданий, посвящённых проблеме национального воспитания народных масс Правобережной Украины и месту в них украинской проблематики. В статье уделено внимание трактовкам и контексту упоминания в церковных изданиях Волыни и Подолии таких понятий, как «Украина», «украинцы», «Малороссия», «малороссы», «мазепинцы», «русины», а также важнейших исторических событий, связанных с данным регионом. Рассматривается отношение церковных изданий к украинскому и русскому национализму. Демонстрируется позиция церковных изданий по вопросу о родном для местного крестьянства языке. Показана политика церковных изданий по национальному воспитанию масс и освещению украинского вопроса на примере событий, связанных с жизнью русинов в Прикарпатье и Галичине. На основе проанализированных источников, часть которых впервые вводится в научный оборот, показано, что подход к национальному

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00071 <https://rscf.ru/project/23-28-00071/>

воспитанию крестьянских масс на Волыни и Подолии заметно отличался. Если на Волыни духовенство проводило политику, нацеленную на формирование общерусской идентичности, то подольские церковные издания акцентировали внимание на отличительных национальных чертах, подчёркивая разницу между великороссами и малороссами. Но, несмотря на разность подходов, итог в обеих губерниях оказался одинаковым. Не имея твёрдой национальной самоидентификации, крестьяне Правобережной Украины под воздействием Почаевской лавры и Союза русского народа превращались в русских, а под влиянием украинской пропаганды – в украинцев. Каждое из этих «обращений» зависело от ряда факторов, но главным из них являлось то, насколько принадлежность к тому или иному сообществу позволяло крестьянину решить острые для него социально-экономические вопросы.

Ключевые слова: Правобережная Украина, Подолье, Волынь, крестьянство, церковная пресса, Союз русского народа, черносотенцы, национальное воспитание, украинский вопрос

Ukrainian themes in the national education of peasantry in Podolia and Volhynia: following church publications of the early 20th century*

Andrei A. Ivanov

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Abstract

Podolia and Volhynia in the early 20th century were regarded as a stronghold of monarchical and Russian national-patriotic forces, with the local peasantry considered a pillar of the Black-Hundred movement. However, after the fall of the autocracy, these regions turned to be the backbone territories of the emerging Ukrainian state, and the local peasantry rapidly changed from 'true Russian people' into Ukrainians. Hence, the article studies the publications in church periodicals of Volhynia and Podolia on the problem of national education of Right-Bank Ukraine and a role of Ukrainian themes therein. The article focuses on renditions and contexts of such notions as 'Ukraine',

* The study was funded by the Russian Science Foundation, Project № 23-28-00071, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00071/>

'Ukrainians', 'Little Russia', 'Little Russians', 'Mazepinets', 'Rusins' in these publications, on the most important historical events associated with the region, and on the attitude of church towards Ukrainian and Russian nationalism. The author highlights the stand of the church on the language native for local peasantry, the policy of the religious press concerning popular education and coverage of the Ukrainian question as in cases of publications related to the life of Rusins in Transcarpathia and Galicia. Based on the analysed sources, some of which have never been in the focus of academic attention before, the author shows that Volhynia and Podolia demonstrated different approaches to national education of peasantry. While in Volhynia the clergy pursued a policy aimed at the formation of All-Russian identity, the church publications in Podolia focused on national specificity, emphasizing the difference between Great and Little Russians. However, the end result in both provinces turned to be the same. Lacking strong national self-identity, the peasantry of Right-Bank Ukraine driven by the Pochaev Lavra and the Union the Russian People tuned Russians, while those driven by Ukrainian propaganda – Ukrainians. Each of these 'conversion' depended on a number of factors, but the most important was the extent to which belonging to a particular community allowed peasants to resolve their own cutting social and economic issues.

Keywords: Right-Bank Ukraine, Podolia, Volhynia, peasantry, religious press, Union of Russian People, Black-Hundreders, national education, Ukrainian question

Губернии Правобережной Украины (Киевская, Подольская и Волынская), относившиеся к юго-западной окраине Российской империи, проявили себя в начале XX в. как оплот монархических и национально-патриотических сил. Здесь, при самом активном участии православного духовенства, сложились массовые народные черносотенные союзы, действовали политические организации русских националистов, эти губернии выбирали в Государственную думу III и IV созывов депутатов преимущественно консервативных взглядов. Именно здесь черносотенное движение, самым массовым представителем которого являлся Почаевский отдел Союза русского народа (СРН), пользовалось наибольшей поддержкой крестьянского населения, значительно превосходя по численности отделы монархических организаций в великорусских губерниях. Однако после крушения монархии и империи эта «твердыня» русского черносотенства довольно быстро стала превращаться в оплот украинства, а тысячи крестьян-черносотенцев, ранее считавшихся «истинно русскими людьми», – в украинцев. Эта метаморфоза уже не раз обращала на себя внимание историков и даже послужила основанием для выдвижения довольно смелой гипотезы, предложенной К.К. и К.И. Федевичами, предлага-

ющей рассматривать черносотенное движение Воыни и Подолии как часть «украинского национального дискурса» и «правое течение украинского национального движения» [57: 8]. Как отмечают авторы концепции, черносотенцы в этом регионе «считали украинцев/малороссов таким же народом, как и другие европейские нации. В агитации и повседневной деятельности монархисты и черносотенцы употребляли украинский и русский язык, украинскую национальную терминологию, апеллировали к украинскому патриотизму, образам украинской истории и идеям украинской региональной автономии» [57: 8]. Утверждая, что «особенно активную проукраинскую деятельность монархисты развернули на территории смешанного польско-украинского пограничья», Федевичи пишут: «...православные священники, черносотенцы и монархисты были среди главных национальных будителей украинских крестьян и мещан на Воыни, Подолье, Холмщине, Подлясье и Берестейщине» [57: 13]. В связи с этим представляется крайне важным провести контент-анализ церковных периодических изданий, адресованных как православному духовенству, так и крестьянству данного региона и обратить внимание на то, как именно и с какой целью украинская тематика использовалась на их страницах для национально-патриотического воспитания местного населения. Поскольку Киевская губерния в этом отношении лучше изучена исследователями [29], в рамках данной публикации имеет смысл остановиться на двух других губерниях края – Воынской и Подольской, ведь, как утверждается в монографии Федевичей, «совсем не случайно Воынь и Подолье, где до 1914 года черносотенцы были единственной массовой политической силой в среде украинского крестьянства, в 1918–1920 годах стали опорными территориями образуемого украинского государства» [57: 14]. Кроме того, подходы к проблематике, вынесенной в название статьи, на Воыни и Подолье заметно отличались, что также дает основание к изучению и сопоставлению местных практик.

На Воыни церковную позицию в вопросе национально-патриотического воспитания масс выражали официальные «Воынские епархиальные ведомости», издания Почаевской лавры – «Почаевский листок» и «Почаевские известия», а также газета «Воынская земля». Все они с 1902 по 1914 г. находились под контролем архиепископа Воынского и Житомирского Антония (Храповицкого), известного своими правомонархическими взглядами [24], а затем, с мая 1914 г., под присмотром владыки Евлогия (Георгиевского), являвшегося членом Главного совета партии русских националистов – Всероссийского национального союза. Большую роль в определении направления этих изданий также сыграл архимандрит Почаевской

лавры Виталий (Максименко) – председатель Почаевского СРН, бывший в 1904–1907 гг. редактором официальной части «Волынских епархиальных ведомостей», «Почаевского листка» (1905–1910 гг., с 1910 г. – редактор-издатель, в 1911–1914 гг. – издатель), «Почаевских известий» (1906–1909), издателем и редактором «Волынской земли» (1912–1915) [25].

Украинская проблематика на страницах этих изданий занимала отнюдь не центральное, но важное место. Поддерживая СРН и выражая по национальному вопросу программу данного черносотенного союза, церковные СМИ Волыни постоянно акцентировали принадлежность этого края к России, а его коренных жителей – к русским. Так, например, в одной из статей «Почаевского листка» подчёркивалось, что «население юго-западного края состоит преимущественно из трех элементов: русского, польского и еврейского», при этом «главной частью» населения в крае являются «русские крестьяне» [58: 7–8]. Архимандрит Виталий, обращаясь к волынским крестьянам, называл их русскими людьми [10: 1]. Другой автор «Почаевского листка» зывал к землякам как к «людям русским, православным», «православному русскому народу», именовал Волынь «древнерусским краем», характеризовал Москву как «единокровную» и приветствовал слияние всех русских людей в «единую неделимую Россию» [21: 1–2]. В статье, посвящённой событиям 1654 г., делался акцент на том, что это было воссоединение Малороссии и Великороссии, а не присоединение Украины к России. «Вся история Малороссии ясно показывает полную её однородность с остальной Россией, – говорилось в публикации, – поэтому странным было бы говорить о “присоединении” ее, когда мы имеем здесь типичный случай “воссоединения”. Можно говорить о присоединении Кавказа, Финляндии, Туркестана, ибо тут присоединяется нечто новое, чуждое, раньше не бывшее в связи с Русью. Один термин “воссоединение” даёт читателю, а тем более учащимся, весьма выразительное и вместе с тем исторически правильное выражение того исторического процесса, который так картинно проявился на Переяславской раде 8 января 1654 года. Ибо термин *воссоединение* знаменует соединение *вновь* таких частей, которые некогда составляли неразрывное целое» [63: 15].

Показательно, что волынские издания, как правило, избегали использования слова «украинцы» и его производных в позитивном ключе, предпочитая ему термины «малороссы», когда надо было подчеркнуть особенности местного населения (см., например, воззвание архимандрита Виталия «Братья малороссы!» [7: 1]), и «русские» (когда речь шла о религиозном, культурном и политическом единстве малороссов и великороссов). Термин «украинцы» нередко

имел негативную коннотацию, обозначая противников общерусского единства, сторонников автономной или независимой от России Украины, часто являясь синонимом к слову с однозначно негативным значением – «мазепинцы». При этом слово «Украина» для обозначения края использовалось в нейтральном и позитивном значении довольно часто. В позитивном ключе могли также употребляться слова «Україно-ненька», «Вкраїна», «Вкраїнонька», но опять-таки в значении русского края. Так, например, стихотворение «Що діється на Вкраїні» заканчивалось следующими строками: «З Царем, з Русью будем жити / И Бога хвалити!» [31: 19]. Как пояснял один из авторов «Почаевского листка», Украина «значит Малороссия, Окраина» [15: 10]. Но в некоторых публикациях Волынь противопоставлялась Украине. Так, например, неизвестный автор «Почаевского листка» писал: «Резкий, очень резкий дух Волыни сравнительно с Украиной» [14: 10]. Но и в этом случае слово «Украина» не имело негативной коннотации. Как раз напротив, сравнивая Волынь и «украинский» Киев, куда переехал автор статьи, он писал про этот древний город: «...я приехавший сюда, чувствовал себя как бы в Москве», и выражал удовлетворение, что здесь гораздо легче «служить русскому делу» [14: 10].

В одной из публикаций «Волынских епархиальных ведомостей» приводились слова обер-прокурора Св. Синода В.К. Саблера, который, обращаясь с назидательным словом к житомирским семинаристам, поучал их: «Мазепинцы... желают отторгнуть от единства России всю её Юго-западную часть: Волынь, Киевлянину, Подолию и другие обл[асти]. Они стараются доказать, что есть какой-то украинский народ, который имеет право на политическую самостоятельность. Я знаю прекрасные малороссийские песни, полные поэзии... но ни одна из них не дышит той злобой и ненавистью к России, которую питают к ней враги её мазепинцы» [1: 785]. В статье, посвящённой Т.Г. Шевченко, особо подчёркивалось, что, говоря о kobzare, «невозможно умолчать о братоубийственном мазепинском движении, знаменем которого стало имя названного поэта» [46: 126]. «Движение это, – отмечалось далее, – основывается на разжигании вражды между малороссами и великороссами, которые будто бы представляют (вопреки всем данным истории и филологии) два совершенно различных народа» [46: 126]. В другой публикации, направленной на воспитание национального общерусского единства на примере полтавцев И.И. Искры и В.Л. Кочубея, сообщивших Петру I о готовящейся измене гетмана И.С. Мазепы, отмечалось: «В настоящее время, когда сепаратические стремления разных народностей стараются поколебать исторически-сложившийся уклад и единство Русского государства, когда каждая маленькая народность, с территорией не более уезда, стремится к

политической автономии, когда даже среди единокровных с великороссами малороссиян появляются утопичные мечтатели о самостоятельной малороссийской республике, – поучительно и благовременно вспомнить о подвиге двух святых мучеников из малороссиян, своею кровью запечатлевших свою верность и преданность Престолу и Помазаннику Божию, явивших пример высокого патриотизма, пример, подобный подвигу бессмертного Ивана Сусанина» [28: 385]. Издание особо подчёркивало, что «спасение и благо Малороссии – не в республике с президентом Мазепою... не в эфемерных “привилегиях” Речи Посполитой, под гнетом которой слишком 200 л[ет] мучилась Украина; не в турецком подданстве, неволя которого хорошо была знакома украинцам; а в единении, в политическом слиянии с единокровной и родной нам Россией...» [28: 386]. В конце статьи высказывалось пожелание, чтобы 200-летний юбилей со дня «мученической кончины двух выдающихся представителей Украины... пострадавших за верность и преданность России», не прошел незамеченным «среди русских людей», для чего необходимо в церквях и школах рассказывать простому народу об их поступке, казни и «подлой измене учителя их Ив. Мазепы» [28: 386–387].

В «Почаевском листке», ориентированном на менее притязательную публику, публиковались многочисленные вирши, в которых мазепинство представлялось в крайне неприглядном виде. Так, например, стихотворение «Сон мазепынця», повествующее о мечтах последнего прогнать «з неньки Украины» всех «кацапив», оканчивалось следующими строками: «Сука йому морду мые, / А свинья торкає: / Вставай, вставай, мазепинець, / Вже добре свитає. / Вставай, вставай, мазепинець, / Сонце вже с полудня / А ты лежиш у колюжи, / Стерво ты паскудне!» [53: 6]. В более художественном стихотворении «Горе Украйны», написанном на литературном русском языке, прославляя красоты родного края и подвиги предков, автор, обличая мазепинцев, писал: «Минула слава прежних дней. / Спят вечным сном герои Сечи. / Им не открыть своих очей, / Им не узреть позор детей, / Не услышать родимой речи! / Искажена родная речь. / Потомки ж славного Богдана, / Героев прежних грозных сеч, / Против России точат меч / И стали наймитами пана. / Забыв отцов завет святой, / Они врагам лишь верят слепо, / По их стопам бегут толпой, / Сподвижник Карла их герой, / Веками проклятый Мазепа. / Вот жребий родины моей... / И плачет, плачет Украина... / Она дождалась тяжких дней: / Она должна казнить детей, / Как Бульба сгубленного сына!» [17: 15].

Во время Первой мировой войны проблема мазепинства обострилась и количество публикаций, ей посвящённых, увеличилось. Приведем слова императора Николая II, сказанные во время посещения им

весной 1915 г. занятого русскими войсками Львова: «Да будет единая, могучая, нераздельная Русь!», «Почаевский листок» характеризовал их как наступление конца «гнусной работе мазепчуков на Руси» [32: 2]. Публикацию иллюстрировала карикатура, изображавшая мазепинца, отпиливающего сук с общерусского дерева, на котором он сам сидел и подписью: «Довольно, Каин, оставь свою работу: Русь нераздельна». Мазепинцы обвинялись в том, что они обманывают простой народ рассказами о том, что «москали насильно захватили Украину» и установили на ней «неволю горшую татарской»; желают «все земли от Карпат до Урала и Кавказа выделить в особое царство “Самостийную Украину” под покровительством Австро-Венгрии»; в переписывании русской истории на свой лад; в том, что «выдумали особую непонятную для простого народа мову, только бы больше разниться от прочих русских людей, и нашли для себя национальную веру – «выдуманную 300 лет тому назад унию», а также в страстном желании «вытравить саму русскую душу, чтобы отколоть навсегда многомиллионную ветвь от русского дерева и потопить ее в немецком море» [32: 2–3]. Среди самых горячих сторонников «придуманного немцами мазепинства» назывались «наивные сельские учителя, студенты, гимназисты». Также отмечалось, что «мазепинством, как модным нарядом, любили в последнее время щеголять всякие деревенские паньчи и подпанки в сивых шапках с малопонятною жидовско-польскою мовою» [32: 3]. При этом в качестве синонима к термину «мазепинцы» в публикации использовалось слово «украинцы». В конце редакционной статьи провозглашалось: «Мазепинство должно исчезнуть. Его роль закончена. В истории оно оставит после себя память гнусной и подлой измены и предательства. На нем кровь брата, пролитая за сребреники, и эта кровь вопиет к Небу. <...> Мазепинство должно сгнать с лица русской земли, а имя его всегда будет символом измены, предательства и братоубийства!» [32: 4].

При этом весьма показательно, что даже украинским сепаратистам – мазепинцам, церковные издания Волыни не отказывали в «русскости». «Русские иуды-мазепинцы», «русские братоубийцы-мазепинцы», «наши заблудшие братья-мазепы» – эти и подобные им словосочетания были широко распространены в церковной прессе Волыни [26: 227; 32: 1; 42: 175; 62: 375–376], которая, решительно осуждая это явление, пыталась взывать к отщепенцам, оставляя им возможность исправления и возвращения в лоно общерусского народа. В одной из публикаций «Почаевского листка», посвящённой положению дел в Галиции и носящей говорящее название «Вражда братьев», отмечалось, что австрийское правительство, придерживаясь принципа «разделяй и властвуй», сеет вражду при помощи поляков

между двумя частями русской народности: украинцами (мазепинцами) и русскими галичанами, «не желающими топтать заветов отцовских, верных вере православной, родному языку и обычаям (так называемыми русофилами или москвофилами)» [4: 11]. «Подобно тому, как у иудеев самая лютая ненависть была к ближайшим по вере и крови самарянам, – отмечалось в другой статье, – так мазепинцы всю душою ненавидят все русское» [32: 2].

Нередко на страницах «Волинских епархиальных ведомостей» публиковались высказывания по национальному вопросу на Украине видных русских националистов. В перепечатанной из «Нового времени» статье известного публициста М.О. Меньшикова говорилось, что Волянь – «это и счастливейший и несчастнейший русский край, одновременно одарённый природой и жестоко обиженный политикой», поскольку «после многовекового польского гнёта русский народ здешний попал в тяжёлую кабалу жидам и немцам и теперь бьётся в отчаянии и, может быть, в предсмертных судорогах». «Не считайте это преувеличением, – писал Меньшиков, – речь в самом деле идёт о существовании русского племени на территории, занятой русскими ещё задолго до основания государства» [37: 13]. В другой публикации приводились слова руководителя Киевского клуба русских националистов (ККРН) А.И. Савенко о знаковой для Волини Берестецкой битвы (1651 г.)¹, в ходе которой запорожские казаки под водительством гетмана Богдана Хмельницкого потерпели поражение от польско-литовского войска. «Малорусские казаки отстаивали русскую народность в исконно-русском крае, – подчёркивал Савенко. – Волна польско-католического натиска поднялась было очень высоко и готова была залить и потопить на Украине все русское, все православное. <...> На защиту русской народности поднялся народ, заметьте, только народ. Здесь в особенно яркой форме произошло то, что я недавно отмечал в качестве характерной черты, проходящей чрез всю русскую историю: в часы, когда решалась участь русского государства и русского народа, наша аристократия в громадном большинстве или безвестно исчезала, или оказывалась на стороне врагов родины. На Украине это явление выразилось еще резче» [54: 499]. В другом выпуске издание знакомило читателей с брошюрой профессора Киевского университета св. Владимира, почетного члена Киевской духовной академии, члена ККРН, психиатра И.А. Сикорского, в которой указывалось, что «украинофильское движение» пользуется популярностью «только среди левой нашей интеллигенции, принадлежащей по своему происхождению преимущественно к ветви южнорусского населения». При этом движение это называлось «малопопулярным» и недостаточно сильным, чтобы оно «могло серьезно грозить един-

ству и целости России». «В провинции, – отмечалось в публикации... об украинстве мечтают самые жалкие кружки преимущественно из молоденьких гимназисток, да гимназистов. Но об украинстве совершенно не имеет понятия простой народ юга России; затем, ему не сочувствует вся правая по своим политическим убеждениям часть южнорусской интеллигенции; умеренно-конституционные элементы ей тоже не сочувствуют, или, если и сочувствуют, то очень мало» [16: 508]. Также показательно, что в статье «Почаевского листка» с говорящим названием «О национализме» содержалась пропаганда именно русского национализма [39].

В некоторых случаях, правда, слово «украинцы» и его производные могли иметь нейтральную коннотацию. Так, например, в статье, посвящённой Г.С. Сковороде, философ именовался «нашим украинским мудрецом» [50: 514], однако очевидно, в данном случае речь шла не столько о характеристике его национальности, сколько о территориальной принадлежности, о чем красноречиво говорил заголовок статьи – «Русский философ 18 века Григорий Саввич Сковорода».

Особое внимание на страницах волынских церковных изданий уделялось проблеме народного языка. Местное наречие, на котором общались волынские крестьяне, заметно отличалось от литературного русского языка, поэтому перед духовенством вставал вопрос о том, каким языком пользоваться в крае для церковной проповеди и народного просвещения. В статье неизвестного духовного лица, укрывшегося за инициалами А.М., ставился вопрос: на каком языке пастырям следует поучать волынскую паству – «на русском, или малорусском»? Сделав существенную оговорку, что, высказываясь о малорусском языке, он не имеет в виду мазепинства, священник отмечал, что затрагивает этот вопрос не для того, чтобы угодить национальному чувству, а исключительно с точки зрения большей доступности понимания церковной проповеди для слушателей. По словам автора статьи, его многочисленные беседы с приходскими священниками показали, что между ними нет единства мнения по данному вопросу: «Одни страстно защищают малорусский язык и необходимость произношения поучений только на нем; другие, наоборот, восстают против малорусского языка и доказывают, что произносить проповеди нужно только по-русски. В последнем случае обыкновенно указывают, что народ наш далеко не сочувствует малорусскому языку в проповеди; говорят, что народ даже обижается, когда ему произносят проповедь по-малорусски; народу будто бы неприятно, когда проповедь во время богослужения говорится на том же языке, какой он привык употреблять в житейском обиходе. <...> В свою очередь защитники малорусского языка ссылаются на

то, что проповедь, произнесённая по-русски, не достигает цели, так как народ её не понимает» [3: 463]. В связи с этим автор публикации предлагал не впадать в крайности. Отмечая, что на Волыни невозможно произносить крестьянам поучения «на чистом великороссийском наречии», поскольку «целый ряд предметов и вещей называется у великороссов так, что наш народ не поймет даже, о чем речь идёт», пастырь вместе с тем констатировал, что и проповедь, произнесённая полностью на малороссийском наречии, едва ли возможна, так как «нельзя многих предметов, новейших, возвышенных передать и по-малорусски» [3: 463]. При этом версию украинского языка, предлагаемую М.С. Грушевским и мазепинцами, автор статьи решительно отвергал как «выдаваемую за малороссийский язык белиберду» и «польско-малорусское эсперанто, которого не понимают часто самые наиприроднейшие малороссы» [3: 463–464]. Поэтому, делал вывод автор публикации, чтобы быть понятной и доступной простому народу и в то же время не утрачивать своей возвышенности, церковная проповедь на Волыни должна произноситься по-русски, «но не чистым великороссийским языком, а таким, который бы был понятен нашим малороссам. А для этого, говоря поучение по-русски, нужно все названия предметов и вещей произносить по-малорусски, исключая, разумеется, таких, которые и по-русски понятны нашим прихожанам» [3: 464].

Весьма примечательна в этом плане и заметка, в которой сообщалось, что некий священник села Браги Каменецкого уезда Подольской губернии на запрос о сборе средств на своём приходе на памятник Шевченко ответил киевскому городскому голове: «Жертвователей не нашлось: языка, выдуманного добродием Грушевским, здесь никто не понимает. Полагаю, что памятник Шевченко в Киеве, матери городов русских неуместен, ибо Киев есть колыбель России и о “самостийности украинского” народа, как отдельного от русского государства, никогда не думал. Пишущий эти строки сам малоросс, с молоком матери усвоили малороссийскую речь, выдуманный же паном Грушевским письменный есть пародия на малороссийский язык, его малороссам ни читать, ни понимать. Выдумка этого языка есть чисто политическая цель» [27: 45]. Правда, в отношении личности и творчества Шевченко волынские церковные издания не всегда высказывались негативно. Так, черносотенный «Почаевский листок» отмечал: «Нам не дорог Шевченко как украинофил или мазепинец, потому что основанное им всеславянское общество ставило неисполнимые и сумасбродные задачи <...> Шевченко нам дорог как поэт Украины вполне самобытный и национальный» [44: 17].

При этом важно отметить, что волынская церковная пресса, вклю-

чая черносотенные листки, нередко публиковала на своих страницах материалы, присланные читателями, а также стихи и заметки для простого народа, написанные на привычном в этом крае разговорном языке – суржике [12; 23; 30; 34; 48; 52; 64].

Решительно отвергая украинский национализм, «Волынские епархиальные ведомости» вместе с тем выступали и против «перегибов» русского национализма. Когда во время Первой мировой войны, в ходе которой мазепинство заметно усилилось, стали раздаваться отдельные голоса против каких бы то ни было народных особенностей Малороссии, включая колядки, издание встало на их защиту, указывая, что только невежды могут видеть в колядках признаки мазепинства и считать их исключительным достоянием Украины [13: 119]. На страницах «Волинских епархиальных ведомостей» достаточно часто подчёркивался вклад Украины в общерусскую культуру [51].

Отдельное внимание в ходе национального воспитания масс и освещения украинского вопроса в церковных изданиях Волыни уделялось жившим в Прикарпатье и Галичине русинам. Термин «русины» при этом употреблялся довольно редко [45], чаще речь шла о «прикарпатских русских», «червоноруссах», «русских людях», «русском народе» [41], оказавшихся под властью религиозно и национально чуждой Австро-Венгерской империи. Более того, выражалось возмущение, что «польскими усилиями», нацеленными на разрушение общерусского единства, галицкие русские «были превращены» в рутенов [36: 4–8].

«Почаевский листок» приводил на своих страницах слова известного карпато-русского церковного и общественного деятеля И.Я. Луцыка (будущего игумена Иерофея): «Галичина – область страданий, Галичина – область мучительной борьбы за честь святого Богочестия, за честь русского имени, за честь и право великого, неделимого русского народа» [35: 30]. В волинских изданиях нередко публиковались тексты активного участника русского движения в Австро-Венгрии поэта из Галиции Д.Н. Вергуна [8], который в одной из своих статей просвещал жителей Правобережной Украины, что на границах с нею «живет до шести миллионов русского населения», не утратившего, «несмотря на шестивековое отторжение его от русского корня... сознания своей принадлежности к русскому миру». «Идея национального “украинского” сепаратизма захватила только небольшую горсть местной полуинтеллигенции, зависевшей тем или иным образом от венского и будапештского правительств. В толщу населения идея сепаратизма не проникла еще, и успехи, которыми так гордились “мазепинские” деятели, объясняются экономической подкладкой», – заверял Вергун [9: 603]. Обличая мазепинство, «Волынские епархи-

альные ведомости» писали: «Наибольшую силу это движение имеет в Австрии, где оно поддерживается польскими и немецкими властями. Вражда “украинцев”-мазепинцев к русским галичанам, желающим остаться русскими, доходит до того, что первые лишают последних возможности учиться, разрушая их учебные заведения, а в последнее время не постыдились даже воспользоваться охватившим Галицию голодом, противодействуя оказанию помощи русским галичанам: в то самое время, когда происходило соглашение “украинцев” с поляками, польский наместник Галиции закрыл комитет, организовавшийся для спасения русских галичан от голода. Ненависть ко всему русскому “украинцы” простирают даже на православную веру, за которую их предки в течение столетий проливали кровь свою...» [46: 126–127]. Издание приводило слова одного из приехавших с Галичины на Холмщину гостей, который сообщал, что у них «злее немцев, жидов и поляков является свой брат – русский, который называется украинцем». «...Этим украинцам, – говорилось далее, – поляки и немцы дают большие деньги, чтобы только разделить русский народ, чтобы он не был одной силой, и они достигли почти этого. Поляки пустили брата на брата. Но пусть сажают нас в тюрьмы за православную веру и за то, что мы называемся русскими, – мы останемся русскими, а теперь и целые села у нас переходят в православие и чем больше нас будет в австрийских тюрьмах, тем больше будет твердеть наш дух и расти русское дело...» [49: 793].

В другой статье, рассказывая о положении дел в Галиции, автор епархиального издания также указывал на украинцев как на главного противника русского православного движения, отмечая, что украинство создано Ватиканом, поляками и австрийцами, «чтобы содействовать распространению католичества на Юге России и вербовке российских украинцев для целей австрийской политики» [19: 795]. Касаясь процессов, возбуждённых австро-венгерскими властями в отношении пророссийски настроенных галичан, «Волынские епархиальные ведомости» ставили в один ряд врагов русского народа (т. е. русинов) австрийцев, мадьяр, поляков, евреев и особенно украинцев, подразумевая под последними исключительно «мазепинцев» [20: 872].

«Прискорбнее всего, – писал “Почаевский листок” о польском влиянии в Галиции, – что поляки из украинцев сделали каких-то хамитов, возненавидевших Русь и, подогревая их мечтами о какой-то самостийности Украины в параллель своим – о восстановлении ойчизны от моржа до моржа, травят ими родных братьев – галичан, вносят раздор между отцами и детьми, подвергают их целому ряду незаслуженных унижений и оскорблений» [4: 11]. Сам же процесс

становления украинцев трактовался изданием как «ополячивание русских». «Посмотрите на работу украинцев в Галиции. Они все силы свои употребляют на фабрикацию из русских крестьян украиноманов, являющихся переходной ступенью к полному ополячиванию. Шлют прошения архиереям запретить принимать в духовные семинарии “кацапов”, постановляют, чтобы священники-мазепинцы бойкотировали своих соседей священников-кацапов <...> Идут они вместе с поляками против русского народного языка. Во чтобы то ни стало хотят навязать измышлённый, ломаный, украинский язык, которого никто не понимает, только затем, чтобы вырыть разделение между русскими. <...> Насильно заставляют учить язык, новоизобретённый, ненужный и не имеющий за собой прав в истории народа. <...> Украинцам важно одно. Пусть народ забудет свой родной язык, пусть исчезнет даже память о принадлежности к великой русской нации!» [4: 11–12]. Украинизаторы однозначно трактовались «Почаевским листком» как враги единого русского народа, родные братья-иуды, «желающие, во что бы то ни стало отделиться от одного генетического ствола – великороссов, белоруссов и малороссов – Руси единой» [4: 12]. «Украинофильство, – писал “Почаевский листок”, – не принесло и не может принести ничего доброго Украине, оно только может посеять раздор между малороссами и повести их к борьбе взаимно ослабляющей силы обеих партий, пример чего у нас недалеко, в Галиции» [44: 17]. Обличая «язву украинства», издание в заключение давало следующий прогноз последствиям, к которым она рано или поздно приведет: «Идя на поводу у поляков, получающих внушения от австрийского правительства, украинцы с усердием, достойным лучшей участи, рубят сук того дерева, от которого они произошли и соками которого взрощены. Какую же они себе готовят будущность? В лучшем случае – оставаться политической партией в руках поляков, натравляемой на своих же братьев-галичан-русских (какая подлая роль), – в худшем – потерять на веки свою национальность и потонуть в немецком море» [4: 12].

Иначе обстояли дела в Подольской епархии. Местный архиерей Парфений (Левицкий), возглавлявший подольскую кафедру с 1904 по 1908 г., был уроженцем Полтавской губернии, отличался особым благорасположением к украинской культуре и языку, был редактором издания украинского перевода Четвероевангелия и даже стал почётным членом подольской «Просвиты» [55: 356–388; 57: 246]. При этом, несмотря на свои украинофильские взгляды, епископ Парфений стоял на правых монархических позициях и поддерживал СРН [40: 18]. В 1907 г. он выпустил воззвание, в котором призывал выбирать в Государственную думу «людей стоящих за самодержавие и единую,

неделимую, русскую Россию» [56: 3]. Видный деятель черносотенного движения, депутат III Государственной думы В.А. Образцов так характеризовал епископа: «Преосвященный Парфений – смиренный монах, благостный архипастырь. По происхождению он полтавец, чистокровный малоросс. Он великий почитатель Гоголя, любитель украинской старины, глубокий знаток чистого (а не выдуманного) малороссийского языка. <...> И как естественная любовь к своей семье служит основанием любви к своему обществу и государству, так и “украинофильство” преосвященного Парфения служит только твердой основой его любви к единой св. Руси, одному великому русскому народу и одному самодержавнейшему его государю» [40: 18–19]. Поддерживая Союз русского народа и идею общерусского единства, подольские церковные издания, в отличие от волынских, вместе с тем вели пропаганду украинской культуры и языка. Большую роль играл и редактор официального рупора епархии журнала «Православная Подолия» протоиерей Е.И. Сецинский. Историк, археолог, видный культурный деятель Подолья, священник Сецинский также активно продвигал малороссийскую культуру, подчеркивая, что краю нужно народное издание на «местном украинском языке» [11: 56]. Позже, в годы Гражданской войны, он стал основателем «Украинского клуба» в Каменце-Подольском. Как отмечают Федевичи, «с точки зрения анализа украинского характера монархизма ситуация на Подолье была особенно интересна. В епархии и её печатных органах доминировали откровенно украинские настроения. <...> Часть участников монархического и черносотенного движения одновременно были сторонниками украинских постепенцев» [57: 35].

«Православная Подолия» отмечала, что будет публиковать на своих страницах материалы для простого народа на «местном малорусском языке» – «небольшие статейки назидательного и повествовательного характера, а также беседы нравственно-религиозного и церковно-общественного содержания», которые были бы «вразумительны для нашего подольского простого народа и служили бы материалом для священников при их беседах с народом, если бы кто из них желал воспользоваться местным языком» [6: 70]. Свою позицию журнал объяснял тем, что «подольскому малороссу более понятна речь малорусская, чем общелитературная, великорусская» [6: 70]. Доводы, что местные крестьяне вполне понимают русский литературный язык, редакция журнала не принимала, указывая, что «если говорить к народу на русском (т. е. общелитературном) языке, то малоросс кое-что поймёт, поймёт отдельные слова и некоторые выражения», но русская речь не будет иметь «надлежащее действие на ум и сердце народа» [6: 70]. Отмечая, что с украинского языка сняты «опала» и «печать

неблагонадежности», издание ратовало за перевод на него Евангелия [6: 71]. А один из авторов «Православной Подолии» священник А. Гриневич благословлял Господа «за счастье читать Его Святое Слово на родном украинском языке» [18: 6].

Весьма показателен в этом плане «Подольский народный катехизис», опубликованный в церковном издании в 1906 г. Раздел «Русская народность» («Руська народність»), опубликованный на украинском, сообщал подольским крестьянам, что они славяне и «русские», разъясняя, что русские делятся на великороссов, малороссов и белорусов. При этом несколько раз особо подчеркивалось, что малороссы – это украинцы, что говорят они на своей «мове», которая называется «малоруська, чи українська», а русским языком как государственным пользуются для чтения законов, обучения в школе и чтения книг [47: 7–8].

В другой публикации утверждалось, что преподавание «на государственном общерусском, или великорусском языке» мешает пробуждению «искренних и живых симпатии народа к школе» и, что «украинскому народу» необходим в школе местный язык [2: 267]. «Великорусский язык не есть родной язык малороссиян: он чужой для них и почти непонятен, – заявлял автор статьи. – Достаточно признать эту мысль, и современная школа в Малороссии окажется явлением до крайности несостоятельным: это – школа без родного языка учащихся, которая к тому же... учит грамотности на чужом языке...» [2: 269]. Утверждая, что справедливость заявления, что русский язык не является для малороссов родным, укрепляется «десятками миллионов фактических доказательств», автор публикации решительно отвергал доводы сторонников взгляда, согласно которому малороссийская мова есть лишь русское наречие. «Найдёт ли учёный, что украинский язык – “хохлацкий” диалект, признает ли, что это один из культурных и оригинальных языков, укажет ли он ему иное какое-либо место в ряду славянских языков и наречий, но тот факт, что два десятка миллионов не признали великорусский своим родным языком, а таковым назвали малорусский язык, остаётся в полноте своего значения, заставляя нас сделать вывод, что в *современной школе на Украине* (и в частности – на Подолии) *родной язык не изучается*» [2: 269–270]. Конечно, данная статья выражала лишь частное мнение, но показательно, что в официальном церковном издании публиковался материал, называющий государственный язык империи чужим и столь отчётливо проводилась линия разделения между русским и украинским языками. И очевидно, что эта линия поддерживалась архиереем и местным духовенством, которые в 1907 г. приняли решение о преподавании в церковно-приходских школах на украинском языке (но не смогли осуществить это намерение из-за противодействия Св. Синода) [57: 80].

В отличие от волынских церковных изданий, в которых слово «украинец» обычно использовалось в негативном значении, «Православная Подолия» употребляла его исключительно в позитивном ключе. Называя население края русским и православным, издание часто указывало, что местное население представляет собой особую ветвь русского народа, имеющую свой язык, обычаи, нравы [43: 1024]; постоянно подчёркивало, что малороссы – это украинцы. При этом слова «мазепинцы» и «украинофилы» не использовались вовсе. Если кого издание и считало отщепенцами, то только малороссов-католиков, которые встречались в Каменецком, Проскуровском и Летицком уездах. Но и по отношению к ним православное церковное издание было весьма лояльно. «Где бы мы ни обратили внимание на этих католиков, везде мы увидим, что это те же малороссы, или украинцы, как и вся сплошная масса сельского населения. Говорят они дома малорусским языком, причём некоторые, при разговоре вставляют исковерканные польские слова, чтобы показать, что они не простые мужики <...> Быт их, обычаи и нравы ничем не отличаются от их односельчан. <...> Православные и католики не чуждаются друг друга, и смешанные браки между ними не редки» [22: 1096–1097].

Впрочем, после того как в 1908 г. владыку Парфения сменил епископ Серафим (Голубятников) – видный деятель русского монархического движения, остававшийся на подольской кафедре до мая 1914 г., акцентирование украинской специфики в официальном епархиальном издании существенно снизилось, а связи с почоевскими черносотенцами, наоборот, укрепились. Однако то обстоятельство, что подольское крестьянство массово записывалось в СРН, мало что говорило о его национальных чувствах и самоидентификации. Как не без оснований отмечало «Русское слово», крестьяне, вступая в ряды черносотенного союза под влиянием почоевских прокламаций, тешили себя надеждами, что «каждому члену “союза” будет нарезано по шести десятин земли», а когда эти надежды не оправдались, «они перестали носить значки “союза”» и стали задумываться о выходе из него [33: 4]. На то, что крестьяне Правобережной Украины, Подольской, Волынской, Киевской губерний больше руководствовались социально-экономическими мотивами, нежели национальными, обращал внимание и В.В. Шульгин. «Хотите, – писал он, – чтобы завтра три четверти Киевской или Волынской губернии обратилось в китайцев? Так это очень легко сделать. Объявите, что все китайцы получают по 25 десятин на душу. И можете быть уверенными, что хохлы, почоевские затылки, заявят: “Хочь мы китайцами зроду не були, але ж як начальство требе, щоб мы буллы китайцами, то мусимо бути... *Бо земля наша!*”». «Эту историю, – отмечал Шульгин в 1919 г., – в свое

время проделали украинцы. Они заявили деревне, что только тот получит землю, кто украинец. И хотя хохлы об “Украине”, например, в Волынской губернии, никогда и не слышали, тем не менее, решили единогласно: “Треба приставати до цей “Вкраїни”... *бо земля наша!*” За несколько лет до этого вся Волынь записалась в “Союз русского народа”. Увидев, что от “лицомеров” (революционеров) ничего не получишь, они решили единогласно пристать к Союзу, ожидая от него чего-то... “*Бо земля наша!*”» [60: 476]. О том же писала в своих воспоминаниях и супруга Шульгина. «Собственно говоря, – отмечала Е.Г. Шульгина, – крестьянство смотрело на свое вступление в Союз русского народа больше всего с той точки зрения, что это какие-то учреждения, через которые можно добраться до царя и от него получить землю. Интересно, что когда я в 1917 году приехала на Волынь, то крестьяне говорили мне, что “Украина” – “це така наша спілка”, в которую если запишешься, то получишь землю здесь, а если не запишешься, то земли здесь не дадут, а нужно куда-то выселяться. Так что “Украина” и Союз русского народа воспринимались ими в одной плоскости» [61: 63]. На это же обстоятельство указывает и современный историк, отмечающий, что политический и национальный «выбор» крестьянства Правобережной Украины в последующих событиях революции и Гражданской войны был, в первую очередь, связан не с тем, что они думали о национальном вопросе, «считали они себя украинцами, малороссами или русскими, хотели царя или республику, поддерживали новый строй или мечтали о возвращении старого», поскольку «жажда земли туманила их разум и уводила на второй план все остальное» [59: 601].

Таким образом, несмотря на то что подход к национальному воспитанию крестьянских масс на Волыни и Подолии заметно отличался, итог оказался одинаковым. Представляется, что малограмотные крестьяне Правобережной Украины в плане национального самоопределения представляли собой в начале XX в. «податливую глину», из которой, при целенаправленном воздействии пропагандисты могли вылепить что угодно. Под воздействием Почаевской лавры и СРН они превращались в «истинно русских людей», под влиянием украинской пропаганды – в щирых украинцев. Каждое из этих «обращений» зависело от ряда факторов: от талантов и умения пропагандистов, от их авторитета в народе, но главным, пожалуй, являлось то, насколько принадлежность к тому или иному сообществу позволяла крестьянину решить острые для него социально-экономические вопросы, на первом месте из которых стоял аграрный. При этом вывод К.К. и К.И. Федевичей о том, что черносотенцы на Правобережной Украине «открыто заявляли, что украинцы/малороссы есть отдельный народ

равно с другими славянскими народами, такими как поляки, чехи или сербы» [57: 14] и своими действиями способствовали формированию украинского движения, представляется все же ошибочным. Если в отношении Подолии этот вывод может быть частично принят (да и то с большими оговорками, поскольку епископ Парфений не являлся видным членом монархического движения, а его влияние на воспитание народных масс в этом регионе продолжалось лишь до 1908 г.), то для Волыни он будет в корне неверным. Как было показано на примере почаевских церковных изданий, волынские черносотенцы делали все возможное, чтобы привить местному крестьянству общерусское сознание и сформировать негативное отношение к политическому украинству. Отсылки в церковной прессе к историческому прошлому Малороссии, подчёркивание региональной специфики и попытки формирования у местных крестьян гордости за родной край не имели цели создать украинскую национальную идентичность и едва ли могли сыграть сколько-нибудь серьёзную роль в последующем самоопределении волынского крестьянства.

Примечание

1. Следует отметить, что, уделяя особое внимание Берестецкой битве в деле национального воспитания волынских крестьян, «Почаевский листок» писал: «Если б не берестечская битва, то эти две части русского племени не соединились бы в один народ. Правда, наши “украинофилы” не смели бы тогда мечтать о своей “самостийности”, но зато не было бы тогда в нашем крае русских людей и не сохранилась бы в нем православная вера». Битва именовалась «голгофой малороссийского народа», а её итогом провозглашалось то, что «разорванный на две части русский народ после этого спаялся в одно неделимое царство» [38: 9]. В другой публикации подчёркивалось, что этой битвой малороссийский народ «купил своею кровью её соединение с Великороссией, спаял навечно две ветви единого могучего русского народа» [5: 5]. Подробнее см. работу Е.О. Ковалевой [65].

ЛИТЕРАТУРА

1. N. О пребывании В.К. Саблера в Житомире // Волынские епархиальные ведомости. 1913. № 43. С. 783–788.
2. А.Г. О родном языке в начальной школе // Православная Подолия. 1907. № 12. С. 265–272.
3. А.М. Беседа // Волынские епархиальные ведомости. 1912. № 22. С. 463–464.

4. А.С. Вражда братьев // Почаевский листок. 1911. № 3. С. 11–12.
5. Беседа о Берестечкой битве в пути к козацким могилам // Почаевский листок. 1911. № 20–21. С. 5–6.
6. Беседы пастыря с народом на местном языке // Православная Подолия. 1906. № 1. С. 70–72.
7. Братья малороссы! // Почаевские известия. [1908, сентябрь].
8. *Вергун Д.* За Русь! // Почаевский листок. 1910. № 46–47. С. 18.
9. *Вергун Д.* Прикарпатская Русь // Воłyньские епархиальные ведомости. 1914. № 36. С. 602–603.
10. *Виталий*, арх. [Редакционная статья] // Союзная библиотека (Бесплатное приложение к журналу «Почаевский листок»). 1912. № 16. С. 1.
11. Внесение протоиерея Евфимия Сециского в Епархиальный Съезд // Православная Подолия. 1908. № 6. С. 53–57.
12. *Войтюк Е.С.* Пьяница // Почаевский листок. 1910. № 38. С. 8.
13. Воłyнская церковь пред лицом современной войны // Воłyньские епархиальные ведомости. 1915. № 8. С. 118–120.
14. Воłyнь и Киевщина. (Из письма воłyнянина) // Почаевский листок. 1912. № 4. С. 10.
15. *Г.Н.* 17. Мерзавцы // Почаевский листок. 1915. № 18. С. 10.
16. *Г.Б.* «Русские и украинцы» // Воłyньские епархиальные ведомости. 1913. № 28. С. 508–511.
17. *Голубович В.* Горе Украйны // Почаевский листок. 1914. № 4. С. 14–15.
18. *Гриневич А.*, свящ. По поводу выхода в свет украинского перевода Св. Евангелия от Матфея // Православная Подолия. 1907. № 1–2. С. 2–6.
19. *Далибор.* Православное движение в Галиции // Воłyньские епархиальные ведомости. 1912. № 40. С. 794–796.
20. Два процесса за веру православную в Австро-Угрии // Воłyньские епархиальные ведомости. 1913. № 48. С. 871–872.
21. *Дроздович В.* Речь, сказанная в ночь с 24-го на 25-е мая на панихиде на Козацких могилах // Почаевский листок. 1912. № 39–40. С. 1–3.
22. *Е.С.* Подольские отщепенцы от Православной Церкви // Православная Подолия. 1910. № 50–51. С. 1089–1098.
23. *И.Г.* Щира порада // Почаевский листок. 1912. № 4. С. 7–8.
24. *Иванов А.А.* Проблематика русского национализма в статьях и проповедях митрополита Антония (Храповицкого) // Русин. 2019. № 58. С. 58–78. DOI: 10.17223/18572685/58/5
25. *Иванов А.А., Ковалева Е.О.* Деятельность архимандрита Виталия (Максименко) на Воłyни: политический экстремизм или противодействие стихийному радикализму? // Вестник МГПУ. Серия Исторические науки. 2023. № 2 (50). С. 46–64. DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.04
26. Из жизни других епархий // Воłyньские епархиальные ведомости. 1916. № 23–24. С. 227–228.

27. Известия и заметки // Волынские епархиальные ведомости. 1911. № 2. С. 44–47.
28. К 200-летию со дня казни Василия Кочубея и Ивана Искры // Волынские епархиальные ведомости. 1908. № 19. С. 385–387.
29. Кальченко Т.В. Монархическое движение в Киеве и на территории Киевской губернии (1904–1919). Историческая энциклопедия. Киев: Ин-терконтиненталь-Украина, 2014. 976 с.
30. Кашубський В., свящ. Битва під Берестечком // Почаевський листок. 1910. № 35. С. 10.
31. Козлов М. Що діється на Україні // Почаевський листок. 1910. № 13. С. 19.
32. Конец мазепинству! // Почаевський листок. 1915. № 15. С. 1–4.
33. Крестьяне-союзники // Русское слово. 1907. № 168. 22 июля (4 августа). С. 4.
34. Літом // Почаевський листок. 1910. № 26. С. 17.
35. Луцьк І.Я. Навстречу галичанам // Почаевський листок. 1911. № 29–30. С. 30.
36. Меморандум (торжественное заявление) о притеснениях русского народа, его культурной и религиозной свободы в Галиции (Австрия) // Почаевський листок. 1912. № 38. С. 4–8.
37. Меньшиков М.О. Архимандрит Виталий // Почаевський листок. 1913. № 17. С. 12–16.
38. О козацких могилах // Почаевський листок. 1911. № 19. С. 7–10.
39. О национализме // Почаевський листок. 1910. № 52. С. 6–7.
40. Образцов В.А. Торжество русского объединения. Освящение «Народного дома» Екатеринославского отд. Союза русского народа 5 окт. 1910 г. Харьков: Мирный труд, 1912. 209 с.
41. Откуда взялись нерусские люди в древнерусской земле // Почаевський листок. 1910. № 25. С. 6.
42. П.С.Ф. Из жизни Галичины // Волынские епархиальные ведомости. 1915. № 11. С. 175–176.
43. Памяти митрополита Литовского Иосифа Семашко. (По поводу 40-й годовщины его смерти) // Православная Подолия. 1908. № 48. С. 1023–1027.
44. Памяти Т.Г. Шевченко // Почаевський листок. 1911. № 6. С. 17.
45. Песня русинов // Почаевський листок. 1910. № 5. С. 8.
46. Печать // Волынские епархиальные ведомости. 1914. № 8. С. 126–127.
47. Подольский народный катихизис I. Руська народність // Православная Подолия. 1906. № 4. С. 7–8.
48. Полищук К.Л. Осінні квіти // Почаевський листок. 1910. № 26. С. 17.
49. Прокофьев В. С праздника Холмской Руси // Волынские епархиальные ведомости. 1912. № 40. С. 792–793.
50. Рафальский Г. Русский философ 18 века Григорий Саввич Сковорода // Волынские епархиальные ведомости. 1908. № 28. С. 513–518.

51. Росписная пасека. (Археологическая заметка) // Волынские епархиальные ведомости. 1912. № 44. С. 1029–1040.
52. Семенюк И. Горилка вылькая згуба // Почаевский листок. 1913. № 3. С. 12.
53. Сон мазепынця // Почаевский листок. 1912. № 41. С. 5–6.
54. Среди газет и иноепархиальных изданий // Волынские епархиальные ведомости. 1910. № 27. С. 499–500.
55. Стародуб А.В. Листи єпископа Парфенія (Левицького) до Ореста Левицького та Єлисея Трегубова як джерело до вивчення історії видання українського перекладу Євангелія // Український археографічний щорічник. Київ, 2002. Вип. 7. С. 356–388.
56. Телеграммы наших корреспондентов // Русское слово. 1907. № 300. 31 декабря (1908. 13 января). С. 3.
57. Федевич К.К., Федевич К.І. За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархисти і український національний рух (1905–1917 роки) / пер. з рос. К. Демчук. Київ: Критика, 2017. 308 с.
58. Хацаюк Т. Мотивы о предоставлении преимуществ населению русского происхождения при введении в шести юго-западных губерниях земского положения // Почаевский листок. 1910. № 35. С. 7–8.
59. Чемакин А.А. Куда исчезли черносотенцы? Электоральная статистика как источник для исследования национальной идентичности украинского крестьянства в начале XX в. // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 3. С. 592–605. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.305>
60. Шульгин В.В. «Белые мысли». Публицистика 1917–1920 гг. / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. и ком. А.А. Чемакин. М.: Кучково поле Музеон, 2020. 752 с.
61. Шульгина Е.Г. Конспект моих политических переживаний (1903–1922) / подг. текста, предисл., ком. А.А. Чемакина. М.: Связь Эпох, 2019. 672 с.
62. Юркевич С.Г. Из жизни Галичины // Волынские епархиальные ведомости. 1915. № 24. С. 375–376.
63. Юшко В. Воссоединение или присоединение // Почаевский листок. 1914. № 2. С. 14–15.
64. Яворенко К. Новорічний гість // Почаевский листок. 1911. № 1. С. 10–12.
65. Kovaleva E.O. Reconstructing common historical memory: to the history of construction of the monumental temple at the site of the battle of Berestechko in 1651 // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности М.: АЛЕФ, 2023. С. 335–339.

REFERENCES

1. N. (1913) O prebyvanii V.K. Sablera v Zhitomire [About the stay of V.K. Sabler in Zhytomyr]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 43. pp. 783–788.
2. A.G. (1907) O rodnom yazyke v nachal'noy shkole [About the native language in elementary school]. *Pravoslavnaya Podoliya*. 12. pp. 265–272.
3. A.M. (1912) Beseda [Discussion]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 22. pp. 463–464.
4. A.S. (1911) Vrazhda brat'ev [Brothers' enmity]. *Pochaevskiy listok*. 3. pp. 11–12.
5. *Pochaevskiy listok*. (1911a) Beseda o Berestechskoy bitve v puti k kozatskim mogilam [A conversation about the Battle of Berestechko on the way to the Cossack graves]. 20–21. pp. 5–6.
6. *Pravoslavnaya Podoliya*. (1906a) Besedy pastyrya s narodom na mestnom yazyke [Conversations of the pastor with the people in the local language]. 1. pp. 70–72.
7. *Pochaevskie izvestiya*. (1908) Brat'ya malorossy! [Brothers, Little Russians!]. September.
8. Vergun, D. (1910) Za Rus'! [For Russia!]. *Pochaevskiy listok*. 46–47. p. 18.
9. Vergun, D. (1914) Prikarpat'skaya Rus' [Carpathian Ruthenia]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 36. pp. 602–603.
10. Arch. Vitaliy. (1912) [Redaktsionnaya stat'ya] [Editorial article]. *Soyuznaya biblioteka (Besplatnoe prilozhenie k zhurnalu "Pochaevskiy listok")*. 16. p. 1.
11. *Pravoslavnaya Podoliya*. (1908a) Vnesenie protoiereya Evfimiya Setsiskago v Eparkhial'nyy S'ezd [Proposal of Archpriest Euthymius of Secin to the Diocesan Congress]. 6. pp. 53–57.
12. Voytyuk E.S. (1910) P'yanytsya [Drunk]. *Pochaevskiy listok*. 38. p. 8.
13. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1915) Volynskaya tserkov' pred litsom sovremennoy voyny [The Volyn Church Faced by Modern War]. 8. pp. 118–120.
14. *Pochaevskiy listok*. (1912a) Volyn' i Kievshchina. (Iz pis'ma volynyanina) [Volhynia and Kiev region. (From a Volhynian's letter)]. 4. p. 10.
15. G.N. 17. (1915) Merzavtsy [Scoundrels]. *Pochaevskiy listok*. 18. p. 10.
16. G.B. (1913) Russkie i ukraintsy [Russians and Ukrainians]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 28. pp. 508–511.
17. Golubovich, V. (1914) Gore Ukrainy [The grief of Ukraine]. *Pochaevskiy listok*. 4. pp. 14–15.
18. Grinevich, A. (1907) Po povodu vykhoda v svet ukrainskogo perevoda Sv. Evangelii ot Matfeya [About the publication of the Ukrainian translation of the Holy Gospel of Matthew]. *Pravoslavnaya Podoliya*. 1–2. pp. 2–6.
19. Dalibor. (1912) Pravoslavnoe dvizhenie v Galitsii [Orthodox Movement in Galicia]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 40. pp. 794–796.
20. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1913) Dva protsessa za veru

pravoslavnuyu v Avstro-Ugrii [Two trials for the Orthodox faith in Austria-Hungary]. 48. pp. 871–872.

21. Drozdovich, V. (1912) Rech', skazannaya v noch' s 24-go na 25-e maya na panikhide na Kozatskikh mogilakh [Speech delivered on the night of May 24 to May 25 at the memorial service on Cossack graves]. *Pochaevskiy listok*. 39–40. pp. 1–3.

22. E.S. (1910) Podol'skie otshchepentsy ot Pravoslavnoy Tserkvi [Podolia's renegades from the Orthodox Church]. *Pravoslavnaya Podoliya*. 50–51. pp. 1089–1098.

23. I.G. (1912) Shchira porada [Sincere advice]. *Pochaevskiy listok*. 4. pp. 7–8.

24. Ivanov, A.A. (2019) Problems of Russian nationalism in papers and sermons of metropolitan Anthony (Khrapovitsky). *Rusin*. 58. pp. 58–78 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/58/5

25. Ivanov, A.A. & Kovaleva, E.O. (2023) Deyatel'nost' arkhimandrita Vitaliya (Maksimenko) na Volyni: politicheskyy ekstremizm ili protivodeystvie stikhiynomu radikalizmu? [Activities of archimandrite Vitaly (Maksimenko) in Volhynia: Political extremism or counteraction of spontaneous radicalism?]. *Vestnik MGPU. Seriya "Istoricheskie nauki" – MCU Journal of Historical Studies*. 2(50). pp. 46–64. DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.04

26. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1916) Iz zhizni drugikh eparkhiy [From the life of other dioceses]. 23–24. pp. 227–228.

27. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1911) Izvestiya i zametki [News and notes]. 2. pp. 44–47.

28. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1908) K 200-letiyu so dnya kazni Vasiliya Kochubeya i Ivana Iskry [On the 200th anniversary of the execution of Vasily Kochubey and Ivan Iskra]. 19. pp. 385–387.

29. Kalchenko, T.V. (2014) *Monarkhicheskoe dvizhenie v Kieve i na territorii Kievskoy gubernii (1904–1919)*. *Istoricheskaya entsiklopediya*. [Monarchist movement in Kyiv and in Kyiv province (1904–1919). Historical Encyclopedia]. Kyiv: Interkontinental'-Ukraina.

30. Kashubskiy, V. (1910) Bitva pid Berestechkom [The Battle of Berestechko]. *Pochaevskiy listok*. 35. pp. 10.

31. Kozlov, M. (1910). Shcho diet'sya na Vkraïni [What is being done in Ukraine]. *Pochaevskiy listok*. 13. p. 19.

32. *Pochaevskiy listok*. (1915) Konets mazepinstvu! [The end of mazepinstvo!]. 15. pp. 1–4.

33. *Russkoe slovo*. (1907a) Krest'yane-soyuzniki [Peasants – members of the Union of the Russian People]. 22nd July. p. 4.

34. *Pochaevskiy listok*. (1910a) Litom [In the summer]. 26. p. 17.

35. Lutsyk, I.Ya. (1911) Navstrechu galichanam [To meet the Galicians]. *Pochaevskiy listok*. 29–30. p. 30.

36. *Pochaevskiy listok*. (1912b) Memorandum (torzhestvennoe zayavlenie)

o pritesneniyakh russkogo naroda, ego kul'turnoy i religioznoy svobody v Galitsii (Avstriya) [Memorandum (solemn declaration) on the oppression of the Russian people, their cultural and religious freedom in Galicia (Austria)]. 38. p. 4–8.

37. Menshikov, M.O. (1913) Arkhimandrit Vitaliy [Archimandrite Vitaly]. *Pochaevskiy listok*. 17. pp. 12–16.

38. *Pochaevskiy listok*. (1911b) O kozatskikh mogilakh [About Cossack graves]. 19. p. 7–10.

39. *Pochaevskiy listok*. (1910b) O natsionalizme [About nationalism]. 52. pp. 6–7.

40. Obratstov, V.A. (1912) *Torzhestvo russkogo ob"edineniya. Osvyashchenie "Narodnogo doma" Ekaterinoslavskogo otd. Soyuzu russkogo naroda 5 okt. 1910 g.* [The triumph of Russian unification. Consecration of the "People's House" of the Ekaterinoslav department of the Union of the Russian People on October 5, 1910]. Kharkov: Mirnyy trud.

41. *Pochaevskiy listok*. (1910c) Otkuda vzyalis' nerusskie lyudi v drevnerusskoy zemle [Where did non-Russian people come from in the Old Russian land]. 25. p. 6.

42. P.S.F. (1915) Iz zhizni Galichiny [From the life of Galicia]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 11. pp. 175–176.

43. *Pravoslavnaya Podoliya*. (1908b) Pamyati mitropolita Litovskogo Iosifa Semashko. (Po povodu 40-y godovshchiny ego smerti) [In memory of Metropolitan Joseph Semashko of Lithuania. (On the occasion of the 40th anniversary of his death)]. 48. pp. 1023–1027.

44. *Pochaevskiy listok*. (1911c) Pamyati T.G. Shevchenko [In memory of Taras Shevchenko]. 6. p. 17.

45. *Pochaevskiy listok*. (1910d) Pesnya rusinov [Song of the Rusins]. 5. p. 8.

46. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1914) Pechat' [Periodicals]. 8. p. 126–127.

47. *Pravoslavnaya Podoliya*. (1906b) Podol'skiy narodniy katikhizis I. Rus'ka narodnist' [Podolsky folk catechism I. Russian nationality]. 4. pp. 7–8.

48. Polishchuk, K.L. (1910) Osinni kviti [Autumn flowers]. *Pochaevskiy listok*. 26. p. 17.

49. Prokofiev, V. (1912) S prazdnika Kholmiskoy Rusi [From the holiday of Kholm Rus]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 40. pp. 792–793.

50. Rafalskiy, G. (1908) Russkiy filosof 18 veka Grigoriy Savvich Skovoroda [The Russian philosopher of the 18th century Grigory Savvich Skovoroda]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 28. pp. 513–518.

51. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1912) Rospisnaya paseka. (Arkheologicheskaya zametka) [Painted apiary. (Archaeological note)]. 44. pp. 1029–1040.

52. Semenyuk, I. (1913) Gorilka vylykaya zguba [Vodka is a big trouble]. *Pochaevskiy listok*. 3. p. 12.

53. *Pochaevskiy listok*. (1912c) Son mazepyntsya [A Mazepinets' Dream]. 41. pp. 5–6.
54. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1910) Sredi gazet i inoeparkhial'nykh izdaniy [Among newspapers and other diocesan publications]. 27. pp. 499–500.
55. Starodub, A.V. (2002) Listi episkopa Parfeniya (Levits'kogo) do Oresta Levits'kogo ta Eliseya Tregubova yak dzherelo do vivchennya istorii vidannya ukrains'kogo perekladu Evangeliiya [Letters of Bishop Parthenius (Levitsky) to Orest Levitsky and Elisha Tregubov as a source for studying the history of the publication of the Ukrainian translation of the Gospel]. *Ukrains'kiy arkhografichniy shchorichnik*. 7. pp. 356–388.
56. *Russkoe slovo*. (1907b) Telegrammy nashikh korrespondentov [Telegrams of our correspondents]. 31st December. p. 3.
57. Fedevich, K.K. & Fedevich, K.I. (2017) *Za Viru, Tsarya i Kobzarya. Malorosyiys'ki monarkhisti i ukrains'kiy natsional'niy rukh (1905–1917 roki)* [For Faith, Tsar and Kobzar. The Little Russian monarchists and Ukrainian national movement (1905–1917)]. Kyiv: Krytyka.
58. Khatsayuk, T. (1910) Motivy o predostavlenii preimushchestv naseleniyu russkogo proiskhozhdeniya pri vvedenii v shesti yugo-zapadnykh guberniyakh zemskogo polozheniya [Motives for providing advantages to the population of Russian origin with the introduction of zemstvo regulations in six south-western provinces]. *Pochaevskiy listok*. 35. pp. 7–8.
59. Chemakin, A.A. (2023) Kuda ischezli chernosotentsy? Elektoral'naya statistika kak istochnik dlya issledovaniya natsional'noy identichnosti ukrain-skogo krest'yanstva v nachale XX v. [Where did the Black Hundreds disappear? Electoral statistics as a source for the study of the national identity of Ukrainian peasantry in the early 20th century]. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 13(3). pp. 592–605. DOI: 10.21638/spbu24.2023.305
60. Shulgin, V.V. (2020) “Belye mysli”. *Publitsistika 1917–1920 gg*. [“White Thoughts.” Journalism of 1917–1920]. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon.
61. Shulgina, E.G. (2019) *Konspekt moikh politicheskikh perezhivaniy (1903–1922)* [Summary of My Political Experiences (1903–1922)]. Moscow: Fond “Svyaz” Epokh.”
62. Yurkevich, S.G. (1915) Iz zhizni Galichiny [From the life of Galicia]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 24. pp. 375–376.
63. Yushko, V. (1914) Vossoedinenie ili prisoedinenie [Reunification or joining]. *Pochaevskiy listok*. 2. pp. 14–15.
64. Yavorenko, K. (1911) Novorichniy gist' [New Year's guest]. *Pochaevskiy listok*. 1. pp. 10–12.
65. Kovaleva, E.O. (2023) Reconstructing common historical memory: to the history of construction of the monumental temple at the site of the battle of Berestechko in 1651. *Vyzovy sovremennosti i strategii razvitiya obshchestva v usloviyakh novoy real'nosti* [Challenges of Modernity and Strategies for the

Development of Society in New Reality]. Proc. of the Conference. Moscow: Alef. pp. 335–339.

Иванов Андрей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Andrei A. Ivanov – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

УДК 94(47).084.3

UDC

DOI: 10.17223/18572685/74/8

А.В. Копыстьянский vs Т.Г. Масарик: взгляд из Сибири на послевоенное устройство межэтнического пограничья Восточной Европы (осень 1918 – осень 1919 гг.)*

Д.Н. Шевелев

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: shev-dn@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматривается и анализируется один из аспектов взаимоотношений действовавшего в Омске Центрального Карпаторусского совета с Российским правительством адмирала А.В. Колчака: реакции на наметившееся летом 1919 г. присоединение к Чехословакии территории Подкарпатья (Угорской Руси). Автор ставит перед собой две основные задачи. Во-первых, реконструировать представления и позицию Центрального Карпаторусского совета по вопросу послевоенного устройства Восточной Европы, которое рассматривалось преимущественно как самоопределение Прикарпатской Руси и её взаимоотношений с новым российским политическим руководством. Во-вторых, определить истоки и развитие противостояния лидера карпаторусского национального движения на востоке России Адриана Владимировича Копыстьянского и одного из лидеров движения за независимость Чехословакии, первого президента Чехословацкой Республики Томаша Масарика летом 1919 г. Точка зрения А.В. Копыстьянского по данному вопросу интересна в нескольких аспектах. С одной стороны, направляемые им в министерство иностранных дел колчаковского правительства докладные записки отражают опасения по поводу нарастающих претензий чешского лидера Т.Г. Масарика на «верховенство в славянском мире», угрозы включения в состав Чехословакии Угорской Руси и целенаправленного устранения России от решения карпаторусского вопроса. С другой стороны, они передают усиливающееся разочарование в самой возмож-

*Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

ности справедливого решения этой проблемы на Парижской мирной конференции и переориентации на антибольшевистское движение и собственные силы. А.В. Копыстьянский настойчиво подталкивал Омское правительство к официальному заявлению о вхождении Прикарпатской Руси в состав России. Однако его попытки парировать предпринимаемые Масариком шаги и предотвратить раздел карпаторусских земель между новообразованными восточноевропейскими государствами не увенчались успехом. Россия на тот момент была слишком ослаблена и раздроблена, а антибольшевистские правительства не имели возможностей влиять на решения держав-победительниц.

Ключевые слова: А.В. Копыстьянский, Т.Г. Масарик, Прикарпатская Русь, Чехословакия, Сибирь, карпатороссы (русины), Центральный Карпаторусский совет, Парижская мирная конференция, Первая мировая война, Гражданская война в России, Российское правительство адмирала А.В. Колчака

Adrian V. Kopystyansky vs Tomáš Masaryk: A view from Siberia on the post-war organization of the interethnic borderlands of Eastern Europe (fall 1918 – fall 1919)*

Dmitry N. Shevelev

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: shev-dn@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the reactions on the emerging incorporation of Carpathia (Ugric Rus) into Czechoslovakia in the summer of 1919 as an aspect of the relationship between the Central Carpatho-Russian Council operating in Omsk and the Russian Government of Admiral Kolchak. Thus, the author sets two main objectives: firstly, to reconstruct the stance of the Central Carpatho-Russian Council on the post-war structure of Eastern Europe, considered primarily in terms of the self-determination of Carpathian Rus and its relationship with the new Russian political leadership;

* The results were obtained in the framework of the fulfillment of the state task of the Ministry of Education and Higher Science of the Russian Federation, project No. 0721-2020-0042.

secondly, to determine the origins and evolution of the confrontation between Adrian Kopystyansky, the leader of the Carpatho-Russian national movement in the east of Russia, and Tomáš Masaryk, a leader of the movement for the independent Czechoslovakia, the first president of the Czechoslovak Republic, in the summer of 1919. On the one hand, Kopystyansky's memos to the Ministry of Foreign Affairs of Admiral Kolchak's Russian Government reflect his fears about the growing claims of the Czech leader Tomáš Masaryk to the "supremacy in the Slavic world", the threatening incorporation of Ugric Rus into Czechoslovakia, and the deliberate exclusion of Russia from the decision-making process on the Carpathian issue. On the other hand, these memos convey Kopystyansky's growing disappointment in the very possibility of an impartial solution of this problem during the Paris Peace Conference, and the reorientation towards the anti-Bolshevik movement and their own forces. Kopystyansky persistently pushed the Omsk government to make an official statement about the entry of Carpathian Rus into Russia. Nevertheless, he failed to fend off the steps taken by Masaryk and prevent the division of the Carpathian lands between the newly formed Eastern European states. Russia at that time was too weakened and fragmented, and the anti-Bolshevik governments did not have the opportunity to influence the decisions of the victorious powers.

Keywords: Adrian V. Kopystyansky, Tomáš Masaryk, Carpathian Rus, Czechoslovakia, Siberia, Rusins, Central Carpatho-Russian Council, Paris Peace Conference, First World War, Russian Civil War, Admiral Kolchak's Russian Government

«Получены тревожные сведения, что на мирной конференции возник проект – разделить нашу Галичину, Буковину и Угорскую Русь между тремя государствами, – писала газета “Карпаторусское слово”¹ в начале мая 1919 г. – Нашей родине угрожает новое тройное иго, которому в будущем не предвидится конца. Мы хотели бы верить, что это известие не подтвердится, что нашему делегату, участвующему в заседании мирной конференции, удастся, при поддержке мирной делегации от России, отстоять справедливые права карпатороссов на самоопределение. Но опасность для нашей родины громадна» [28]. Интересно, что газета напрямую не называет эти три государства.

Через несколько номеров (и три месяца) ситуация проясняется. «Свершилось, – говорилось в выпуске от 11 августа 1919 г. – Мы подошли к моменту, когда одним росчерком пера “решена” судьба искони русского края – Прикарпатской Руси. Решение это уже приведено в исполнение: Галичина захвачена поляками, Буковина – румынами. Более того. Кое кто покушается даже на области, бесспорно принадлежащие России, трактуя таким образом столь заслуженную

в мировой войне русскую нацию, как побеждённую» [4]. Однако фокусируясь преимущественно на Польше, захватившей восточную часть Галиции, рисуя её «новым славянским государством, возникшем ценою союзной победы, на миллионах русских жертв», но которое «по отношению к карпаторуссам восприняло без оговорок австро-германские методы массового террора», официальное издание располагавшегося в Омске Центрального Карпаторусского совета (ЦКС) умалчивало другие обстоятельства. В этих, да и в других номерах «Карпаторусское слово» обходит вниманием действия другого нового игрока на европейском поле – Чехословакии, и её первого президента Томаша Гаррига Масарика. При этом может показаться, что в силу разных обстоятельств (недоступности и удалённости) печатный орган карпаторусского национального движения на востоке России просто не обладал на тот момент необходимой информацией. Но это не совсем так. Документы свидетельствуют о том, что в ЦКС знали об имеющихся планах включения некоторых карпаторусских областей в состав Чехословацкого государства и пытались воспротивиться такому развитию событий.

Цель исследования – проанализировать взаимоотношения Центрального Карпаторусского совета и Российского правительства адмирала А.В. Колчака под углом их реакции на наметившееся летом 1919 г. присоединение к Чехословакии территории Закарпатья (Угорской Руси). Автор ставит перед собой две основные задачи. Во-первых, реконструировать представления и позицию Центрального Карпаторусского совета по вопросу послевоенного устройства Восточной Европы, которое рассматривалось преимущественно под углом зрения самоопределения Прикарпатской Руси и её взаимоотношений с новым российским политическим руководством. Во-вторых, определить истоки и развитие противостояния лидера карпаторусского национального движения на востоке России А.В. Копыстянского и одного из лидеров движения за независимость Чехословакии, первого президента Чехословацкой Республики Т. Масарика летом 1919 г.

Различные аспекты истории национального движения русинов на завершающем этапе Первой мировой и во время Гражданской войны в России, в том числе роль в этом процессе съездов в Челябинске и Омске, налаживание взаимодействия ЦКС с правительством адмирала А.В. Колчака, формирование карпаторусских воинских частей, вовлечение военнопленных и беженцев из Прикарпатья в идеолого-пропагандистские кампании антибольшевистских сил подробно рассматривались в статьях С.Г. Суляка [33], И.И. Баринова, И.П. Стрелкова [3], И.В. Нам, Н.И. Наумовой, В.И. Зиновьевой [19–23],

В.Г. Хандорина [36; 37], К.А. Конева [13; 14], А.В. Сушко, Д.И. Петина [34] и других историков.

Основательно изучен и комплекс вопросов, связанных с урегулированием карпаторусской проблемы на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.), территориального раздела Прикарпатья в послевоенный период и вхождения Угорской (Закарпатской) Руси в состав Чехословакии. Этому посвящены работы, К.В. Шевченко, П. Лозовюка [15; 43–46], П. Магочи [48], А.И. Пушкаша [29; 30], Е.П. Серапионовой [31], Я. Рыхлика, М. Рыхликовой [49], И. Гопты, Л. Гоптовой [7], И.И. Барина, И.П. Стрелкова [2], А.В. Мартюшевой, О.Э. Терехова [16], Т.В. Пиковской [26] и многих других исследователей.

В то же время сюжет, связанный с восприятием Центральным Карпаторусским советом на начавшееся летом 1919 г. присоединение к Чехословакии территории Закарпатской (Угорской) Руси, его оценки и попытками воспрепятствовать этому процессу, пока оставался вне поля зрения историков.

С самого первого номера «Карпаторусское слово» сконцентрировалось на основном противнике – Польше и её стремлении захватить Восточную Галицию. «В момент торжества права и справедливости над грубой, физической силой, – отмечалось в воззвании Центрального Карпаторусского совета от 5 декабря 1918 г., – получены прискорбные известия, что на территории Галицкой Руси, в гг. Перемышле и Львове, идёт ожесточённый бой между поляками и коренным русским населением» [24]. При этом вооружённое противостояние в восточной части Галиции квалифицировалось как «борьба русского населения края за свои права на самоопределение с польскими войсками, стремящимися силой навязать русскому населению свою волю, наложить на почти свободную ныне Карпатскую Русь свои руки, подчинить её насильно чужой, польской государственности» [40]. Отметим, что и в дальнейшем эта тема не сходила со страниц «Карпаторусского слова». В меньшей степени затрагивалась Румыния и её оккупация Буковины. Действия же Чехословакии практически в газете обходили стороной, в частности тот факт, что во время подавления Венгерской советской республики территория Закарпатья была занята не только румынскими, но и чехословацкими войсками.

Наоборот, чехословаки и Чехословакия упоминались исключительно в положительном контексте, особенно почтительным было отношение к их признанному лидеру. 18 декабря 1918 г. газета опубликовала открытое письмо ЦКС президенту Чехословакии Т.Г. Масарику, в котором, в частности, говорилось: «В момент, когда Россия вследствие неслыханного напряжения сил и колоссальнейших

жертв, принесённых на алтарь общей победы ныне тяжело ранена, Центральный Карпаторусский совет просит Вас, как председателя лиги угнетённых народов средней Европы и советника по славянским делам на предстоящей мирной конференции поддержать вековые стремления населения Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) к воссоединению с родной, великой Россией» [25]. Не прошёл незамеченным и день рождения (69 лет) Масарика в марте 1919 г. «Счастлив тот народ, который в страшную грозу всемирной войны нашёл столь мудрого и опытного вождя, выведшего корабль Чехословачины на мирную гладь свободной жизни» [47], – отозвалось на эту дату «Карпаторусское слово».

В реальности же ситуация была не столь безоблачной. В начале марта 1919 г. Центральный Карпаторусский совет в Омске выразил протест «против посягательств поляков, румын и чехословаков на территории Прикарпатской Руси», обратившись с заявлением в МИД Российского правительства адмирала А.В. Колчака, а также вручив соответствующие декларации представителям Великобритании, Франции и США. «Прикарпатская Русь в настоящее время, – говорилось в обращении к великим державам, – оказалась в смертельной опасности, угрожающей ей как раз от тех народов, которые только что сбросили с себя чужеземное иго и во имя принципов права и справедливости получили возможность политического существования» [9: 76]. Кроме того, ЦКС указывал, что при выполнении «этих незаконных требований вышеупомянутых народов Прикарпатская Русь была бы разделена между тремя государствами и её положение значительно ухудшилось даже в сравнении с прежним ужасным австро-мадьярским игом» [9: 76]. О своих действиях А.В. Копыстьянский проинформировал Д.А. Маркова и С.Д. Сазонова.

К началу апреля 1919 г. до Омска доходит информация о проектах присоединения карпаторусских земель к Чехословакии. За одним из таких проектов стояло решение «Карпато-русской народной рады» в Прешове (на тот момент центр Пряшевщины или Пряшевской Руси – региона, населённого преимущественно русинами, ныне – в составе Словакии). «Председательствовал на собрании Бескид. Была принята резолюция о желании угроруссов присоединиться к Чехословацкой республике. В резолюции подчёркивается нежелание присоединиться к Галиции, которая будто бы будет принадлежать к самостоятельной Украине (?). На съезде выступили и мадьяроны с проф. Дьюлой во главе, но их предложение о присоединении к мадьярам провалилось, и они были вынуждены покинуть собрание» [1].

Реакция карпаторуссов востока России на такие сообщения была всегда однозначно отрицательной. «Если приведённое выше сообще-

ние отражает полностью настроение съезда угроруссов в Прешове, – писал по этому поводу “Доброволец-угрорусс” в газете “Карпаторусское слово”, – то мы стоим перед фактом роковой ошибки, в которую попали наши сородичи, пребывающие на родине» [1].

Даже принимая во внимание сложившуюся в регионе расстановку сил и мотивы, по которым было принято это решение («Магьярский нажим с юга, румынский с востока, со стороны Буковины, польский с севера, со стороны Карпат, и продвижение с запада чехословаков – вот стратегическая обстановка, повлиявшая на выбор ориентации съезда. Самой благоприятной силой для угроруссов были чехословацкие войска»), намерения Прешовской рады оценивались как «непростительная тактическая ошибка». «Этим актом, – заключал “Доброволец-угрорусс”, – они внесли в душу народа гибельный соблазн, своим роковым шагом, выражающим малодушное неверие в возрождение России, они внесли раскол в единый фронт Зарубежной Руси. Мы уверены, что этот ложный политический шаг не будет иметь никаких последствий для судеб нашей Угорщины, так как съезд не имел права решать вопроса, который может решаться только в духе национальной принадлежности населения и векового самоопределения народа» [1].

Прошедший в середине апреля 1919 г. в Омске второй съезд Центральной карпаторусской организации [21], в котором приняли участие около 100 делегатов от карпаторусских колоний Урала и Сибири [6], представлявших «все уезды и округа Галицкой, Буковинской и Угорской Руси», также осудил решение Прешовской рады. В его резолюции указывалось: «...съезд вполне понимает нынешнее трагическое положение наших сородичей, окружённых со всех сторон врагами, но не может одобрить их отчаянного шага и настаивает на воссоединении Угорской Руси с Россией» [6].

Доносились до Сибири и слухи о деятельности русинских эмигрантов в США, которые на своём собрании в ноябре 1918 г. провели предварительное голосование за присоединение к Чехословакии и приняли решение о плебисците по этому вопросу среди всех американских русинов. Такой поворот вообще расценили как заблуждение. «Оказывается, – изумлялось “Карпаторусское слово”, ссылаясь на издававшуюся в США газету “Правда”, – что слухи о желании угроруссов присоединиться к Чехии навсегда, основаны на одном недоразумении и неверном толковании заявления угроруссов на конгрессе в Перш Амбей (правильно – Перт Амбой (Perth Amboy), город в американском штате Нью-Джерси. – Д.Ш.) о желании воссоединения Прикарпатской Руси с Великой Россией, а в случае если, бы это оказалось физически невозможным, – с Чехославией» [5].

Тревожные сигналы начинают раздаваться и совсем неподалеку, здесь же, в Сибири. «По имеющимся тщательно проверенным данным, в настоящее время, когда на Мирной конференции определяются границы Чешской республики, чехи, расквартированные в г. Омске, проявляют деятельность, имеющую целью привлечь на свою сторону уроженцев Прикарпатской Руси, проживающих в областях, смежных с Чехославией, и ныне временно находящихся в Сибири» [39: 658], – сообщал в начале июля 1919 г. помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-майора П.Г. Бурлин главнокомандующему союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке генералу М. Жанену.

Чехословацкие legionеры развернули агитацию среди военнослужащих расквартированного в Омске Карпато-русского стрелкового полка, подрывая «воинскую дисциплину и доверие солдат к командному составу», внушая мысль о том, что «русское командование мало проявляет забот в отношении к карпато-руссам» и подчёркивая «преимущества службы в чешской армии в отношении одежды, пищи и довольствия табаком и сахаром».

«Вышеизложенная агитационная работа чехов, проводимая с достаточной энергией, – указывал генерал Бурлин, – не могла не отразиться на моральном состоянии солдат Карпато-русского полка и в результате вызвала самовольные отлучки и дезертирство с целью перехода на службу в чешские войска, причём установлено, что в одном только 1-м Чешском запасном полку в настоящее время находится на службе 6 солдат Карпато-русского полка, поддавшихся влиянию означенной агитации» [39: 658].

Своё видение послевоенного устройства Восточной Европы, которое рассматривалось им преимущественно как самоопределение Прикарпатской Руси и её взаимоотношений с новым российским политическим руководством, А.В. Копыстьянский изложил в двух меморандумах («Новая Австрия и Россия (к вопросу о судьбе Прикарпатской Руси)» и «Прикарпатская Русь (Галицкая, Буковинская и Угорская Русь)»), подготовленных летом 1919 г. и направленных в министерство иностранных дел Российского правительства адмирала А.В. Колчака.

В первом из них, датированном 20 июня, председатель ЦКС высказывает серьёзные опасения по поводу занятой Т.Г. Масариком позиции и его действий. Он полагал, что «благодаря счастливому стечению обстоятельств, а также умению использовать как мировоззрение, так и настроение руководящих политических деятелей западной Европы и в особенности президента Соединённых Штатов Вильсона» чехословацкий лидер на Парижской мирной конференции смог выдвинуться на одну из ведущих ролей в обсуждении восточ-

ноевропейских проблем. Более того, Копыстьянский утверждал, что «установление нового порядка в средней Европе нужно считать по большей части делом его (т. е. Масарика. – Д.Ш.) рук».

Используя своё влияние, Т.Г. Масарик в первую очередь убеждал политических лидеров стран-победителей в сохраняющейся угрозе со стороны Германии, парировать которую могла чётко выстроенная система сдержек и противовесов, основное место в которой должны были занять новообразованные восточноевропейские государства. В качестве доказательства Копыстьянский приводил в своём докладе текст телеграммы чехословацкого президента премьер-министру Великобритании Д. Ллойд Джорджу, отправленную летом 1918 г. *«Только разгром Австро-Венгрии, – заявлялось в ней, – может сдержать немецкий напор в Азию и Африку. Чехо-Славия должна стать свободным государством, Польша и Югославия должны соединиться со своими народами. Таковой славянский и романский барьер от Балтики к Адрии и Черному морю, и через Италию в Швейцарию и Францию заставит немцев полагаться лишь на свои собственные силы. Этот барьер одновременно будет самой лучшей помощью для России (в тексте документа выделено разрядкой. – Д.Ш.), давая ей возможность развиваться без непосредственного вмешательства немцев»* [9: 9 об.–10].

Эту свою мысль о «создании барьера из славяно-романских народов, – указывал Копыстьянский, – проф. Масарик постоянно развивает во всех влиятельных кругах западной Европы». При этом особую роль в сдерживании «немецкого напора» должна была играть именно Чехословакия, само расположение которой («вдающийся в Германию клин») естественным образом «является главной целью германского давления на восток».

По большому счету, с точки зрения А.В. Копыстьянского, Парижская мирная конференция оказалась «не столь озабочена о будущих взаимоотношениях новосозданных государств в средней Европе, сколько об их внешнем обеспечении от вмешательства или влияния какого-либо великого государства». С этой целью, полагал он, там была «принята любимая теория проф. Масарика о “барьерах” и “буферах”, как средствах, имеющих целью сохранить свободу малых народов и предотвратить столкновение между великими государствами». Выглядеть это должно было следующим образом: «Между Италией и Германией роль буфера должна играть немецкая Австрия, конечно, независимая от Германии. Италию от Югославии должно отделять буферное государство, территория которого будет определена в будущем, к западу от Фиуме. Барьером между Россией и Германией должна служить могучая Польша» [9: 11 об.].

Связующим и объединяющим звеном в выстраиваемой системе государств Центральной и Восточной Европы, по мысли чехословацких политиков, должен был выступить Дунай, который по условиям готовящегося мирного договора предполагалось выше города Ульма объявить нейтральной рекой, вместе с его судоходными притоками и каналами. В докладе Копыстьянский цитирует текст радиотелеграммы из Парижа: «...в своих территориальных требованиях чехословаки придают большое значение обладанию городом Пресбург (современная Братислава, столица Словакии. – *Д.Ш.*), древней столицей словаков и вопросу о Дунае. Эти вопросы представляют жизненную необходимость для нового государства, так как они ему позволят противостоять германскому влиянию, избавиться от обособленности и иметь выход к морю, наконец – упрочить союз с мирными народами Центральной Европы, Югославией и Румынией».

Таким образом, как полагал председатель ЦКС, «если раньше для всех разрозненных частей лоскутной монархии объединяющим элементом являлась династия Габсбургов, то в будущем по воле нынешних вершителей судеб мира роль династии должна заменить “нейтральная” река Дунай» [9: 11–11 об.].

Принимая во внимание претензии чехословацких политиков на «верховенство в славянском мире», их требование нейтрализации Дуная, а также учитывая политический вес Т. Масарика и его влияние на Парижской мирной конференции, А.В. Копыстьянский предположил наличие у них далеко идущих планов создания объединения восточно- и центральноевропейских стран. Именно в этом ключе он трактует фразу из речи чехословацкого президента: «Президент Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо пришли к соглашению об уничтожении мадьярской гегемонии в Австрийской империи с отделением всех народностей не говорящих по-мадьярски и создании Дунайской федерации во главе с чехословаками и присоединением австро-германцев» [9: 10 об.].

В самой идее Дунайской федерации лидер карпаторуссов видит возрождение австрославизма – концепции переустройства Австрийской империи на федеративных началах, первыми выразителями которой были чехи Карел Гавличек-Боровский (1821–1856) и Франтишек Палацкий (1798–1876). «Столь популярная в лоскутной империи Габсбургов идея австро-славизма ныне получает своё конкретное осуществление, – считает он. – Так как идея австро-славизма уже по своему существу противоположна идее русско-славянского единения, её автор и многочисленные сторонники естественно стремятся к ослаблению и расчленению России... Австро-славизм всегда стремился и ныне стремится к

дроблению славянских народов в противовес славяно-русизму, преследующему цель объединения всех славянских ручейков в одну мощную славянскую реку» [9: 15 об.].

Убедив ключевых западных политиков в значении Чехословакии в сдерживании германской угрозы и поддержании европейского равновесия, чехословацкие лидеры обозначили и свои территориальные притязания. Один вариант озвучил премьер-министр К. Крамарж, заявивший, что «по соглашению с союзниками, чехословацкая республика будет состоять из бывших земель короны св. Вячеслава до территории немецкого меньшинства, включительно, и из Словакии» [38].

В дальнейшем же речь пошла о включении в состав Чехословакии какой-то «автономной территории к югу от Карпат», в которой безошибочно угадывалась Угорская или Закарпатская Русь, «простирающаяся от Черной Тиссы до Лотарицы и немного дальше к северо-западу» принадлежавшая до этого Венгерскому королевству часть исторического региона Карпатская Русь. «Карпаторусское слово» так описывало её пределы: «Границей её на юге является река Тиса и Сатмарские горы, на западе – отроги Бескид, на севере Угорская Русь непосредственно примыкает к Галичине и Буковине» [35].

В феврале 1919 г. министр иностранных дел и один из руководителей чехословацкой делегации на Парижской мирной конференции Э. Бенеш просил Верховный совет включить в состав будущей Чехословацкой республики «Богемию, Моравию, Силезию, Словаччину и Угорскую Русь» [9: 10].

Сам Т. Масарик так писал в своих воспоминаниях по поводу Угорской Руси: «Пока Россия побеждала, нужно было принимать в соображение, не будет ли она притязать на Подкарпатскую Русь, тем более, что она сейчас же оккупировала Восточную Галицию; однако, тогда Россия ещё считалась с тем, что мадьяры могут выступить против Австрии, а потому в этом вопросе у неё не было определенного плана... То, что Россия проиграла, дало возможность присоединить Подкарпатскую Русь к нашей республике. Вначале это было, конечно, лишь тайным сердечным желанием» [17: 57].

«То обстоятельство, что Россия с присоединением Прикарпатской Руси непосредственно приближается к средней Европе и примыкает к Польше, Чехословакии, Венгрии и Румынии, – считал А.В. Копыстьянский, – играет роковую роль при решении карпаторусского вопроса на мирной конференции в пользу России». По мнению председателя ЦКС, именно «новосозданные государства на развалинах Австро-Венгрии» более других «бьют тревогу и прилагают все усилия к

недопущению России к горам Карпатам». В частности, Чехословакия «стремится занять Угорскую Русь и таким образом отрезать Россию от Венгрии», доказывая при этом в прессе, что для будущей России просто очень невыгоден выход её границы к Среднедунайской (Венгерской) низменности.

В итоге, как предполагал Копыстянский, Парижская мирная конференция могла «решить вопрос о судьбе Прикарпатской Руси *во вред России* (в тексте документа выделено разрядкой. – Д.Ш.) трояким способом: разделив территорию Прикарпаття между Польшей, Чехословакией и Румынией, присоединив к «самостийной» Украине или создав из неё «буферное государство, тесно связанное с Дунайской федерацией». Любой из этих вариантов представлял угрозу интересам как карпаторусского народа, так и Российского государства.

«Россия не может безучастно отнестись к судьбе Прикарпатской Руси, – делал вывод А.В. Копыстянский. – Опираясь как на огромнейшие жертвы, принесённые всем русским народом на алтарь общей победы, так и на волеизъявление населения Прикарпатской Руси, стремящегося к воссоединению с Россией, Россия имеет полное право требовать выполнения договора, заключённого с союзниками, в силу которого судьба Австро-Венгрии должна исключительно решаться Россией и, по крайней мере, не допустить решения судьбы Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) вопреки жизненным интересам русского народа» [9: 16].

Своими опасениями председатель ЦКС настойчиво подталкивал Омское правительство к официальному заявлению по карпаторусскому вопросу. Тем более что своё мнение по этому поводу Центральный Карпаторусский совет высказал ещё осенью 1918 г. «Братья! – говорилось в его обращении “К Русскому народу”. – Мы не толкаем вас на путь завоеваний и аннексий. Мы просим вас только не забывать, что на окровавленных галицких, буковинских и угорских полях живёт русский народ такой же, как в Волыни, Киеве и Полтаве, что взоры его обращены к вам и только к вам. Окажите нам свою нравственную поддержку, заявите миру, что вы не можете оставить тех, кто опирается на право самоопределения, желает слиться воедино с вами, со всем русским народом» [12].

Не имея возможности оказывать непосредственное влияние ни на события, происходившие в самом Прикарпатье, ни на принимаемые на Парижской мирной конференции решения, А.В. Копыстянский стремится ускорить и усилить процесс вхождения находившихся на Урале и в Сибири русинов в местную среду, инкорпорировать их в российское общество и Российское государство.

К этому времени Карпаторусский добровольческий отряд, ранее подчинявшийся чехословацкому командованию, по просьбе ЦКС был включён в состав Русской армии. Произошло это в начале марта 1919 г. «Карпаторусские войска вошли в ряды возрождённой русской армии, – ликовало по этому поводу “Карпаторусское слово”. – В жизни русской нации свершился великий исторический факт, идейное значение которого в настоящий момент не может не быть учтено. В продолжение веков оторванная от национального целого Прикарпатская Русь ныне, в момент строительства нового русского государства, стоит в рядах своих державно русских братьев!». 15 мая министерство внутренних дел Омского правительства предоставило Центральному Карпаторусскому совету «исключительное право выдавать удостоверения и проводить регистрацию уроженцев Прикарпатской (Галицкой, Буковинской и Угорской) Руси» [27].

В начале июля 1919 г. Копыстьянский обратился к председателю Комиссии по разработке вопросов о Всероссийском представительном собрании учредительного характера А.С. Белевскому (Белоруссову) с докладной запиской, в которой обосновывал правомерность участия русинов в предстоящей конституанте. «В виду того, – аргументировал он свою точку зрения, – что самой тяжёлой обязанностью по отношению к государству является подать крови и эту *обязанность* по отношению к возрождающейся России население Прикарпатской Руси несёт *добровольно*, Центральный Карпаторусский совет просит не отказать в предоставлении населению Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) *права участия в[о] Всероссийском Учредительном национальном собрании* (во всех трёх случаях в тексте документа выделено разрядкой. – Д.Ш.)» [9: 161].

Примерно в то же время выполняя постановление второго карпаторусского съезда ЦКС приступил к принудительной мобилизации находящихся в Сибири уроженцев Галиции, Буковины и Подкарпатья. Поскольку история формирования карпаторусских воинских частей в её разных аспектах уже рассматривалась исследователями [22; 41; 42], не будем останавливаться на этом вопросе, отметим лишь, что 22 августа принимается правительственное постановление, в котором, «идя навстречу единодушному желанию украино-руссин, уроженцев Прикарпатской Руси (Галиции, Буковины и Угорской) в их стремлении выступить с оружием в руках для беспощадной борьбы с большевиками», объявлялся «призыв на военную службу всех карпаторуссов... в возрасте от 18 до 43 лет, как военнопленных, так и беженцев и лиц, свободно проживающих в пределах России, освобождённой от советской власти» [32: 344–345].

В августе ЦКС обратился с ходатайством «предоставить всем карпаторусским воинам, сражающимся в Русской армии за возрождение России, преимущества и льготы в отношении земельного и хозяйственного устройства наравне с российскими воинами», а также «распространить на всех карпаторуссов (уроженцев Прикарпатской Руси, т. е. Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) право переселения в Сибирь, в особенности в области Дальнего Востока» [8: 1]. Это обращение также закончилось в положительном смысле постановлением Совета министров Омского правительства [32: 514].

Подведём итоги. Точка зрения А.В. Копыстьянского по вопросу о послевоенном устройстве Восточной Европы интересна в нескольких аспектах. С одной стороны, направляемые им в министерство иностранных дел колчаковского правительства докладные записки отражают серьёзные опасения по поводу нарастающих претензий чешского лидера Т.Г. Масарика на «верховенство в славянском мире», угрозы включения в состав Чехословакии Угорской Руси и целенаправленного устранения России от решения карпаторусского вопроса. С другой стороны, они передают усиливающееся разочарование в самой возможности справедливого решения этой проблемы на Парижской мирной конференции. «На нашей земле разыгрались крупнейшие исторические события, – с горечью писал А.В. Копыстьянский в “Карпаторусском слове” в начале сентября 1919 г. – На полях Галиции был спасён Париж, в снежных Карпатских горах предотвращена была катастрофа, угрожающая Италии. Там, на костях русских чудо-богатырей, родилась свобода славянских государств. И вот ныне, когда по поводу победы ликуют народы, лишь наши надежды ещё не осуществлены. В течение нескольких месяцев мы устремляли наши взоры в сторону сильных мира сего. Мы верили глубоко, что наш голос будет выслушан в Париже. Мы ошиблись. Мы горько разочаровались... Мы рассеяны по белому свету. Мы бездомны... Попраны Божеские и человеческие законы по отношению к нашему народу. Опускаются руки, отчаяние и боль сжимают сердце» [10].

Выход стал видеться исключительно в опоре на собственные силы и окончательную переориентацию на Белое движение. «Остался один единственно-верный путь, – утверждал редактор “Карпаторусского слова” И.А. Лабенский, – на который мы постоянно издавна указывали. Это – Владимирский путь, ведущий через восстановление русско-национального и государственного единства к спасению нашей ближайшей родины. Всенародная борьба еще не окончена, свобода наша не потеряна навсегда» [11].

По сравнению с предыдущим периодом у карпаторуссов усиливается антибольшевистская риторика. «Следовательно, – подбадривала и мотивировала газета, – сражаясь против большевиков, мы этим самым приближаем развязку событий и момент освобождения своего края от разрухи, голода и порабощения. За многие века нашей изолированной областной исторической жизни никогда более судьба родной земли не зависела в такой степени от нас самих как сейчас» [18].

Изучение обстоятельств дела показывает, что это, конечно, не было противостоянием в буквальном смысле, слишком неравноценными были политические фигуры Т. Масарика и А.В. Копыстьянского, и, вероятно, первый даже не заметил оппонента. Своими словами и делами председатель ЦКС рассчитывал побудить правительство адмирала А.В. Колчака, которое он считал вполне легитимной властью на пространстве бывшей Российской империи, к официальному заявлению с признанием вхождения Прикарпатской Руси в состав возрождающейся России.

В свою очередь, для правительства адмирала А.В. Колчака движение карпаторуссов и присущая ему политическая риторика стали наряду с мобилизационными кампаниями в поддержку сибирского казачества, дружин Святого креста одним из путей конструирования новой национальной идеи, способной поднять боевой дух армии и консолидировать общество перед лицом большевистской угрозы. В этом смысле теоретические построения А.В. Копыстьянского стали основой для вполне конкретных шагов, важнейшим из которых стало формирование воинских подразделений из уроженцев Прикарпатья и включение их в состав Русской армии адмирала А.В. Колчака. Но сделать официальное заявление о включении карпаторусских земель в состав России Омское правительство так и не решилось или не успело, поскольку такая возможность всё же обсуждалась [9: 23, 148, 151].

В конечном итоге попытки Копыстьянского парировать предпринимаемые Масариком шаги и предотвратить раздел карпаторусских земель между новообразованными восточноевропейскими государствами не увенчались успехом. Россия на тот момент была слишком ослаблена и раздроблена, чтобы быть серьёзным субъектом международной политики, а действовавшие на её территории антибольшевистские правительства не имели возможностей влиять на принимаемые в Париже решения держав-победительниц. Слишком велика оказалась асимметрия.

Примечание

1. «Карпаторусское слово» – еженедельная газета, официальное издание Центрального Карпаторусского совета. С 20 декабря 1918 г. по 4 февраля 1919 г. издавалась в Екатеринбурге (подзаголовок: орган Центрального Карпаторусского совета), печаталась в типографии товарищества «Уральский край»; было выпущено 6 номеров, с 1-го по 5-й (6-й), дата выпуска не указывалась. С 4 апреля 1919 г. выходила в Омске (подзаголовок: «Политическая и общественная еженедельная газета»), печать осуществлялась в типографии Всероссийского центрального союза потребительских обществ, в заголовочной части указывались календарные сведения. Последний (25-й) номер вышел 23 октября 1919 г. Редактор – И.А. Лабенский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акт отчаяния (По поводу угрорусского съезда в Прешове) // Карпаторусское слово. 1919. 11 апр.

2. *Баринов И., Стрелков И.* Будущее Буковины в контексте русских, украинских и румынских предложений на Парижской мирной конференции 1919 г. // Русин. 2012. № 2 (28). С. 35–48.

3. *Баринов И., Стрелков И. А. В.* Копыстьянский и его деятельность в России в годы Гражданской войны, 1918–1920 гг. // Русин. 2012. № 3 (29). С. 116–126.

4. Бейте тревогу! // Карпаторусское слово. 1919. 11 авг.

5. Вести из Америки // Карпаторусское слово. 1919. 27 апр.

6. Второй карпаторусский съезд // Карпаторусское слово. 1919. 27 апр.

7. *Гопта И., Гоптова Л.* Чехословацкая Республика как новое государство на политической карте мира // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2019. № 1-2. С. 130–147.

8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 955. О переселении в Сибирь карпаторуссов, уроженцев Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, входившей в состав бывшей Австро-Венгерской империи.

9. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 369. Переписка с Центральным карпаторусским советом и российскими послами за границей о международном положении карпаторуссов, о притязаниях поляков, румын и чехословаков на территорию Прикарпатской Руси и о необходимости участия Прикарпатской Руси во Всероссийском учредительном собрании.

10. За что и почему? // Карпаторусское слово. 1919. 6 сент.

11. Единственный путь // Карпаторусское слово. 1919. 25 авг.

12. К Русскому народу // Карпаторусское слово. 1918. № 1.

13. *Конев К.А.* Карпаторусское сообщество в социокультурном пространстве Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.): взгляд через призму истории эмоций // Русин. 2021. № 63. С. 138–155. DOI: 10.17223/18572685/63/7

14. *Конев К.А.* К истории международной деятельности Центрального Карпаторусского совета в Сибири (1919 г.) // Русин. 2022. № 69. С. 146–163. DOI: 10.17223/18572685/69/8

15. *Лозовиук П., Шевченко К.В.* Политическое положение в Подкарпатской Руси в оценках чехословацких чиновников и учёных // Русин. 2021. № 64. С. 154–175. DOI: 10.17223/18572685/64/8

16. *Мартышев А.В., Терехов О.Э.* Формирование границ первой Чехословацкой республики в освещении отечественной историографии // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2019. № 3 (23). С. 145–151. DOI: 10.25513/2312-1300.2019.3.145-151

17. *Масарик Т.Г.* Мировая революция. Воспоминания. Т. 2. Прага: Пламя, 1927. 367 с.

18. На рассвете // Карпаторусское слово. 1919. 23 окт.

19. *Нам И.В., Наумова Н.И.* Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг. // Русин. 2015. № 4 (42). С. 126–142. DOI: 10.17223/18572685/53/10

20. *Нам И.В., Наумова Н.И.* Карпаторусская проблема на Парижской мирной конференции (1919 г.) // Русин. 2018. № 3 (53). С. 172–192. DOI: 10.17223/18572685/53/10

21. *Нам И.В., Наумова Н.И.* Съезды карпатороссов в Сибири в годы гражданской войны. 1918–1919 // Русин. 2014. № 3 (37). С. 152–166. DOI: 10.17223/18572685/37/11

22. *Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И.* Карпаторусский совет и формирование воинских подразделений карпаторусов в Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Русин. 2017. № 3 (49). С. 85–100.

23. *Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И.* Организации военнопленных русинов в Сибири и власть: конфликт интересов (1918–1919 гг.) // Русин. 2019. № 57. С. 84–98.

24. От Центрального Карпаторусского совета // Карпаторусское слово. 1918. № 1.

25. Открытое письмо Центрального Карпаторусского совета президенту Чешско-Словацкой республики профессору Массарику // Карпаторусское слово. 1918. № 1 (2).

26. *Пиковская Т.В.* Национальный вопрос в программах русинских политических партий в Подкарпатской Руси (1918–1938 гг.) // Русин. 2020. № 61. С. 149–165. DOI: 10.17223/18572685/61/9

27. Постановление управляющего Министерством внутренних дел // Правительственный вестник. 1919. 1 июня.

28. Прикарпатская Русь в смертельной опасности // Карпаторусское слово. 1919. 4 мая.
29. *Пушкаш А.И.* Международный и политико-правовой статус национальных меньшинств стран Средней Европы в решениях Парижской мирной конференции // Восточная Европа после Версаля. СПб.: Алетейя, 2007. С. 78–89.
30. *Пушкаш А.* Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М.: Европа, 2006. 564 с.
31. *Серапионова Е.П.* Чехословацкий вопрос на Парижской мирной конференции // Восточная Европа после Версаля. СПб.: Алетейя, 2007. С. 90–108.
32. Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.) : сб. док. / Составитель и научный редактор В.И. Шишкин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. Т. 2. 734 с.
33. *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и Русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.
34. *Сушко А.В., Петин Д.И.* Русин в эпоху социальных катаклизмов в России (пример судьбы Григория Мокрого) // Русин. 2022. № 69. С. 164–178. DOI: 10.17223/18572685/69/9
35. Угорская Русь // Карпаторусское слово. 1919. 11 апр.
36. *Хандорин В.Г.* Карпаторуссы в белом движении. Из истории национального движения карпаторуссов (русин) // Досягнення соціально-гуманітарних наук в сучасній Україні : матер. III Всеукраїнської наук. конф. з міжнар. участю. Симферополь, 2013. Ч. 4. С. 109–112.
37. *Хандорин В.Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 624 с.
38. Хроника // Карпаторусское слово. 1918. № 3 (4)
39. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.
40. Что происходит в восточной Галичине? // Карпаторусское слово. 1918. № 1.
41. *Шевелев Д.Н.* Мобилизация карпаторуссов в Сибири летом–осенью 1919 г.: идеологический контекст, военная необходимость и политические комбинации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 69–80. DOI: 10.17223/15617793/484/8
42. *Шевелев Д.Н., Конев К.А.* «За Россию и за общее дело славянства»: официальная и проправительственная печать белой Сибири о формировании на ее территории карпаторусских воинских частей // Русин. 2015. № 3 (41). С. 143–167. DOI: 10.17223/18572685/42/11
43. *Шевченко К.В.* «Лемки ошиблись в своих надеждах». Национальное движение русинов-лемков в 1918–1920 гг. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 1 (7). С. 63–75.
44. *Шевченко К.В.* Положение Подкарпатской Руси и русинов в 1919 г. в

оценках чешских чиновников (По материалам пражского Архива Канцелярии президента республики) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 86–94. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.05

45. Шевченко К.В. Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М.: Модест Колеров, 2006. 272 с.

46. Шевченко К.В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М.: Regnum, 2010. 414 с.

47. Юбилей профессора Масарика // Карпаторусское слово. 1919. 4 апр.

48. Magocsi P.R. With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest; New York: CEU Press, 2015. 511 p.

49. Rychlík J., Rychlíková M. Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946. Praha: Vyšehrad, 2016. 240 p.

REFERENCES

1. *Karpatorusskoe slovo*. (1919a) Akt otchayaniya (Po povodu ugrorusskogo s"ezda v Preshove) [Act of despair (Regarding the Ugro-Russian congress in Prešov)]. 11th April.

2. Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) Budushchee Bukoviny v kontekste russkikh, ukrainskikh i rumynskikh predlozheniy na Parizhskoy mirnoy konferentsii 1919 g. [The future of Bucovina in the context of Russian, Ukrainian, and Romanian proposals at the Paris Peace Conference of 1919]. *Rusin*. 2(28). pp. 35–48.

3. Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) A.V. Kopystyanskiy i ego deyatel'nost' v Rossii v gody Grazhdanskoy voyny, 1918–1920 gg. [A.V. Kopystyanskiy and his activities in Russia during the Civil War (1918–1920)]. *Rusin*. 3(29). pp. 116–126.

4. *Karpatorusskoe slovo*. (1919b) Beyte trevogu! [Sound the alarm!]. 11th August.

5. *Karpatorusskoe slovo*. (1919c) Vesti iz Ameriki [News from America]. 27th April.

6. *Karpatorusskoe slovo*. (1919d) Vtoroy karpatorusskiy s"ezd [Second Carpatho-Russian Congress]. 27th April.

7. Gupta, I. & Goptova, L. (2019) Chekhoslovatskaya Respublika kak novoe gosudarstvo na politicheskoy karte mira [The Czechoslovak Republic as a new state on the political map of the world]. *Vishegradskaya Evropa. Tsentral'noevropeyskiy zhurnal*. 1-2. pp. 130–147.

8. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1919a) *O peresele-nii v Sibir' karpatorussov, urozhentsev Galitskoy, Bukovinskoy i Ugorskoy Rusi, vkhodivshey v sostav byvshey Avstro-Vengerskoy imperii* [On the resettlement of Carpatho-Russians, natives of Galician, Bukovinian and Ugric Rus, which

was part of the former Austro-Hungarian Empire, to Siberia]. Fund R-176. List 6. File 955.

9. *The State Archive of the Russian Federation (GARF)*. (1919b) *Perepiska s Tsentral'nym karpatorusskim sovetom i rossiyskimi poslami za granitsey o mezhdunarodnom polozenii karpatorussov, o prityazaniyakh polyakov, rumyn i chekhoslovakov na territoriyu Prikarpat'skoy Rusi i o neobkhodimosti uchastiya Prikarpat'skoy Rusi vo Vserossiyskom uchreditel'nom sobranii* [Correspondence with the Central Carpatho-Russian Council and Russian ambassadors abroad about the international position of the CarpathoRussians, about the claims of the Poles, Romanians and Czechoslovaks to the territory of the Carpathian Rus and the need for the participation of the Carpathian Rus in the All-Russian Constituent Assembly]. Fund R-200. List 1. File 369.

10. *Karpatorusskoe slovo*. (1919a) *Za chto i pochemu?* [For what and why?]. 6th September.

11. *Karpatorusskoe slovo*. (1919b) *Edinstvennyy put'* [The only way]. 2nd August.

12. *Karpatorusskoe slovo*. (1918a) *K ruskomu narodu* [To the Russian people]. 1.

13. Konev, K.A. (2021) The Carpatho-Russian community in the Siberian socio-cultural space during the Civil War (1918–1919): a view through the prism of the history of emotions. *Rusin*. 63. pp. 138–155 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/63/7

14. Konev, K.A. (2022) On the history of the international activities of the Central Carpatho-Russian Council in Siberia (1919). *Rusin*. 69. pp. 146–163 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/69/8

15. Lozovyuk, P. & Shevchenko, K.V. (2021) Political situation in Subcarpathian Rus as assessed by Czechoslovak officials and scholars. *Rusin*. 64. pp. 154–175 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/64/8

16. Martyushev, A.V. & Terekhov, O.E. (2019) *Formirovanie granits pervoy Chek-hoslovatskoy respubliki v osveshchenii otechestvennoy istoriografii* [Formation of the borders of the first Czechoslovak Republic in domestic historiography]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"*. 3(23). pp. 145–151 (in Russian). DOI: 10.25513/2312-1300.2019.3.145-151

17. Masaryk, T.G. (1927) *Mirovaya revolyutsiya. Vospominaniya* [World Revolution. Memories]. Vol. 2. Translated from Czech. Prague: Plamya.

18. *Karpatorusskoe slovo*. (1918b) *Na rassvete* [At dawn]. 1.

19. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2015) Historical memory and the national and political identification of Rusins in 1914–1920. *Rusin*. 4(42). pp. 126–142 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/10

20. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2018) The Carpathians problem at the Paris Peace Conference in 1919. *Rusin*. 3(53). pp. 172–192 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/10

21. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) Carpatho-Russian Conventions in Siberia during the Civil War (1918–1919). *Rusin.* 3(37). pp. 152–156 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/11

22. Nam, I.V., Naumova, N.I. & Zinovieva, V.I. (2017) The Carpatho-Russian Council and the Formation of the Carpatho-Russian Military Units in Siberia during the Civil War. *Rusin.* 3(49). pp. 85–100 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/49/6

23. Nam, I.V., Naumova, N.I. & Zinovieva, V.I. (2019) Organisations of Rusinian prisoners of war in Siberia and authority: A conflict of interests (1918–1919). *Rusin.* 57. pp. 84–98 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/57/6

24. *Karpatorusskoe slovo.* (1918c) Ot Tsentral'nogo Karpatorusskogo soveta [From the Central Carpatho-Russian Council]. 1.

25. *Karpatorusskoe slovo.* (1919c) Otkrytoe pis'mo Tsentral'nogo Karpatorusskogo soveta prezidentu Cheshsko-Slovatskoy respubliki professoru Masariku [Open letter of the Central Carpathian Council to the President of the Czech-Slovak Republic, Professor Masaryk]. 1(2).

26. Pekovska, T.V. (2020) National Issue in the Programs of Rusin Political Parties in the First Czechoslovak Republic (1918–1938). *Rusin.* 61. pp. 149–165 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/61/9

27. *Pravitel'stvennyy vestnik.* (1919d) Postanovlenie upravlyayushchego Ministerstvom vnutrennikh del [Resolution of the Governor of the Ministry of Internal Affairs]. 1st June.

28. *Karpatorusskoe slovo.* (1919e) Prikarpat'skaya Rus' v smertel'noy opasnosti [Carpathian Rus in mortal danger]. 4th May.

29. Pushkash, A.I. (2007) Mezhdunarodnyy i politiko-pravovoy status natsional'nykh men'shinstv stran Sredney Evropy v resheniyakh Parizhskoy mirnoy konferentsii [The international and political-legal status of the national minorities of the countries of Central Europe in the decisions of the Paris Peace Conference]. In: Kostyushko, I.I. (ed.) *Vostochnaya Evropa posle Versalya* [Eastern Europe after Versailles]. St. Petersburg: Aleteyya.

30. Pushkash, A. (2006) *Tsivilizatsiya ili varvarstvo: Zakarpat'e 1918–1945* [Civilization or barbarism: Transcarpathia 1918–1945]. Moscow: Evropa.

31. Serapionova, E.P. (2007) Chekhoslovatskiy vopros na Parizhskoy mirnoy konferentsii [The Czechoslovak Question at the Paris Peace Conference]. In: Kostyushko, I.I. (ed.) *Vostochnaya Evropa posle Versalya* [Eastern Europe after Versailles]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 90–108.

32. Russia. (2016) *Sovet ministrov Rossiyskogo pravitel'stva: zhurnaly zasedaniy (18 noyabrya 1918 – 3 yanvarya 1920 g.)* [Council of Ministers of the Russian Government: journals of meetings (November 18, 1918 – January 3, 1920)]. Vol. 2. Novosibirsk: SB RAS.

33. Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i Russkoy

smuty [Rusins during the World War I and the Russian distemper]. *Rusin*. 1(3). pp. 46–65.

34. Sushko, A.V. & Petin, D.I. (2022) A Rusin in the era of social cataclysms in Russia (a case study of Grigoriy Mokriy). *Rusin*. 69. pp. 164–178 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/69/9

35. *Karpatorusskoe slovo*. (1919f) Ugorskaya Rus' [Ugric Russia]. 11th April.

36. Khandorin, V.G. (2013) Iz istorii natsional'nogo dvizheniya karpatorussov (rusin) [From the history of the national movement of the Carpatho-Russians (Rusins)]. [Dosyagnennyya sotsial'no-gumanitarnikh nauk v suchasnyy Ukraïni. Proc. of the Conference. Simferopol. pp. 109–112.

37. Khandorin, V.G. (2017) *Natsional'naya ideya i admiral Kolchak* [National idea and Admiral Kolchak]. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science.

38. *Karpatorusskoe slovo*. (1918d) Khronika [Chronicle]. 3(4).

39. Efimenko, A.P. (ed.) (2018) *Cheshsko-Slovatskiy (Chekhoslovatskiy) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy* [Czech-Slovak (Czechoslovak) Corps. 1914–1920. Documents and materials]. Vol. 2. Moscow: Kuchkovo pole.

40. *Karpatorusskoe slovo*. (1918e) Chto proiskhodit v vostochnoy Galichine? [What is happening in eastern Galicia?]. 1.

41. Shevelev, D.N. (2022) Mobilization of the Carpatho-Russians in Siberia, summer and fall of 1919: Ideological context, military demand, and political combinations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 69–80 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/484/8

42. Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2015) “For Russia and for the Slavdom”: the official and pro-governmental press of the White Siberia on the formation of Carpatho-Russian military units on its territory. *Rusin*. 4(42). pp. 143–167 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/11

43. Shevchenko, K.V. (2010) “The Lemkos were mistaken in their hopes.” National movement of Rusin-Lemkos in 1918–1920. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1(7). pp. 63–75 (in Russian).

44. Shevchenko, K.V. (2022) Polozhenie Podkarpatskoy Rusi i rusinov v 1919 g. v otsenkakh cheshskikh chinovnikov (Po materialam prazhskogo Arkhiva Kantselyarii prezidenta respubliky) [The situation of Subcarpathian Rus and Rusins in 1919 in the assessments of Czech officials (based on materials from the Prague Archive of the Office of the President of the Republic)]. *Slavyanskiy al'manakh*. 1-2. pp. 86–94. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.05

45. Shevchenko, K.V. (2006) *Rusiny i mezhvoennaya Chekhoslovakiya. K istorii etnokul'turnoy inzhenerii* [Rusins and inter-war Czechoslovakia. To the history of ethnocultural engineering]. Moscow: Modest Kolerov.

46. Shevchenko, K.V. (2010) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny*

v XIX – *pervoy polovine XX v.* [Slavic Atlantis: Carpathian Rus and Rusins in the 19th – the first half of the 20th centuries]. Moscow: Regnum [in Russian].

47. *Karpatorusskoe slovo.* (1919g) Yubiley professora Masarika [Professor Masaryk's anniversary]. 4th April.

48. Magocsi, P.R. (2015) *With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns.* Budapest; New York: CEU Press.

49. Rychlík, J. & Rychlíková, M. (2016) *Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946.* Praha: Vyšehrad.

Шевелев Дмитрий Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. (Россия).

Dmitry N. Shevelev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shev-dn@yandex.ru

УДК 94(47)“1918–1920”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/74/9

Кубанская Чрезвычайная краевая рада (1918–1920 гг.): выборы и состав депутатского корпуса

А.А. Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Авторское резюме

Кубанская Чрезвычайная краевая рада, выбранная осенью 1918 г., сыграла заметную роль в событиях Гражданской войны на Юге России, но ни избирательная кампания, ни социальный и политический состав кубанского парламента ранее не становились объектом изучения. Источниковой базой исследования послужили неопубликованные документы ГАРФ, ГАКК, Бахметевского архива, материалы прессы, воспоминания современников. Рассматриваются различные аспекты выборной кампании в Кубанскую Чрезвычайную краевую раду – законодательство, явка, особенности выборов в станицах и городах, социальный и партийный состав депутатского корпуса. Сделан вывод, что выборы в Раду не соответствовали демократическим стандартам, так как большая часть иногороднего населения была лишена избирательных прав. Партии оказывали некоторое влияние на выборы только в городах, в то время как практически все депутаты от станиц были беспартийными. Несмотря на существующее в казачьей среде историческое деление на «черноморцев» и «линейцев», большая часть депутатов избиралась под общеказачьими лозунгами и примыкала к одной из группировок – сепаратистской, федералистской, автономистской и монархической – уже в ходе работы Рады. Отсутствие полноценных партийных фракций приводило к тому, что депутаты, принадлежащие к «болоту», склонялись то на одну, то на другую сторону. Делается вывод, что формат выборов в Раду и её состав были одной из причин постоянных смен правительства и политических кризисов, оказывавших заметное негативное влияние на тыл белых армий.

Ключевые слова: Кубанская Чрезвычайная краевая рада, Гражданская война, выборы, черноморцы, линейцы, иногородние

The Kuban Extraordinary Regional Rada (1918–1920): Elections and composition of the deputy corps

Anton A. Chemakin

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Abstract

The Kuban Extraordinary Regional Rada, elected in the fall of 1918, played a significant role in the Civil War in South Russia, but neither the election campaign nor the social and political composition of the Kuban parliament had previously been studied. The source base of the study includes unpublished documents from GARF, GAKK, the Bakhmeteff Archive, press materials, and memoirs of contemporaries. The article discusses various aspects of the election to the Kuban Extraordinary Regional Rada – legislation, turnout, specificity of election in stanitsas and cities, social and party composition of the deputy corps. The author concludes that the Rada elections did not meet democratic standards, since most of the nonresident population was deprived of voting rights. Parties had some influence on elections only in cities, while almost all deputies from stanitsas were non-partisan. Despite the historical division into “Black Sea Cossacks” and “Line Cossacks”, most of the deputies were elected under the common Cossack slogans and joined one of the groups – separatists, federalists, autonomists, or monarchists – already during the work of the Rada. Since there were no full-fledged party factions, the deputies, belonging to the “swamp”, leaned to one side or another. It is concluded that the format of elections and the Rada composition brought about constant governmental changes and political crises that noticeably affected the rear of the White armies.

Keywords: Kuban Extraordinary Regional Rada, Civil War, elections, Black Sea Cossacks, Line Cossacks, nonresidents

Кубанская Чрезвычайная краевая рада, действовавшая в 1918–1920 гг., оказала значительное влияние на ход Гражданской войны в регионе. Конфликт Рады с главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) А.И. Деникиным стал одной из важных причин поражения Белого движения. Кубанский парламент упоминается практически во всех работах, посвящённых южно-

русскому Белому движению, но ни выборы в Раду, ни её состав не становились объектом отдельного исследования, а встречающиеся в научных трудах характеристики носят достаточно общий характер. Так, например, Г.М. Ипполитов полагает, что члены Кубанской рады были «ярко выраженные сепаратисты» [15: 54]. А.С. Пученков, polemизируя с ним, отмечает, что в Раде присутствовали разные течения, в том числе и проденикинское, хотя тут же признаёт, что на выборах большинство депутатских мест получили сепаратистски настроенные «черноморцы» [34: 713, 721]. В ряде работ приводится информация об избирательном законе, но она не отличается полнотой и точностью [1: 87–88; 28: 30–32]. Цель данной статьи – попытаться разобраться, как проходили выборы в Раду и из каких группировок она состояла.

Основные политические противоречия на Кубани были связаны с наличием в крае трёх сообществ – казаков Кубанского казачьего войска, горцев и так называемых иногородних. По состоянию на 1914 г. в сельских поселениях Кубани проживало 49 % иногородних, 46,3 % казаков и 4,7 % горцев, в городских поселениях – 97,6 % иногородних, 1,8 % казаков и 0,6 % горцев, в целом по краю – 52,8 % иногородних, 42,9 % казаков и 4,3 % горцев. Таким образом, иногородние составляли абсолютное большинство жителей Кубани, но при этом они находились в худшем экономическом положении и были серьёзно ограничены в гражданских правах. Термин «иногородние» можно понимать двояко. С одной стороны, им обозначали всё население Кубани за вычетом казаков и горцев. С другой стороны, этим же термином называли более узкую группу лиц, проживающих на Кубани, но не имеющих в крае собственной (купчей или надельной) земли сельскохозяйственного значения. Эта группа составляла 91 % от всех иногородних в широком значении, а так называемые коренные иногородние, обладающие землёй, – 9 % (согласно переписи 1917 г. соотношение было немного другим – 85 и 15 %) [20: 21–23, 26]. Само кубанское казачество также было разделено на два лагеря – «черноморцев», являвшихся потомками запорожцев, и «линейцев», происходивших от донских и волжских казаков. Лидеры «черноморцев» ориентировались преимущественно на Украину, хотя и вынуждены были скрывать сепаратистские взгляды и представляться федералистами, лидеры «линейцев» – на вхождение Кубани в состав возрожденной России на правах автономии или субъекта федерации. Таким образом, на Кубани присутствовало как минимум четыре основных этносоциальных сообщества: казаки-«черноморцы», казаки-«линейцы», горцы, «иногородние» (которых при желании также можно разделить на малороссов и великороссов). Всё это не могло не сказаться на ходе выборов и составе кубанского парламента.

В августе 1918 г. кубанские части вместе с Добровольческой армией заняли «столицу» края – Екатеринодар. Началось восстановление институтов, существовавших до захвата власти в регионе большевиками. Памятуя о том, что большая часть иногородних поддерживала большевиков, вернувшееся из похода казачество заняло по отношению к ним враждебную позицию, и поэтому все существовавшие на рубеже 1917–1918 гг. проекты создания коалиционной власти были забыты. 13 августа 1918 г. Совет Кубанского краевого правительства поручил комиссии под председательством профессионального юриста и члена кадетской партии П.М. Каплина выработать проект закона о выборах в Краевую раду. Уже 18 августа подготовленный проект был принят правительством, решившим назвать созываемую Раду «Чрезвычайной». 26 августа было принято дополнение к закону, разъяснявшее порядок выборов в городах [31: 129–130, 137–138, 143, 155–156].

Право участия в выборах получили лица мужского пола, достигшие 25-летнего возраста и принадлежащие к казачьему населению края, кубанским горским племенам и к составу коренных жителей кубанских сельских общин и крестьянских земельных товариществ (т. е. казаки, горцы и «коренные» иногородние). Пассивное избирательное право было предоставлено всем, имеющим право голоса. Лица, состоящие на военной службе, могли голосовать в том случае, если в момент выборов находились на месте своего постоянного жительства или приписки, но при этом военный, даже не обладая активным избирательным правом, мог выставять свою кандидатуру. Выборы проходили в округах, соответствующих населённым пунктам (кроме того, один мандат также получал представитель Добровольческой армии, назначенный её командующим). Депутаты избирались по одному на каждые 5 000 жителей, причём количество жителей, превышающее 2 500, принималось за полные 5 000. Населённые пункты, не имеющие 2 500 жителей, но обладающие самостоятельными органами самоуправления, избирали также по одному депутату [29]. Надо сказать, что формулировки в законе были крайне неудачные и неуклюжие, так что возможны самые разные их толкования. Исходя из практической его реализации, закон следовало понимать так: до 7 500 жителей – 1 депутат, от 7 501 до 12 500 – 2, от 12 501 – 3. При определении представительства станиц учитывались только жители, относящиеся к группам, имеющим право голоса (и мужчины, и женщины). Так, например, если в станице было 15 000 жителей, из них 10 000 казаков и казачек и 5 000 некоренных иногородних, то от такой станицы избирались два депутата, а иногороднее население в расчёт не принималось [35]. Впоследствии комиссия Рады, выяснив, что имеющиеся в её распоряжении данные не вполне соответствуют

действительности, позволила делать к ним 10-процентную надбавку и признала полномочия некоторых депутатов, избранных сверх нормы [32: 148].

Выборы проводились на общих сходах станиц, селений и хуторов, созываемых атаманами и старшинами. Сначала устно или путём записок намечались желательные кандидаты, а затем происходило голосование способом, установленным самим сходом (шарами, записками или поднятием рук). Для избрания было необходимо получить абсолютное большинство голосов присутствующих на сходе лиц. Если никто из кандидатов абсолютного большинства не получал, производилась новая баллотировка. Если результат был тот же, выборы признавались несостоявшимися. Новые выборы назначались самим же собранием, но не ранее следующего дня [29; 35]. Таким образом, на выборах в Раду применялась мажоритарная система абсолютного большинства.

В городах право участвовать в выборах получили лица мужского пола, состоящие в подданстве Российского государства, достигшие 25-летнего возраста, проживающие в пределах Кубанского края не менее трёх лет и в пределах данного города не менее одного года. Продолжительность пребывания в пределах края и города устанавливалась документами, а в случае их отсутствия – подпиской (с предупреждением об ответственности по закону в случае неправильных показаний).

Выборы от городов были двухстепенными. Сначала по кварталам избирались выборщики – по одному от 30 человек. Кварталы, в которых было от 15 до 30 избирателей, также выбирали одного выборщика. Кварталы, насчитывающие менее 15 избирателей, соединялись с другими такими же кварталами по частям города. Выборщики составляли избирательные собрания, проходившие по частям города и избиравшие из своего состава от 1 до 3 депутатов Рады (табл. 1). Таким образом, все города края избирали 26 депутатов [30].

Таблица 1

Представительство городов Кубанского края в Краевой раде

Город	Количество избирательных собраний	Количество депутатов от собрания	Количество депутатов от города
Екатеринодар	5	2	10
Армавир	2	3	6
Ейск	2	2	4
Майкоп	3	1	3
Анапа	1	2	2
Темрюк	1	1	1

23 августа Краевое правительство разослало циркуляр, согласно которому станичные атаманы и старшины аулов и селений должны были в ближайший праздничный или другой удобный день созвать общие сходы жителей, пользующихся правом участия в выборах, для избрания депутатов [11: 62]. Выборы в отделах начались в последних числах августа и продолжались в течение нескольких недель. В станице Григориполисской «все свободные от службы собрались на сход» и «слились в одном чувстве, в одном стремлении, в одном желании способствовать спасению Края и Великой России» [6]. В станице Успенской «сход был не многолюд, и выборы прошли как-то спешно, почти без всяких споров и разногласий» [43]. В станице Елисаветинской не обошлось без конфликта между стариками и фронтовиками [38].

Результаты выборов по большей части не сохранились. Нам удалось обнаружить лишь отрывочные данные по некоторым станицам Екатеринодарского отдела и станице Каневской Ейского отдела (табл. 2), наглядно показывающие, что Рада представляла абсолютное меньшинство населения Кубани.

Нередко выборы проводились с настолько грубыми нарушениями, что приходилось организовывать перевыборы [38]. Депутат Д.Е. Скобцов вспоминал, что и в среде самой Рады были сомнения относительно правильности избрания многих её членов [37: 89]. Итоги голосования в станицах в основном были ожидаемы. Так, например,

Т а б л и ц а 2

Явка на выборы в некоторых станицах [2: 14, 16, 21, 22, 25, 32; 5; 13: 19, 25, 25 об.; 27; 42]

Станица	Количество жителей по переписи (1917 г.)	Количество казаков и «коренных» иногородних (1918 г.)	Количество голосовавших	Количество избранных депутатов
Васюринская	10 404	6 247	514	1
Динская	11 272	7 377	483	2
Каневская	17 246	11 184	1 527	2
Нововеличковская	9 114	8 032	1 200	2
Новотитаровская	15 371	11 367	600	3
Пашковская	16 360	12 857	315	3
Смоленская	7 931	2 878	224	1

Примечание. Рада признала полномочия всех трёх депутатов от станицы Новотитаровской, т. к. с надбавкой в 10 % её «коренное» население составляло 12 503 человека.

депутаты от Лабинского отдела за редким исключением были «ярко оппозиционны» правительству (на тот момент черноморскому). Депутаты Екатеринодарского отдела, напротив, группировались вокруг правительственной «партии», а оппозиция ей была незначительной [13: 79 об.]. Впрочем, во время выборов случались и неожиданно: так, проиграли в своих округах видные лидеры черноморцев П.Л. Макаренко (станция Незамаевская), С.Ф. Манжула (Динская), депутат Государственной думы II созыва Ф.А. Щербина (Новодевячковская), а председатель Законодательной рады Н.С. Рябовол (Динская) прошёл лишь незначительным большинством [36: 176].

В Екатеринодаре поквартальные собрания прошли вяло, в некоторых кварталах участие в них приняли лишь 20 % избирателей [8]. В отличие от станиц, в городе значительную роль в предвыборной кампании играли политические партии – так, например, группа избирателей Партии народной свободы выдвинула 10 кандидатов [17]. Основные выборы состоялись 19 сентября. По 2-й части в них участвовало 90 выборщиков (из 200), по 3-й – 132. От 1-й части Екатеринодара, включавшей в себя центральные кварталы города, были избраны кадеты – депутат Государственной думы IV созыва Н.Н. Николаев и А.И. Литовкин. От 2-й части прошли депутат Государственной думы II созыва эсер Н.С. Долгополов и городской голова И.Н. Дицман. От 3-й части с первой попытки удалось избрать только музыканта и преподавателя, члена Трудовой народно-социалистической партии Н.А. Преображенского, а среди забаллотированных оказался депутат Государственной думы III созыва меньшевик (в прошлом – большевик) И.П. Покровский. На дополнительных выборах вторым депутатом от 3-й части был избран меньшевик Г.Н. Меликов. От 4-й части прошли редактор газеты «Сын Отечества» эсер А.М. Белоусов и М.З. Шостак, от 5-й – К.С. Череватый и Д.Т. Сидоренко [7; 9; 10; 13: 16; 18; 23]. Выборы в большей части городов прошли во второй половине сентября, и лишь в Армавире они состоялись позже – не ранее конца ноября [16]. Известно, например, что от Анапы был избран бывший депутат Государственной думы I созыва Н.И. Морев [13: 99].

Вместо одного представителя Добровольческая армия назначила в Раду сразу четверых: генерал-лейтенанта А.С. Лукомского, генерал-майора С.А. Харитонову, полковника Р.М. Туненберга, полковника В.Г. Науменко, уточнив при этом, что от добровольцев «будет всегда подаваться только один голос» [13: 37–38]. Несмотря на это, Рада предоставила всем четверым право решающего голоса [32: 144].

Изначально планировалось, что Рада будет созвана к 10 сентября, но уложиться в срок не удалось, борьба с большевиками в некоторых отделах продолжалась. Сначала правительство перенесло дату созыва

на 23 сентября, а затем «до полного очищения Кубанского края от большевиков». В итоге открытие назначили на 28 октября 1918 г. [31: 159, 187–188, 244]. Окончательная численность Рады, по всей видимости, так и не была определена. Д.Е. Скобцов писал, что в Краевой раде «заседало свыше 500 представителей практиков-хлеборобов» [36: 213]. Один из лидеров черноморцев Л.Л. Быч утверждал, что Рада имела в своём составе почти 600 депутатов [4: 24]. К моменту открытия Рады в Екатеринодар съехалось около 300 депутатов, но к декабрю, когда состоялись выборы атамана, на заседании кубанского парламента присутствовало уже не менее 500 его членов [33: 237].

Д.Е. Скобцов писал, что Рада «избиралась в своё время наспех, когда отдельные населённые пункты еще не были освобождены от большевиков», и впоследствии депутаты от них «досылались» «скорее по назначению, чем по выборам» [37: 89]. Соответственно, в Екатеринодаре появлялись новые депутаты, некоторые из действующих депутатов отказывались от полномочий, кто-то уезжал в свои станицы, не имея возможности надолго покинуть своё хозяйство, и поэтому численность Рады постоянно колебалась. Последние сведения о довыборах в Раду относятся к октябрю 1919 г., когда станица Казанская к уже имеющему депутату избрала ещё одного [39]. В апреле 1919 г. депутаты Рады, состоявшие в офицерских чинах, были призваны в войска [37: 59]. Некоторые депутаты погибли в ходе Гражданской войны – так, например, в январе 1920 г. большевики в Ейске повесили членов Рады Ченчиковского, Афонина и Дмитриева [19]. Имели место случаи, когда станицы хотели пересмотреть своё прежнее решение и отправить нового депутата. Так, например, в начале августа 1919 г. станица Урупская за совершение некоего поступка лишила полномочий члена Рады Щербанёва и избрала на его место урядника Козлова. Впрочем, президиум Рады этих новых выборов не признал, отметив, что депутат не мог быть лишён своих полномочий иначе как по приговору суда [12: 1, 6].

Как отмечал Л.Л. Быч, большинство членов Рады было «прямо от плуга; интеллигенция и офицеры тоже преимущественно станичные жители, по большей части – учителя» [4: 24]. Примерно в таком же духе высказывался и Д.Е. Скобцов: «В смысле общего своего состава эта Рада мыло отличалась от прежних представительных собраний Кубани: основную её массу членов – 60 % – составляли рядовые казаки и крестьяне-хлеборобы, всего 5 % насчитывалось офицеров, затем учителя и другие лица интеллигентских профессий» [36: 176]. В табл. 3 показан сословный и социальный состав Рады на основании материалов, представленных главнокомандующему Добровольческой армии А.И. Деникину 26 октября 1918 г. [13: 12–13]. Данные

по рядовым казакам полностью совпадают со словами Скобцова, по офицерам есть серьёзные расхождения, но здесь стоит оговориться, что таблица составлялась в то время, когда в Екатеринодаре находилось лишь около половины всех депутатов.

Таблица 3

Сословный и социальный состав Кубанской Чрезвычайной краевой рады

Отделы	Количество депутатов	Сословный состав		Социальный состав		
		Казачьи и горцы	Иногородные	Офицеры	Учителя, доктора, чиновники, фельдшеры	Рядовые казаки и крестьяне
Лабинский	14	13	1	2	1	11
Майкопский	27	22	5	8	2	17
Екатеринодарский	49	43	6	13	6	30
Таманский	63	56	7	13	11	39
Баталпашинский	17	16	1	2	4	11
Ейский	52	51	1	15	6	31
Кавказский	47	46	1	13	9	25
Города (Майкоп, Екатеринодар, Тёмрюк, Ейск)	18	8	10	Горожане – 18 (6,3 %) (по городам сведений о профессиях нет)		
Всего	287	255	32	66	39	164
В процентах	100	88,9	11,1	23,0	13,6	57,1

«Политической физиономии Рада в массе своей не имела никакой», – вспоминал А.И. Деникин [14: 45]. Депутатов Рады, открыто декларирующих свою принадлежность к той или иной партии, практически не было – нам известно о трёх кадетях, нескольких эсерах, одном меньшевике, одном народном социалисте. Вероятно, о партийности ряда депутатов мы просто не знаем, но вряд ли их общее количество превышало 10–15 человек. Практически все партийные депутаты представляли города, исключением был кадет П.М. Каплин, избранный от станицы Новорождественской. Большая часть партийных депутатов примкнет к Сельско-городской группе, сформированной иногородними депутатами осенью 1919 г. [21: 14]. Лидером этой группы станет депутат от Майкопа Ю.А. Коробьин, беспартийный, но ранее, в годы революции 1905–1907 гг., состоявший в партии эсеров. Кроме того, некоторые партийные депутаты левой направленности группировались вокруг эсера А.М. Белоусова [13: 28, 99].

Осведомительное бюро Краевого правительства отмечало, что

лидерами «центра и правой» в Раде являются К.Ф. Курагин (станция Пашковская), полковник Р.М. Туненберг (Добровольческая армия) и полковник А.Г. Шкуро (станция Бекешевская), а направление этой группы, ядро которой оценивалось в 50–60 человек, государственное и деловое [13: 28]. Что-то типа правой группы также могло сформироваться вокруг генерал-майора В.Л. Покровского (станция Кугоейская), которого поддерживали «богачи и землевладельцы» [13: 22 об., 28]. Впрочем, о «правизне» всех этих групп стоит говорить с большой долей условности, речь скорее идет об околокадетских взглядах. Как отмечалось ещё в одном донесении, землевладельцы в Раде вели свою работу «под флагом партии Ка-Де» [13: 46]. Правда, в упоминаемой выше «правоцентристской» группе было и некоторое количество монархистов. Л.Л. Быч писал, что «настрой Краевой рады относительно монархизма был настолько ясный и твёрдый, что монархисты, которых можно было по пальцам пересчитать, вынуждены были всё время прятаться со своими монархическими мечтами. Когда же один из членов Рады, старый генерал, упомянул было про царя, то Рада его высмеяла, и ему нужно было выкручиваться и пояснять, что он царя только как пример привёл, что у него и в мыслях нет про возвращение царя; и всё ж таки станция (Варениковская), от которой он был депутатом, сейчас же отозвала его» [4: 24]. Речь идет о генерал-лейтенанте П.А. Карцеве, который во время одного из заседаний заявил, что в России крестьяне восстают против большевиков с голыми руками и говорят: «Порядка не будет, пока не будет царя». После того, как в зале заседаний поднялись крики протеста, Карцев оговорился, что привёл существующее мнение и что данное политическое течение игнорировать не следует [22; 44]. После этого инцидента монархисты в Раде предпочитали помалкивать. Если верить Н.С. Рябоволу, Шкуро сказал ему: «Я по убеждениям монархист, но я вижу, чего хочет народ, и делаю то, что он хочет» [33: 72].

Информации о политических взглядах депутатов, избранных от сельской местности, очень мало. Так, например, можно встретить упоминание, что два депутата от станции Крымской и один от села Греческого – «умеренные прогрессисты» [40]. Казаки преимущественно были беспартийными, но некоторые из них заявляли себя сторонниками Партии народной свободы или правыми социалистами-революционерами [13: 21 об.]. Большинство же придерживалось «казачьей программы», сводящейся к тому, что Кубань должна войти в состав Российской Федерации в качестве автономного края, а до этого момента управляться как самостоятельное государство [13: 21–21 об.]. Наказы жителей «черноморских» и «линейских» станций принципиально не противоречили друг другу – может быть, за исклю-

чением того, что линейцы выступали за усиление атаманской власти, а черноморцы упоминали Украину в качестве одного из желательных союзников [5; 24–26; 41]. Разделение на «самостийническую» (с украинским уклоном) и «пророссийскую» партии характерно было для казачьей интеллигенции, а не для рядовых станичников, и поэтому многие беспартийные депутаты лишь в Екатеринодаре приобщались к тем или иным политическим течениям. Первое из них, возглавлявшееся линейцами Ф.С. Сушковым и Д.Н. Скобцовым и выступавшее за Добровольческую армию, поддерживалось преимущественно депутатами от Лабинского, Баталпашинского и Майкопского отделов. Второе, оппозиционное добровольцам, возглавлялось черноморцами Л.Л. Бычем и Н.С. Рябоволом и опиралось на Ейский, Таманский, частично Екатеринодарский и Кавказский отделы [45: 175–176]. При этом обе группы тяготели к социалистическим течениям – общероссийским или украинским. Партийных фракций в Раде так и не сложилось. До конца её существования депутаты входили в объединения, организованные по территориальному, национальному и сословному признакам: семь казачьих отдельных групп, горскую национальную группу (возглавляемую С. Шахим-Гиреем и братьями М. и О. Готагогу [13: 99]) и иногороднюю (сельско-городскую) группу.

Подавляющая часть депутатов принадлежала к «болоту», колеблющемуся то в одну, то в другую сторону. Об этом свидетельствуют и голосования Рады. Сначала она избрала своим председателем на безальтернативной основе одного из лидеров черноморцев Н.С. Рябовола, а затем выбрала атаманом Кубанского казачьего войска «единонеделимца» А.П. Филимонова. И в дальнейшем Рада неоднократно колебалась, склоняясь то в пользу черноморцев, то в пользу линейцев и добровольцев. Колебания Рады приводили к постоянной смене правительств и политическим кризисам. Постепенно начала брать верх черноморская группа – в том числе и потому, что Рада заседала в Екатеринодаре, находящемся на «черноморской» территории, основные же силы линейцев были сосредоточены в Армавире [13: 99].

Процесс политической дифференциации Рады всё же происходил, и со временем стали формироваться более или менее устойчивые группы именно на основе политических взглядов, а не происхождения. Так, Д.Е. Скобцов вспоминал, что часть выходцев из «старейших черноморских фамилий» придерживалась «общероссийской ориентации», зато некоторые депутаты-линейцы от «смешанных» отделов с преобладанием черноморцев перебежали на сторону последних [36: 214; 37: 10]. К началу января 1920 г., если верить донесению полковника В.М. Бека из Разведывательного отделения Штаба главнокомандующего ВСЮР, в Раде, насчитывавшей чуть менее

500 человек, существовало четыре неофициальные группировки: 1) сепаратисты (270 человек, лидеры – И.П. Тимошенко, И.А. Белый, П.А. Савицкий; состояла преимущественно из депутатов Таманского, Ейского, Кавказского, Екатеринодарского отделов и незначительной части депутатов из бывшей группы линейцев Баталпашинского отдела); 2) федералисты (140–150 человек, лидеры – Д.Е. Скобцов и И.В. Горбушин; преимущественно линейцы, а также 30–35 черноморцев); 3) автономисты (около 70 человек, лидеры – Чекалов, К.Ф. Курагин, Иванов; объединяла наиболее интеллигентную часть членов Рады); 4) открытые монархисты (5 человек, лидеры – Назаренко и хорунжий Пейхвассер; в тактическом отношении примыкала к автономистам) [47].

Неоднократно поднимался вопрос о роспуске Рады, как не отражающей мнения населения. В начале осени 1919 г., после нескольких смен состава кабинета, лидеры линейцев предлагали распустить Раду и провести новые выборы, но вожди черноморцев, доминировавшие к тому моменту как в Раде, так и в правительстве, на это не были готовы идти. Лидер горцев С. Шахим-Гирей, поддерживавший сепаратистов, рассказывал о своей поездке по станицам, из которой вынес убеждение, что Рада «безусловно продолжает отражать настроения населения» [3]. Один из лидеров монархистов В.В. Шульгин, напротив, писал, что «Кубанская рада к кубанцам никакого отношения не имеет», и приводил поговорку, услышанную им от местных жителей: «Як дома – так чоловик як чоловик; а у Раду пийде – сдурие» [46]. В сентябре 1919 г. атаман Филимонов предлагал Скобцову разогнать Раду при поддержке «хорошо дисциплинированного гвардейского дивизиона», но Скобцов не решился пойти на подобную комбинацию [37: 89, 92].

Многочисленные противоречия – между черноморцами и линейцами, между частью казачества и деникинцами, между казачеством и иногородними – накапливались, и Кубанская краевая рада созыва 1918 г. так и не смогла найти выход из сложившейся ситуации. В итоге разрубить гордиев узел попытался Деникин, но его действия в ноябре 1919 г. не только не привели к успокоению края, но и разожгли новые страсти. На какое-то время Деникину удалось подавить сепаратистов и взять Раду под контроль, но победа эта оказалась пирровой, и уже в январе 1920 г. произошел контрпереворот, вернувший «самостийников» к власти. После взятия Екатеринодара большевиками весной 1920 г. остатки Рады пробовали продолжить свою работу в Грузии и в Крыму, но, оставшись без своей территории, депутаты уже не имели возможности играть какую-то заметную политическую роль.

Формат выборов в Раду и состав её депутатского корпуса, расколотого на «пророссийскую» и «проукраинскую» группировки, стали

одним из основных факторов политической нестабильности на Кубани в годы Гражданской войны. Из-за того, что во время выборов, проведённых по мажоритарной системе, в большой спешке, да ещё и при отсутствии в станицах полноценных политических партий, практически все казачьи кандидаты шли примерно с одной программой, разделение депутатов на лагеря оказывалось во многом случайным и ситуативным. По этой причине каждая политическая группировка утверждала, что именно она отражает чаяния избирателей, хотя рядовые станичники не давали ни одной из них мандат на проведение того или иного курса, а подавляющая часть иногороднего населения Кубани, численно доминировавшего в крае, и вовсе была не допущена к выборам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянова В.Р., Дзидзоев Р.М. Государственность на Кубани в период 1917–1920 гг.: историко-правовое исследование. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. 162 с.
2. Алфавитный список дач и населенных пунктов Кубанской области по данным переписи 1917 года. Екатеринодар, 1917. 111 с.
3. Беседа с С. Шахим-Гиреем // Утро Юга. 1919. 25 октября. № 238. С. 3.
4. Бич Л.Л. Кубань у кривому дзеркалі (З приводу «Нарисів з історії революції на Кубані» П.П. Сулятицького). Прага: Видання Громади кубанців в Чехословацькій Республіці, 1927. 88 с.
5. Выборы // Кубанский край. 1918. 7 сентября. № 71. С. 3.
6. Выборы в Краевую Радугу в ст. Григориполисской // Вольная Кубань. 1918. 5 сентября. № 58. С. 2.
7. Выборы в Радугу // Вольная Кубань. 1918. 21 сентября. № 70. С. 3.
8. Выборы в Радугу // Кубанский край. 1918. 16 сентября. № 77. С. 3.
9. Выборы в Радугу // Россия. 1918. 22 сентября. № 30. С. 4.
10. Выборы в Радугу от города // Россия. 1918. 21 сентября. № 29. С. 4.
11. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 17. Материалы по выборам в Кубанскую Чрезвычайную краевую радугу. 1918 г.
12. ГАКК. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 283. О праве станичного сбора лишать депутатских полномочий лиц, избранных в члены Краевой рады. 1919 г.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 24. Политические обзоры Осведомительного бюро Кубанского краевого правительства о составе и работе Кубанской краевой рады. 1918 г.
14. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 4: Вооружённые силы Юга России. Берлин: Книгоиздательство «Слово», 1925. 244 с.
15. Ипполитов Г.М. Кто Вы, генерал А.И. Деникин? Монографическое

- исследование политической, военной и общественной деятельности А.И. Деникина в 1890–1947 гг. Самара: Самарский университет, 1999. 243 с.
16. К выборам // Отклики Кавказа. 1918. 27 ноября. № 12. С. 1.
17. К выборам в Раду // Россия. 1918. 13 сентября. № 23. С. 5.
18. К Чрезвычайной Раде // Кубанский край. 1918. 23 сентября. № 83. С. 1.
19. Казнь депутатов // Кубанский путь. 1920. 30 января. № 22–82. С. 1.
20. Коломенский А. Иногороднее население Кубанского Края (Статистический очерк) // Местное самоуправление на Северном Кавказе. 1919. № 16–18. С. 21–28.
21. Коробьин Ю. Представители иногородних в Раде // Местное самоуправление на Северном Кавказе. 1919. № 16–18. С. 12–14.
22. Краевая Рада (Заседание 10 ноября) // Девятый вал. 1918. 12 ноября. № 1. С. 3.
23. Местная жизнь. Выборы в Раду // Кубанский край. 1918. 21 сентября. № 81. С. 1.
24. Наказ уполномоченному от станицы Раевской в чрезвычайную Кубанскую Краевую Раду // Вольная Кубань. 1918. 26 сентября. № 74. С. 4.
25. Наказ уполномоченным от станицы Григориполисской в Чрезвычайную Кубанскую Краевую Раду созыва 10 сентября 1918 года // Вольная Кубань. 1919. 5 сентября. № 58. С. 2.
26. Настроение казачества. Наказ депутату в Кубанскую Чрезвычайную Раду от ст. Ольгинской // Вольная Кубань. 1918. 16 октября. № 89. С. 3–4.
27. Новина Р. К созыву Рады // Кубанский край. 1918. 8 сентября. № 72. С. 1.
28. Остапенко П.И., Шетнев Е.В. Законодательство Кубанского края (Опыт историко-правового исследования). Краснодар, 2000. 135 с.
29. Положение о выборах в Чрезвычайную Кубанскую Краевую Раду созыва 10 сентября 1918 года // Вольная Кубань. 1918. 24 августа. № 49. С. 1.
30. Положение о выборах в Чрезвычайную Кубанскую Краевую Раду созыва 10 сентября 1918 года от городского населения Кубанского края // Вольная Кубань. 1918. 2 сентября. № 56. С. 1.
31. Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства: 1917–1920. Т. 1. Ноябрь 1917 – Ноябрь 1918 / под ред. А.А. Зайцева. Краснодар, 2008. 342 с.
32. Протоколы и стенограммы заседаний Кубанских краевой и Законодательной Рад. 1917–1920 гг. Том 1 / под ред. А. А. Зайцева. Краснодар: Перспективы образования, 2016. 356 с.
33. Протоколы и стенограммы заседаний Кубанских краевой и Законодательной Рад. 1917–1920 гг. Том 3 / под ред. А.А. Зайцева. Краснодар: Перспективы образования, 2016. 316 с.
34. Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооружённых Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб.: Владимир Даль, 2021. 813 с.

35. Разъяснение // Кубанский край. 1918. 7 сентября. № 71. С. 3.
36. Скобцов Д.Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. Т. I. Париж, [1962]. 219 с.
37. Скобцов Д.Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. Т. II. Париж, [1962]. 134 с.
38. Ст. Елисаветинская // Кубанский край. 1918. 19 сентября. № 79. С. 4.
39. Ст. Казанская // Станичное слово. 1919. 16 октября. № 9. С. 2.
40. Ст. Крымская // Кубанский край. 1918. 8 сентября. № 72. С. 1.
41. Ст. Новомышастовская // Кубанский край. 1918. 23 сентября. № 83. С. 4
42. Ст. Пашковская // Кубанский край. 1918. 6 сентября. № 70. С. 4
43. Ст. Успенская // Кубанский край. 1918. 22 сентября. № 82. С. 3.
44. Чрезвычайная Рада Кубанского Края. Заседание 10 ноября // Вольная Кубань. 1918. 14 ноября. № 113. С. 2.
45. Шкуро А.Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес: Издательство «Сеятель», 1961. 286 с.
46. Шульгин В. «Радиальное» действие // Киевлянин. 1919. 21 ноября. № 74. С. 1.
47. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). Nadezhda I. and Vladimir M. Bek Papers. Box 1. Folder “Political reports on Kuban & Southern Front, 1919–1920”. Рапорт В.М. Бека от 7 января 1920 г.

REFERENCES

1. Averyanova, V.R. & Dzidzoev, R.M. (2019) *Gosudarstvennost' na Kubani v period 1917–1920 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie* [Statehood in the Kuban During the Period of 1917–1920: Historical and Legal Research]. Krasnodar: Kuban State University.
2. Anon. (1917) *Alfavitnyy spisok dach i naselennykh punktov Kubanskoy oblasti po dannym perepisi 1917 goda* [The alphabetical list of dachas and settlements in the Kuban region according to the 1917 census]. Ekaterinodar: [s.n.].
3. *Utro Yuga*. (1919) Beseda s S. Shakhim-Gireem [Conversation with S. Shahim-Girey]. 25th October. p. 3.
4. Bych, L.L. (1927) *Kuban' u krivomu dzerkali (Z privodu "Narisiv z istorii revolyutsii na Kubani" P.P. Sulyatits'kogo)* [Kuban in a Distorted Mirror (On the "Essays on the History of the Revolution in Kuban" by P.P. Sulyatitsky)]. Prague: Kuban Community in the Czechoslovak Republic.
5. *Kubanskiy kray*. (1918a) Vyборы [Elections]. 7th September. p. 3.
6. *Vol'naya Kuban'*. (1918a) Vyборы v Kraevuyu Radu v st. Grigoripolissskoy [Elections to the Regional Rada in the stanitsa of Grigoripolissskaya]. 5th September. p. 2.
7. *Vol'naya Kuban'*. (1918b) Vyборы v Radu [Elections to the Rada]. 21st September. p. 3

8. *Kubanskiy kray*. (1918b) Vybory v Radu [Elections to the Rada]. 16th September. p. 3.
9. *Rossiya*. (1918a) Vybory v Radu [Elections to the Rada]. 22nd September. p. 4.
10. *Rossiya*. (1918b) Vybory v Radu ot goroda [Elections to the Rada from the city]. 21st September. p. 4.
11. The State Archive of Krasnodar Region (GAKK). (1918) *Materialy po vyboram v Kubanskuyu Chrezvychaynuyu kraevuyu radu. 1918 g.* [Materials on elections to the Kuban Extraordinary Regional Rada]. Fund R-6. List 2. File 17.
12. The State Archive of Krasnodar Region (GAKK). (1919) *O prave stanichnogo sbora lishat' deputatskikh polnomochiy lits, izbrannykh v chleny Kraevoy rady* [On the right of the stanitsa assembly to deprive the deputy powers of persons elected to the Regional Rada]. Fund R-8. List 1. File 283.
13. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1918) *Politicheskie obzory Osvedomitel'nogo byuro Kubanskogo kraevogo pravitel'stva o sostave i rabote Kubanskoj kraevoy rady* [Political reviews of the Information Bureau of the Kuban Regional Government on the composition and work of the Kuban Regional Rada]. Fund R-446. List 2. File. 24.
14. Denikin, A.I. (1925) *Ocherki Russkoy Smuty* [Essays on the Russian Troubles]. Vol. 4. Berlin: Slovo.
15. Ippolitov, G.M. (1999) *Kto Vy, general A.I. Denikin? Monograficheskoe issledovanie politicheskoy, voennoy i obshchestvennoy deyatel'nosti A.I. Denikina v 1890–1947 gg.* [Who are You, General Denikin? Monographic Study of the Political, Military and Social Activities of Anton Denikin in 1890–1947]. Samara: Samara State University.
16. *Otkliki Kavkaza*. (1918) K vyboram [To the elections]. 27th November. p. 1.
17. *Rossiya*. (1918c) K vyboram v Radu [To the elections to the Rada]. 13th September. p. 5.
18. *Kubanskiy kray*. (1918c) K Chrezvychaynoy Rade [To the Extraordinary Rada]. 23rd September. p. 1.
19. *Kubanskiy put'*. (1920) Kazn' deputatov [Execution of deputies]. 30th January. p. 1.
20. Kolomenskiy, A. (1919) Inogorodnee naselenie Kubanskogo Kraya (Statisticheskii ocherk) [Nonresident population of the Kuban Region (Statistical essay)]. *Mestnoe samoupravlenie na Severnom Kavkaze*. 16–18. pp. 21–28.
21. Korobin, Yu. (1919) Predstaviteli inogorodnikov v Rade [Representatives of Nonresident population in the Rada]. *Mestnoe samoupravlenie na Severnom Kavkaze*. 16–18. pp. 12–14.
22. *Devyatyy val*. (1918) Kraevaya Rada (Zasedanie 10 noyabrya) [Regional Rada (Meeting on November 10)]. 12nd November. p. 3.
23. *Kubanskiy kray*. (1918d) Mestnaya zhizn'. Vybory v Radu [Local life. Elections to the Rada]. 21st September. p. 1.

24. *Vol'naya Kuban'*. (1918c) Nakaz upolnomochennomu ot stanitsy Raevskoy v chrezvychaynuyu Kubanskuyu Kraevuyu Radu [Order to the authorized representative from the stanitsa of Raevskaya to the Extraordinary Kuban Regional Rada]. 26th September. p. 4.

25. *Vol'naya Kuban'*. (1919) Nakaz upolnomochennym ot stanitsy Grigoripolisskoy v Chrezvychaynuyu Kubanskuyu Kraevuyu Radu sozyva 10 sentyabrya 1918 goda [Order to the authorized representatives from the stanitsa of Grigoripolisskaya to the Extraordinary Kuban Regional Rada convened by September 10, 1918]. 5th September. p. 2.

26. *Vol'naya Kuban'*. (1918d) Nastroenie kazachestva. Nakaz deputatu v Kubanskuyu Chrezvychaynuyu Radu ot st. Ol'ginskoy [The mood of the Cossacks. Order to the deputy to the Kuban Extraordinary Rada from the stanitsa of Olginskaya]. 16th October. pp. 3–4.

27. Novina, R. (1918) K sozyvu Rady [To the convocation of the Rada]. *Kubanskiy kray*. 8th September. p. 1.

28. Ostapenko, P.I. & Shchetnev, E.V. (2000) *Zakonodatel'stvo Kubanskogo kraya (Opyt istoriko-pravovogo issledovaniya)* [Legislation of the Kuban Region (Experience of Historical and Legal Research)]. Krasnodar: [s.n.].

29. *Vol'naya Kuban'*. (1918e) Polozhenie o vyborakh v Chrezvychaynuyu Kubanskuyu Kraevuyu Radu sozyva 10 sentyabrya 1918 goda [Regulations on elections to the Extraordinary Kuban Regional Rada convened by September 10, 1918]. 24th August. p. 1.

30. *Vol'naya Kuban'*. (1918f) Polozhenie o vyborakh v Chrezvychaynuyu Kubanskuyu Kraevuyu Radu sozyva 10 sentyabrya 1918 goda ot gorodskogo naseleniya Kubanskogo kraya [Regulations on elections to the Extraordinary Kuban Regional Rada convened by September 10, 1918 from the urban population of the Kuban Region]. 2nd September. p. 1.

31. Zaytsev, A.A. (ed.) (2008) *Protokoly zasedaniy Kubanskogo kraevogo pravitel'stva: 1917–1920* [Protocols of Meetings of the Kuban Regional Government: 1917–1920]. Vol. 1. Krasnodar: [s.n.].

32. Zaytsev, A.A. (ed.) (2016a) *Protokoly i stenogrammy zasedaniy Kubanskikh kraevoy i Zakonodatel'noy Rad. 1917–1920 gg.* [Protocols and Transcripts of Meetings of the Kuban Regional and Legislative Radas. 1917–1920]. Vol. 1. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya.

33. Zaytsev, A.A. (ed.) (2016b) *Protokoly i stenogrammy zasedaniy Kubanskikh kraevoy i Zakonodatel'noy Rad. 1917–1920 gg.* [Protocols and Transcripts of Meetings of the Kuban Regional and Legislative Radas. 1917–1920]. Vol. 3. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya.

34. Puchenkov, A.S. (2021) *Pervyy god Dobrovol'cheskoy armii: ot vozniknoveniya "Aleksееvskoy organizatsii" do obrazovaniya Vooruzhennykh Sil na Yuge Rossii (noyabr' 1917 – dekabr' 1918 goda)* [The First Year of the Volunteer Army: From the Emergence of the "Aleksееv Organization" to the Formation of the Armed

Forces of South Russia (November 1917 – December 1918)]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

35. *Kubanskiy kray*. (1918e) Raz"yasnenie [Explanation]. 7th September. p. 3.

36. Skobtsov, D.E. (1962a) *Tri goda revolyutsii i grazhdanskoy voyny na Kubani* [Three Years of Revolution and Civil War in the Kuban]. Vol. 1. Paris: [s.n.].

37. Skobtsov, D.E. (1962b) *Tri goda revolyutsii i grazhdanskoy voyny na Kubani* [Three Years of Revolution and Civil War in the Kuban]. Paris: [s.n.].

38. *Kubanskiy kray*. (1918f) St. Elisavetinskaya [Stanitsa Elisavetinskaya]. 19th September. p. 4.

39. *Stanichnoe slovo*. (1918) St. Kazanskaya [Stanitsa Kazanskaya]. 16th October. p. 2.

40. *Kubanskiy kray*. (1918g) St. Krymskaya [Stanitsa Krymskaya]. 8th September. p. 1.

41. *Kubanskiy kray*. (1918h) St. Novomyshastovskaya [Stanitsa Novomyshastovskaya]. 23rd September. p. 4

42. *Kubanskiy kray*. (1918i) St. Pashkovskaya [Stanitsa Pashkovskaya]. 6th September. p. 4

43. *Kubanskiy kray*. (1918j) St. Uspenskaya [Stanitsa Uspenskaya]. 22nd September. p. 3.

44. *Vol'naya Kuban'*. (1918g) Chrezvychaynaya Rada Kubanskogo Kraya. Zasedanie 10 noyabrya [The Extraordinary Rada of the Kuban Region. Meeting on November 10]. 14th November. p. 2.

45. Shkuro, A.G. (1961) *Zapiski belogo partizana* [Notes of a White Partisan]. Buenos Aires: Seyatel'.

46. Shulgin, V. (1919) "Radial'noe" deystvie ["Radial" action]. *Kievlyanin*. 21st November. p. 1.

47. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1920) *Raport V.M. Beka ot 7 yanvary 1920 g.* [Report by V.M. Bek on January 7, 1920]. Nadezhda I. and Vladimir M. Bek Papers. Box 1. Folder "Political reports on Kuban & Southern Front, 1919–1920."

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Anton A. Chemakin – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

UDC 94(437.6)"1939/1945"

DOI: 10.17223/18572685/74/10

Under pressure from Slovak nationalists: The status and political activity of the Rusins in Slovakia 1939–1945*

Martin Pekár

Pavol Jozef Šafárik University in Košice

2 Šrobárova Street, Košice, 04001, Slovak Republic

E-mail: martin.pekar@upjs.sk

Abstract

The article examines the position of the Rusin minority in Slovakia during 1939–1945 and the political activities of the minority's representatives in the conditions of the then authoritarian regime of the Hlinka Slovak People's Party. The Rusin minority was an integral part of the Slovak population, but suffered from economic, social, and cultural backwardness. Nevertheless, its representatives had the ambition to be an active part of political life in the conditions that the legislation of the time allowed them. However, they constantly encountered the disinterest and distrust of the regime. Based on primary sources and published works, the article analyses and interprets the specific political activities of the Rusin minority, as well as the attitudes of the regime's representatives towards the minority. It points to the fact that the Rusin minority found itself under the pressure of Slovak nationalism, because of which the possibilities of political life were limited, without the possibility of founding its own political party. The activities of the representatives of the minority were fully under the control of the regime.

Keywords: Slovakia, 1939–1945, authoritarian regime, Rusin minority

* This article was written as an output of the implementation of the project VEGA MŠVVaŠ SR no. 1/0342/20.

Под давлением словацких националистов: статус и политическая активность русинов в Словакии в 1939–1945 гг.*

Мартин Пекар

Университет им. Павола Юзефа Шафарика в Кошице
Словацкая Республика, 04001 Кошице, ул. Шробарова 2

E-mail: martin.pekar@upjs.sk

Авторское резюме

Рассматривается положение русинского меньшинства в Словакии в 1939–1945 гг. и политическая деятельность представителей меньшинства в условиях авторитарного режима Словацкой народной партии Глинки. Русинское меньшинство было неотъемлемой частью словацкого населения, но страдало экономической, социальной и культурной отсталостью. Тем не менее его представители стремились активно участвовать в политической жизни в тех условиях, которые им позволяло законодательство того времени. Однако они постоянно сталкивались с незаинтересованностью и недоверием со стороны режима. На основе первоисточников и опубликованных работ анализируется и интерпретируется политическая деятельность русинского меньшинства, а также отношение к нему представителей режима. Отмечается, что русинское меньшинство оказалось под давлением словацкого национализма, из-за чего политическая жизнь была ограничена без возможности основать собственную политическую партию. Деятельность представителей меньшинства находилась под полным контролем режима.

Ключевые слова: Словакия, 1939–1945 гг., авторитарный режим, русинское меньшинство

Introduction

The key diplomatic event of the late 1930s was undoubtedly the Munich Conference, after which the deep political and moral crisis of interwar Europe culminated. Although the conference did not fulfil the main goal of Nazi Germany's foreign policy, i.e., the disintegration of the Czecho-Slovak state, it undoubtedly marked the beginning both of a period of agony for that state and, as it turned out, of a global conflict.

* Статья написана в рамках реализации проекта VEGA MŠVVaŠ SR no. 1/0342/20.

In the interwar Czechoslovak Republic, in addition to the state-forming nations – the Czechs and Slovaks – members of national minorities lived in significant numbers. German and Hungarian minorities in particular were politically exposed [12; 16]. It should not be forgotten that the events triggered in the post-Munich period – such as the liquidation of democracy, the disintegration of the in-the-meantime decentralised Czecho-Slovakia, ethnic mobilisation, the proclamation and existence of the Slovak State, and the outbreak of war – had far-reaching negative consequences for other minorities as well. One of them was the Rusins, traditionally inhabiting the north-east of the territory of Slovakia.

In the interwar Czechoslovak Republic, the socio-political life of the Rusins was concentrated in the territory of the Subcarpathian Rus. Rusins living in the east of Slovakia were part of it. Thanks to their legally guaranteed rights, they had the opportunity to develop their national life, but no Rusin political party was formed in eastern Slovakia and no unified political leadership of the minority was formed. There were branches of the Subcarpathian Rus Rusin parties, but which did not have the same electoral support as in Subcarpathian Rus. Members of the minority living in Slovakia were confronted not only with Prague's centralism but also with a growing Slovak nationalism, which, in the form of a growing autonomist movement, was a consequence of the decline of political Czechoslovakism [6].

After the proclamation of the Slovak State, the minority was in a completely new situation. It had lost its traditional ties to Subcarpathian Rus and found itself in a state in which an authoritarian nationalist regime with fascist elements had taken power, established by the Hlinka Slovak People's Party with the support of Nazi Germany. This regime tolerated the existence of the minority, but severely restricted the opportunities for its national activism and persecuted inconvenient representatives or disloyal members of the minority. The position of this minority deteriorated, it found itself on the political, geographical, socio-economic, and cultural periphery, and had to resist the assimilationist policies of the People's Party regime.

The Rusins themselves were faced with the challenge of coping with this situation, i.e., to build a political centre and to maintain national life at an acceptable level. They had to struggle not only with the regime, but also with their own disunity, socio-economic-cultural handicaps, and the war. This sometimes brought conflict, at other times necessitating collaboration with the regime. Due to Slovakia's subordination to Nazi Germany, the Rusins also regularly attracted the attention of the German police authorities operating in a developed structure on the territory of the country.

There is no doubt that the disintegration of Czecho-Slovakia meant a change in the character of Slovak nationalist politics from a defensive struggle with the idea of Czechoslovakism to an active assertion of its own supremacy in the new nation-state, which inevitably led to a worsening of the position of national minorities. The aim of this study is to analyse the position of the Rusins in Slovakia precisely during the period of domination of Slovak nationalism during the existence of the People's Party regime. The analysis is based on the current state of knowledge of both the issues of the regime [1; 11; 20; 38] and the status of the minority [2; 8; 10; 13; 14; 18; 20; 37; 39], which is supplemented by research on primary sources from the holdings of several regional and central archives. It will focus primarily on political issues: what opportunities the regime created for the political activities of the minority and what the main political currents were within the internally heterogeneous minority. Special attention will be paid to the most prominent representatives of the minority: on the one hand, the Greek Catholic bishop of Prešov, Pavol Peter Gojdič, who came into frequent disputes with the regime precisely because of his advocacy of the interests of the Rusins; on the other hand, primarily those representatives of the minority who actively collaborated with the regime and therefore had its political support, namely two members of the Slovak Parliament, Anton Simko and Michal Boňko.

The situation inside the minority and the question of the establishment of a political party

According to the results of the 1940 census, there were 64,308 inhabitants in Slovakia (61,270 of whom also had Slovak citizenship) who could be considered Rusins [36: 179–184]¹. In total, they constituted 2.42 % of the present population². Spatially, they were concentrated in the eastern part of the country, where, in the territory of Šariš-Zemplín County, they made up 11.55 % of the population. In two districts of this county, they had a majority – in the districts of Vyšný Svidník (57.43 %) and Medzilaborce (80.2 %)³.

Despite the low number of Rusins, the cultural and political centre of the minority after the disintegration of Czecho-Slovakia became the town of Prešov, where the Greek Catholic bishopric, closely linked to the minority, was seated. This connection was strong since the Greek Catholic bishop of Prešov, Pavol Peter Gojdič, openly declared his Rusin nationality and actively supported the minority. The church was traditionally perceived as Rusin, but in the period under study most of its believers were undoubtedly Slovaks. Although Gojdič had no political ambitions,

his activities were perceived by the regime as a dangerous interference in politics. The second strongest centre of Rusin activities was formed in Medzilaborce among the Alexander Duchnovič Society [20: 81–89].

Although the Rusins in Slovakia made their demands several times before the proclamation of the Slovak State, they formulated their first own political programme relatively late, only in May 1938, under the influence of a delegation of American Rusins. It consisted of a 25-point memorandum addressed to President Edvard Beneš [10: 174; 37: 342]. The internal differentiation of the minority outside politics, i.e., in the linguistic and cultural spheres, basically copied the situation in Subcarpathian Rus, where three political directions were competing – Great Russian (All-Russian), Ukrainian, and atomised Rusin [23].

Under the undemocratic conditions of the People's Party regime, the Rusin question could be legally raised primarily by the Rusin deputies of the Slovak Parliament, who were at the same time the official partner of the regime in this matter, although they were far from representing the entire, internally differentiated minority and its interests. The list of deputies at first included two Rusins – Anton Simko⁴ and Gejza Horňák⁵. However, Horňák lost his mandate after the territorial changes resulting from the armed conflict between Slovakia and Hungary in the spring of 1939, after which the village of Stakčinska Roztoka, in which he served, fell to Hungary. In 1941, the Rusin Michal Boňko⁶ was co-opted to the parliament by President Jozef Tiso⁷.

Other representatives of the Rusin minority, such as the Slovak Germans and Hungarians, were also interested in participating in the political life of the new state and in promoting the interests of the minority in a legal manner, as they had been accustomed to doing during the interwar period. The steps towards the integration of the minority and the subsequent establishment of a political party of the minority had to take place under the scrutiny of the regime in the conditions of the existence of an undemocratic regime. They fell mainly in the period from the autumn of 1939 and culminated in the spring of 1940. The founding of the party was approved internally by both the government and the Ministry of the Interior and was entrusted to Anton Simko, whose loyalty to the regime was to be a guarantee that the whole process would not exceed the limits set by the regime. However, the content of the individual steps was given by more experienced politicians from the ranks of the minority, not by the political novice Simko⁸.

Simko's inexperience was on full display at the time. His main report on the negotiations with Prime Minister Tiso, which he delivered on 1 November 1939 at a meeting of minority representatives from the entire eastern part of the country, lasted barely four minutes and was so

incomprehensible that it had to be supplemented by the other members of the delegation. Nevertheless, as a deputy, he was elected to head the preparatory committee⁹, which was to organise the inaugural general assembly of the party [24]. The party general assembly scheduled for 22 April 1940 was not authorised by the Ministry of the Interior, so only another information meeting was held. After this, letters were sent out by Simko, or distributed on his behalf, about the founding of the Rusin party and the organisation of branches, which was contrary to the authorisation of the Ministry of the Interior and which complicated the perception of the minority itself by the regime at the time of the preparation of the law on political parties of national minorities [25; 27]. Simko spoke in the Slovak Parliament in connection with the above-mentioned law. In his speech, he declared that the mother country of the Rusin minority was the Soviet Union [22]. In result of his political inexperience and naivety, Simko at one point lost the trust of the minority and the representatives of the regime and found himself definitively outside the mainstream of politics. The Rusins considered him a figurehead in the hands of the authorities, and the county governors Štefan Haššík and his successor Andrej Dudáš as tools in the hands of people wishing to exploit ambiguities surrounding the solution of the Rusin question. The representatives of the minority demanded another deputy instead of Simko and proportional representation in the parliament [4: 203–209; 7: 55–67; 21]. Solution of the Rusin demands was not brought about by Law No. 121/1940 on political parties of national minorities. Moreover, in May 1940, the documents of the nascent party were confiscated [25]. In the following months, the preparatory committee organised meetings at the district level at which Rusin demands were presented. However, a political party of Rusins was never established.

As mentioned above, the centre of political activities of the Rusin minority was Prešov. However, the political decisions of the disunited minority, or its often-self-appointed representatives, were also taken in other places. From the point of view of further development, an event of 29 November 1940, when a memorandum of the representatives of the “Russian” population was created in Medzilaborce, was of great significance. The memorandum contained five demands, among others, the establishment of a political magazine *Novoje vremja*, the registration of a political party, and proportional representation in the civil service. The memorandum did not go unanswered and was not just a limited action of individuals, and at the same time it shows the well-known disunity among the representatives of the Rusins.

In December 1940, Interior Minister Alexander Mach authorised the publication of the censored magazine *Novoje vremja* [28]. Gabriel

Mlinarič, a teacher, became the editor-in-chief of the magazine, and Michal Boňko became the publisher. *Novoje vremja* was published as an illustrated political and cultural weekly in Medzilaborce from 14 December 1940 to 29 July 1944 [9: 4–16]. The public did not show much interest in it, and the intelligentsia largely ignored it. The authorisation of the magazine had primarily a psychological effect and caused a calming of the mood among the Rusins. In the following period, it was the group around the *Novoje vremja* magazine that came to lead the Rusin minority. Its members were Rusins involved in the Hlinka Slovak People's Party, such as M. Boňko, who promoted the idea of organising Rusins within the party. Michal Boňko became, as will be analysed below, the main instrument for promoting the interests of the regime in the Rusin environment. In line with the regime's ideas, this group worked outside Prešov and was not significantly influenced by the Greek Catholic bishopric, and therefore enjoyed tangible support from the state authorities. Other groups and leaders were discredited by the People's Party propaganda [20: 119–122].

A special chapter within the political activities of the Rusins is the issue of the activities of Bishop P.P. Gojdič. His ambition to help the Rusin minority, to which he himself belonged and whose members constituted a significant proportion of the total number of Greek Catholic believers, was not primarily politically motivated. However, the regime, towards which Gojdič held deep reservations from the beginning, viewed it as such, which led to negative reactions towards the minority, the Greek Catholic Church, and the person of the bishop¹⁰.

The distrust in the relationship between the radical representatives of the regime and Bishop Gojdič deepened considerably in connection with the preparation and implementation of the 1940 census. During the census, the regime's interest in achieving the best possible result in favour of the Slovak majority both in the state and within the Greek Catholic Church, on the one hand, and Bishop Gojdič's nationalist agitation through the influence of the church on the believers, on the other hand, came up against each other [3]. Such a linking of the church and the national question was unacceptable. There were wider international political contexts at play. The strengthening of the Rusin minority brought the fear that it would become an instrument of pressure from Hungary or the Soviet Union for territorial changes to the detriment of Slovakia, under the pretext of protection¹¹. As a result of the tension, the state restricted the financing of the church, personally attacked Gojdič, had sharp conflicts with regime officials – for example, Minister of the Interior Mach – and, in the longer perspective, directly interfered in the church, the Slovak government directly intervening with the Holy See

for the relocation of Bishop Gojdič out of Slovakia [17: 47–62].

One of the most effective tools of pressure on Gojdič was the question of financing schools, especially its lowest level (the so-called folk schools), because the interference in folk schools affected all Rusin schoolchildren. The conditions at the lowest level of schools were regulated by Law No. 308/1940 on folk schools, which divided schools into church and municipal schools. The responsibility for education was largely transferred by the regime to the churches. However, the latter became hostage, as the funding remained in the hands of the state [5: 176–193]. In the Rusin minority environment, the law also reinforced traditional political particularism. Paragraph 30 of the Law on folk schools stated that if there were 30 school-age members of a minority in a village, a municipal school with the language of instruction of the respective minority could be established there, which created space for competing political groupings to circumvent the strong dominance of the group around Gojdič on the school question.

The tensions between the regime and the Greek Catholic Church went beyond the borders of Slovakia towards the Holy See, but also towards Germany, from which the church representatives sought support¹². The Holy See's apparent support for the bishop¹³, as well as his personal involvement in the rescue of Slovak Jews, contributed to the growing conflicts between Gojdič and the regime's representatives. Gojdič himself, however, soon curtailed his activities in support of the minority, or rather covered them up so as not to harm the church and the believers. Nevertheless, it can be stated that no other politician or representative in public life did more for the Ruthenian minority in Slovakia in 1939–1945 than he did.

Around the turn of 1940 and 1941, i.e., in the time after the census, hitherto little visible Ukrainian propaganda came to the fore. Ethnic Ukrainians formed only a small part of the local population and worked on the basis of social and cultural societies. The Ukrainian movement was also not united, dividing itself into German, British, and Soviet currents, depending on which power it expected to support the establishment of an independent Ukrainian state. In Slovakia, the Ukrainians had their political centre in Bratislava and were headed by Vojtech Geletka. In Prešov they worked in the Prosvita Association. Their political activity was also only "tolerated". The Ukrainian movement competed with the representatives of the Rusins for the official political recognition of one or the other national minority in Slovakia.

In this context, the political life of the Rusins was stirred up when in mid-April 1941, Geletka, already as the government's commissioner for the solution of the Rusin question, arrived in the east of Slovakia.

At a meeting with representatives of the Rusins (led by G. Mlinarič) and representatives of the Ukrainian direction in Medzilaborce it was not possible to reach a common agreement. The main aim of the meeting was to propose a clerk for Rusin affairs at the Šariš-Zemplín County Office. The meeting ended unsuccessfully; its only result was a further sharpening of the contradictions [30]. Their growth was temporarily prevented by the attention of the population to domestic economic problems and Slovakia's entry into the war against the USSR, and perhaps also by the discussion on the establishment of an advisory church-political commission for Greek Catholics and Rusin issues at the Ministry of Education and National Enlightenment and at the county office, which, however, dragged on until the autumn of 1943 and in the end did not play any significant role [5: 191–193; 15: 46].

The events of war after 22 June 1941 affected the mood of the poor Rusin population dependent on state aid. In practice, this meant that the degree of their loyalty and obedience corresponded to the state of supply of food and daily necessities¹⁴. It was quite natural that they ceased to be interested in political events, which increasingly remained the preserve of the few Rusin intelligentsia, quite distant in opinion from the ordinary population. Since the majority of the Rusin intelligentsia did not accept the idea of Slovak statehood [34], the regime's representatives had to actively seek to resolve the Rusin question themselves. In the political sphere, this meant deciding in what form the Rusins would be allowed to participate in political life – whether within the framework of the People's Party or through the creation of an independent Rusin political party. That the regime considered the group around the *Novoje vremja* magazine to be *de facto* representatives of the minority was already obvious. The other two groups – those around Bishop Gojdič and the Ukrainian direction – were shut down under the pressure of propaganda and the influence of war circumstances.

The question of the political organisation of the Rusins accelerated in 1942 and became most acute in connection with developments on the battlefields in 1943. It provoked fierce polemics both in the ranks of the state and People's Party leadership and in the Rusin milieu¹⁵. The opinion of both sides gradually inclined to the view that, for a number of reasons, it would be better if the Rusins were organised within the People's Party. This view was promoted by the influential pro-regime Rusin group around deputy Boňko. It also appeared to be justified from the point of view of the state administration, whose representatives, based on their own experience, also proposed adopting this solution¹⁶, which would allow better control of the minority and its peaceful assimilation. After the Rusins had not been allowed to form their own

political party in 1939–1940, many (especially among the intelligentsia) had decided to join the People's Party, often for selfish reasons. But the problem remained for the majority of Rusins living in the countryside. Despite extensive recruitment campaigns, their political involvement was low or declining.

In this context, the social issue came to the fore much more prominently in the rural environment than in the towns. Poor Rusins expected material benefits from party membership, which was not possible given the situation at the time. Even those resources that were still available were not used in the corrupt environment of the party and state structures to promote the state interest to solve the Rusin question. For example, it was a common practice to give preference to a Slovak from another district over a locally committed Rusin in the Aryanisation of Jewish property [31]. The logical consequence of such practices was that discontent and distrust towards the regime grew among the Rusins. Although there were efforts to resolve the situation, in some villages Rusins began to demand expulsion from the People's Party en masse in protest [33]. The permanent financial problems of the pro-government magazine *Novoje vremja*, which was often threatened with the cessation of its publication, further contributed to the lack of Rusin sympathy towards the regime.

Representatives of the Rusin minority were given the opportunity to participate actively in political life for the last time at the turn of 1943–1944, when the activities of minorities (including the German and Hungarian minorities) were encouraged by the implementation of Law No. 171/1943 on changes in municipal self-government. This law definitively liquidated the remnants of elected self-government in Slovakia. It reduced it to a bureaucratic state apparatus controlled by the Hlinka Slovak People's Party. However, the law also included sections which, based on the 1940 census, granted proportional representation in local government to minorities. While the German and Hungarian minorities had their own permitted political parties, nominations for the Rusin minority were made either by the People's Party or by local authorities (notaries, parish priests, etc.). Rusins who had joined the People's Party, as well as non-party members, could obtain a mandate. In the municipalities (except for two) of the Medzilaborce district, the Rusins had a majority in the municipal elections. In the other 88 municipalities of Šariško-Zemplín County they had representatives in the municipal committees. However, due to the approaching Soviet military front and the related decline of public life, the above-mentioned facts did not significantly affect the position of the minority [19: 53–67].

Attitude of the regional state apparatus towards the Rusins

As already mentioned, the efforts of the Rusins were permanently confronted not only with the interests of the state, which in a region with a specific national composition was represented by the county governor or other high-ranking state officials, but often also with the personal views and attitudes of these officials. Since the Rusin question was not a state-wide issue, it was the opinion of regional officials of the regime that became the guiding principle in deciding the form of state policy on the Rusin question.

Štefan Haššík, the first Šariš-Zemplín County governor, showed the least understanding for the needs of the Rusins. He repeatedly pointed to the chaos in solving the Rusin question. He himself considered it a realistic and optimal solution to concentrate this minority into two districts – Medzilaborce and Vyšný Svidník (established in a different connection in 1944) – which he proposed to establish. In the rest of the county he wanted to pursue a nationalist course. In his opinion, the ideal solution to the problem was systematic Slovakisation [26]. This view was based on the experience that the Rusin minority was divided and did not have a unified leadership with which to cooperate politically. According to his information, there were at least three different interest groups at that time. The first one was the Ukrainian one, which was the smallest in number and was organised around the Prosvita Association. The most numerous group was the one around the Greek Catholic Bishop Gojdič and the Alexander Duchnovič Society. A separate group was formed by the supporters of the union with Hungary under the leadership of Bishop Alexander Stojka of Uzhhorod. Haššík promoted the opinion that the problem of the Rusin minority was not of a national but of a social nature¹⁷. He did not have a good opinion of deputy Simko and described Simko as a political dilettante, naive and easily manipulated [27]. Haššík refused not only to authorise the Rusin political party, but also the publication of the magazine directly in Prešov. At most, he was willing to allow the magazine to be published in Vyšný Svidník or Medzilaborce. Because of this opinion, Haššík did not enjoy the popularity of the Rusin minority, and in Rusin circles he was considered one of the biggest obstacles to the consolidation of mutual relations between Slovaks and Rusins. It was believed that Haššík (and along with him some members of parliament from the region, e.g. Andrej Germuška and Michal Hut'ka) gave distorted information to the central authorities in Bratislava to the detriment of the Rusins [26].

More tolerant towards the interests of the minority was the police director Gustáv Pongrácz, who in his report of 10 April 1940 called

for respect for the mentality and customs of the Rusins, proposing to promote the Slovak State by improving the economic and social conditions and by educational and political work, and thus to prevent the exploitation of the political ignorance and credulity of the people [29].

One of Pongrácz's successors as police director, Pavol Macháček, was the most open to the emancipatory efforts of the Rusins. In his report on the Rusin question of 17 September 1942, he wrote:

The Slovakisation of the Rusin intelligentsia could only be welcomed if it happened gradually and voluntarily, by evolutionary development, and had behind it also the masses of the conscious Greek Catholic people, who now simply call themselves "Rusin" because they do not know whether they are Rusin or Slovak <...> A man of character will never betray his nation, and one who would do so would not remain faithful even to us [34].

The most detailed and comprehensive treatment of the Rusin question was given by the second Šariš-Zemplín County Governor, Andrej Dudáš. He summarised his knowledge and experience in a comprehensive confidential report in 1943. In it, he did not spare criticism of the People's Party. Like Haššík, he drew attention to the ignorance, lack of clarity, and inconsistency on this issue. He attributed serious consequences to this. As a result of the incompetent attitude of the Slovak authorities, the political leadership of the Rusins had, in his opinion, fallen completely under the sway of pro-Hungarian elements. The leadership settled in the ethnically Slovak town of Prešov, established a number of important political contacts, and gained almost unlimited influence in shaping the opinions of the Rusin population. Dudáš was convinced that the Rusins were "Slovak in origin and character". He saw the solution to the question in the elimination of various minor, non-Slovak (mainly Hungarian and Russian) influences and distortions [7: 225–228]. As a result, he did not differ much from his predecessor in office and his concept of Slovakisation.

The Rusin population was numerous, especially in the north-eastern districts of the county, but due to the difficult living conditions, it was nationally and opinionally undecided. Therefore, a breeding ground existed for several non-Rusin political trends and currents, proponents of which tried to exploit the undecided mass of people, occupied with everyday problems, for their own purposes. Officially, the People's Party attempted to do this by supporting the group around the *Novoje vremja* magazine and by building its own party structures in the Rusin areas. A January 1940 report from the headquarters of the paramilitary organisation *Rodobrana* revealed that Hungarian and Communist propaganda were also competing in the Rusin milieu [28]. Indeed, the

Rusins often came under the influence of Communist propaganda, although the general population did not know or understand its ideological essence at all. The existence of Communist propaganda was also acknowledged in the reports of the district authorities in Stropkov and Medzilaborce, whose representatives most often justified the success of the propaganda by the poverty of the population and the proximity of the border. The reports further show that the Rusin population saw communism mainly as offering the possibility of dividing the estates of the richer peasants, and that the Slovaks living there, as well as the Rusins from other districts, did not, for the most part, share these views.

Conclusion

The Rusin minority has traditionally formed an integral part of the population of Slovakia. The changes in state law associated with the disintegration of Czechoslovakia and the proclamation of the Slovak State on 14 March 1939 affected it in a very significant way, which can be simplistically described by stating that the Rusins, as a minority, were placed on the political and social periphery in comparison to the previous period. They were victims of both the authoritarian regime of the People's Party and the growing Slovak nationalism, as well as of their own political disunity. At the same time, however, it should be added that the minority was not threatened with total annihilation, as was the case with the Jews or the Roma.

From the political point of view, the Rusin question was perceived as a regional problem of eastern Slovakia. One can clearly see the tendency of the new regime to push the political and cultural activities of the Rusins to eastern Slovakia, preferably outside of the county seat of Prešov to more remote north-eastern parts.

Due to the prevailing opinion about the Rusins, the deteriorating economic situation of the state and the general war situation, the status quo was unofficially maintained on the Rusin question until the fall of the regime, which meant that the Rusins were not granted the right to form their own minority political party. They were, however, allowed membership in the Hlinka Slovak People's Party and its affiliated organisations under specific conditions. It should be added that this solution, although contrary to the legislation in force and to the essence of the authoritarian regime, was based on the reality of the time. The activities of the minority itself in relation to the establishment of its own political organisation linked to the regime declined.

Despite the existing situation, the regime did not resign in its

efforts to actively address the Rusin question by suppressing or even criminalising phenomena deemed negative from its point of view, or inconvenient individuals (P.P. Gojdič), by trying to actively control the minority, to support loyal members of the minority (M. Boňko), and by trying to sway the nationally undecided Rusin population to its side.

Notes

1. Census in 1940 originally listed Russian nationality. As part of the 1941 revision of the census, the authorities took the view that individuals born in Russia or Ukraine were to be classified as Russians and Ukrainians. The native population was to be referred to as Ruthenian.

2. For comparison, according to the same statistics, the number of Germans was 5.13 %, Hungarians 2 %, and Jews 3.29 %.

3. For political reasons, statistics published after World War II as: *Národnosť prítomného obyvateľstva v roku 1940*. [Nationality of the population present in 1940.] In: *Zprávy Štátneho plánovacieho a štatistického úradu*, Vol. 1, 1946, No. 1, p. 18.

4. Anton Simko (2 April 1891 – 24 July 1958) – originally a Greek-Catholic parish priest in Vyšná Oľka. He was born in Sedliská in a Greek-Catholic teacher's family. He and his wife had seven children.

5. Gejza Horňák (12 August 1898 – 3 August 1980) – originally a teacher, director of the school in Stakčínska Roztoka. He came from a Greek-Catholic clerical family, and had two sons. In the interwar period he was involved in the Agrarian Party, from 1941 he cooperated with the resistance, and after the liberation he was active in the Democratic Party.

6. Michal Boňko (13 September 1901 – 16 July 1983) – originally a teacher, director of the burgher school in Vyšné Svidník. He was born in Štefanovce (today Vranov nad Topľou district) in a Greek-Catholic family. He had two children. In the interwar period he was a member of the Agrarian Party.

7. Jozef Tiso (13 October 1887 – 18 April 1947) – Slovak politician and Catholic priest who served as prime minister and since October 1939 as president of the Slovak Republic, a client state of Nazi Germany during World War II.

8. Anton Simko was not involved in politics during the interwar period, although he liked to highlight his personal acquaintance with Andrej Hlinka and to stress that he always “worked quietly” for the idea of Slovak autonomy. He became a member of the People's Party only in December 1938. As he himself stated, and his testimony was confirmed by witnesses, he joined the party mainly for selfish reasons. He was the father of a large family which had gotten into debt in order to finance

his children's studies. The candidacy of Simko was addressed by Štefan Haššík, later the first governor of Šariš-Zemplín County [21].

9. The members of this preparatory committee were Štefan Gojdič (brother of Bishop P.P. Gojdič), Vasil Karaman, Ondrej Nahaj, and Ivan Židovský.

10. Bishop Gojdič eventually became a victim of the Communist regime, which condemned him in a fabricated political trial in January 1951. Paradoxically, the communists blamed him for collaboration with the regime of the Slovak State and the Nazis.

11. This intentional fear was based on older ideas about the western ethnic border of the Rusin settlement extending up to the Poprad River. For more on the ideas of the Rusin ethnic territory, see [37: 71–91].

12. In July 1940 they wrote to the central German authorities ("The memorable writings of the Rusins to the Führer") [4].

13. On 19 July 1940, the Appointment Bull was issued, by which Bishop Gojdič was released from the post of Apostolic Administrator and at the same time promoted to the position of the Resident Bishop of the Eparchy of Prešov. This act was a clear expression of support from the Holy See.

14. In his report on the Rusin question of December 1942, the district head in Stropkov literally wrote: "Since the local Rusin people look at their political situation almost exclusively through their stomachs, I am of the opinion that in the prudent economic and building work of our state we need not fear any serious consequences from hostile elements, and therefore I propose that this poor people should always be given ample opportunity to earn a living in the future as hitherto" [35].

15. For political and security reasons, the censorship did not allow the publication of articles on the Rusin question. Thus, in the daily press one can find only occasional articles declaring the political unity of Slovaks and Rusins.

16. The district heads from Medzilaborce and Stropkov also claimed that the minority itself was interested in such a solution [32].

17. The social and cultural backwardness of Rusins in east of Slovakia went largely unquestioned by local authorities; it was a generally accepted opinion, often justified by the alleged laziness and passivity of the minority.

LITERATURE

1. *Baka I.* Politický systém a režim Slovenskej republiky 1939–1940. Bratislava: Vojenský historický ústav, 2010. 322 p.

2. *Borza P.* Dejiny Gréckokatolíckej cirkvi na Slovensku v období II. svetovej vojny (1939–1945). Prešov: Petra, 2006. 222 p.
3. *Borza P.* Gréckokatolícka cirkev a Židia na Slovensku v rokoch 1939–1945. Prešov: Petra, 2017. 219 p.
4. Bundesarchiv Berlin (BArch Berlin), fund (f.) R 70/Slowakei, Band 216.
5. *Coranič J., Galajda D.* Národnostná otázka v gréckokatolíckom cirkevnom školstve na Slovensku v rokoch 1918–1945. // *Dejiny cirkevného gréckokatolíckeho školstva na Slovensku*. Prešov: GTF PU, 2009. P. 176–193.
6. *Czechoslovakism*. Eds. A. Hudek, M. Kopeček, J. Mervart. London; New York: Routledge, 2023. 498 p.
7. *Dudáš A.* Rusínska otázka a jej úzadie. Buenos Aires: Zahraničná Matica slovenská, 1971. 238 p.
8. *Furmanik M., Pavlis J., Staňová Michalko M., Števík M.* Dejiny Rusínov na Spiši. Spišská Nová Ves: Múzeum Spiša, 2020. 256 s.
9. *Hlavinka J.* Týždenník „Novoje vremja“ ako prejav rusínskej otázky v rokoch 1940–1944 // *Pamäť národa*. 2008. № 3. P. 4–16.
10. *Konečný S.* Rusínska otázka v období prvej Slovenskej republiky // *Slovenská republika (1939–1945)*. Martin: Matica slovenská, 2000. P. 174–181.
11. *Korček J.* Slovenská republika 1943–1945: K pôsobeniu mocensko-represívneho aparátu a režimu. Bratislava: Ministerstvo Obrany SR, 1999. 226 p.
12. *Kuklík J., Petráš R.* Minorities and Law in Czechoslovakia, 1918–1992. Praha: Karolinum Press, 2017. 302 p.
13. *Magocsi P.R.* With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest; New York: CEU, 2015. 564 p.
14. *Magocsi P.R.* Rusíni na Slovensku. Prešov: Rusínska obroda, 1994. 214 p.
15. *Pažur Š.* Protifašistický odboj na východnom Slovensku. Košice: Východoslovenské vydavateľstvo, 1974. 204 p.
16. *Pekár M. et al.* Ethnic minorities in Slovakia in the years 1918–1945. A survey. Prešov: Universum, 2011. 195 p.
17. *Pekár M., Tokárová Z.* K postaveniu gréckokatolíckej cirkvi na Slovensku v rokoch 1939–1945 vo svetle slovenskej historiografie a nemeckých prameňov (sonda do problematiky) // *Cirkev v okovách totalitného režimu*. Prešov: Vydavateľstvo PU, 2010. P. 47–62.
18. *Pekár M.* Rusínska otázka na Slovensku v rokoch 1939–1945 a alternatívy jej riešenia // *Slovenská republika 1939–1945 očami mladých historikov IV*. Banská Bystrica: KH FHV UMB; ÚVaV UMB, 2005. P. 292–302.
19. *Pekár M.* Volebné právo a volebný systém na Slovensku v rokoch 1938–1945. Historické súvislosti // *Volebné zákonodarstvo v Slovenskej republike (doterajší vývoj, aktuálny stav, príčiny a dôsledky)*. Košice: Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach, 2014. P. 53–67.
20. *Pekár M.* Východné Slovensko 1939–1945. Prešov: FF PU, 2007. 182 p.

21. Slovak National Archives Bratislava (SNA Bratislava), f. Národný súd [National Court of Justice], II.A.870, Tnľud 48/45.

22. SNA Bratislava, f. Národný súd, II.A.870, Tnľud 48/45. Tesnopisecká správa o 35. zasadnutí Snemu Slovenskej republiky (15. 5. 1940) [A stenographic report on the 35th session of the Slovak Assembly (15 May 1940)].

23. State Archive Prešov (SA Prešov), f. Odbočka Ústredne štátnej bezpečnosti (ÚŠBO) [Branch of the State Security Headquarters], Mat 30/3, Rusínska otázka na Slovensku – dôverný materiál policajného Komisárstva v Prešove z 25. 6. 1930 [The Rusin question in Slovakia – confidential material of the Police Commissariat in Prešov, 25 June 1930].

24. SA Prešov. F. ÚŠBO, Mat 30/3, správa policajného riaditeľa z 2. 11. 1939 [report of the Police Director of 2 November 1939].

25. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa [Šariš-Zemplín County], inv. č. 240, sign. 324/18-40 ŠB.

26. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 95/18-40 ŠB.

27. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 324/18-40 ŠB, tajný list ministra z apríla 1940 [a confidential letter to the Minister of the Interior of April 1940].

28. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 1488/18-40 ŠB.

29. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 92/85-40 ŠB.

30. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 464/Ib-41 ŠB.

31. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 1118/Ib-41 ŠB.

32. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 568 and 641/Ia-42 ŠB.

33. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 5/Ia-43 ŠB.

34. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 27/III f-43 ŠB, správa Okresného žandárskeho veliteľstva Medzilaborce zo 7. 10. 1942.

35. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 27/III f-43 ŠB, správa Okresného žandárskeho veliteľstva Medzilaborce z decembra 1942.

36. Šprocha B., Tišliar P. Demografický obraz Slovenska v sčítaniach ľudu 1919–1940. Brno: Tribun EU, 2012. P. 179–184.

37. Švorc P. Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou v medzivojnovom období (1919–1939). Prešov: Universum, 2003. 424 p.

38. Tokárová Z. Slovenský štát. Režim medzi teóriou a politickou praxou. Košice: Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach, 2016.

39. Vanat I. Narysy novitňoji istoriji Ukrajinciv schidnoji Slovaččyny II (1938–1948). Prešov: SPN, 1985. 336 p.

REFERENCES

1. Baka, I. (2010) *Politický systém a režim Slovenskej republiky 1939–1940*. [Political system and regime of the Slovak Republic 1939–1940.] Bratislava: Vojenský historický ústav.

2. Borza, P. (2006) *Dejiny Gréckokatolíckej cirkvi na Slovensku v období II. svetovej vojny (1939–1945)* [History of the Greek Catholic Church in Slovakia during World War II (1939–1945).] Prešov: Petra.

3. Borza, P. (2017) *Gréckokatolícka cirkev a Židia na Slovensku v rokoch 1939–1945*. [The Greek Catholic Church and the Jews in Slovakia in 1939–1945.] Prešov: Petra.

4. *Bundesarchiv Berlin* (BArch Berlin). Fund (f.) R 70/Slowakei, Band 216.

5. Coranič, J. & Galajda, D. (2009) Národnostná otázka v gréckokatolíckom cirkevnom školstve na Slovensku v rokoch 1918–1945. [The national question in Greek-Catholic church education in Slovakia in 1918–1945.] In: Šturák, P. et al. *Dejiny cirkevného gréckokatolíckeho školstva na Slovensku*. Prešov: GTF PU. pp. 176–193.

6. Hudek, A., Kopeček, M. & Mervart, J. (eds) (2023) *Czechoslovakism*. London; New York: Routledge. DOI: 10.4324/9781003205234

7. Dudáš, A. (1971) *Rusínska otázka a jej úzadie* [The Rusin question and its background]. Buenos Aires: Zahraničná Matica slovenská.

8. Furmanik, M., Pavlis, J., Staňová Michalková, M. & Števík, M. (2020) *Dejiny Rusínov na Spiši*. [History of Rusins in Spiš.] Spišská Nová Ves: Múzeum Spiša.

9. Hlavinka, J. (2008) Týždenník “Novoje vremja” ako prejav rusínskej otázky v rokoch 1940–1944. [The weekly “Novoje vremja” as a reflection of the Ruthenian question in 1940–1944]. *Pamäť národa*. 3. pp. 4–16.

10. Konečný, S. (2000) Rusínska otázka v období prvej Slovenskej republiky [The Rusin question in the period of the First Slovak Republic]. In: Bobák, J. (ed.) *Slovenská republika (1939–1945)*. Martin: Matica slovenská. pp. 174–181.

11. Korček, J. (1999) *Slovenská republika 1943–1945: K pôsobeniu mocensko-represívneho aparátu a režimu* [The Slovak Republic 1943–1945: On the operation of the power-repressive apparatus and regime]. Bratislava: Ministerstvo Obrany SR.

12. Kuklík, J. & Petráš, R. (2017) *Minorities and Law in Czechoslovakia, 1918–1992*. Praha: Karolinum Press.

13. Magocsi, P.R. (2015) *With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*. Budapest; New York: CEU.

14. Magocsi, P.R. (1994) *Rusíni na Slovensku* [Rusins in Slovakia]. Prešov: Rusínska obroda.

15. Pažur, Š. (1974) *Protifašistický odboj na východnom Slovensku* [Anti-fascist resistance in eastern Slovakia]. Košice: Východoslovenské vydavateľstvo.

16. Pekár, M. et al. (2011) *Ethnic minorities in Slovakia in the years 1918–1945. A survey*. Prešov: Universum.

17. Pekár, M. & Tokárová, Z. (2010) K postaveniu gréckokatolíckej cirkvi na Slovensku v rokoch 1939–1945 vo svetle slovenskej historiografie a nemec-kých prameňov (sonda do problematiky) [On the position of the Greek Catholic Church in Slovakia in 1939–1945 in the light of Slovak historiography and

German sources (a probe into the problem).] In: Coranič, J., Borza, P., Šturák, P. & Koprivňáková, J. (eds) *Cirkev v okovách totalitného režimu: likvidácia Gréckokatolíckej cirkvi v Československu v roku 1950*. Prešov: Vydavateľstvo PU. pp. 47–62.

18. Pekár, M. (2005) Rusínska otázka na Slovensku v rokoch 1939–1945 a alternatívy jej riešenia. [The Rusin question in Slovakia in 1939–1945 and alternatives for its solution]. In: Šmigel', M. & Mičko, P. (eds) *Slovenská republika 1939–1945 očami mladých historikov IV*. Banská Bystrica: KH FHV UMB; ÚVaV UMB. pp. 292–302.

19. Pekár, M. (2014) Volebné právo a volebný systém na Slovensku v rokoch 1938–1945. Historické súvislosti [Electoral law and the electoral system in Slovakia in 1938–1945: Historical context]. In: *Volebné zákonodarstvo v Slovenskej republike (doterajší vývoj, aktuálny stav, príčiny a dôsledky)*. Košice: Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach. pp. 53–67.

20. Pekár, M. (2007) *Východné Slovensko 1939–1945* [East Slovakia 1939–1945]. Prešov: FF PU.

21. SNA Bratislava. F. Národný súd, II.A.870, Tnľud 48/45.

22. SNA Bratislava. F. Národný súd, II.A.870, Tnľud 48/45. Tesnopisecká správa o 35. zasadnutí Snemu Slovenskej republiky (15. 5. 1940) [A stenographic report on the 35th session of the Slovak Assembly (15 May 1940)].

23. SA Prešov. F. ÚŠBO, Mat 30/3.

24. SA Prešov. F. ÚŠBO, Mat 30/3, správa policajného riaditeľa z 2. 11. 1939 [report of the Police Director of 2 November 1939].

25. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 324/18-40 ŠB.

26. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 95/18-40 ŠB.

27. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 324/18-40 ŠB, tajný list ministra z apríla 1940 [a confidential letter to the Minister of the Interior of April 1940].

28. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 1488/18-40 ŠB.

29. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 92/85-40 ŠB.

30. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 464/Ib-41 ŠB.

31. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 1118/Ib-41 ŠB.

32. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 568 and 641/Ila-42 ŠB.

33. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 5/Ila-43 ŠB.

34. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 27/IIIf-43 ŠB, správa Okresného žandárskeho veliteľstva Medzilaborce zo 7. 10. 1942 [report of the District Gendarmerie Headquarters Medzilaborce from 7 October 1942].

35. SA Prešov. F. Šarišsko-zemplínska župa. 27/IIIf-43 ŠB, správa Okresného žandárskeho veliteľstva Medzilaborce z decembra 1942 [report of the District Gendarmerie Headquarters Medzilaborce from December 1942].

36. Šprocha, B. & Tišliar, P. (2012) *Demografický obraz Slovenska v sčítaniach ľudu 1919–1940*. [Demographic image of Slovakia in the censuses 1919–1940.] Brno: Tribun EU.

37. Švorc, P. (2003) *Krajinská hranica medzi Slovenskom Podkarpatskou Rusou*

v medzivojnovom období (1919–1939). [Land border between Slovakia and Subcarpathian Rus in the interwar period (1919–1939).] Prešov: Universum.

38. Tokárová, Z. (2016) *Slovenský štát. Režim medzi teóriou a politickou praxou* [Slovak state: The regime between theory and political practice]. Košice: Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach.

39. Vanat, I. (1985) *Narysy novitňoji istoriji Ukrajinciv schidnoji Slovaččyny II (1938–1948)*. Prešov: SPN.

Martin Pekár – Pavol Jozef Šafárik University in Košice (Slovak Republic).

Пекар Мартин – профессор словацкой истории на Кафедре истории Факультета искусств Университета им. Павола Юзефа Шафарика в Кошице (Словацкая Республика).

E-mail: martin.pekar@upjs.sk

УДК 94(438).081:(439).07:437:1919-1938

UDC

DOI: 10.17223/18572685/74/11

Тенденции польско-венгерского взаимодействия в отношении Подкарпатской Руси (1919–1938 гг.)

С.В. Морозов

Белгородский государственный национальный исследовательский
университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: roland60@mail.ru

Авторское резюме

После окончания Первой мировой войны Польша и Венгрия были озабочены проблемой проведения своих границ, установленных итоговыми документами Парижской мирной конференции. В частности, им было не по нраву включение Подкарпатской Руси, на которой проживало значительное количество венгров, в состав Чехословацкой республики. Это привело Варшаву и Будапешт к обоюдному стремлению установления совместной польско-венгерской границы за счет территории данного региона. Они координировали свои действия с целью разрушить единство ЧСР, оторвать Подкарпатскую Русь и присоединить её к Венгрии. Для этого они использовали среди прочего сепаратистское движение среди русинов Русскую национально-автономную партию (РНАП) во главе с Фенциком и провенгерский Автономный земледельческий союз (АЗС) во главе с А. Бродием. На польские средства финансировались издания «Карпаторусский голос», а затем «Наш путь». Начало политическому сотрудничеству положил визит премьера Д. Гёмбёша в Варшаву в октябре 1934 г. и его беседы с Ю. Пилсудским и Ю. Беком касательно и общей границы. Проходившие позднее, в период с мая по сентябрь 1938 г., польско-венгерские переговоры о политическом и военном сотрудничестве имели, в частности, результатом проведение в последующем (поздней осенью того же года) на территории Подкарпатской Руси совместной диверсионной операции «Лом».

Ключевые слова: Подкарпатская Русь, сотрудничество Варшавы и Будапешта, совместная польско-венгерская граница, межвоенный период, русинское сепаратистское движение, операция «Лом»

Tendencies of Polish-Hungarian interaction in relation to Subcarpathian Rus (1919–1938)

Stanislav V. Morozov

Belgorod State National Research university

Russia, 308015, Belgorod, st. Victory, 85

E-mail: roland60@mail.ru

Abstract

After the end of the First World War, Poland and Hungary were concerned about the problem of drawing their borders, established by the final documents of the Paris Peace Conference. In particular, they did not like the inclusion of Subcarpathian Rus, where a significant number of Hungarians lived, into the Czechoslovak Republic. This led Warsaw and Budapest to a joint desire to establish a joint Polish-Hungarian border at the expense of the territory of this region. They coordinated their joint actions with the aim of destroying the unity of Czechoslovakia, tearing off Subcarpathian Rus and annexing it to Hungary. To do this, they used, among other things, the separatist movement among the Rusins, the Russian National Autonomous Party (RNAP), headed by Stefan Fencik, and the Pro-Hungarian Autonomous Agricultural Union (AZS), headed by Andrei Brody. Polish funds were used to finance the periodicals *Karpatorussky Golos*, and then *Nash put'*. The political cooperation began with the visit of Prime Minister Gyula Gömbös to Warsaw in October 1934 and his conversations with Józef Piłsudski and Józef Beck regarding, among other things, the common border. The later, from May to September 1938, Polish-Hungarian negotiations on political and military cooperation resulted, among other things, in the subsequent (late autumn of the same year) joint sabotage operation "Scrap" on the territory of Subcarpathian Rus.

Keywords: Subcarpathian Rus, cooperation between Warsaw and Budapest, Polish-Hungarian border, interwar period, Ruthenian separatist movement, sabotage operation "Scrap"

Подкарпатская Русь (ПР) в течение межвоенного периода была частью Чехословацкой республики, но привлекала пристальное внимание некоторых своих соседей, в том числе Польши и Венгрии, некоторые правящие круги которых вынашивала планы установления за счет её территории совместной польско-венгерской границы [6: 260]. В более раннее время, в частности в течение XIX в., этот регион также был часто в центре тех или иных интересов, нередко иссле-

довательских со стороны как российских, так и польских историков. В частности, И.П. Филевич скептически относился к утверждениям польского историка М. Бобжиньского, писавшего о «кровавом поте», обливаясь которым работал польский народ над цивилизацией восточных пустынь». Иван Порфирьевич почти провидчески замечал польскому коллеге, что «трезвый и справедливый взгляд даже на стародавние отношения Польши и Руси может предвидеться в польской среде вовсе не в близком будущем». Весьма уместно он также усмотрел материалистическую подоплеку и «хозяйский» статус польских интересов: «Русь представляла лишь материал, из которого Польша вправе была лепить что ей угодно» [11: 91, 96].

К рассмотрению проблем Подкарпатской Руси в международном ракурсе обращались многие авторы, крупнейшим из которых является Андрей Иванович Пушкаш, введший в научный оборот многочисленные архивные материалы, в том числе трофейные из Венгрии, Польши, Германии. Одно из его основных утверждений – что еще до прихода венгров там проживали в основном славянские племена, которым в течение своего существования вплоть до настоящего времени приходилось отстаивать в нелегкой борьбе свое право на существование. «В первой половине XX в. русины идентифицировали себя с жившими на востоке другими украинцами, которых довольно долго называли малороссами». Весьма критически автор относится к периоду венгерской оккупации в период с 1939 по 1945 г., когда физически была уничтожена «пятая часть населения края» [9: 3, 7, 15]. Не чуждается Андрей Иванович критики относительно т. н. проблемы «русинизма», а также полемики по данному направлению с И.И. Попом [8], имеющим склонность среди прочего к необоснованному возвеличиванию американско-канадского исследователя ПР венгерского происхождения П. Магочи [38]. В качестве своеобразного противовеса двум последним авторам можно рассматривать сборник статей, посвященный событиям в Закарпатье под властью Венгрии в 1938–1944 гг., вышедший в 1990-е гг. под редакцией В. Маркуся и В. Худанича, где польско-венгерское сотрудничество относительно ПР в межвоенный период фактически не рассматривается [4]. В 2003 г. появилось на свет исследование В. Марьиной, анализирующее политику Э. Бенеша и Й. Сталина в Закарпатской Украине в годы Второй мировой войны [5], где данная проблема также обойдена вниманием. Еще один комплекс научной литературы – это исследования украинских (Вегеш М.М., Палинчук М.М.) и западно-славянских (П. Чихорацки, Д. Домбровски, К. Бадзьяк, П. Самусь, М. Ярнецки, П. Колаковски, Ю. Каспарек, Ю. Кредатус, Ю. Куплиньски, Ю. Рыхлик и М. Рыхликова) авторов, выходившие в период 1990–2010 гг., где данная проблема

получила освещение в той или иной степени [2; 14; 19; 24; 29; 30; 35; 36; 43; 44].

С момента окончания Первой мировой войны и вплоть до конца 1930-х гг. Варшава в близком контакте с Будапештом вынашивали планы установления совместной польско-венгерской границы за счёт территории Подкарпатской Руси. Их апофеозом стала операция «Лом», проведенная осенью 1938 г. [28]. В течение вышеупомянутого отрезка времени во внешнеполитическом взаимовосприятии обеих стран постепенно формировались и вызревали тенденции для реализации вышеназванного мероприятия. Целью данной статьи является исследование тенденций взаимного сотрудничества Варшавы и Будапешта в течение 1918–1938 гг. по вопросу Подкарпатской Руси.

Для польской и венгерской исторической традиции нередко была присуща некая общность, поэтому корни этого процесса можно обнаружить сразу после окончания Первой мировой войны с момента появления на международной арене Польши и Венгрии как новых политических субъектов. Обе стороны сочувственно относились к данному направлению, которое первоначально сильнее всего проявлялось в вопросе о прохождении границ, точнее, о территориальной принадлежности русинских земель, обсуждавшемся среди прочего на Парижской мирной конференции.

Венгерские дипломаты стремились сохранить их в составе своего государства, приводя исторические, экономические и стратегические аргументы. В ходе мирной конференции преобладал принцип этнической принадлежности, ибо значительное число венгров проживало на русинских и словацких землях, особенно велика их плотность была в южных районах ПР. Тем не менее данный критерий потерпел фиаско, потому что конференция утвердила венгерские границы, фактически установленные военными действиями и более ранними положениями международных соглашений, являющихся основой Версальской системы. В Трианонском договоре, заключённом 4 июня 1920 г. странами-победителями (к которым формально была причислена Чехословакия) с Венгрией, последняя отказалась от прав на Словакию и ПР, включенные в состав Чехословацкой республики. Правовые статьи, регулировавшие данное направление, содержали не только положения о венгерско-чехословацкой границе, но и признание Венгрией автономного статуса Руси. Одновременно с утверждением южной границы Чехословацкой республики – на территории Руси ей досталась железнодорожная линия, соединяющая города Чоп и Сигет-Марамарошский. Следует отметить, что этот город окончательно было решено передать вместе с южной частью Марамарошского района

Румынии, которой, соответственно, пришлось вывести свои войска с территории ПР до конца июня 1920 г. [13: 15–22].

Для правящих венгерских кругов эта данность носила вынужденный характер, в силу чего последующие правительства стремились вернуть Русь, а общественное мнение формировалось в духе возвращения к историческим границам. Однако пересмотр Трианонского договора было невозможно произвести только собственными силами. Побежденная Венгрия потеряла более 2/3 своей довоенной территории, почти такую же долю населения и была вынуждена соблюдать строгие положения мирного договора, ограничивавшего численность венгерской армии и вооружений, никак не могла угрожать соседям, к тому же она была в дипломатической изоляции. В складывавшихся обстоятельствах часть правящих кругов Венгрии вынуждена была апеллировать к Польше уже на заре её независимости, ища выход из изоляции и помощь в удовлетворении своих территориальных запросов. Уже с конца ноября 1918 г. Будапешт стремился установить дружеские отношения с Варшавой [28: 130–131; 33: 275–276].

Оживленные польско-венгерские контакты происходили на фоне спора между Польшей и Чехословакией в контексте территориальных вопросов (Тешенская Силезия¹, Спиш и Орава), а также сопровождались различными подходами по вопросам касательно устройства Центральной и Восточной Европы. Польша, конкурировавшая с Чехословакией за влияние в регионе, обвиняла её внешнюю политику в наличии пророссийских и проукраинских тенденций, угрожающих польским интересам [28: 99–101, 131–132, 149–150; 48: 50–52].

Польша, как уже упоминалось выше, не заявляла о территориальных претензиях на ПР. Однако в польской прессе 1919–1920 гг. встречалось убеждение, что присоединение этой территории к Чехословакии позволит создать чешско-российский коридор, опасный для польского государства по военным, политическим и экономическим причинам. Газеты призывали передать Русь Венгрии и установить с ней совместную польско-венгерскую границу, что позволило бы избежать упомянутой опасности и способствовало бы достижению взаимной выгоды (политической, военной, экономической), в том числе возможности оказывать давление на Чехословакию. В связи с этим были подвергнуты критике положения Сен-Жерменского договора, подписанного 10 сентября 1919 г. с Австрией о включении Руси в состав Чехословакии, и даже звучал призыв попытаться убедить западные державы пересмотреть некоторые из его пунктов [10: 15–27; 40].

Степень доверия сторон была такова, что венгерское правительство даже обратилось за помощью к Польше касательно своей дея-

тельности по смягчению жёстких условий подписанного мира. При всем желании польское правительство было лишено возможности оправдать эти ожидания, поскольку само имело слабые позиции на международной арене для влияния на принятие решений и не могло соперничать с наполненной противоречиями коалиции победителей. Тем не менее польско-венгерское сотрудничество проявилось в ряде моментов. Например, в отношении Словакии, когда общей целью польских и венгерских властей была совместная поддержка в ЧСР центробежных усилий словацких сепаратистов-активистов. Или во время польско-советской войны, когда венгерское правительство отправило в Польшу в середине 1920 г. транспорт с обмундированием, а затем предложило непосредственную помощь со стороны венгерских войск. Кроме того, лидер Венгрии регент Миклош Хорти в письме, направленном начальнику государства Юзефу Пилсудскому в июне 1920 г., предложил заключить политический союз и секретную военную конвенцию, а также выразил надежду на создание общей границы. Однако эти предложения не были приняты, и Ю. Пилсудский положительно отреагировал только на просьбу о польском посредничестве в ходе продолжавшихся венгерско-румынских переговоров [28: 132, 151; 31: 164–167; 34: 31–35; 41: 25–34; 50: 3–29]. В последующий период польско-венгерские контакты ослабли, но в Польше венгерские предложения не были забыты и впоследствии к ним вернулись, когда международные условия изменились.

Таким образом, начальный этап показал, что сотрудничество между двумя странами проходило на доверительной основе, охватывая самые сокровенные вопросы двусторонних отношений. Степень доверительности в отношениях свидетельствовала об общности интересов по нескольким направлениям, одним из которых был вопрос принадлежности ПР. Венгерская сторона была явно разочарована утратой принадлежавших ей ранее земель, на которых к тому же проживало немалое количество этнических венгров, что не могло не вызвать впоследствии стремления к их возвращению в состав своего государства. ПР привлекала внимание также и польских партнеров, опасавшихся, среди прочего, возрастания влияния в данном регионе Советской России и установления через него советско-чехословацкой границы. Взаимная заинтересованность на этом направлении имела шансы перерасти впоследствии в более близкое сотрудничество, в связи с чем имеет определенный смысл более подробно остановиться на характеристике данного региона.

Площадь Подкарпатской Руси составляла около 12 700 км². Это была самая восточная часть Чехословацкой республики, граничившая на севере и северо-востоке с Польшей, на юге – с Румынией и

Венгрией. Согласно переписи населения 1930 г., на территории Руси проживало 725 357 человек. Национальный состав был следующий: русины – 446 916 чел. (63 %), венгры – 109 472 (15,4 %), евреи – 91 255 (12,8 %), чехи – 20 719 (2,9 %), немцы – 13 249 (1,8 %), словаки – 13 242 (1,8 %), румыны – 12 641 (1,7 %), цыгане – 1 357 чел. (0,9 %), а также в небольших количествах другие национальности, включая поляков. С точки зрения вероисповеданий наибольшую группу составляли греко-католики – 49,4 % и православные – 15,5 %, далее следовали иудеи – 14,2 %, протестанты – 10,3 %, католики – 9,6 %, другие – 0,3 % и неопределившиеся – 0,6 % [38: 13, 354].

Русины, составлявшие наиболее многочисленную группу, проживали в северной и северо-восточной частях преимущественно в сельской местности. Лишь небольшое их количество было сосредоточено в городах, хотя имела место тенденция притока русинского населения в городские центры. Социально-профессиональная структура местного населения лишь незначительно изменилась по сравнению с периодом до Первой мировой войны. По данным переписи 1930 г., подавляющее большинство русинов (83 %) все еще сохраняли свою занятость в земледелии и животноводстве, а также использовались как наёмные работники в лесном хозяйстве. Около 6 % русинов работали в горнодобывающей и деревообрабатывающей промышленности, небольшая группа (ок. 3 %) была занята в торговле, связи и транспорте, а также ремесленным производством (сапожники, парикмахеры, пекари и т. д.). Еще более малочисленную группу (ок. 2,5 %) составляла прослойка интеллигенции (учителя, священнослужители, юристы, журналисты, военные).

Венгры были сосредоточены в южной части Руси, представляя значительную часть городского населения. Они были заняты в промышленности и торговле, где сосредотачивали в своих руках значительную часть собственности, а также в сельском хозяйстве. Евреи проживали в городах, где составляли высокий процент от общей численности, например, в Ужгороде – половину, а в Мукачеве – более 1/3 населения. Еврейские структуры были связаны с промышленностью и торговлей, а также с ремеслами, предпринимательством; среди них были также наёмные рабочие, определенное число было занято в администрации. Чехи проживали в основном в городах, были заняты в сфере образования, административной и военной сферах, а также работали на промышленных предприятиях и занимались торговлей. Немцы населяли районы Мукачево, Свалява и Иршава, а также местности, расположенные в центральной части Руси. Румыны проживали в юго-восточных районах – Тячевском и Раховском [34: 78–81; 38: 14–16; 51: 6–7].

Таким образом, характерной чертой данного региона являлся его довольно пёстрый национальный состав. Венгерское население было вторым по численности после русинов и сосредотачивалось в южной части территории ПР, граничившей как с Венгрией, так и Польшей. С объективной точки зрения возможность для создания общей польско-венгерской границы теоретически существовала, требовалось лишь, чтобы для этого наступил благоприятный политический момент и обе стороны были бы к этому психологически готовы.

Польское правительство начало проявлять бóльшую заинтересованность ситуацией в ПР с начала 1930-х гг., что было связано как с внешнеполитическими интересами, так и с внутренними проблемами. Политический режим «санации», правивший в Варшаве после майского переворота 1926 г., трактовал Чехословакию как хрупкое и находящееся под угрозой исчезновения государство, к которому маршал Юзеф Пилсудский был настроен недоброжелательно. Он был автором известного высказывания, озвученного в декабре 1918 г. в беседе с замминистра иностранных дел (на тот момент) Альфредом Высоцким: «Чехословакия – это искусственное творение, островок земли без будущего, который я бы назвал Немандзланд – ничья страна. Не стоит иметь с ней дело или выстраивать свою собственную программу сотрудничества с расчетом на неё» [23: 158].

Определенную подобным образом политику польской дипломатии в отношении Праги старался некоторым образом откорректировать ставший в 1926 г. министром иностранных дел Август Залеский, стремившийся поддерживать с Чехословакией добрососедские отношения. Однако со стороны Праги не было недостатка в резких высказываниях и не слишком удачных заявлениях о польском государстве. Министр иностранных дел Чехословакии Эдуард Бенеш на конфиденциальной пресс-конференции в апреле 1927 г. назвал Польшу из-за территориальных споров с Литвой и Германией «северными Балканами» и высказался за сохранение дистанции с ней [28: 390, 395, 444–445].

В исследовательской литературе по данному вопросу сформировался некий консенсус, что Варшава и Прага имели конкурирующие политические концепции интеграции в Центральной Европе. Соперничество между обеими странами на фоне лидерских амбиций в регионе и конкуренция между политиками сделали невозможным заключение польско-чехословацкого военно-политического союза, который диктовался со стороны Германии. Инициативы, исходившие из военных кругов обеих стран, не были поддержаны Э. Бенешем, не желавшим раздражать Германию сближением с Польшей и заявившим её дипломатии только о нейтралитете Чехословакии в возмож-

ном польско-германском конфликте. Климат во взаимоотношениях не улучшили и расхождения в вопросе по польскому меньшинству в Тешенской Силезии за р. Ользой [7: 47–51, 123–135]. Спорные тенденции в официальных польско-чехословацких отношениях проявились еще в 1932 г. С одной стороны, Варшава, готовясь к нормализации отношений с Чехословакией, демонстрировала дружественные шаги в отношении Праги, а с другой – ожидала усиления сепаратистских тенденций в Чехословакии, в том числе и в ПР [19: 4–7; 28: 391–398].

В Варшаве пристально наблюдали за начинаниями деятелей украинофильского лагеря в ПР, их отношениями с чехословацким правительством, а также связями с украинскими эмигрантскими центрами. Как противовес этому направлению поддерживалась русофильская ориентация, например, через непосредственное взаимодействие со Стефаном Фенциком², депутатом чехословацкого парламента с 1935 г., а также его группировкой – Русской национально-автономной партией (РНАП)³. Цели этих действий были сформулированы в письме от 8 июля 1936 г. временного поверенного в делах Польши в Праге Марьяна Ходацкого вице-директору политического департамента МИД Тадеушу Кобыляньскому. «Эту деятельность следовало проводить в двух направлениях. Во-первых, поощрение сепаратистских устремлений местного населения и его организация обеспечили бы нам влияние и симпатии среди него, что позволило бы постепенно получить роль его защитника и протектора в борьбе с захватчиками и создать вокруг Восточной Малопольши среду, находящуюся под нашим культурно-политическим воздействием. Во-вторых, деятельность в ПР должна была быть частью проводившейся на всей территории античешской кампании и создавать для чехов проблемы в регионе, географически необычайно важном для Чехословацкой республики» [16: 119; 44: 32].

Однако следует иметь в виду, что эти цели находили свою реализацию в данном направлении уже в течение определенного времени. В частности, в 1931 г. после установления сотрудничества с польским консулом в Ужгороде Михаилом Свержбиньским он получил финансовые средства для издания еженедельника «Карпаторусский голос» (1932–1934), а затем поступили денежные средства из того же источника для другого издания – «Наш путь» [34: 80–81].

Субсидирование польскими властями партии С. Фенцика прикрывалось финансированием якобы американскими эмигрантскими русинскими центрами⁴. Имело место стремление сохранить изолированность РНАП, и одновременно признавалось желательным ее сотрудничество с другой русофильской группировкой, провенгерским Автономным земледельческим союзом (АЗС) во главе с А. Бродием.

Между тем они находились в радикальном противостоянии, что заставило польскую дипломатию обратиться к Будапешту с просьбой убедить связанный с ним АЗС приостановить борьбу с конкурирующей группировкой С. Фенцика. В ноябре 1937 г. представители обеих партий вели переговоры о возможном объединении, которые, однако, ни к чему не привели в силу политических разногласий [16: 44–46; 44: 32].

Оживление в польско-венгерских дипломатических контактах началось несколькими годами ранее. Начало политическому сотрудничеству положил визит венгерского премьера Дьюлы Гёмбёша в Варшаву в октябре 1934 г. Во время его бесед с Юзефом Пилсудским и Юзефом Беком одним из затронутых вопросов был вопрос об общей границе [34: 92–93]. Кроме того, венгерский премьер и польский министр иностранных дел, похоже, достигли договоренности в вопросе поддержки обеими сторонами русофильских политических группировок на Руси [16: 95; 44: 33].

В дальнейший период польско-венгерское дипломатическое сотрудничество коснулось проблем европейской и региональной системы коллективной безопасности, экономической интеграции, отношений Венгрии с Малой Антантой, а также воздействия обоих государств на политическую ситуацию в Словакии и ПР. Польская и венгерская стороны поддерживали группы автономистов русофильской ориентации, и, хотя их целью была дискредитация политики Праги в отношении Руси, долгое время не соглашались согласовать совместные действия [34: 52–55, 93–99].

Стоит здесь также добавить, что в середине 1930-х гг. в Польше появилось довольно много публикаций, авторы которых поддерживали венгерские территориальные притязания на ПР и Словакию, провозглашали необходимость установления общей польско-венгерской границы. Как и несколько лет ранее, для обоснования выдвинутого тезиса привлекались исторические аргументы, подчёркивалась угроза для польского государства, вытекавшая из возможности создания чешско-советского коридора, а также из поддержки чешскими властями и терпимости к коммунистическому движению и украинской ирреденте, кроме того, обращалось внимание на экономическое значение непосредственного польско-венгерского соседства [18: 3–23; 22: 5–60; 34: 36–40, 75–76; 46; 47; 52; 53].

Варшава, считаясь с возможностью распада чехословацкого государства и нарушения европейского равновесия, предпринимала попытки привлечь Будапешт к совместным политическим и дипломатическим мероприятиям. Польская и венгерская стороны связывали определенные надежды с визитом регента Миклоша Хорти в Варшаву

5–9 февраля 1938 г. Во время переговоров произошел обмен взглядами на международную ситуацию в целом, однако не было принято никаких конкретных решений, касающихся совместных действий, связанных с чехословацкой границей и установления общей границы. Наряду с этим проявились расхождения при обсуждении вопроса о будущем Словакии, и, несмотря на заверения польской стороны об отсутствии к ней территориальных претензий, проблема оставалась нерешенной. Министр Юзеф Бек, хотя и недовольный результатами варшавской встречи, старался потом побудить Будапешт к совместным действиям, прежде всего, в вопросе Руси. Венгерская же сторона выжидала возможности для решения вопросов всех своих территориальных претензий к Чехословакии только в исключительно выгодной международной ситуации при одновременной гарантии через союзников относительно пассивной позиции стран Малой Антанты [17: 323–324; 25: 18–22; 26: 219–223; 34: 56–57, 99–101; 44: 34].

В конце марта 1938 г. в польском МИДе было принято решение передать деятельность С. Фенцика и его партии под политический контроль Будапешта. Министр Ю. Бек считал, что такой жест позволит венграм более эффективно использовать влияние этой группировки на Руси для решения совместных с польской стороной целей [34: 86, 101–102]. Вскоре две конкурировавших до этого между собой партии русофильского лагеря С. Фенцика (РНАП) и А. Бродия (АЗС) создали так называемый Русский блок. Его руководители сотрудничали с парламентариями как русофильского толка – сенатором Эдмундом Бачиньским из аграрной партии, так и украинофильского – депутатом Юлианом Реваем, лидером социал-демократов.

Очередные проявления сотрудничества русинских политиков различной ориентации стали заметны во время визита в регион делегации американского союза русинских эмигрантов во главе с провенгерским деятелем русофильской направленности Алексеем Геровским. В дальнейшем в Ужгороде 29 мая 1938 г. состоялось заседание Первого российско-украинского центрального национального совета. Совет под предводительством А. Бродия, Ю. Ревая и А. Геровского принял резолюцию, в которой подтверждалось стремление оставаться в границах чехословацкого государства, но требовалось незамедлительное проведение выборов в Сойм Подкарпатской Руси и присоединения к ней восточных территорий Словакии, заселенных русинами. Совет также требовал от чехословацких властей исполнения еще нескольких условий, среди которых было назначение в Праге министра по делам Руси. Правительство не выполнило данных требований, но премьер Милан Годжа во время июльских переговоров с русинскими политиками уверил их, что не будет против

проведения выборов в Сойм уже в конце года. Прага в это самое время не могла уделить должное внимание делам ПР, так как была поглощена надвигавшимся кризисом в связи с проблемой судетских немцев [38: 235–236].

Тем временем на Подкарпатской Руси стремительно возрастала активность и влияние группировок украинофильского лагеря. В господствовавшей среди местного населения атмосфере ожидания наступления политических изменений сторонники украинского националистического движения призывали к активному участию в борьбе за самоуправление государства. Пресса националистического направления информировала о намерениях Польши и Венгрии установить общую границу, призывая к решительному отпору намерениям разделить территорию ПР. Следствием радикальных позиций и настроений, господствовавших в той среде, было последующее создание 4 сентября молодыми активистами Организации украинских националистов военизированной организации «Украинская национальная оборона» [34: 102; 38: 236].

Проявления радикализма украинского националистического движения в Подкарпатской Руси не могли не беспокоить польские власти. В поступавшей оттуда в Варшаву информации о политической ситуации и настроениях, а также приготовлениях украинских диверсионных групп усматривали угрозу безопасности польскому государству. Польский посланник в Праге Казимеж Папее в беседе с венгерским коллегой Яношом Веттштейном в мае 1938 г. подчеркивал, что «относительно Руси у Польши есть только негативная заинтересованность, ибо она не желает допустить создания там украинского центра, который угрожал бы её внутреннему спокойствию» [34: 103].

Угроза со стороны украинской ирреденты склонили Варшаву к изменению позиции в отношении будущего Руси. Это стало особенно заметно во время многочисленных польско-венгерских переговоров о политическом и военном сотрудничестве, проходивших в период с мая по сентябрь 1938 г. Польская сторона решительно высказывалась за присоединение Руси к Венгрии, но, несмотря на имевшую ранее место поддержку устремлений автономистов русофильского направления, критиковала венгерские запреты предоставления ей широкой автономии, поскольку была обеспокоена перспективой радикализации украинского национализма на Руси. Варшава отказалась от предыдущей поддержки концепции создания отдельного словацкого государства, министр Ю. Бек отказался также от дальнейших размышлений о возможной аннексии словацкой территории, склонившись к венгерским планам присоединения автономной Словакии к Венгрии. В Будапеште, однако, в течение некоторого времени сомневались,

не имеет ли Польша иных целей или территориальных устремлений в отношении земель, на отчуждение которых претендовали венгры [28: 556, 560–561; 34: 102–104; 41: 48–49; 49: 51–53].

Польская и венгерская стороны стремились к сотрудничеству в военной области, но демонстрировали различные подходы в данном направлении. Это проявилось во время переговоров, которые в конце июня и 8 сентября в Варшаве проводили начальник II отдела Генерального штаба Венгерской армии полковник Режё Андорка с начальником Главного штаба Войска польского бригадным генералом Вацлавом Стахевичем и начальником II отдела полковником Тадеушем Пелчиньским. Венгерский военный ожидал расширения сотрудничества в сфере планирования совместных военных действий, однако польское командование согласилось только на обмен информацией о чехословацких вооруженных силах и рабочие контакты в деле обсуждения актуальных событий, опасаясь утечки важных военных данных, касающихся польской армии, которые могли оказаться у германских военных.

Венгры осторожничали в деле потенциальных военных инициатив против Чехословакии, т. к. опасались спровоцировать вступление в конфликт её союзников, а именно соседних государств Югославии или Румынии, которые выполнили бы в этом случае свои союзнические обязательства по отношению к Чехословакии. Заверения Польши в том, что такое вмешательство в реальности невозможно или крайне маловероятно, не возымели никакого эффекта. Поэтому, когда 16 сентября польское правительство потребовало от Будапешта четкого проявления готовности в вопросе проведения против Чехословакии военной акции, рассматривавшейся польской армией, положительно-го ответа не последовало. Вследствие этого через три дня Варшава приняла решение отказаться от дальнейших переговоров о заключении политического и военного договора, отдав предпочтение разовым соглашениям. Однако польская сторона, по-прежнему обещая венграм помощь в обеспечении внешней безопасности, поощряла венгерских партнеров к совместным действиям, в том числе диверсионные операции на Руси, но без использования польской армии. В качестве примера приводилась специальная польская операция в Тешенской Силезии за р. Ольза [19: 48–100; 21: 152; 34: 105–109].

Стоит напомнить, что Польша в период сентябрьского чехословацкого кризиса, стремясь к аннексии Заользья, сконцентрировала после 21 сентября крупные военные силы на границе с Чехословакией. Кроме того, в ночь с 22 на 23 сентября началась подготовленная заранее польскими разведслужбами детально проработанная диверсионная акция. Проводившиеся там в следующие дни при посредстве боевых

патрулей военные и саботажные действия должны были инициировать повстанческие выступления польского населения в Заользье, которые польские власти намеревались использовать в дипломатической игре в качестве дополнительного аргумента, обосновывавшего требование присоединения этой территории к Польше. Диверсионная акция была прекращена с момента разрешения польско-чехословацкого территориального спора. Правительство Польши, проинформированное о результатах конференции в Мюнхене, немедленно направило 30 сентября в Прагу ультиматум с требованием отторжения Заользья. Чехословацкое правительство 1 октября приняло ультиматум, а на следующей неделе спорная территория была передана Польше [19: 12–13, 16–17; 28: 564–570; 37: 437–511].

Как известно, на конференции в Мюнхене, лидеры Германии, Италии, Франции и Великобритании заключили 29 сентября 1938 г. договор, который позволил Третьему рейху аннексировать часть территории Чехословакии (главным образом Судеты), населенной приблизительно 3 млн немцев. Чехословакия была вынуждена расторгнуть свои союзы. В декларации, дополнявшей мюнхенский документ, утверждалось, что если в течении четырех ближайших месяцев не будут урегулированы вопросы с польским и венгерским меньшинствами посредством соглашения заинтересованных государств, то этот вопрос предполагалось решить на очередной конференции четырех держав. Кроме того, английское и французское правительства декларировали обеспечение международных гарантий для новых границ Чехословакии, а вот после решения дел вышеперечисленных национальных меньшинств были обещаны германские и итальянские гарантии для сократившейся территории чехословацкого государства [20: 51–90; 32: 58–68; 34: 62–65; 42: 164–176; 45: 172–188, 250–252]. Польское правительство собственные претензии на Заользье реализовало при помощи методов свершившихся фактов, демонстрируя независимость своей политики. Открытой оставалась проблема венгерских территориальных и политических требований, причём, если опустить вопрос о временной автономии Словакии в связи с чехословацким государством, актуальным мог быть только вопрос Руси.

Примечания

1. В правописании термина «Тешенская Силезия» (во второй части слова «Тешен» буква «е», а не «и») автор ориентировался на отечественную энциклопедическую и историческую традицию [1: 135–136; 3: 662; 12: 206; 15: 18].

2. Стефан Фенцик – греко-католический священник, профессор ужгородской семинарии, генеральный секретарь Общества им. А. Духновича с момента его основания в 1923 г. После неудачной попытки получить епископскую экзекутуру в Мукачевской епархии в 1930 г. полностью посвятил себя политической деятельности. С. Фенцик был решительным противником украинофильского направления и получал финансовую поддержку из Варшавы на издательскую деятельность. Постоянный замглавы польского МИД Я. Шембек одобрил данный Фенцику псевдоним – «доктор Русинский» [34: 80–81; 38: 216–218].

3. Сторонники С. Фенцика начали создавать РНАП накануне его возвращения из США весной 1935 г. Её программа призывала к немедленному введению полной автономии на Руси от Попрада до реки Тиса. Среди постулатов по национальному вопросу акцент делался на русском характере партии, выдвигалось требование ввести русский язык в образовательные программы и ликвидации чешских начальных школ на Руси. Кроме того, партийные активисты выдвигали лозунг о том, чтобы дать крестьянам больше земли. С момента её основания пражские власти обвиняли её руководство в ведении антигосударственной деятельности из-за его связей с представителями польской дипломатии и русинскими эмигрантскими организациями [44: 22].

4. В течение октября 1934 – марта 1935 г. Фенцик по приглашению русинской эмиграции, насчитывавшей тогда ок. 300 тыс. чел., пребывал с визитом в США. Как следует из записки посланника в Праге Вацлава Гжибовского в варшавский МИД от 22.10.1934 г., польская сторона прилагала усилия использовать данный визит для создания первому алиби в отношении чехословацкого правительства, что, якобы, его журнал издавался за счет присылаемых эмигрантами средств [27: 997–998; 39: 777; 44: 22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Малый энциклопедический словарь. Т. XXXIII. СПб.: Типография АО «Издат. дело» Брок-Ефр., 1901. 478 с.
2. Вегеш М.М., Палінчак М.М. Чехословаччина та Карпатська Україна (1938–1939 рр.): від мюнхенської конференції до «гібридної війни» // Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія: Міжнародні відносини. 2019. Вип. 6. С. 54–69.
3. Всемирная история. Т. V. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1958. 826 с.
4. Закарпаття під Угорщиною. 1938–1944 рр. Нью-Йорк; Чикаго; Ужгород: Карпати-Гражда, 1999. 232 с.

5. *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945. Документальный очерк. М.: Новый хронограф, 2003. 304 с.

6. *Морозов С.В.* Подкарпатская Русь во внешней политике Польши и Чехословакии (1932–1935) // Русин. 2018. Т. 54, вып. 4. С. 251–263.

7. *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. 528 с.

8. *Поп И.И.* Историография истории русин и Подкарпатской Руси // Славяноведение. 2003. № 1. С. 57–72.

9. *Пушкаш А.И.* Цивилизация или варварство: Закарпатье. 1918–1945. М.: Европа, 2006. 557 с.

10. Сен-Жерменский мирный договор / под ред. Ю.В. Ключникова, А. Сабанина. М.: Изд-во Литиздата НКВД, 1925. XX, 176 с.

11. *Суляк С.Г.* И.П. Филевич и Карпатская Русь // Русин. 2021. № 1 (63). С. 81–137.

12. Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 524 с.

13. Трианонский мирный договор / под ред. Ю.В. Ключникова, Андрея Сабанина. М.: Изд-во Литиздата НКВД, 1926. XXVII, 184 с.

14. *Чихорацки П., Домбровски Д.* События 1938–1939 гг. в Подкарпатской Руси и последняя польская попытка осуществления идеи «междуморья» // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2013. № 10. С. 44–58.

15. Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41, ч. VIII. М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1937. 658 с.

16. Archiwum Akt Nowych. Z. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. T. 5458.

17. Archiwum Akt Nowych. Z. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. T. 6597.

18. *Bączkowski W.* Wschód a Polska. Warszawa: Wschód, 1935. 25 s.

19. *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu w 1938 r. Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. Warszawa: Adiutor, 1997. 192 s.

20. *Batowski H.* Zdrada Monachijska. Sprawa Czechosłowacji i dyplomacja europejska w roku 1938. Poznań: Wydawn. Poznańskie, 1973. 329 s.

21. *Beck J.* Ostatni raport. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1987. 238 s.

22. *Bem de Cosban W.* Polsko-węgierska wspólna granica. Zagadnienia dotyczące Słowaczyny i Rusi Podkarpackiej. Cieszyń: [s.n.], 1936. 65 s.

23. *Ciałowicz J.* Polsko-francuski sojusz wojskowy. 1921–1939. W.: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1970. 421 s.

24. *Dąbrowski D.* Rzeczpospolita Polska wobec kwestii Rusi Zakarpackiej (Podkarpackiej) 1938–1939. Toruń: Europejskie Centrum Edukacyjne, 2007. 413 s.

25. Diariusz i teki Jana Szembeka (1935–1945). T. IV. Opracował Józef Zarański. Londyn: Polish Institute and Sikorski Museum, 1972. 805 s.
26. *Gömöri G.* Polska i Węgry między wojnami // *Zeszyty Historyczne*. 1972. Z. 22. S. 219–223.
27. *Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups* / ed. by O. Mandlin. Cambridge, Mass.; London: Belknap Press of Harvard University Press, 1980. XXV, 1076 p.
28. *Historia dyplomacji polskiej*. T. IV. 1918–1939 / red. P. Łossowskiego. Warszawa: Wydaw. Naukowe PWN, 1995. 718 s.
29. *Jarnecki M., Kołakowski P.* «Ukraiński Piemont». Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939. Warszawa: Oficyna Wydawnicza RYT, 2017. 383 s.
30. *Kasperek J.* Przepust Karpacki: Tajna akcja polskiego wywiadu. Warszawa: Wydaw. czasopism i książek techn., 1992. 120 s.
31. *Kovács E.* Stosunki węgiersko-polskie w latach 1919–1921 // *Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej*. 1967. T. 3. S. 151–183.
32. *Kożeński J.* Czechosłowacka jesień 1938. Poznań: Inst. Zachodni, 1989. 163 s.
33. *Koźmiński M.* O stosunkach politycznych polsko-węgierskich w okresie międzywojennym (1918–1939) // *Przyjaźnie i antagonizmy. Stosunki Polski z państwami sąsiednimi w latach 1918–1939* / red. J. Żarnowski. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977. S. 263–303.
34. *Koźmiński M.* Polska i Węgry przed drugą wojną światową (październik 1938–wrzesień 1939). Z dziejów dyplomacji i irredenty. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1970. 369 s.
35. *Kredátus J.* Druhá Rzeczpospolita a Podkarpatská Rus v rokoch 1933–1939. Prešov: Vydavateľstvo Rokus, 2011. 153 s.
36. *Kupliński J.* Polskie działania dywersyjne na Ukrainie Zakarpackiej w 1938 r. // *Wojskowy Przegląd Historyczny*. 1996. № 4. S. 65–83.
37. *Landau Z., Tomaszewski J.* Monachium 1938. Polskie dokumenty dyplomatyczne. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1985. 586 s.
38. *Magocsi P.R.* The Shaping of a National Identity Subcarpathian Rus'. 1848–1948. Cambridge: Harvard University Press, 1978. XIII, 640 p.
39. *Masarykův Slovník Naučný. Lidová Encyklopedie Všeobecných Vědomostí*. T. V. Praha: Československý Kompas, 1931. 2328 s.
40. *Niebezpieczeństwo korytarza czesko-rosyjskiego. Konieczność granicy polsko-węgierskiej. Co mówi o tem prasa polska*. Warszawa: Księgarnia E. Wende i S-ki, 1920. 178 s.
41. *Orlof E.* Dyplomacja polska wobec sprawy słowackiej w latach 1938–1939. Kraków: Wydawn. Literackie, 1980. 214 s.
42. *Piawski K.* Monachium 1938. Polityka rządów Anglii i Francji wobec faszystowskich Niemiec. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1952. 230 s.

43. Rychlík J., Rychlíková M. Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946. Praha: Albatros Media, 2016. 238 s.
44. Samuś P., Badziak K., Matwiejew G. Akcja «Łom». Polskie działania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. Warszawa: Adiutor, 1998. 327 s.
45. Stanisławska S. Polska a Monachium. Warszawa: Książka i Wiedza, 1967. 467 s.
46. Studnicki W. Kwestia Czechosłowacji a racja stanu Polski. Wyd. II. Warszawa: [s.n.], 1938. 97 s.
47. Studnicki W. System polityczny Europy a Polska. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1935. 323 s.
48. Szklarska-Lohmanowa A. Polsko-czechosłowackie stosunki dyplomatyczne w latach 1918–1925. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1967. 180 s.
49. Tomaszewski J. Polska wobec Czechosłowacji w 1938 r. // Przegląd Historyczny. 1996. Z. 1. S. 43–59.
50. Worcell S. Polska a Węgry. Warszawa: Księgarnia E. Wende i S-ki, 1920. 36 s.
51. Zawadowski Z. Ruś Podkarpacka i jej stanowisko prawnopolityczne. Warszawa: Zakłady graficzne Straszewiczów, 1931. 79 s.
52. Zdziechowski M. Węgry i dookoła Węgier. Szkice polityczno-literackie. Wilno: Towarzystwo Wydawnicze «Pogoń», 1933. 320 s.
53. Zdziechowski M. Węgry i Polska na przełomie historii. Wilno : [s.n.], 1937. 39 s.

REFERENCES

1. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (1901) *Malyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Small Encyclopedic Dictionary]. Vol. XXXIII. St. Petersburg: Izdat. delo Brok.-Efr.
2. Vegesh, M.M. & Palinchak, M.M. (2019) Chekhoslovachchina ta Karpats'ka Ukraïna (1938–1939 rr.): vid myunhens'koï konferencii do "gibridnoi vijnii" [Czechoslovakia and Carpathian Ukraine (1938–1939): from the Munich Conference to the "hybrid war"]. *Naukoviy visnik Uzhgorods'kogo natsional'nogo universitetu. Seriya "Mizhnarodni vidnosini."* 6. pp. 54–69.
3. Zhukov, E.M. (ed.) (1958) *Vsemirnaya istoriya* [The World History]. Vol. V. Moscow: Izd-vo soc.ekon. lit-ry.
4. Markus, V. & Khudanich, V. (eds) (1999) *Zakarpattya pid Ugorshchinoyu. 1938–1944 rr.* [Transcarpathia near Hungary. 1938–1944]. New York; Chicago; Uzhhorod: Karpaty- Grazhda.
5. Marina, V.V. (2003) *Zakarpatskaya Ukraina (Podkarpatskaya Rus') v politike Benesha i Stalina. 1939–1945. Dokumental'nyy ocherk* [Transcarpathian Ukraine (Subcarpathian Rus) in the policies of Beneš and Stalin. 1939–1945. A documentary essay]. Moscow: Novyy khronograf.

6. Morozov, S.V. (2018) Subcarpathian Rus in the foreign policy of Poland and Czechoslovakia (1932–1935). *Rusin*. 4(54). pp. 251–263 (in Russian). DOI: 13.17223/18572685/54/14

7. Morozov, S.V. (2004) *Pol'sko-chechoslovatskie otnosheniya. 1933–1939. Chto skryvalos' za politikoy "ravnodalennosti" ministra Yu. Beka* [Polish-Czechoslovak relations. 1933–1939. What was hidden behind the policy of "equidistance" of Minister J. Beck]. Moscow: Moscow State Lomonosov University.

8. Pop, I.I. (2003) Istoriografiya istorii rusin i Podkarpatskoy Rusi [Historiography of the history of Rusyns and Subcarpathian Ruthenia]. *Slavyanovedenie*. 1. pp. 57–72.

9. Pushkash, A.I. (2006) *Tsivilizatsiya ili varvarstvo: Zakarpat'e. 1918–1945* [Civilization or barbarism: Transcarpathia. 1918–1945]. Moscow: Evropa.

10. Klyuchnikov, Yu.V. & Sabanin, A. (eds) (1925) *Sen-Zhermenskiy mirnyy dogovor* [Treaty of Saint Germain]. Moscow: Litizdat NKID.

11. Sulyak, S.G. (2021) I.P. Filevich and Carpathian Rus. Part 2. Carpathian Rus in I.P. Filevich's scholarly heritage. *Rusin*. 1(63). pp. 81–137 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/63/6

12. Zhukov, E.M. (ed.) (1973) *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia]. Vol. 14. Moscow: Sov. enciklopediya.

13. Klyuchnikov, Yu.V. & Sabanin, A. (eds) (1926) *Trianonskiy mirnyy dogovor* [Trianon Peace Treaty]. Moscow: Litizdat NKID.

14. Cichoracki, P. & Dąbrowski, D. (2013) Sobytiya 1938–1939 gg. v Podkarpatskoy Rusi i poslednyaya pol'skaya popytka osushchestvleniya idei "mezhdumor'ya" [Events of 1938–1939 in Subcarpathian Rus and the last Polish attempt to implement the idea of "intermarium"]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveyshego vremeni. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet*. 10. pp. 44–58.

15. Granat, A.N. et al (eds) (1927) *Entsiklopedicheskiy slovar' Granat* [The Granat Encyclopedic Dictionary]. Vol. 41(8). Moscow: Rus. bibliogr. in-t Granat.

16. Archiwum Akt Nowych. Fund. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Vol. 5458.

17. Archiwum Akt Nowych. Fund. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Vol. 6597.

18. Bączkowski, W. (1935) *Wschód a Polska*. Warsaw: Wschód.

19. Badziak, K., Matwiejew, G. & Samuś, P. (1997) "Powstanie" na Zaolziu w 1938 r. *Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP*. Warsaw: Adiutor.

20. Batowski, H. (1973) *Zdrada Monachijska. Sprawa Czechosłowacji i dyplomacja europejska w roku 1938*. Poznań: Wydawn. Poznańskie.

21. Beck, J. (1987) *Ostatni raport*. Warsaw: Państwowy Instytut Wydawniczy.

22. Bem de Cosban, W. (1936) *Polsko-węgierska wspólna granica. Zagadnienia dotyczące Słowaczczyny i Rusi Podkarpackiej*. Cieszyn: [s.n.].

23. Ciałowicz, J. (1970) *Polsko-francuski sojusz wojskowy. 1921–1939*. Warsaw: Państwowe Wydawn. Naukowe.
24. Dąbrowski, D. (2007) *Rzeczpospolita Polska wobec kwestii Rusi Zakarpackiej (Podkarpackiej) 1938–1939*. Toruń: Europejskie Centrum Edukacyjne.
25. Zarański, J. (ed.) (1972) *Diariusz i teki Jana Szembeka (1935–1945)*. Vol. IV. Londyn: Polish Institute and Sikorski Museum.
26. Gőmöri, G. (1972) Polska i Węgry między wojnami. *Zeszyty Historyczne*. 22. pp. 219–223.
27. Mandlin, O. (1980) *Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups*. Cambridge, Mass.; London: Belknap Press of Harvard University Press.
28. Łossowsky, P. (ed.) (1995) *Historia dyplomacji polskiej*. Vol. IV. Warsaw: Wydaw. Naukowe PWN.
29. Jarnecki, M. & Kołakowski, P. (2017) “Ukraiński Piemont”. *Rus Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939*. Warsaw: Oficyna Wydawnicza RYTM.
30. Kasperek, J. (1992) *Przepust Karpacki: Tajna akcja polskiego wywiadu*. Warsaw: Wydaw. czasopism i książek techn.
31. Kovács, E. (1967) Stosunki węgiersko-polskie w latach 1919–1921. *Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej*. 3. pp. 151–183.
32. Kozeński, J. (1989) *Czechosłowacka jesień 1938*. Poznań: Instytut Zachodni.
33. Koźmiński, M. (1977) O stosunkach politycznych polsko-węgierskich w okresie międzywojennym (1918–1939). In: Żarnowski, J. (ed.) *Przyjaźnie i antagonizmy. Stosunki Polski z państwami sąsiednimi w latach 1918–1939*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. pp. 263–303.
21. Koźmiński, M. (1970) *Polska i Węgry przed drugą wojną światową (październik 1938–wrzesień 1939). Z dziejów dyplomacji i irredenty*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
35. Kredátus, J. (2011) *Druhá Rzeczpospolita a Podkarpatská Rus v rokoch 1933–1939*. Prešov: Vydavateľstvo Rokus.
36. Kupliński, J. (1996) Polskie działania dywersyjne na Ukrainie Zakarpackiej w 1938 r. *Wojskowy Przegląd Historyczny*. 4. pp. 65–83.
37. Landau, Z. & Tomaszewski, J. (1985) *Monachium 1938. Polskie dokumenty dyplomatyczne*. Warsaw: Państwowe Wydawn. Naukowe.
38. Magocsi, P.R. (1978) *The Shaping of a National Identity Subcarpathian Rus'. 1848–1948*. Cambridge: Harvard University Press.
39. Tobolka, Z. (ed.) (1931) *Masarykův Slovník Naučný. Lidova Encyklopedie Všeobecných Vedomostí*. Vol. V. Praha: Československý Kompas.
40. Anon. (1920) *Niebezpieczeństwo korytarza czesko-rosyjskiego. Konieczność granicy polsko-węgierskiej. Co mówi o tem prasa polska*. Warsaw: Księgarnia E. Wende i S-ki.
41. Orlof, E. (1980) *Dyplomacja polska wobec sprawy słowackiej w latach 1938–1939*. Kraków: Wydawn. Literackie.

42. Piwarski, K. (1952) *Monachium 1938. Polityka rządów Anglii i Francji wobec faszystowskich Niemiec*. Warsaw: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza.
43. Rychlík, J. & Rychlíková, M. (2016) *Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946*. Praha: Albatros Media.
44. Samuś, P., Badziak, K. & Matwiejew, G. (1998) *Akcja "Łom." Polskie działania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP*. Warsaw: Adiutor.
45. Stanisławska, S. (1967) *Polska a Monachium*. Warsaw: Książka i Wiedza.
46. Studnicki, W. (1938) *Kwestia Czechosłowacji a racja stanu Polski*. Wyd. II. Warsaw: [s.n.].
47. Studnicki, W. (1935) *System polityczny Europy a Polska*. Warsaw: Gebethner i Wolff.
48. Szklarska-Lohmanowa, A. (1967) *Polsko-czechosłowackie stosunki dyplomatyczne w latach 1918–1925*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
49. Tomaszewski, J. (1996) *Polska wobec Czechosłowacji w 1938 r. Przegląd Historyczny*. 1. pp. 43–59.
50. Worcell, S. (1920) *Polska a Węgry*. Warsaw: Księgarnia E. Wende i S-ki.
51. Zawadowski, Z. (1931) *Ruś Podkarpacka i jej stanowisko prawnopolityczne*. Warsaw: Zakłady graficzne Straszewiczów.
52. Zdziechowski, M. (1933) *Węgry i dookoła Węgier. Szkice polityczno-literackie*. Wilno: Towarzystwo Wydawnicze "Pogoń".
53. Zdziechowski, M. (1937) *Węgry i Polska na przełomie historii*. Wilno: [s.n.].

Морозов Станислав Вацлавович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия)

Stanislav V. Morozov – Belgorod State University (Russia).

E-mail: roland60@mail.ru.

УДК 271.2-054(478)"1940-1950"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/74/12

Этнический и социальный состав церковного актива Кишинёвско-Молдавской епархии во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. (на примере приходов районных центров)

В.А. Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

E-mail: sodo_slv@mail.ru

Авторское резюме

Затрагиваются вопросы этнической и социальной принадлежности верующих-мирян, представителей т. н. церковного актива – церковных «двадцаток», церковных советов и ревизионных комиссий, поскольку ранее они в научной литературе специально не изучались. На основе списков церковных «двадцаток», анкет членов церковных советов и ревизионных комиссий были выявлены 508 участников этих приходских органов, что позволило дать объективную картину этнического и социального состава страты общества Молдавии, являвшейся социальной опорой православной церкви в крае. Национальный состав церковного актива приходских общин городов и сел республики соответствовал исторически сложившейся полиэтнической структуре общества и включал представителей молдавской нации (57,3 %), русских (20,6 %), украинцев (20,8 %), единичных представителей гагаузов, венгров и поляков. Участники приходских религиозных организаций представляли основные категории населения республики (крестьян, рабочих, служащих, духовенства) при преобладании выходцев из крестьян (69,5 %). Большинство церковных активистов были зрелыми (36,3 %) и пожилыми (36,5 %) людьми с богатым жизненным опытом и устоявшимся мировоззрением. Подавляющее большинство членов этих организаций были мужчинами (75 %). В основном участники церковного актива были грамотными людьми (89,9 %), однако уровень их образованности нельзя назвать высоким (малограмотные и с начальным образованием (1–2 класса) составляли 79 %), что подтверждает тезис советских исследователей об обратной зависимости между уровнем образования и религиозности у верующих.

Ключевые слова: Кишинёвско-Молдавская епархия, Молдавская ССР, церковная «двадцатка», церковный совет, ревизионная комиссия, молдаване, русские, украинцы

The ethnic and social composition of the church activists of the Chisinau-Moldavian diocese in the second half of the 1940s – early 1950s (a case study of parishes in regional centers)

Veacheslav A. Sodal

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 October 25th str., Tiraspol, Transnistria, Moldova
E-mail: sodal_slv@mail.ru

Abstract

The article examines the ethnic and social identity of lay believers, representatives of the so-called church activists – church “twenties”, church councils, and audit commissions. Based on the lists of church “twenties”, records of members of parish councils and parish audit commissions, the author identifies 508 parish activists, which provides an objective picture of the ethnic and social composition of this Moldovan social stratum that supported the Orthodox Church in the region. The national composition of the urban and rural parish communities of Moldavian USSR corresponded to the historically established multiethnic structure of society. The church’s activists were Moldovans (57.3%), Russians (20.6%), Ukrainians (20.8%), single representatives of the Gagauz, Hungarians, and Poles. The participants of parish religious bodies represented the main categories of the population of the republic (peasants, workers, employees, clergy), with a predominance of people from peasant backgrounds (69.5%). The majority of church activists were mature (36.3%) and elderly (36.5%) people, with rich life experience and an established worldview. The vast majority of the members of these bodies were men (75%). The overwhelming majority of church activists were literate people (89.9%), but their level of education cannot be called high (illiterates and those with primary education (grades 1–2) accounted for 79%)), which confirms the thesis of Soviet researchers about the inverse relationship between the level of education and religiosity among believers..

Keywords: Chisinau-Moldavian diocese, Moldavian SSR, church “twenty”, church council, audit commission, Moldovans, Russians, Ukrainians

Одним из активно развивающихся направлений современной историографии Республики Молдова, изучающей историю края советского

периода, является церковно-историческое [30]. Исследователи, осуществляющие научный поиск в рамках данного направления, особое внимание уделяют характеристике взаимоотношений, складывавшихся между духовенством и верующими, с одной стороны, и советскими властями – с другой. При этом отдельные авторы при характеристике затрагиваемых проблем пытаются ввести национальный фактор в канву своих повествований. В частности, Л. Тихонова при характеристике ряда антицерковных действий советских властей утверждает, что их мотивами были в том числе этнические: «...для воспрепятствования сохранению румынской духовности в лоне духовенства и его влияния на население... имея цель “очищение” святых обителей от любого румынского влияния, которое могло создать трудности для советского режима... [монастыри] представляли мощные очаги языкового и национального сознания румын политике денационализации и русификации» [38: 44, 54]. В соответствии с этим у читателей целенаправленно создается представление о якобы мононациональном составе духовенства Кишинёвско-Молдавской епархии.

Примечательно, что специальных исследований, посвященных выявлению этнических и иных социальных характеристик состава духовенства и паствы епархии, за редким исключением, фактически не проводилось. Отчасти это объясняется тем, что данные о численности населения республики в 1944 г. отсутствуют, а первая послевоенная перепись в стране была проведена лишь в 1959 г. [2: 42]. Тем не менее в распоряжении исследователей и прежде всего тех, кто работает в русле государственно-церковных отношений, есть надежный источник таких данных – это списки монашествующих, анкеты священнослужителей, членов приходских церковных советов и ревизионных комиссий, составлявшиеся по каждому монастырю и по каждому приходскому храму и хранящиеся в фонде 3046 Уполномоченного Совета по делам РПЦ по Молдавской ССР в Национальном архиве Республики Молдова, а также в текущем архиве Молдавской митрополии. Некоторая часть этих источников уже введена в научный оборот. Используя обширный статистический материал списков монашествующих, был охарактеризован этнический и социальный состав православных монастырей Кишинёвско-Молдавской епархии периода 1944–1953 гг. [31]. На основе анкет священнослужителей и журнала регистрации духовенства был представлен этнический и социальный состав духовенства приднестровских приходов епархии в первое послевоенное десятилетие [32].

В то же время вопросы этнической и социальной принадлежности верующих-мирян, в частности представителей т. н. церковного актива – церковных «двадцаток», церковных советов и ревизионных

комиссий, – в научной литературе лишь спорадически затрагивались некоторыми исследователями. Так, Т.И. Царан охарактеризовала возрастной и этнический состав, а также образовательный уровень членов «двадцатки» Свято-Николаевского собора г. Тирасполя [34: 71]. Она же представила сведения о половой принадлежности и возрастном составе членов «двадцаток» ряда сёл Рыбницкого района, а именно: сёл Выхватинцы, Гидирим, Большой Молокиш, Ержово, придя к выводу, что «утверждение о преобладании среди верующих женщин (и, в основном, преклонного возраста) не в полной мере соответствует действительности, по крайней мере в отношении женщин, входивших в члены “двадцаток”» [35: 41–42]. Таким образом, есть потребность не только в создании социального «портрета» активного верующего-мирянина, но и в этнической характеристике мирян – церковных активистов.

В состав церковного актива включают лиц, входивших в общественные органы, действовавшие в приходских общинах: «двадцатку», церковный совет и ревизионную комиссию. Согласно Положению об управлении РПЦ (1945 г.) православная приходская община в лице группы верующих (не менее 20 человек) по особому договору получала в «бесплатное пользование» храм и церковную утварь от местной гражданской власти. За хранение и использование полученного церковного имущества перед гражданской властью отвечали настоятель храма и церковный совет (исполнительный орган в составе трех человек – церковного старосты, его помощника и казначея). Церковный совет избирался общим приходским собранием или группой верующих, получающих в бесплатное пользование храм, из своей среды. Председателем церковного совета являлся настоятель храма. Ревизионную комиссию также в составе трех человек избирало общее приходское собрание [29: 245].

Важным источником интересующих нас сведений являются списки членов церковной общины, «двадцатки», которые от имени всей общины подписывали договор о передаче имущества церкви и самого здания храма в бесплатное пользование верующим и несли за него ответственность. В них указывались личные данные членов «двадцатки»: фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность, образование, место работы, судимость (или ее отсутствие), домашний адрес [33: 45]. В ряде списков указывалось также социальное происхождение и место рождения. По требованию параграфов 1 и 2 Инструкции Совета по делам РПЦ для уполномоченных сообщаемые сведения о членах «двадцатки» подлежали проверке, и в случае отсутствия «сведений о личности заявителей, их возрасте, роде занятий и местожительстве» подлежали возвращению заявителям [3: 2].

Согласно параграфу 4 этой инструкции в анкетах членов церковного совета и ревизионной комиссии должны были быть указаны: а) фамилия, имя, отчество; б) год и месяц рождения; в) местожитительство; г) занимаемая должность и место работы; д) находился ли на оккупированной территории и чем занимался; е) судимость [29: 246]. Также в них анкетированные сообщали о себе сведения о национальной принадлежности, социальном происхождении, образовании и специальности, выполняемой в храме работе и сроке службы в церкви, о прохождении (или непрохождении) воинской службы, наградах [33: 45].

Таким образом, содержащиеся в указанных источниках сведения позволяют дать объективную картину этнического и социального состава очень важной страты общества Молдавии, являвшейся социальной опорой православной церкви в крае.

Объектом анализа настоящего исследования стали вышеупомянутые документы церковных приходов Кишинёвско-Молдавской епархии, действовавших в 24 населенных пунктах республики: 12 городах (Бельцы [5], Бендеры [7], Дубоссары [8], Кагул [9], Кишинёв [6], Котовск [10], Леово [23], Оргеев [11], Рыбница [12], Тирасполь [13], Унгены [14], Фалешты [15]) и 12 селах (уездных и районных центрах: Атаки [16], Братушаны [17], Бричаны [18], Вертужаны [19], Григориополь [20], Дрокия [21], Комрат [22], Окница [24; 25], Рышканы [26], Слободзея [27], Флорешты [28]), фиксирующие 508 участников церковного актива.

Национальный состав. Отмеченные источники содержат сведения о национальности всех 508 членов «двадцаток», церковных советов и ревизионных комиссий. Данные о национальности участников церковного актива представлены в табл. 1 (по городским приходам) и табл. 2 (по сельским приходам).

Т а б л и ц а 1

Этнический состав церковного актива городских приходов Кишинёвской епархии

№ п/п	Название города	Название храма	Национальность			
			молдаване	русские	украинцы	венгры
1	Бельцы	Св. Константина и Елены	6	13	2	–
2	Бендеры	Св. блгв. кн. Александра Невского	–	4	1	–
3	Дубоссары	Всех святых	16	4	1	–
4	Кагул	Св. Архангела Михаила	4	–	2	–
5	Кишинёв	Кафедральный собор Рождества Христова	8	18	3	1
6	Котовск	Св. Архангела Михаила	28	1	–	–

7	Леово	Св. прп. Параскевы Сербской	5	–	–	–
8	Оргеев	Свт. Николая Чудотворца	22	–	–	–
9	Рыбница	Св. Архангела Михаила	18	1	14	–
10	Тирасполь	Свт. Николая Чудотворца	1	19	3	–
11	Унгены	Св. блгв. кн. Александра Невского	17	4	4	–
12	Фалешты	Свт. Николая Чудотворца	21	–	–	–
Всего			146	64	30	1

Таблица 2

Этнический состав церковного актива сельских приходов Кишинёвской епархии

№ п/п	Название населенного пункта	Название храма	Национальность				
			Молдаване	Русские	Украинцы	Гагаузы	Поляки
1	Атаки	Св. Архангела Михаила	–	–	6	–	–
2	Братушаны	Св. ап. Петра и Павла	–	–	20	–	–
3	Бричаны	Покрова Пресвятой Богородицы	8	–	27	–	–
4	Вертужаны	Покрова Пресвятой Богородицы	19	–	1	–	–
5	Григориополь	Вознесения Господня	17	1	1	–	–
6	Дрокия	Рождества Пресвятой Богородицы	11	4	4	–	1
7	Комрат	Иоанна Крестителя	1	1	–	4	–
8	Окница	Св. вмч. Георгия Победоносца	13	11	17		
9	Окница	Св. Архангела Михаила	29	–	–	–	–
10	Рышканы	Успения Пресвятой Богородицы	16	6	–	–	–
11	Слободзея	Успения Пресвятой Богородицы	–	18	–	–	–
12	Флорешты	Свт. Митрофана	26	–	–	–	–
Всего			145	41	76	4	1

Как видно, в указанных органах были представители шести национальностей – молдаване, русские, украинцы, гагаузы, венгры и поляки. Подавляющее большинство (98,7 %) составляли молдаване, русские и украинцы. Доля молдаван в церковных органах была на-

ибольшей – 57,3 %, почти равнозначно были представлены русские (20,6 %) и украинцы (20,8 %). При этом молдаване составляли около 2/3 церковного актива как в городах (60,5 %), так и в сельской местности (54,3 %). Среди русских и украинцев в городах преобладали русские (26,5 %), а в сельских приходах – украинцы (28,4 %).

Документы зафиксировали единичных представителей таких национальностей, как венгры, поляки, гагаузы. Если в случае с венграми и поляками это вполне объяснимо (для них традиционной религией является католичество), то выявленная ситуация с гагаузами объясняется вероятно, прежде всего, тем, что в деле церкви Иоанна Крестителя г. Комрата (в городе накануне войны они составляли 79 % жителей [36: 203]), привлеченном к настоящему исследованию, отсутствует список «двадцатки», в связи с чем были использованы анкеты членов церковного совета и ревизионной комиссии, значительно более малочисленных по количеству участников.

Выявленный этнический состав членов церковного актива в целом соответствует полиэтнической структуре общества, установленной в результате проведенной в августе 1941 г. оккупационными румынскими властями в созданном ими губернаторстве «Бессарабия» переписи, которая зафиксировала следующий национальный состав края: молдаване – 68,7 %, украинцы – 11,0 %, болгары – 7,5 %, русские – 6,6 %, гагаузы – 4,9 %, другие национальности – 1,3 % [2: 41].

Социальное происхождение. Данные о социальном происхождении членов приходских организаций представлены в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Социальное происхождение членов церковного актива приходов Кишинёвской епархии

№ п/п	Социальное происхождение	Церковные общины				Всего
		городские		сельские		
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	
1	Крестьяне	99	24	168	24	315
2	Рабочие	27	17	1	–	45
3	Служащие	10	5	6	–	21
4	Духовенство	4	1	–	–	5
5	Иное	8	16	16	27	67

В выявленных и обработанных исторических источниках сведения о социальном происхождении участников церковного актива православных приходов содержались лишь в отношении 453 человек из 508. Кроме того, данная графа списков и анкет, как было обнаружено

в ходе их обработки, отличалась наибольшим разнообразием зафиксированных терминов (для горожан – 13, для сельчан – 11). Исходя из этого, по социальному происхождению участники церковного актива были распределены по четырем группам: 1) крестьяне (к ним отнесены лица, зафиксированные в списках и анкетах как «крестьянин», «единоличник», «единоличник-бедняк», «единоличник-середняк», «колхозник», «бедняк», «середняк», «кулак»); 2) рабочие (упомянутые в документах как «рабочий», «столяр»); 3) служащие (отмечены в документах как «служащий», «мещанин»); 4) духовенство (записаны в документах как «священник», «псаломщик»). В отношении 67 участников церковного актива определить социальное происхождение по сведениям списков и анкет не представлялось возможным, поскольку их социальное происхождение было зафиксировано в документах как «домохозяйка», «пенсионер», «иждивенец».

Тем не менее, по имеющимся сведениям, большинство участников церковного актива были выходцами из крестьян (69,5 %), служащие составляли 4,6 %, представители духовенства – 1,1 %. Из рабочей среды насчитывалось лишь 0,2 % членов приходских органов. В разрезе населенных пунктов обнаружили такие данные: большинство членов церковного актива составляли выходцы из крестьян как на селе (79,3 %), так и в городах (58,2 %). На наш взгляд, это объясняется как минимум тремя обстоятельствами: во-первых, в послевоенные годы в Молдавии активизировался процесс урбанизации, население городов пополнялось за счет переселенцев из сел (по данным Центрального статистического управления при Совете министров Молдавской ССР, если в 1950 г. сельское население в республике составляло 83 %, а городское – 17 %, в 1959 г. – уже соответственно 78 и 22 % [4 : 7]); во-вторых, прихожанами городских храмов были и жители городских предместий (например «Магала», «Большой Фонтан» в Дубоссарах); в-третьих, многие города Пруто-Днестровского междуречья имели яркий аграрный характер (например, накануне войны 83 % населения г. Комрата было занято исключительно сельским хозяйством [36: 203]).

Доля рабочих и служащих среди участников церковного актива городских приходов была заметно выше, чем сельских, – соответственно 20,8 и 7,1 % против 0,4 и 2,4 %. Представители духовенства были зафиксированы лишь в городских приходских общинах.

Возраст. Выявленные источники зафиксировали сведения о возрасте 506 из 508 участников церковного актива, которые для удобства были сгруппированы по следующим возрастным группам: старше 60 лет, от 41 года до 60 лет, от 18 до 40 лет, младше 18 лет. Данные о возрасте членов приходских организаций представлены в табл. 4.

Т а б л и ц а 4

Возраст членов церковного актива приходов Кишинёвской епархии

№ п/п	Религиозные общины	Возрастные группы						
		старше 60 лет		от 41 до 60 лет		от 18 до 40 лет		до 18 лет
		Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
1	Городские	72	14	58	29	39	29	–
2	Сельские	72	27	78	19	60	8	1
Всего		144	41	136	48	99	37	1

Как видно, участниками церковного актива православных верующих Молдавии являлись преимущественно достаточно возрастные лица: 72,8 % составляли лица старше 40 лет, т.е. родившиеся в конце XIX – начале XX в. и получившие начальное образование (как известно, определявшееся и контролировавшееся церковью) еще в Российской империи. При этом доля участников церковного актива старше 60 лет и в возрасте от 41 года до 60 лет была почти одинаковой: 36,5 и 36,3 % соответственно. 26,8 % церковных активистов составляли лица в возрасте от 18 до 40 лет. Единственный несовершеннолетний участник церковной «двадцатки» (вопреки действовавшему законодательству) был включен в соответствующий список приходской общины Успенского храма с. Слободзея.

Около 75 % церковных активистов были представлены мужчинами, тем самым на более обширном материале подтверждается вывод, отмеченный ранее Т.И. Царан.

Образование. Сведения о полученном образовании или отсутствии такового зафиксированы в отношении 502 участников церковного актива из 508 и представлены в табл. 5.

Как и в случае с социальным происхождением членов приходских организаций, в привлеченных источниках зафиксировано достаточно большое число терминов, характеризующих образовательный уровень каждого из них. В связи с этим они были распределены по пяти группам: 1) неграмотные (к ним отнесены лица, так и отмеченные в документах); 2) малограмотные (зафиксированы в источниках как «малограмотный», «самоучка», имеющие образование «низшее», «домашнее», учившиеся или окончившие «уездное училище», «1 класс», «2 класса», «народную школу», «вечерние курсы», «школу псаломщиков»); 3) с начальным образованием (к ним отнесены закончившие 3, 4 или 5 классов учебных заведений); 4) со средним образованием (т.е. окончившие 6, 7, 8 классов, «спецтехникум», «прогимназию», «реальное училище», «духовную семинарию» или же имеющие запись «неоконченное среднее»); 5) с высшим образованием (имеющие записи «высшее», «высшее образование».)

Таблица 5

Образование членов церковного актива приходов Кишинёвской епархии

№ п/п	Образование	Церковные общины				Всего
		городские		сельские		
		Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
1	Высшее	–	–	3	–	3
2	Среднее	27	14	11	3	55
3	Начальное	42	18	86	17	163
4	Малограмотные	87	33	87	27	234
5	Неграмотные	13	7	22	5	47

Подавляющее большинство участников церковного актива были грамотными людьми (89,9 %), однако нельзя сказать, чтобы это были люди образованные – малограмотные и с начальным образованием (1–2 класса) составляли 79 %. Лица со средним образованием составляли 10,9 %, а на долю участников приходских организаций с высшим образованием приходилось всего 0,8 %. Довольно значительное место среди участников церковного актива составляли неграмотные – 9,3 %. Как отмечали многочисленные исследователи религиозности еще в советские годы, «культурная отсталость... в значительной мере способствует сохранению религиозных пережитков. Не случайно повышенная религиозность имеет место именно в среде людей с низким уровнем образования, стоящих в стороне от культурной жизни, интересы которых замкнуты в узком собственном мирке» [37: 14]. На этот факт впоследствии указывали в качестве аргумента в ходе антирелигиозной пропаганды и антицерковных кампаний: «...старшие поколения правобережной части республики росли в условиях боярско-румынской оккупации, в условиях бескультурия и невежества, а следовательно, при отсутствии возможностей для просвещения... Именно среди людей с низким образовательным уровнем наиболее велик процент верующих» [1: 80–81].

Доля неграмотных и в городских организациях, и в сельских была почти одинаковой – 8,3 и 9,3 % соответственно. Разница в соотношении малограмотных в городах и в сельских приходах также была незначительной – 49,8 и 43,6 % соответственно. Несколько более значительным был разрыв в группе лиц, имевших начальное образование: в городе – 24,9 %, а на селе – 39,4 %. Примечательно, что все участники церковных органов с высшим образованием проживали не в городах, а в районных центрах – Бричанах и Окнице. Иным было соотношение между получившими среднее образование: доля с таковым в городских организациях составляла 17 %, а в сельских – 5,3 %. Последнее обстоятельство, вероятно, объясняется тем, что,

исходя из возраста участников церковного актива, образование они получали, как отмечалось ранее, еще в период существования Российской империи. А в рамках ее образовательной системы средние образовательные учреждения строились и функционировали лишь в городах, поэтому возможности получить среднее образование для сельских жителей были существенно ограничены.

Анализ уровня образованности участников приходских церковных организаций в разрезе их половой принадлежности выявил следующее. Доля неграмотных и среди женщин, и среди мужчин была примерно одинаковой – 9,6 и 9,2 % соответственно. Среди лиц малограмотных и со средним образованием незначительно преобладали женщины – 48,3 и 13,7 % против соответственно 46 и 10 % у мужчин. Среди членов церковного актива с начальным образованием преобладали мужчины – 33,8 против 28,2 % у женщин. С высшим образованием были только мужчины (два уроженца Бричан, третий – приезжий из г. Тверь).

Таким образом, из всего вышесказанного следует, что национальный состав церковного актива приходских общин городов и сел республики соответствовал исторически сложившейся в крае полиэтнической структуре общества. Участники приходских религиозных организаций представляли основные категории населения республики при закономерном преобладании выходцев из крестьян. Большинство церковных активистов были зрелыми и пожилыми людьми, с богатым жизненным опытом и сформировавшимся мировоззрением. Подавляющее большинство членов этих организаций, вопреки устоявшемуся мнению, были мужчинами. В основном участники церковного актива были грамотными людьми, однако уровень их образованности нельзя назвать высоким, что служит подтверждением тезиса советских исследователей об обратной зависимости между уровнем образования и религиозности у верующих.

Приведенные сведения фактически являются одной из первых попыток систематизации материала, содержащегося в списках «двадцаток», анкетах членов церковных советов и ревизионных комиссий православных приходов Кишинёвско-Молдавской епархии, поэтому необходимо продолжить научную разработку данных исторических источников как за счёт увеличения количества подлежащих анализу приходских общин, так и путем расширения числа показателей из привлекаемых источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабий А.И., Гольденберг М.А., Табакару Д.Н. Преодоление религии и утверждение атеизма в Молдавской ССР. Кишинёв: Штиинца, 1983. 196 с.

2. Зеленчук В.С. Население Молдавии (демографические процессы и этнический состав). Кишинёв: Штиинца, 1973. 64 с.
3. Инструкция Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР для уполномоченных Совета при СНК союзных и автономных республик, областных (краевых) исполкомах. М., 1945. 20 с.
4. Народное хозяйство Молдавской ССР. 1974. Статистический сборник. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1976. 304 с.
5. Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 3046. Оп. 2. Д. 2. Регистрационное дело на Константино-Елененский собор г. Бельцы.
6. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 4. Регистрационное дело на Кафедральный собор г. Кишинёва.
7. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 8. Регистрационное дело на Александро-Невскую церковь г. Бендеры.
8. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 9. Регистрационное дело на русскую православную церковь г. Дубоссары.
9. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 10. Регистрационное дело на Михайловскую церковь г. Кагула.
10. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 11. Регистрационное дело на русскую православную церковь г. Котовска.
11. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 12. Регистрационное дело на русскую православную церковь г. Оргеева.
12. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 13. Регистрационное дело на русскую православную церковь г. Рыбница.
13. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 14. Регистрационное дело на русскую православную церковь г. Тирасполь.
14. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 15. Регистрационное дело на русскую православную церковь г. Унгены.
15. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 16. Регистрационное дело на русскую православную церковь г. Фалешты.
16. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 20. Регистрационное дело на русскую православную церковь с. Атаки Атакского района.
17. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 46. Регистрационное дело на русскую православную церковь с. Братушаны Братушанского района.
18. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 48. Регистрационное дело на русскую православную церковь с. Бричаны Бричанского района.
19. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 66. Регистрационное дело на русскую православную церковь с. Вертюжаны Вертюжанского района.
20. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 96. Регистрационное дело на русскую православную церковь с. Григориополь.
21. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 116. Регистрационное дело на русскую православную церковь с. Дрокия.

22. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 162. Регистрационное дело на русскую православную церковь с. Комрат Бендерского района.
23. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 184. Регистрационное дело на русскую православную церковь с. Леово Леовского района.
24. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 225. Регистрационное дело на Георгиевскую церковь с. Окница Окницкого района.
25. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 226. Регистрационное дело на Михайловскую церковь с. Окница Окницкого района.
26. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 265. Регистрационное дело на русскую православную церковь с. Рышканы Рышканского района.
27. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 278. Регистрационное дело на русскую православную церковь с. Слободзея Тираспольского района.
28. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 2. Д. 317. Регистрационное дело на русскую православную церковь с. Флорешты.
29. Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991. Собрание документов: в 4 т. / отв. ред., сост. и авт. предисл. В. Пасат. Т. 1. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2009. 823 с.
30. *Содоль В.А.* Изучение истории Православной Церкви в советской Молдавии: направления, этапы, результаты // Церковь в истории России. Сборник 14. К 30-летию создания Центра истории религии и Церкви в Институте российской истории РАН. М.: Ин-т Рос. акад. наук, 2023. С. 217–233.
31. *Содоль В.А.* Этнический и социальный состав молдавских православных монастырей в 1944–1953 гг. // Русин. 2013. № 3. С. 155–167.
32. *Содоль В.А.* Этнический и социальный состав православного духовенства приднестровских приходов Кишинёвско-Молдавской епархии во второй половине 40-х – 50-е гг. XX в. // Русин. 2016. Т. 43. С. 218–228. DOI: 10.17233/18572685/43/14
33. *Царан Т.И.* Документы по истории РПЦ в Приднестровье послевоенных десятилетий в фондах Национального архива Республики Молдова // Покровские чтения: сб. науч. докл. Кн. 6. Бендеры: Полиграфист, 2004. С. 44–45.
34. *Царан Т.И.* Свято-Николаевский собор г. Тирасполь в послевоенные годы // Покровские чтения: сб. науч. докл. Кн. 9. Тирасполь: Б.и., 2007. С. 67–73.
35. *Царан Т.И.* Церковноприходская жизнь Рыбницы и сёл Рыбницкого района в 50-е годы XX столетия // Покровские чтения: сб. науч. докл. Кн. 10. Тирасполь: Б.и., 2008. С. 38–42.
36. *Шорников П.* Молдавия в годы Второй мировой войны. К 70-летию Великой Победы над фашизмом. Кишинёу: Б.и., 2014. 448 с.
37. *Штюка В.Г.* Формирование коммунистического быта и преодоление религиозных пережитков: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1966. 16 с.
38. *Țihonov L.* Politica statului sovietic față de cultele din R.S.S. Moldovenească (1944–1965). Chișinău: Prut International, 2004. 172 p.

REFERENCES

1. Babiş, A.I., Goldenberg, M.A. & Tabakaru, D.N. (1983) *Preodolenie religii i utverzhdenie ateizma v Moldavskoy SSR* [Overcoming religion and affirmation of atheism in the Moldavian SSR]. Chişinău: Shtiintsa.

2. Zelenchuk, V.S. (1973) *Naselenie Moldavii (demograficheskie protsessy i etnicheskii sostav)* [The population of Moldova (demographic processes and ethnic composition)]. Chişinău: Shtiintsa.

3. USSR. (1945) *Instruktsiya Soveta po delam Russkoy pravoslavnoy tserkvi pri SNK SSSR dlya upolnomochennykh Soveta pri SNK soyuznykh i avtonomnykh respublik, oblastnykh (kraevykh) ispolkomakh* [Instructions of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars of the USSR for authorized representatives of the Council of People's Commissars of the Union and Autonomous Republics, regional executive committees]. Moscow: [s.n.].

4. Moldavian SSR. (1976) *Narodnoe khozyaystvo Moldavskoy SSR. 1974. Statisticheskiy sbornik* [The national economy of the Moldavian SSR. 1974. Statistics]. Chişinău: Kartya moldovenyaskie.

5. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na Konstantino-Elenenskiy sobor g. Bel'tsy* [Registration file for the Constantino-Eleninsky Cathedral of Bălţi]. Fund 3046. List 2. File 2.

6. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na Kafedral'nyy sobor g. Kishineva* [Registration file for the Chişinău Cathedral]. Fund 3046. List 2. File 4.

7. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na Aleksandro-Nevskuyu tserkov' g. Bendery* [Registration file for the Alexander Nevsky Church of Bendery]. Fund 3046. List 2. File 8.

8. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' g. Dubossary* [Registration file for the Russian Orthodox Church of Dubăsari]. Fund 3046. List 2. File 9.

9. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na Mikhaylovskuyu tserkov' g. Kagula* [Registration file for St. Michael's Church of Cahul]. Fund 3046. List 2. File 10.

10. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' g. Kotovska* [Registration file for the Russian Orthodox Church of Kotovsk]. Fund 3046. List 2. File 11.

11. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' g. Orgeeva* [Registration file for the Russian Orthodox Church of Orhei]. Fund 3046. List 2. File 12.

12. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' g. Rybnitsa* [Registration file for the Russian Orthodox Church of Rîbnîţa]. Fund 3046. List 2. File 13.

13. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' g. Tiraspol'* [Registration file for the Russian Orthodox Church of Tiraspol]. Fund 3046. List 2. File 14.

14. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' g. Ungeny* [Registration file for the Russian Orthodox Church of Ungheni]. Fund 3046. List 2. File 15.

15. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' g. Faleshti* [Registration file for the Russian Orthodox Church of Făleşti]. Fund 3046. List 2. File 16.

16. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' s. Ataki Ataskogo rayona* [Registration file for the Russian Orthodox Church in the village of Otaci, Otaci district]. Fund 3046. List 2. File 20.

17. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' s. Bratushany Bratushanskogo rayona* [Registration file for the Russian Orthodox Church of Brătușeni village of Brătușeni district]. Fund 3046. List 2. File 46.

18. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' s. Brichany Brichanskogo rayona* [Registration file for the Russian Orthodox Church of the village of Briceni, Briceni district]. Fund 3046. List 2. File 48.

19. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) Fund 3046. List 2. File 66. *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' s. Vertyuzhany Vertyuzhanskogo rayona* [Registration file for the Russian Orthodox Church of the village of Vertiujeni in Vertiujeni district].

20. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' s. Grigoriopol'* [Registration file for the Russian Orthodox Church of Grigoriopol village]. Fund 3046. List 2. File 96.

21. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' s. Drokiya* [Registration file for the Russian Orthodox Church of the village of Drochia]. Fund 3046. List 2. File 116.

22. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' s. Komrat Benderskogo rayona* [Registration file for the Russian Orthodox Church of the village of Comrat of Bendery District]. Fund 3046. List 2. File 162.

23. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' s. Leovo Leovskogo rayona* [Registration file for the Russian Orthodox Church in the village of Leova, Leova district]. Fund 3046. List 2. File 184.

24. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registrat-*

sionnoe delo na Georgievskuyu tserkov's. Oknitsa Oknitskogo rayona [Registration file for St. George's Church in the village of Ocnița, Ocnițadistrict]. Fund 3046. List 2. File 225.

25. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na Mikhaylovskuyu tserkov's. Oknitsa Oknitskogo rayona* [Registration file for St. Michael's Church in the village of Ocnița, Ocnița district]. Fund 3046. List 2. File 226.

26. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov's. Ryshkany Ryshkansko rayona* [Registration file for the Russian Orthodox Church of the village of Rîșcani, Rîșcanidistrict]. Fund 3046. List 2. File 265.

27. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov's. Slobodzeya Tiraspol'skogo rayona* [Registration file for the Russian Orthodox Church of Slobozia of Tiraspol district]. Fund 3046. List 2. File 278.

28. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). (n.d.) *Registratsionnoe delo na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov's. Floreshty* [Registration file for the Russian Orthodox Church in Florești]. Fund 3046. List 2. File 317.

29. Pasat, V. (ed.) (2009) *Pravoslavie v Moldavii: vlast', tserkov', veruyushchie. 1940–1991. Sobranie dokumentov* [The Orthodoxy in Moldavia: Power, church and believers. Collected Documents]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.

30. Sodoĭ, V.A. (2023) *Izuchenie istorii Pravoslavnoy Tserkvi v sovetskoy Moldavii: napravleniya, etapy, rezul'taty* [Studying the history of the Orthodox Church in Soviet Moldavia: Directions, stages, results]. *Tserkov' v istorii Rossii*. 14. pp. 217–233.

31. Sodoĭ, V.A. (2013) *Etnicheskiy i sotsial'nyy sostav moldavskikh pravoslavnykh monastyrey v 1944–1953 gg.* [The ethnic and social composition of the Moldavian Orthodox monasteries in 1944–1953]. *Rusin*. 3. pp. 155–167.

32. Sodoĭ, V.A. (2016) The ethnic and social structure of the transnistrian orthodox clergy of the parishes of the Chișinău -Moldovan eparchy in the second half of the 1940s – 1950s. *Rusin*. 43. pp. 218–228 (in Russian). DOI: 10.17233/18572685/43/14

33. Tsaran, T.I. (2004) *Dokumenty po istorii RPTs v Pridnestrov'e poslevoennykh desyatiletii v fondakh Natsional'nogo arkhiva Respubliki Moldova* [Documents on the history of the Russian Orthodox Church in Transnistria of the post-war decades in the collections of the National Archive of the Republic of Moldova]. *Pokrovskie chteniya*. 6. pp. 44–45.

34. Tsaran, T.I. (2007) *Svyato-Nikolaevskiy sobor g. Tiraspol' v poslevoennye gody* [St. Nicholas Cathedral of Tiraspol in the post-war years]. *Pokrovskie chteniya*. 9. pp. 67–73.

35. Tsaran, T.I. (2008) *Tserkovnoprikhodskaya zhizn' Rybnitsy i sel Rybnitskogo*

rayona v 50-e gody XX stoletiya [The parish life of Rîbnița and the villages of Rîbnița district in the 1950s]. *Pokrovskie chteniya*. 10. pp. 38–42.

36. Shornikov, P. (2014) *Moldaviya v gody Vtoroy Mirovoy voyny. K 70-letiyu Velikoy Pobedy nad fashizmom* [Moldova during the Second World War. On the 70th anniversary of the Great Victory over Fascism]. Chișinău: [s.n.].

37. Shtyuka, V.G. (1966) *Formirovanie kommunisticheskogo byta i preodolenie religioznykh perezhitkov* [The formation of a communist way of life and overcoming religious remnants]. Moscow: [s.n.].

38. Tihonov, L. (2004) *Politica statului sovietic față de cultele din R.S.S. Moldovenească (1944–1965)*. Chișinău: Prut International.

Содоль Вячеслав Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института государственного управления и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Республика Молдова, Приднестровье).

Veacheslav A. Sodal – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Republic of Moldova, Transnistria).

E-mail: sodol_slv@mail.ru

УДК 39(477.87)(437.6)(438)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/74/13

«Друга побіч церкви святиня»: образи «Просвіти» на сторінках «Нашого лемка»

В.В. Тельвак¹, В.П. Тельвак², В.М. Наконечний³

^{1,2} Дрогобицький державний педагогічний університет ім. І. Франка,
Україна, 82100, м. Дрогобич, вул. І. Франка 24

E-mail: telvak1@yahoo.com

³ Київський національний університет культури і мистецтв,
Україна, 01601, м. Київ, вул. Є. Коновальця, 36

E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

Авторське резюме

В статті з'ясовано особливості осмислення авторами «Нашого лемка» (Львів, 1934–1939) праці діячів товариства «Просвіта» на теренах Східних Бескидів у міжвоєнний час. Доведено, що злободенність для русинів освітнього питання визначила особливу увагу редакційної колегії «Нашого лемка» до діяльності «Просвіти». Активно популяризуючи її культурну місію, часопис наполегливо радив читачеві ставати ініціативними членами інституції та солідарно з земляками працювати над освітнім, а відтак і національним освідомленням русинської громади. Прагматичним наслідком цієї роботи, наголошувалося в пресодруці, мало стати зростання добробуту втомлених економічними негараздами мешканців Східних Бескидів. Таку популяризаційну працю «Наш лемко» поєднував із консультативно-методичною діяльністю, підказуючи русинам оптимальні моделі організації просвітницької роботи в гірських селах та ефективні методи захисту від переслідувань польських чиновників. Разом із тим, налагодивши тісну комунікацію зі своїм читачем і добре розуміючи специфіку посталих перед ним культурних викликів, часопис сам перетворився на ініціативного агента освітянських змін та повноцінного партнера «Просвіти». Незважаючи на дискримінаційний характер української політики урядів Другої Речі Посполитої, солідарними зусиллями їм вдалося радикально модернізувати культурно-національний ландшафт Східних Бескидів. Це мало наслідком екзистенційно важливу для лемків згуртованість напередодні важких випробувань, що їх принесли Друга світова війна та подальші масові депортації з рідних земель.

Ключові слова: «Наш лемко», «Просвіта», Друга Річ Посполита, культурно-освітня діяльність, рецепція

«Другая рядом с церковью святыня»: образы «Просвиты» на страницах «Нашего лемка»

В.В. Тельвак¹, В.П. Тельвак², В.М. Наконечный³

^{1,2} Дрогобычский государственный педагогический университет им. И. Франко

Украина, 82100, г. Дрогобыч, ул. И. Франко 24

E-mail: telvak1@yahoo.com

³ Киевский национальный университет культуры и искусств,

Украина, 01601, г. Киев, ул. Коновальца, 36

E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

Авторское резюме

Показаны особенности осмысления авторами «Нашего лемка» (Львов, 1934–1939) деятельности членов общества «Просвіта» на территории Восточных Бескидов в межвоенное время. Доказано, что злободневность для русинов образовательного вопроса определила особое внимание редакционной коллегии «Нашего лемка» к деятельности «Просвиты». Активно популяризируя ее культурную миссию, газета настойчиво советовала читателю становиться инициативными членами ин-ституции и солидарно с земляками работать над образовательным, а затем и национальным осведомлением русинского общества. Прагматическим следствием этой работы, отмечалось в газете, должен был стать рост благосостояния утомленных экономическими неурядицами жителей Восточных Бескидов. Такую популяризаторскую работу «Наш лемко» сочетал с консультативно-методической деятельностью, подсказывая русинам оптимальные модели организации просветительской работы в горных селах и эффективные методы защиты от преследований польских чиновников. Вместе с тем, наладив тесную коммуникацию со своим читателем и хорошо понимая специфику стоящих перед ним культурных вызовов, издание само превратилось в инициативного агента образовательных изменений и полноценного партнера «Просвиты». Несмотря на дискриминационный характер украинской политики правительств Второй Речи Посполитой, совместными усилиями им удалось радикально модернизировать культурно-национальный ландшафт Восточных Бескидов. Это повлекло за собой экзистенциально важную для лемков сплоченность накануне

тяжелых испытаний, которые принесли Вторая мировая война и последующие массовые депортации из родных земель.

Ключевые слова: «Наш лемко», «Просвита», Вторая Речь Посполитая, культурно-просветительская деятельность, рецепция

“Another shrine next to the church”: The image of “Prosvita” in *Nash Lemko* (“Our Lemko”)

Vitalii V. Telvak¹, Viktoria P. Telvak²,
Volodymyr M. Nakonechnyj³

^{1,2} Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University
Ukraine, 82100, Drohobych, 24 Ivan Franko Street
E-mail: telvak1@yahoo.com

³ Kyiv National University of Culture and Arts,
Ukraine, 01601, Kyiv, 36 Konovalcia Street
E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

Author's summary

The article analyzes how the editorial board of *Nash Lemko* (Lviv, 1934–1939) assessed the work of “Prosvita” activists in the Eastern Beskids during the interwar years. Since the problem of education was urgent for the Lemkos, the *Nash Lemko* editorial board paid special attention to the “Prosvita” activity. By promoting “Prosvita”’s cultural mission, *Nash Lemko* pushed its readers to take the initiative and explore the educational and national identity of the Ruthenian community. The newspaper hoped that, as a result, Lemkos would improve the welfare of the impoverished Eastern Beskids. *Nash Lemko* combined its educational project with consultations on how to improve educational work in remote mountain villages and protect themselves from persecution by Polish authorities. By establishing close communication with its readers and though understanding the subtleties of cultural challenges, *Nash Lemko* became a proactive agent of educational reforms and a full-fledged partner of “Prosvita.” Despite the discriminatory policy of the Second Polish Republic, through joint efforts they managed to radically modernize the cultural and national landscape of the Eastern Beskids. This improvement helped Lemkos stay together in the face of tremendous challenges of the Second World War and mass deportations.

Keywords: *Nash Lemko*, “Prosvita”, Second Polish Republic, cultural and educational activities, reception

В сучасному лемкознавстві утвердилося переконання про особливу злободенність для русинства другої половини XIX – першої третини XX ст. освітянського питання. Йдеться про те, що серед загалом мало-освіченої маси тогочасного українського народу представники його найбільш західного етнографічного відгалуження мали небачено високий для інших європейських регіонів рівень анальфабетизму [24–26]. Ця громадська недуга вела за собою архаїчність господарських практик і, що було особливо загрозливо, невиразність етнічної самоідентифікації. Цим зазвичай користувалися домінуючі в регіоні політичні еліти з метою економічного визиску лемків та маніпуляції їхнім національним вибором. Згаданій проблемі присвячені численні дослідження І. Красовського, І. Любчика, В. Наконечного та ін., в яких відтворено різнопланові наполегливі зусилля української інтелігенції з просвіти й національного освідомлення автохтонних мешканців Східних Бескидів [13; 14; 23].

Але в наявних дослідженнях увагу зазвичай сфокусовано на персональному вимірі проблеми, тобто з'ясовується конкретний внесок того чи іншого публічного інтелектуала у культурне виховання своїх земляків. Натомість інституційний аспект просвітянського руху на Лемківщині надалі перебуває на маргінесі дослідницьких зацікавлень. Втім, саме він дозволяє простежити тривалість і систематичність просвітницької роботи у середовищі українців-горян. Привертаючи увагу колег до значущості інституційного виміру культурно-освідомлюючої праці, метою статті ставимо відтворити місце «Просвіти» та громадського чину її співробітників у духовному житті русинської спільноти міжвоєнного часу крізь рецептивну призму часопису «Наш лемко». Виходячи з означеної мети, завданнями нашого дослідження є реконструювати висвітлення «Нашим лемком» змагань русинів за свій український освітній вибір, з'ясувати особливості формування на сторінках газети культу «Матері-Просвіти», показати внесок редакторів часопису у поширення мережі просвітянських осередків на теренах Східних Бескидів, а також надання ними консультативно-методичної та правової допомоги своєму читачеві й ін.

Декілька слів слід сказати і стосовно обраного методологічного інструментарію. Опрацьовуючи численні часописні дописи, ми використали такі методики та підходи, як-от систематичний, порівняльний і критичний аналіз джерельної бази, представленої великими текстовими масивами. Здійснити коректну інтерпретацію різножанрової газетної інформації уможливило застосування методики контент-аналізу.

У першу чергу слід відзначити, що прискіплива увага редакції «Нашого лемка» до діяльності «Просвіти» на теренах Східних Бескидів у міжвоєнний час була зумовлена не тільки вагомістю цієї проблеми

для русинів. Тут також слід пам'ятати про значні просвітницькі традиції галицької та русинської інтелігенції, представники якої вже від початку утворення Товариства в 1868 р. спрямували свої зусилля на всебічне культурне освіднення населення найбільш західного українського регіону. Їм йшлося про те, щоб через поширення масової грамотності українською мовою нівелювати потужні впливи серед лемків москвофільських діячів, які маніпулюючи подібністю етнонімів «русин» і «русский», проповідували ідею русинства як органічної частини російської православної культури. У той час на вістрі цієї боротьби перебувало греко-католицьке духовенство, знаковим представником якого був знаний русинський інтелектуал священник Антон Бескид – дід головного редактора «Нашого лемка» Юліана Тарновича. Тож у міжвоєнний час онук фактично став продовжувачем культурно-національної місії свого іменитого предка, популяризуючи працю «Просвіти» на сторінках редагованої ним газети.

Власне на щойно згаданих аспектах історичної присутності «Просвіти» у містечках і селах Східних Бескидів акцентували увагу дописувачі «Нашого лемка». Опонуючи тезам москвофільської та польської преси про агресивний характер новітньої української культурної експансії на терени нібито історично опановані москвофільством, вони виокремлювали часову тривалість боротьби за український освітній вибір русинів. На підставі цих дописів ми можемо реконструювати незнану й по сьогодні історію діяльності «Просвіти» на Лемківщині. Так, масове заснування греко-католицькими священниками читалень «Просвіти» на лемківських теренах протягом останніх десятиліть ХІХ ст. мало наслідком утворення першої регіональної філії товариства у тогочасному культурному центрі русинства містечку Новий Санч в 1902 р. Саме філія та читальня «Просвіти» у місті стали майданчиком для поширення українських культурних впливів у регіоні. Автор «Нашого лемка» відзначив: «З їх заснуванням Новий Сонч гуртує коло себе людей, свідомих свого походження та цілей, людей твердих, які ширять кличі опам'ятання та відкривають очі сумній дійсності: москвофільству, яке веде свою антиукраїнську працю» [21: 3].

Ефективність цієї культурно-просвітницької діяльності зросла після відкриття просвітянами у вересні 1902 р. першого суто лемківського навчального закладу – бурси, яка початково містилася в орендованому приміщенні, а від червня 1904 р. у власній домівці. Ця перша русинська середньо спеціальна освітня установа стала виховним осередком для плекання кадрів української інтелігенції на Лемківщині. Духовним провідником цієї важкої культурної праці, як наголошували автори русинського пресодруку, став визначний лемківський інтелектуал Василь Яворський [3: 2]. На шпальтах «Нашого

лемка» неодноразово з чималою повагою змальовувався громадський чин цього діяча: «Його чесне ім'я тісно в'яжеться зі світлими часами новосандецького та загальнолемківського руху, бо це був справжній мистець-організатор, а при тому голова і фундатор» [3: 2].

На жаль, події Першої світової війни руйнівною хвилею прокотилися теренами Східних Бескидів і практично зруйнували культурний доробок лемківських просвітян-першопроходців. Тож важку працю з освідомлення русинів у міжвоєнне двадцятиліття довелося розпочинати практично від початку. Про її нагальність свідчить наведена в «Нашому лемкові» статистика, за якою рівень неписьменності на теренах Східних Бескидів сягав страхотливої цифри 41,7 % [29: 8]. З огляду на це, на сторінках часопису чи не найбільше місця було відведено переконанню русинів у важливості «Просвіти» в їхньому житті й потребі закладання по селах читалень товариства. При цьому публіцисти «Нашого лемка» виопуклювали зрозумілий для свого читача прагматичний аспект, змальовуючи неграмотність як найгіршу суспільну ваду. І навпаки, твердили вони, в парі з викоріненням неграмотності пошириться в селі громадська свідомість, яка спільно зі знаннями принесе русинам омріяний добробут [17: 2]. «Читальня «Просвіти» – це огнище культурного життя в громаді, друга побіч церкви святиня, – наголошував Ю. Тарнович. <...> Кличемо: лупайте скалу! Купуйте книжки, організуйте у себе власну бібліотеку. Читайте самі та других учіть читати книжки. І трісне скала: сповнення цієї найважливішої задачі принесе нам користь і цілій нашій нації нові, ясні дні...» [30: 1].

Плекаючи в свідомості свого читача високий авторитет «Просвіти» і її діячів, «Наш лемко» апелював до творчої спадщини знакового для кожного українця поета Тараса Шевченка. Виправдано атестуючи Кобзаря одним із перших просвітян, дописувачі часопису наводили уривки з його відомих творів, які спонукали до активної культурної праці. Ба більше, саме березневі Шевченкові дні авторами русинської газети були проголошені часом інтенсивної самоосвіти. З цього приводу на сторінках часопису йшлося: «Учіться, брати мої, думайте, читайте» – в заповіді лишив нам наш найбільший поет Тарас Шевченко. Ці слова є для нас дороговказом, а на сторожі їх стоїть «Просвіта». Вона має перед собою ясну, святу ціль, ширити освіту між народом, навчити його жити, вказати й повести шляхом правди і науки до кращого завтра. «Просвіта» сповняє велику задачу, ми мусимо співпрацювати з нею, допомогти» [10: 3].

Наслідком такої глорифікації товариства стало послідовне формування на сторінках «Нашого лемка» культу «Матері-Просвіти» – найбільш авторитетної соборницької культурної інституції. Наслідуючи риторичку львівських просвітян, русинський часопис атестував «Прос-

віту» патронкою усіх культурних починань поділених кордонами українців. З неприхованим пафосом автори газети наголошували: ««Просвіта» перша збудила нас до нового життя, поклала тривкі основи під культурний та економічний наш розвиток. «Просвіта» – наша перемога! Вона наш Дух безсмертний, вольний! Вона – сумління наше, гордощі, честь і слава! Із духа народу народилась Вона, – духові цінності Вона цілі десятиліття плекала» [27: 1].

В розумінні «Нашого лемка» культурне лідерство «Просвіти» серед українців заслуговує на винятково шанобливе ставлення до найстарішої національної установи. Його проявом, наполягали автори газети, повинно стати масове членство як головна передумова ефективності просвітянської праці. «Наша “Просвіта” мусить розвиватися, ми всі мусимо з нею співпрацювати, – пояснював Ю. Тарнович, – тоді сповнить вона свої завдання» [30: 1]. Підважуючи традиційний для українців-горян соціальний атомізм, русинський часопис спонукав їх ставати ініціативними діячами «Просвіти» й об'єднуватися для реалізації численних культурних ініціатив. Долаючи століттями сформовану зневіру у власні сили, редактор «Нашого лемка» пояснював: «Хто може бути просвітником Лемківщини? Кождий і кожда, свідомий хлопець і свідома дівчина, газда і газдиня, духовний і світський інтелігент, одним словом всі ті, що болять над нинішнім станом рідної Лемківщини» [31: 4].

Переконавши свого читача у необхідності культурної праці під проводом «Просвіти», «Наш лемко» чимало уваги присвятив логістичним, правовим та методичним аспектам закладання філій і читалень у русинських містах і селах. В пресодруці наголошувалося, що справа заснування осередків «Просвіти» є організаційно простою та матеріально доступною незасібним у своїй масі лемкам. Полегшуючи працю сільським просвітянам, часопис пропонував перелік популярної різножанрової літератури при закладанні читалень «Просвіти». Ба більше, цю літературу редакція газети на прохання русинів нерідко закупляла та dopravляла у лемківські села, тим самим формуючи в них першу просвітницьку бібліотечку [16: 1]. Заохочуючи земляків до організаційної праці, Клим Березівський пояснював: «Могутнім двигуном і розсадником просвітнього й культурного життя на селі є під сучасну пору вміло зорганізована та справно ведена читальня» [1: 3]. Якщо ж кількість охочих творити просвітницькі осередки в якомусь селі була недостатньою, «Наш лемко» пропонував по чергово проводити читачькі вечірки в оселях свідомих національного вибору лемків. При цьому зверталася увага на особливу ефективність практики колективного читання, що дозволяло залучити до просвітницької праці наразі малограмотних односельців. Часопис радив починати

занурення у світ українського слова зі зрозумілих загальові гумористичних текстів, далі переходити до історичної белетристики, а відтак брати до рук науково-популярні книги.

«Наш лемко» також активно популяризував низку культурних ініціатив «Просвіти». Так, на заклик львівської централі часопис проголосив зимовий період року, коли лемки мали довший відпочинок від сільськогосподарських клопотів, часом масового активного читання. На сторінках газети щороку експонувалося гасло: «Цілий грудень – це місяць “Просвіти”!». Іншою ефективною культурною ініціативою стало зобов'язання кожного члена «Просвіти» навчити грамотності принаймні одного анальфабета. За це керівництво товариства обіцяло винагороду у вигляді цінних книжок. Пояснюючи важливість такої ініціативи, «Наш лемко» твердив, що «кожний письменний повинен навчити бодай одного незрячого грамоти, давши йому підстави національної свідомості» [5: 2]. Та серед самих лемківських просвітян найбільш популярними були організовані львівською централею пізнавальні краєзнавчі екскурсії до галицької столиці. Їхньою метою було показати віддаленим від центру українського життя лемкам чималі результати солідарної національної праці. Своім захопленням від цих подорожей читачі ділилися за допомогою улюбленої газети, тим самим плекаючи соборницькі цінності серед русинської громади [7: 5].

Така продумана популяризаційна та консультативно-методична праця русинського часопису доволі швидко дала очікувані результати у вигляді зростання кількості просвітянських осередків у гірських селах. На сторінках «Нашого лемка» оперативно наводилася інформація про відкриття нових читалень і зростання в них кількості відвідувачів. Часопис не шкодував своїх шпальт для просвітницької саморефлексії селян. Так, керівник просвітянського осередку в Полянах Суровичних Яків Волянський зізнавався своїй газеті: «Завдяки читальні «Просвіти» українська національна свідомість та українське зорганізоване культурно-освітнє життя села піднеслося високо» [6: 8]. Відзначимо, що на сторінках «Нашого лемка» бачимо чимало подібно стилізованих дописів з різних русинських сіл.

З часом такої інформації ставало настільки багато, що від шостого числа 1936 р. в структурі часопису було започатковано постійну рубрику «Освітньо-виховна сторінка», відведену саме популяризації діяльності осередків «Просвіти» на Лемківщині. Обґрунтовуючи потребу у новій рубриці, редакція зазначала: «Досі не було в часописі “Наш лемко” докладних звідомлень з життя і діяльності читалень “Просвіта” на Лемківщині. <...> Тому з початком березня 1936 р. місяця Свят Шевченка починаємо на сторінках “Нашого лемка” Освітньо-ви-

ховну сторінку. Тут будемо поміщувати докладно і правдиво зладжені звідомлення з діяльності культурно-освітніх і виховних товариств на Лемківщині» [15: 6]. Послідовно протягом тривалого часу висвітлюючи у цій рубриці минуле та актуальну працю осередків «Просвіти» на теренах Східних Бескидів, «Наш лемко» створив своєрідну енциклопедію просвітянського руху серед русинів. Важливою її складовою були некрологи визначних лемківських просвітників (В. Чайківський, А. Шевчик, Б.-І. Антонич та ін.), що уможливляють нам персоніфікувати українське культурне життя на теренах Східних Бескидів. Органічним доповненням цієї книги знання були численні фото інституцій, заходів та активістів, які доволі повно візуалізують просвітницький рух на Лемківщині. Відзначимо, що ця унікальна краєзнавча інформація надалі малознана сучасним дослідникам товариства «Просвіта».

Важливо, що популяризуючи просвітянський рух на Лемківщині, русинський часопис показував його розгортання на тлі загальноукраїнських і навіть світових культурних процесів. Так, наголошуючи на соборницькому впливі праці «Просвіти», «Наш лемко» інформував читача про плідну діяльність членів товариства на всіх зазбручанських теренах, що опинилися у той час під владою Польщі, Румунії та Чехословаччини [19: 1]. Також нерідко йшлося про долю визначних просвітян на опанованій більшовиками Наддніпрянщині. Ба більше, чимало уваги пресодрок присвятив становленню «Просвіти» в діаспорних лемківських осередках, вказуючи на вагому об'єднавчу та культурно-просвітницьку місію товариства в нових країнах проживання русинів [12; 18]. Зрештою, «Наш лемко» популяризував іноземний просвітницький досвід, при цьому особливо часто згадувалася плідна праця болгарської «Просвіти» [11: 1]. Всі ці дописи мали першочергове завдання вселити в русинів віру у важливість їхньої освідомлюючої праці.

За задумом українських просвітян, заснування читалень і філій товариства у лемківських містечках і селах було лише першим кроком з українізації їхнього громадського простору. «Просвіта», слухно припускали вони, повинна була створити культурні передумови для зацікавлення лемків діяльністю інших спеціалізованих товариств і об'єднань. «Наш лемко» доволі добре висвітлив цей процес українізації русинського села шляхом закладання просвітянами осередків таких авторитетних у той час інституцій, як «Народна торгівля», «Лемківський союз кооператив», «Сян», «Сільський господар», «Протиалкогельне товариство Відродження», «Братство тверезості» та ін. Поряд зі згаданими громадськими інституціями, просвітяни також засновували освітні заклади, де навчали лемків модерним практикам господарювання. Особливого авторитету серед русинів

набула господарсько-садівнича школа «Просвіти» в Милованню [9]. Підносячи таку інституційну ініціативність просвітян, «Наш лемко» метафорично назвав товариство «Матір'ю» всіх інших українських установ. Головний редактор твердив: «З «Просвітою» родяться наші економічно-господарські установи, рідне шкільництво, тіловиховні товариства – словом увесь наш національний доробок» [28: 1].

Очікувано, що національно-освідомлююча праця «Просвіти» не подобалася чиновникам відродженої польської держави, які за будь-яку ціну намагалися відвернути лемків від українського вибору. З історіографії нам відомо, що вони при цьому вдавалися до нав'язливої ідеологічної пропаганди, насильницької колонізації освітнього процесу, ґвалтовних адміністративних і навіть кримінальних переслідувань активістів тощо [13; 14; 23–26]. «Наш лемко» доволі повно висвітлив на своїх сторінках цю нерівну боротьбу русинів з державною машиною за свій національний вибір та право мати у селах осередки «Просвіти». З часопису ми дізнаємося, що владні чиновники в першу чергу намагалися обезголовити просвітянський рух, наполягаючи на несумісності душпастерських обов'язків греко-католицьких священників з їхнім традиційним заангажуванням у просвітянську працю. Реагуючи на цей виклик, «Наш лемко» опублікував декілька розлогих статей, в яких з наведенням аргументів канонічного, правового й етичного характеру доводилася природність залучення українського духовенства до праці в «Просвіті». Заохочуючи народних проповідників до культурного служіння, «Наш лемко» писав: «Кожний діяльний український священник на Лемківщині вже з природи річи є й повинен бути провідником освітнього руху в селі» [1: 3].

Програвши боротьбу на канонічному полі, польські чиновники заходилися відроджувати на лемківських теренах колись популярне русофільство, яке у міжвоєнний час набуло рис антиукраїнськи наставленого догматичного москвофільства, адепти якого популяризували ідею «Русі від Карпат до Камчатки». З цією метою відповідні державні органи всіляко сприяли захопленню греко-католицьких парафій православними священниками, запровадженню у навчальний процес лемківської говірки замість української мови, поширенню у народній школі москвофільського буквара Мефодія Трохановського та ін. [4: 3]. В інституційному ж плані, впливи «Просвіти» мало підважити Товариство імені М. Качковського, що від часу свого постання в 1874 р. позиціонувалося як ідейна противага українській інституції. «Наш лемко» не лише детально відобразив боротьбу просвітян із москвофільськими впливами у лемківських селах, але й сам став активним учасником цього протистояння.

Вивчаючи відповідні тематичні дописи, у вічі впадає послідовне іншування на сторінках часопису діяльності співробітників Товариства імені М. Качковського. Головний редактор та інші автори пресодруку не шкодували гостро-критичних, а нерідко й саркастично-іронічних слів на адресу ідейних супротивників. Останні змальовувалися за-пеклими ворогами греко-католицької церкви, аморальними особистостями й інтриганам, руйнівниками лемківських традицій і, навіть, симпатиками більшовизму. Уявлення про риторику цих дописів дає стаття Кліма Бескидського: «<...> У читальнях Качковського гуртуються у нас зправила різні комунізуючі, розкладові елементи по наших лемківських парохіях. З цієї причини Лемко, котрий цінить греко-католицьку віру і здорову моральність своїх батьків, відвертається від шкідливого впливу читалень Качковського, а спішить до своєї української «Просвіти» та до її релігійно будуючих, морально виховуючих читалень. <...> Общество Качковського – то властиво московська експозитура, створена для розбивання національної єдності українського народу та для національного баламучення <...> нашої української Лемківщини» [2: 2]. Зрештою, завдяки солідарному опору з боку лемківської громади, москвофільство не отримало бажаного польським чиновникам впливу.

Тож у цій ситуації неуспіху протистояння з впливами «Просвіти» на лемківських теренах за допомогою конкуренційних проєктів державні чиновники стали на шлях бюрократичного свавілля. І в цьому випадку «Наш лемко» є чи не найбільш інформативним джерелом для дослідників національної політики польських урядів. З його шпальт ми дізнаємося про гальмування владою процесу відкриття читалень; безпідставні постійні перевірки документообігу філій із запрограмованим бажанням віднайти будь-які неточності й накласти за це обтяжливі штрафи; відкликання дозволів на проведення різних громадських акцій; засилання провокаторів, які мали вчиняти заворушення, що дозволяло припиняти роботу просвітницьких осередків тощо. В свою чергу, «Наш лемко» надавав постійний правовий супровід діяльності читалень, пояснював логіку опонування чиновникам, допомагав складати апеляції, пропонував шляхи обминання заборон. Так, закриттю читалень часопис радив протиставити читацькі сходи в будинках активістів. Заборону ж на проведення колективних збірок коштів «Наш лемко» пропонував компенсувати індивідуальним надсиленням коштів, що не регулювалося законами. Втім, результати цієї боротьби були визначені наперед і русинський часопис з неприхованим неспокоєм інформував свого читача про регулярне закриття філій і читалень у лемківських містечках і селах. Ця інформація очікувано зазнавала нещадних цензурних втручань,

про що свідчать рясні білі плями у хронікальних рубриках «Нашого лемка».

Особливої брутальності поведінка польських чиновників стосовно просвітницьких осередків набула в 1938 р., коли «Просвіта» планувала голосне відзначення свого 70-літнього ювілею. Очільники інституції так сформулювали ідейний посил свята: «Це ж великий всенародний Ювілей культурної праці – Ювілей довгої та важкої боротьби з безпросвітньою темрявою, що Твою національну і людську гідність вбивала, шлях поступу і знання гранітними скелями перед Тобою загороджувала, Тебе – власника чернозему, великих скарбів Твоїї прадідної землі – на наймита й жебрака зводила» [28: 1]. Та польський уряд, настрашений перспективами маніфестації здобутків модерного українства, замість підтримки авторитетної в середовищі найбільшої національної меншини культурної інституції, заборонив низку цілком невинних акцій, як-то масова посвята прапора «Просвіти», виступи співочих колективів і оркестрів чи науковий конгрес. Заборонені були також візити до Львова представників регіональних, втім і лемківських осередків, які мали колоною пройтися вулицями своєї княжої столиці. Було дозволено лише богослужіння та концерт за незначної кількості присутніх. Всі ці нагінки дали підставу публіцистам «Нашого лемка» промовисто атестувати 70-ліття «Просвіти» «мовчазним ювілеєм» [8: 1]. Загалом, ми можемо тільки припускати те, протягом якого часу польська влада остаточно б зруйнувала інституційні підвалини просвітянського руху на теренах Східних Бескидів. Цій деструктивній роботі завадив вибух світової війни, коли демонстративне нехтування владою Другої Речі Посполитої гуманітарних прав найбільшої меншини неодноразово ставало приводом для польсько-українських збройних сутичок.

Поряд зі згаданими вище аналітичними, публіцистичними та краєзнавчими дописами, автори «Нашого лемка» зверталися до просвітницької проблематики також за допомогою художнього слова. В часописі бачимо талановито виведені літературні образи просвітян, які успішно долають інерцію земляків на шляху до знань і національного самоусвідомлення [22]. Поряд із цим, шпальта видання рясніли мотивуючими гаслами на кшталт: «У “Просвіті” наша будучність!», «Вступаймо масово в члени Матірної “Просвіти”!», «Створім один могутній просвітній фронт!», «Через “Просвіту” до воскресення!», «“Просвіта” як Матір», «Через “Просвіту” до Великого Завтра!» та под. Зрештою, просвітницький запал у свого читача «Наш лемко» пробуджував також силою візуального образу, уміщуючи відповідні тематичні ілюстрації, у яких образ «Просвіти» поєднувався з символами духовного піднесення і матеріального добробуту.

Насамкінець декілька слів слід сказати про просвітницьку само-рефлексію самої редакції «Нашого лемка». Протягом понад п'яти років наполегливо популяризуючи діяльність товариства і приймаючи участь в реалізації його численних культурних проєктів, часопис і сам перетворився на авторитетну в очах лемків просвітницьку інституцію. Маючи добре налагоджений зворотній зв'язок зі своїм передплатником за допомогою рубрики «Трибуна наших Читачів», редколегія отримувала безпосереднє уявлення про успіхи та труднощі своєї просвітянської місії. Тож з нагоди виходу сотого числа «Нашого лемка» Ю. Тарнович мав усі підстави пишатися результатами праці очолюваного ним редакторського колективу: «Ми прорвали дужими руками цю тяжку греблю, що хінським муром залягла шлях українського слова на Лемківщину» [20: 4].

Таким чином, у нашій статті вперше показано, що злободенність для русинів освітнього питання у міжвоєнний час визначила особливу увагу редакційної колегії «Нашого лемка» до діяльності «Просвіти». Доведено, що активно популяризуючи її культурну місію, часопис наполегливо радив читачеві ставати ініціативними членами інституції та солідарно з земляками працювати над освітнім, а відтак і національним освідомленням русинської громади. Прагматичним наслідком цієї роботи, наголошувалося в пресодруці, мало стати зростання добробуту втомлених економічними негараздами мешканців Східних Бескидів. На підставі опрацьованого матеріалу з'ясовано, що таку популяризаційну працю «Наш лемко» поєднував із консультативно-методичною діяльністю, підказуючи русинам оптимальні моделі організації просвітницької роботи в гірських селах та ефективні методи захисту від переслідувань польських чиновників. Відзначено, що налагодивши тісну комунікацію зі своїм передплатником і добре розуміючи специфіку посталих перед ним культурних викликів, часопис сам перетворився на ініціативного агента освітянських змін та повноцінного партнера «Просвіти». Незважаючи на дискримінаційний характер української політики урядів Другої Речі Посполитої, солідарними зусиллями їм вдалося радикально модернізувати культурно-національний ландшафт Східних Бескидів. Підсумовано, що це мало наслідком екзистенційно важливу для лемків згуртованість напередодні важких випробувань, що їх принесли Друга світова війна та подальші масові депортації з рідних земель.

ЛІТЕРАТУРА

1. Березівський К. Чому кожна наша хата має бути читальнею? // Наш лемко. 1938. Ч. 3. С. 2–3.

2. Бескидський К. «Просвіта» чи москвофільське общество Качковського на Лемківщині // Наш лемко. 1937. Ч. 4. С. 2.
3. В одинадцяті роковини смерті Василя Яворського // Наш лемко. 1937. Ч. 14. С. 2.
4. -вич. [Тарнович Ю.] «Ми не хочемо букварів» // Наш лемко. 1934. Ч. 20. С. 3.
5. Виявім свою зрілість! // Наш лемко. 1938. Ч. 24. С. 2.
6. Волянський Я. Просвіта у Суровичніх Полянах на Лемківщині // Наш лемко. 1937. Ч. 4. С. 8.
7. Вражіння з прогульки по Львові // Наш лемко. 1937. Ч. 22. С. 5.
8. Всенародний мовчазний поклін Матері «Просвіті» // Наш лемко. 1938. Ч. 11. С. 1.
9. Господарсько-садівнича школа Товариства «Просвіта» в Милованню // Наш лемко. 1936. Ч. 12. С. 4.
10. Де шукати світла правди і науки? // Наш лемко. 1934. Ч. 7. С. 3.
11. Конгрес болгарської «Просвіти» // Наш лемко. 1934. Ч. 12. С. 1.
12. Культурно-освітнє життя українців на Далекому Сході // Наш лемко. 1934. Ч. 3. С. 3.
13. Любчик І.Д. Етнополітичні процеси на Лемківщині наприкінці ХІХ – 30-х роках ХХ століття: проблема національного самоусвідомлення. Івано-Франківськ: Тіповіт, 2009. 213 с.
14. Наконечний В.М. Українсько-польські взаємини 1930-х років у дзеркалі «Нашого Лемка» // Східноєвропейський історичний вісник. 2018. Вип. 3. С. 278–284.
15. Освітньо-виховна сторінка // Наш лемко. 1936. Ч. 6. С. 6.
16. Подяка // Наш лемко. 1937. Ч. 22. С. 1.
17. Проганяймо темряву з наших сіл // Наш лемко. 1935. Ч. 22. С. 2.
18. Просвіта в Аргентині // Наш лемко. 1935. Ч. 2. С. 2.
19. Просвітнє життя на Закарпатті // Наш лемко. 1934. Ч. 22. С. 1.
20. Сотнє число // Наш лемко. 1938. Ч. 4. С. 4.
21. Стій на сторожі // Наш лемко. 1937. Ч. 24. С. 3.
22. Сфінкс. У бій з темнотою // Наш лемко. 1935. Ч. 21. С. 2.
23. Тельвак В.В., Тельвак В.П., Наконечний В.М. «Геть отрую з наших хат!»: протиалкогольний дискурс газети «Наш лемко» // Русин. 2021. № 66. С. 34–47. DOI: 10.17223/18572685/66/3
24. Тельвак В.В., Тельвак В.П., Наконечний В.М. «Чиїх батьків ми діти?»: історична політика «Нашого лемка» // Русин. 2022. № 68. С. 154–167. DOI: 10.17223/18572685/68/7
25. Тельвак В.В., Тельвак В.П., Наконечний В.М. Публіцистика Юліана Тарновича на сторінках часопису «Наш лемко» // Русин. 2022. № 70. С. 148–163. DOI: 10.17223/18572685/70/8

26. Тельвак В., Наконечний В. Становище русинської меншини в Другій Речі Посполитій за матеріалами газети «Наш лемко» // Русин. 2020. № 61. С. 166–182. DOI: 10.17223/18572685/61/10
27. Український Народе! // Наш лемко. 1935. Ч. 7. С. 1.
28. Український Народе! // Наш лемко. 1937. Ч. 24. С. 1.
29. Українці! // Наш лемко. 1938. Ч. 1. С. 8.
30. ЮТ. [Тарнович Ю.] Лупаймо скалу // Наш лемко. 1934. Ч. 8. С. 1.
31. «Наш лемко» в кожній лемківській хаті! Які мають бути просвітники // Наш лемко. 1934. Ч. 17. С. 4.

REFERENCES

1. Bereziivskiy, K. (1938) Chomu kozhna nasha khata maie buty chytalneu? [Why should every house be a reading room?]. *Nash Lemko*. 3. p. 2–3.
2. Beskidskiy, K. (1937) “Prosvita” chy moskvofil'ske obshchestvo Kachkovskoho na Lemkivshchyni [“Prosvita” or Kachkovsky's Muscophile society in the Lemko region]. *Nash Lemko*. 4. p. 2.
3. *Nash lemko*. (1937) V odinadtsyati rokovini smerti Vasilya Yavors'kogo [In the eleventh anniversary of the death of Vasyl Yavorsky]. 14. p. 2.
4. -vych. [Tarnovych, Yu.] (1934a) “My ne khochemo bukvariv” [“We don't want the ABCs”]. *Nash lemko*. 20. p. 3.
5. *Nash Lemko*. (1938) Viyavim svoyu zrilist'! [Let's demonstrate our maturity!]. 24. p. 2.
6. Volyans'kiy, Ya. (1937) Prosvita u Surovichnikh Polyanakh na Lemkivshchyni [Prosvita in Surovychny Polyany in the Lemko region]. *Nash Lemko*. 4. p. 8.
7. *Nash Lemko*. (1937) Vrazhinnya z progul'ki po L'vovi [Impressions from a walk around Lviv]. 22. p. 5.
8. *Nash Lemko*. (1938) Vsenarodniy movchazniy poklin Materi “Prosviti” [All-nation silent bow to Mother “Prosvita”]. 11. p. 1.
9. *Nash Lemko*. (1936) Gospodars'ko-sadivnicha shkola Tovaristva «Prosvita» v Milovannyu [Agricultural and horticultural school of the “Prosvita” Society in Mylovan]. 12. p. 4.
10. *Nash Lemko*. (1934) De shukati svitla pravdi i nauki? [Where to look for the truth and science?]. 7. p. 3.
11. *Nash Lemko*. (1934) Kongres bolgars'koi “Prosviti” [Congress of the Bulgarian “Prosvita”]. 12. p. 1.
12. *Nash Lemko*. (1934) Kul'turno-osvitne zhyttja ukrai'nciv na Dalekomu Skhodi [Cultural and educational life of Ukrainians in the Far East]. 3. p. 3.
13. Lyubchik, I.D. (2009) *Etnopolitichni protsesi na Lemkivshchyni naprikintsi XIX – 30-kh rokakh XX stolittya: problema natsional'nogo samousvidomlennya* [Ethnic and political processes in Lemkivshchyna in the late 19th – first third of the 20th century: The problem of national consciousness]. Ivano-Frankivsk: Tipovit.

14. Nakonechnyj, V. (2018) Ukrai'ns'ko-pol's'ki vzajemyny 1930-kh rokiv u dzerkali "Nashogo Lemka" [Ukrainian-Polish relations in 1930s in the mirror of "Nash Lemko"]. *Skhidnoevropeys'kiy istorichniy visnik*. 3. pp. 278–284.
15. *Nash Lemko*. (1936) Osvit'no-vikhovna storinka [Educational page]. 6. p. 6.
16. *Nash Lemko*. (1937) Podiaka [Gratitude]. 22. p. 1.
17. *Nash Lemko*. (1935) Proganyaymo temryavu z nashikh sil [Let's banish the darkness from our villages]. 22. p. 2.
18. *Nash Lemko*. (1935) Prosvita v Argentini [Prosvita in Argentina]. 2. p. 2.
19. *Nash Lemko*. (1934) Prosvitne zhittya na Zakarpatti [Educational life in Transcarpathia]. 22. p. 1.
20. *Nash Lemko*. (1938) Sotnje chyslo [The 100th edition]. 4. p. 4.
21. *Nash Lemko*. (1937) Stiy na storozhi [En garde]. 24. p. 3.
22. Sfinks. (1935) U biy z temnotoyu [Fighting darkness]. *Nash Lemko*. 21. p. 2.
23. Telvak, V.V., Telvak, V.P. & Nakonechnyj, V.M. (2021). "Down with Poison in our Houses!": Anti-Alcohol Discourse of Nash Lemko Newspaper. *Rusin*. 66. pp. 34–47. DOI: 10.17223/18572685/66/3
24. Telvak, V.V., Telvak, V.P. & Nakonechnyj, V.M. (2022). "Where do we come from?": Politics of memory in Nash Lemko. *Rusin*. 68. pp. 34–47. DOI: 10.17223/18572685/68/7
25. Telvak, V.V., Telvak, V.P. & Nakonechnyj, V.M. (2022). Journalism of Yulian Tarnovich in the Nash Lemko newspaper. *Rusin*. 70. pp. 148–163. DOI: 10.17223/18572685/70/8
26. Telvak, V. & Nakonechnyj, V. (2020) The Rusin minority in the Second Polish Republic according to Nash Lemko newspaper. *Rusin*. 61. pp. 166–182. DOI: 10.17223/18572685/61/10
27. *Nash Lemko*. (1935) Ukrai'ns'kyj Narode! [People of Ukraine!]. 7. p. 1.
28. *Nash Lemko*. (1937) Ukrai'ns'kyj Narode! [People of Ukraine!]. 24. p. 1.
29. *Nash Lemko*. (1938) Ukrai'nci! [Ukrainians!]. 1. p. 8.
30. YuT. [Tarnovych, Yu.]. (1934) Lupaymo skalu [We'll conquer this mountain]. *Nash lemko*. 8. p. 3.
31. *Nash Lemko*. (1934) "Nash lemko" v kozhniy lemktivs'kiy khati! Yaki ma-yut' buti prosvitniki ["Our Lemko" in every Lemko household! What educators should be like]. 17. p. 4.

Тельвак Віталій Васильович – доктор історичних наук, професор кафедри всесвітньої історії Дрогобицького державного педагогічного університету ім. І. Франка (Україна).

Тельвак Виталий Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Дрогобычского государственного педагогического университета им. И. Франко (Украина).

Vitalii V. Telvak – Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: telvak1@yahoo.com

Тельвак Вікторія Петрівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри всесвітньої історії Дрогобицького державного педагогічного університету ім. І. Франка (Україна).

Тельвак Виктория Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Дрогобычского государственного педагогического университета им. И. Франко (Украина).

Viktorija P. Telvak – Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: viktoriatelvak75@yahoo.com

Наконечний Володимир Михайлович – кандидат історичних наук, доцент кафедри міжнародних відносин Київського національного університету культури і мистецтв (Україна).

Наконечный Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Киевского национального университета культуры и искусств (Украина).

Volodymyr V. Nakonechnyj – Kyiv National University of Culture and Arts (Ukraine).

E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

УДК 930(437:477)"1918/1939"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/74/14

Отражение истории Подкарпатской Руси межвоенного периода в учебных пособиях для высших учебных заведений Республики Беларусь

О.Г. Казак

Белорусский государственный экономический университет

Беларусь, 220070, г. Минск, Партизанский пр., 26

E-mail: olegkazak90@tut.by

Авторское резюме

Рассматривается содержание учебных пособий для высших учебных заведений Республики Беларусь, в которых нашли отражение различные аспекты истории Подкарпатской Руси межвоенного периода. Выявлены и проанализированы типичные ошибки и неточности, допущенные авторами учебных пособий (отсутствие чёткой характеристики различных национально-культурных ориентаций среди политиков и общественных организаций региона, наделение отдельных персон несвойственными для них качествами, фрагментарность исторического повествования, использование некорректных терминов). Авторы большинства учебных пособий рассматривают историю Подкарпатской Руси в контексте Мюнхенскогоговора 1938 г. и существования Второй Чехословацкой республики. При характеристике данных процессов авторами анализируемых работ были допущены многочисленные фактографические ошибки. Лишь в одном из рассмотренных учебных пособий представлена относительно подробная характеристика украинизаторской политики автономного правительства А.Волошина в 1938–1939 гг. (данный исторический сюжет чрезвычайно важен для понимания истории региона). Делается вывод о недостаточном дидактическом потенциале анализируемых учебных пособий. У студентов, работающих с ними, может сложиться искажённое представление об истории Подкарпатской Руси межвоенного периода. Авторам будущих учебных пособий для высших учебных заведений Республики Беларусь рекомендуется обращаться к качественным исследовательским работам, посвящённым истории Подкарпатской Руси межвоенного периода.

Ключевые слова: русины, Подкарпатская Русь, национально-культурная ориентация, историография, учебные пособия

The interwar history of Subcarpathian Rus in textbooks for universities in the Republic of Belarus

Oleg G. Kazak

26 Partizanskiy avenue, Minsk, 220070, Belarus

E-mail: olegkazak90@tut.by

Abstract

The article considers the content of university textbooks in the Republic of Belarus, related to various aspects of the interwar history of Subcarpathian Rus. The author identifies and analyzes typical mistakes and inaccuracies (vague descriptions of various national and cultural orientations among regional politicians and public organizations, endowing individuals with non-typical qualities, fragmentary historical narrative, incorrect terms). Most textbooks consider the history of Subcarpathian Rus in the context of the Munich Agreement of 1938 and the Second Czechoslovak Republic. The descriptions of these historical processes contain numerous factual errors. Only one of the reviewed textbooks provides a relatively detailed description of the Ukrainization of A. Voloshin's autonomous government in 1938–1939 (this historical plot is extremely important for understanding the history of the region). The author concludes about the insufficient didactic potential of the analyzed textbooks, which can lead to a distorted idea of the interwar history of Subcarpathian Rus. It is advised for the universities in the Republic of Belarus to draw on high-quality research papers on the interwar history of Subcarpathian Rus.

Keywords: Rusins, Subcarpathian Rus, national and cultural orientation, historiography, textbooks

Проблематика Подкарпатской Руси в учебных пособиях, предназначенных для студентов исторических специальностей высших учебных заведений Республики Беларусь, представлена достаточно фрагментарно. Удалось обнаружить пять учебных пособий, в которых рассматривается история региона: учебно-методический комплекс авторства преподавателей Белорусского государственного университета Н.А. Царюк и Л.А. Козик «Новейшая история западных славян

с 1914 г. до начала XXI в.» [8], учебно-методические комплексы авторства преподавателей Полоцкого государственного университета А.И. Корсак («История России и Украины. Новейший период» [3]) и Е.В. Сумко («История западных славян» [6]), пособие Н.А. Царюк «Новейшая история западных славян» [7], учебное пособие авторства преподавателя Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины Н.Н. Мезги и преподавателя Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина Л.В. Гавриловец «История южных и западных славян (1914–1918 гг.)» [4].

Обращает на себя внимание непоследовательность авторов большинства учебных пособий в употреблении наименований региона. Официальное название, принятое в период нахождения края в составе Чехословакии («Подкарпатская Русь»), используется в учебном пособии Н.Н. Мезги и Л.В. Гавриловец. В пособии Н.А. Царюк параллельно с официальным наименованием региона используется термин «Закарпатье» [7: 32]. В данном пособии ошибочно утверждается, что «16 декабря 1938 г. Подкарпатская Русь была переименована в Подкарпатскую Украину» [7: 38] (на самом деле в период функционирования автономного правительства А. Волошина параллельно с наименованием «Подкарпатская Русь» стал использоваться термин «Карпатская Украина», первое официальное упоминание данного термина в большинстве источников датируется 30 декабря 1938 г. [10: 349]). В учебно-методических комплексах авторов Н.А. Царюк и Л.А. Козик [8: 31], Е.В. Сумко [6: 116] при характеристике событий 1920-х гг. употребляется термин «Закарпатская Украина», хотя он использовался для обозначения региона в 1944–1945 гг. (так называлось просоветское квазигосударственное образование, возникшее после освобождения края войсками Красной армии).

У студентов, работающих с анализируемыми учебными пособиями, едва ли сложится чёткое понимание наличия у русинского населения региона различных национально-культурных ориентаций (трактовка русинов как отдельного восточнославянского народа, самобытной части общерусского культурно-цивилизационного пространства, этнографической группы украинцев), напрямую влиявших на общественно-политическую жизнь. В учебном пособии Н.А. Царюк упоминается наличие в политическом спектре региона русофилов (А. Бродий, С. Фенцик) и украинофилов (А. Волошин) [7: 34]. Н.А. Царюк ошибочно утверждает, что А. Волошин возглавил автономное правительство Подкарпатской Руси 16 октября 1938 г. [7: 38] (на самом деле это произошло 26 октября 1938 г.). В работах Е.М. Сумко, Н.Н. Мезги и Л.В. Гавриловец А. Бродий назван «украинским политиком» [4: 56; 6: 120], хотя лидер Автономного земледельческого союза являлся

убеждённым русофилом и критиком украинской национально-культурной ориентации.

Во всех анализируемых учебных пособиях Подкарпатская Русь рассматривается в контексте Мюнхенского сговора 1938 г. и последовавшей после него территориальной трансформации Чехословакии. В анализе данного сюжета также присутствует немало методических и фактографических неточностей. Так, А.И. Корсак утверждает, что осенью 1938 г. «А. Бродий и С. Фенцик дискредитировали себя как агенты Румынии и Польши» [3: 107]. Если связи С. Фенцика с польским консулом в Ужгороде подробно описаны в историографии [2: 355; 5: 383; 11: 36], то А. Бродий известен как агент Венгрии, а не Румынии [1: 17]. Неточное описание событий осени 1938 г. приводит к искажённому пониманию исторических процессов, которое может сложиться у студентов. Так, в учебном пособии Н.Н. Мезги и Л.В. Гавриловец упоминается назначение А. Бродия премьер-министром автономного правительства Подкарпатской Руси, но ничего не говорится о том, что с 26 октября 1938 г. эту должность уже занимал А. Волошин. Далее авторы пишут о том, что с 22 ноября 1938 г. регион назывался Карпатская Украина, а в марте 1939 г. он с согласия Германии был оккупирован хортистской Венгрией [4: 56]. У читателей может сформироваться неверное представление, что введение в употребление названия «Карпатская Украина» и оккупация края произошли в период премьерства А. Бродия. В учебно-методическом комплексе Н.А. Царюк и Л.А. Козик (2004 г.) также нет упоминания о функционировании автономного кабинета А. Волошина.

Наиболее полно история Подкарпатской Руси отражена в пособии Н.А. Царюк. В нём представлен анализ роли русинской диаспоры в США как фактора легитимации включения Подкарпатской Руси в состав Чехословакии [7: 12], особенностей государственного управления в регионе [7: 20], конфессиональной ситуации [7: 23], социально-экономического положения в крае [7: 31–32], политических предпочтений русинского населения [7: 34], действий Венгрии по инкорпорации Подкарпатской Руси в 1938–1939 гг. [7: 37–39]. В учебном пособии Н.Н. Мезги и Л.В. Гавриловец относительно подробно описываются первые годы вхождения Подкарпатской Руси в состав Чехословакии, характеризуется личность губернатора Г. Жатковича [4: 45–46]. Только в работе А.И. Корсак перечислены некоторые мероприятия автономного правительства А. Волошина по директивной украинизации населения Подкарпатской Руси. Утверждается, что «в феврале 1938 г. на выборах регионального парламента украинцев поддержало 86 % избирателей» [3: 107]. Было бы уместно упомянуть, что данные выборы

проводились фактично на безальтернативній основі в обстановці, далекій від принципів демократичності [9: 125–127].

Ні в одному із навчальних посібників не міститься жодної інформації про ситуацію в Підкарпатській Русі в 1938–1944 рр., коли регіон був частиною Венгрії. Про те, що в 1945 р. регіон увійшов до складу СРСР, коротко згадується у працях Н.А. Царюк і Л.А. Козик [8: 9] і посібнику Н.А. Царюк [7: 66].

Таким чином, навчальні посібники для вищих навчальних закладів Республіки Білорусь не містять інформації, необхідної для якісного засвоєння студентами знань про історію Підкарпатської Русі міжвоєнного періоду. Основні дані про історію регіону подаються в контексті подій 1938–1939 рр. в Центральній Європі, при їх характеристиці автори допустили ряд суттєвих помилок. При підготовці навчальних посібників необхідно більш детально розкривати процес кристалізації в Підкарпатській Русі трьох конкуруючих між собою національно-культурних напрямків (русофілів, українофілів, русофілів), їх вплив на політичні процеси в регіоні. Слід зауважити, що на момент публікації аналізованих навчальних посібників складалася досить багата історіографічна база проблематики Підкарпатської Русі міжвоєнного періоду (включаючи в себе в тому числі роботи А.І. Пушкіна, І.І. Попа, К.В. Шевченка російською мовою), аналіз якої дозволив би авторам уникнути вказаних в цій статті помилок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуря В.І. Закарпаття та вплив угорського фактора на його політичний розвиток між двома світовими війнами (1918–1939 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Ужгород, 2010. 22 с.
2. Домбровський Д. Польща і Закарпаття: 1938–1939. Київ: Темпора, 2012. 391 с.
3. Корсак А.І. Історія Росії та України. Новіший період: навч.-метод. комплекс. Новополоцьк: Полоц. гос. ун-т, 2010. 244 с.
4. Мязга М.М., Гаўрылавец Л.У. Гісторыя паўднёвых і заходніх славян (1914–2018): вучэбны дапаможнік. Мінск: Народная асвета, 2021. 351 с.
5. Пушкін А.І. Цивілізацыя ці варварства: Закарпатье в 1918–1945 гг. М.: Европа, 2006. 564 с.
6. Сумко Е.В. Історія заходніх славян: навч.-метод. комплекс. Новополоцьк: Полоц. гос. ун-т, 2010. 224 с.
7. Царюк Н.А. Новішая історыя заходніх славян: посібнік. Мінск: Беларус. гос. ун-т, 2012. 264 с.

8. Царюк Н.А., Козик Л.А. Новейшая история западных славян с 1914 г. до начала XXI в.: учеб.-метод. комплекс. Минск: Белорусский государственный университет, 2004. 194 с.

9. Шевченко К.В. Карпатское эхо Мюнхена-1938 как катализатор этнокультурной инженерии: от Подкарпатской Руси к Карпатской Украине // СССР и Чехословакия в XX веке: ключевые события и вызовы эпохи / гл. ред. К.В. Шевченко. Минск: Колорград, 2018. С. 120–134.

10. Шевченко К.В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М.: Regnum, 2011. 414 с.

11. Brenzovics L. Nemzetiségi politika a visszacsatolt Kárpátalján 1939–1944. Ungvár: Kárpátaljai Magyar Kulturális Szövetség, 2010. 204. old.

REFERENCES

1. Gyrya, V.I. (2010) *Zakarpattya ta vpliv ugors'kogo faktora na yogo politichni rozvitok mizh dvoma svitovimi viynami (1918–1939 rr.)* [Transcarpathia and the influence of the Hungarian factor on its political development (1918–1939). Abstract of History Cand. Diss. Uzhhorod.

2. Dombrovskiy, D. (2012) *Pol'shha i Zakarpattya: 1938–1939* [Poland and Transcarpathia: 1938–1939]. Kiev: Tempora.

3. Korsak, A.I. (2010) *Istoriya Rossii i Ukrainy. Noveyshiyy period* [History of Russia and Ukraine: The Latest Period]. Novopolotsk: Polotsk State University.

4. Mazga, M.M. & Gawrylavec, L.U. (2021) *Gistoryya pайдnevykh i zakhodnikh slavyan (1914–2018)* [History of the South and West Slavs (1914–2018)]. Minsk: Narodnaya asveta.

5. Pushkash, A.I. (2006) *Tsivilizatsiya ili varvarstvo: Zakarpat'e v 1918–1945 gg.* [Civilization or barbarism: Transcarpathia in 1918–1945]. Moscow: Evropa.

6. Sumko, E.V. (2010) *Istoriya zapadnykh slavyan* [History of West Slavs]. Novopolotsk: Polotsk State University.

7. Tsaryuk, N.A. (2012) *Noveyshaya istoriya zapadnykh slavyan* [Recent History of the West Slavs]. Minsk: Belarusian State University.

8. Tsaryuk, N.A. & Kozik, L.A. (2004) *Noveyshaya istoriya zapadnykh slavyan s 1914 g. do nachala XXI v.* [Recent history of the West Slavs from 1914 to the early 21st century]. Minsk: Belarusian State University.

9. Shevchenko, K.V. (2018) Karpatskoe ekho Myunkhena-1938 kak katalizator etnokul'turnoy inzhenerii: ot Podkarpatskoy Rusi k Karpatskoy Ukraine [Carpathian echo of Munich-1938 as a catalyst for ethnocultural engineering: from Subcarpathian Rus to Carpathian Ukraine]. In: Shevchenko, K.V. (ed.). *SSSR i Chexoslovakiya v XX veke: klyuchevyye sobytiya i vyzovy epokhi* [USSR and Czechoslovakia in the XX century: key events and challenges of the era]. Minsk: Kolorgrad. pp. 120–134.

10. Shevchenko, K.V. (2011) *Slavyanskaya Atlantida. Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX v.* [The Slavic Atlantis. Carpathian Rus and Rusins in the 19th – the first half of the 20th century]. Moscow: Regnum.

11. Brenzovics, L. (2010) *Nemzetiségi politika a visszacsatolt Kárpátalján 1939–1944* [National policy in annexed Subcarpathia in 1939–1944]. Uzhhorod: Kárpátaljai Magyar Kulturális Szövetség.

Казак Олег Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета (Беларусь).

Oleg G. Kazak – Belarusian State Economic University (Belarus).

E-mail: olegkazak90@tut.by

УДК 372.8, 327

UDC

DOI: 10.17223/18572685/74/15

Ценностное содержание русского литературного канона и способы его передачи в России*

Л.В. Дериглазова¹, А.М. Погорельская²

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: dlarisa@inbox.ru

² E-mail: pogorelskaya@mail.tsu.ru

Авторское резюме

Целью статьи является выявление содержания русского литературного канона в России после 1991 г., его функций и ценностного наполнения. В постсоветский период в России произошло изменение содержания канона, хотя классики XIX в. сохранили место в нем, включая А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова. Для выявления содержания канона и его ценностного наполнения были проанализированы официальные документы, регламентирующие содержание и ценностное наполнение курсов по русской литературе, а также программы и учебники по литературе для школы. Письменные источники исследования были дополнены устными – интервью с учителями литературы в школе, что помогло углубить и конкретизировать практики, которые используют учителя для достижения целей, обозначенных в официальных документах. Авторы полагают, что русский литературный канон можно определить как «обязательное чтение», так как его усвоение регламентировано и закреплено в программах изучения русской литературы в школе. По результатам исследования сделан вывод, что основной целью изучения русского литературного канона является закрепление у школьников знания об авторах, входящих в золотой фонд русской литературы, формирование чувства принадлежности к русской культуре, ее значимости и ориентации на общегуманистические ценности.

Ключевые слова: ценности, Россия, русская литература, русский литературный канон, обязательное чтение

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы развития ТГУ («Приоритет-2030»).

Values in Russian literary canon and methods of its transmission in Russia*

Larisa V. Deriglazova¹, Anastasia M. Pogorelskaya²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: dlarisa@inbox.ru

² E-mail: pogorelskaya@mail.tsu.ru

Abstract

The article aims at identifying the content of the Russian literary canon in Russia after 1991, its functions and value content. The post-Soviet Russia saw a visible change in the content of the canon, yet the classics of the 19th century, including Aleksandr Pushkin, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoevsky, and Anton Chekhov, retained their place in the school curriculum. To identify the content and values transmitted by the canon, the authors have analyzed curricula, textbooks, and official documents, providing guidelines for teaching literature in Russian schools and regulating the content as well as supposed results of school courses in literature. Written sources were supplemented by interviews with school teachers of Russian literature to deepen and specify the practices teachers use to achieve the goals outlined in official documents. The authors believe that the Russian literary canon can be defined as “compulsory reading”, since its acquisition is regulated and enshrined in school programs of Russian literature. Based on the results of the study, the authors conclude that the main goal of studying the Russian literary canon is to consolidate schoolchildren’s knowledge about the authors of the “golden fund” of Russian literature, to develop a sense of belonging to Russian culture and understanding its significance, and to adjust children’s focus on universal humanistic values.

Keywords: values, Russia, Russian literature, Russian literary canon, compulsory reading

* This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (“Priority-2030”).

Введение

Обращение к проблеме русского литературного канона и его ценностной составляющей обусловлено процессом формирования российской нации в постсоветской России и продолжением дискуссий по поводу континуальности и разрыва в определении ценностей и основ единства российского народа [3: 33–42; 9; 41]. Русский литературный канон изучается преимущественно филологами и литературоведами с основным фокусом на то, кто и как читает в России [19; 29; 40; 44]. В 2000-е и 2010-е гг. в стране развернулась дискуссия по поводу соотношения русской классики и русского литературного канона. Российские исследователи обсуждали изменения в содержании канона в связи с новыми задачами, определяемыми органами власти для системы школьного образования [4–6; 8; 16; 43].

Нам, как историкам, было интересно проанализировать, как изменилось преподавание литературы в российской школе в историческом и политическом контексте. Понимание важности и необходимости государственной политики для сохранения и ценностного наполнения русского литературного канона прослеживается с начала 2000-х гг., когда в стране формирование национальной идентичности осознается как важная государственная задача [13]. Мы исходим из понимания того, что содержание программ по дисциплинам социогуманитарного цикла в школьном образовании отражает политические и идеологические установки, интересы и ценности, транслируемые государственной властью. Целью статьи является выявление содержания, функций и ценностного наполнения русского литературного канона и практик его закрепления в России сегодня.

Теоретической основой исследования стал конструктивистский подход, который придает значение процессу формирования и трансформации современных национальных государств как целенаправленной деятельности политических элит. Особое отношение к национальному языку и литературе сформировалось в период создания системы всеобщего образования в XIX — начале XX в. [45: 81–101]. М.В. Лоскутова отмечает, что «требование радикального пересмотра учебных программ *прежде всего в пользу преподавания русского языка и литературы* было основным для борцов за школьную реформу в России во второй половине XIX — начале XX в.» [28: 19]. Российские лингвологи и историки обращаются к конструктивизму для изучения трансформации идентичности в многосоставных обществах [15].

Мы также опираемся на социологические представления о системе образования как социальном институте, подверженном изменениям и отражающем интересы разных групп, и интерпретацию чтения

как формы социального взаимодействия [12: 12–13, 16]. Всеобщее школьное образование является элементом социализации граждан, поэтому национальный язык и литературу считают основой идентичности гражданина. Однако литература при этом остается одним из универсальных трансляторов общечеловеческих ценностей через индивидуальное знакомство с литературными произведениями.

Эмпирический материал статьи включает официальные документы, регламентирующие преподавание литературы в школе, и школьные учебники по литературе для 5–11-х классов. Письменные источники дополнены устными – углубленными интервью с учителями литературы, что помогло конкретизировать практики, используемые для достижения целей, обозначенных в официальных документах.

В начале статьи мы определим понятие и содержание русского литературного канона и его ценностное наполнение, согласно официальным документам и школьным учебникам, а также проанализируем практики закрепления ценностей на материалах интервью. В заключении мы сделаем выводы об особенностях канона в России в настоящее время.

Русская классическая литература и литературный канон

История России в XX в. сопровождалась двумя большими политическими изменениями, что отразилось на идейных основаниях национальной государственности. После революций 1917 г. Советская Россия заявила о полном идейном разрыве с Российской империей, включая вопросы веры, политики и морали. Многие писатели покинули Советскую Россию, а оставшиеся не всегда пользовались свободой творчества, нередко подвергаясь репрессиям. Политические изменения с 1990-х гг. отражают новый кардинальный поворот, когда были реабилитированы произведения, запрещенные в советское время. В начале XXI в. происходит попытка соединения разорванных в советский период литературных традиций и создания единого национального литературного канона.

Содержание русского литературного канона менялось на протяжении XX в., но в нем присутствует постоянная часть, которую называют золотым фондом. Это авторы XIX и начала XX в., те, кто сформировал современный литературный русский язык – А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский и А.П. Чехов. Анализ фондов Российской государственной библиотеки показывает, что книги этих авторов постоянно переиздавались на протяжении всего советского и постсоветского периода. Самыми издаваемыми писателями в России за последние десять лет стали Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и А.С. Пушкин [39].

Празднование года Ф.М. Достоевского в 2021 г. повлияло на увеличение тиражей книг писателя [1]. В первой половине 2023 г. самыми издаваемыми были Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, М.А. Булгаков и Н.В. Гоголь. Самые популярные книги в аудиоформате с июня 2022 г. по май 2023 г. – «Война и мир» и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого и «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского [27]. Тексты этих авторов стали каноническими в силу в «их повторяемости, воспроизводимости в культуре» и так как они «читаются, перечитываются, упоминаются, цитируются, интерпретируются на протяжении исторически значимого отрезка времени» [11: 68].

М.Б. Гронас обосновал различие в понимании литературной классики и канона. Традиционно в разряд «классики» попадает ограниченный по количеству список «обязательной литературы», чтение которой позволяет «снабдить студентов референциальной рамкой, необходимой для самоидентификации себя» как части определенного общества, а содержание «предопределено сложившимся в культуре консенсусом («классика») и, отчасти, вкусовыми предпочтениями составителей». Канон же представляет собой «цельный нарратив, представляющий некоторое обобщенное доминирующее мировоззрение, систему ценностей» [10: 7]. Исследователи отмечают наличие двух подходов к пониманию канона: 1) социологического, когда канонический статус назначается тексту под влиянием «внешних исторических обстоятельств и общественных отношений», и 2) аксиологического, когда «текст канонизирует себя сам», его каноничность – имманентное свойство, в канон попадают только «необходимые» тексты» [2: 8; 10: 12].

А.В. Вдовин и Р.Г. Лейбов отмечают, что «канонические тексты для любого непрофессионального читателя... метонимически представляют историю национальной / мировой литературы как избранные имена «классиков» и избранные тексты» [2: 8]. При этом *школьный канон* должен быть *гетероморфным*, так как обращается к текстам разной сложности на протяжении долгого процесса обучения в школе, *гетерогенным*, так как подразумевает сочетание классических и современных текстов, и *гетерофункциональным*, так как школьное образование «сочетает задачи языкового развития, историко-литературного просвещения и нравственного / идеологического воздействия» [2: 9].

Сегодня русский литературный канон можно определить как «обязательное чтение», «корпус значимых текстов... обязательных для освоения» [46: 156]. Е.С. Романичева и М.А. Черняк отмечают, что обязательность чтения этих произведений достигается включением их в школьную программу, когда «школьникам вменяется в обязанность их прочитать (в первую очередь для того, чтобы сформировать

свою идентичность...), а учителю-словеснику – проконтролировать и оценить, выполнена ли поставленная задача» [46: 156].

Н.А. Стефановская указывает, что создание «читательских канонов» выполняет несколько функций. Его *стабилизирующая* функция выражается в том, что он служит «сохранению сложившегося в данном обществе духовного стереотипа доминирующей культуры». *Социализирующая* функция подразумевает, что чтение способствует усвоению «постоянных норм и ценностей социума», приобретению «косвенного социального опыта, необходимого для... надлежащего выполнения социальных ролей». *Воспитательная функция* означает, что через чтение «транслируется и закрепляется система моральных установок и запретов, демонстрирующих нравственный идеал данного общества» [46: 290]. Для целей нашего исследования мы обратим внимание именно на эти функции.

Ценностное наполнение русского литературного канона в школе

С распадом СССР содержание школьного курса по литературе должно было определяться по-новому с отказом от прежних идеологических установок. В 1990-е гг. появились разнообразные программы по литературе, которые различались акцентами в изучении дисциплины. Программа под редакцией Т.Ф. Курдюмовой содержала перечень произведений, обязательных к прочтению, включая работы авторов-эмигрантов. В программе сохранились многие произведения советского периода и акцент на воспитании патриотизма [37]. Программы под редакцией А.Г. Кутузова включили духовную литературу, запрещенную в советское время, и философские произведения для старших классов с заметной темой православия в литературных текстах [17; 18].

Требования к целям и результатам освоения школьных дисциплин регламентируются государственными стандартами с 2000-х гг. В 2004 г. был утвержден Федеральный компонент государственного стандарта общего образования. Целями изучения литературы в школе были заявлены «воспитание духовно развитой личности», «развитие эмоционального восприятия художественного текста», «овладение умениями чтения и анализа художественных произведений» [42]. Был обозначен список рекомендованных произведений, где в основном представлена литература XIX и XX вв., включая Б.Л. Пастернака и А.И. Солженицына, а также литература народов России и зарубежную классику.

В 2000-х гг. была выпущена серия рабочих программ в соответствии с новыми требованиями. В программах под редакцией В.Я. Коровиной акцент сделан на формировании общечеловеческих ценностей с целью знакомства с произведениями, «выражающими жизненную правду, общегуманистические идеалы, воспитывающими высокие нравственные чувства у человека читающего» [36] на основе чтения русских авторов XIX и XX вв. и небольших включений зарубежной литературы. В программе для 5–11-х классов под редакцией Г.С. Меркина, С.А. Зинина и В.А. Чалмаева были заявлены воспитательная и образовательная функции литературы, развитие эстетического вкуса, что должно способствовать «воспитанию доброты, сердечности и сострадания как важнейших качеств развитой личности» [35: 9].

Федеральный стандарт основного общего образования 2010 г. для 5–9-х классов усилил акцент на «воспитании российской гражданской идентичности» и формировании готовности к саморазвитию, уважительного отношения к другому человеку, освоении социальных норм и правил поведения [32]. Федеральный стандарт основного общего образования 2021 г. среди требуемых личностных результатов обозначил дополнительно формирование «мотивации к социально значимой деятельности» [30].

Федеральный стандарт среднего общего образования (2012 г.) для 10–11-х классов также указывал на необходимость «формирования российской гражданской идентичности» и «воспитания и социализации обучающихся». В качестве желаемого результата были обозначены любовь к Родине, осознание традиционных ценностей «семьи, российского гражданского общества, многонационального российского народа, человечества», осознание «ценности образования и науки, труда и творчества...» [31].

Концепция преподавания русского языка и литературы, принятая в 2016 г., констатировала наличие проблем в изучении литературы в школе, включая низкую мотивацию к чтению больших классических произведений, недостаток внимания к произведениям современности и низкую способность школьников понимать художественные тексты. При этом утверждалась важность изучения литературы для воспитания «патриотизма, чувства исторической памяти, принадлежности к культуре, народу и всему человечеству» [38].

Анализ текущих примерных школьных программ по литературе и содержания учебников 5–11-х классов базового уровня позволяет выявить следующие акценты и планируемые результаты. Довольно строго регламентирован отбор произведений для изучения. Классические произведения XIX в. занимают основное место, а произведения советского периода и мировой литературы изучаются ограниченно. В

программах заявлено, что чтение должно способствовать постижению таких общечеловеческих ценностей, как «добро, справедливость, честь, патриотизм, гуманизм» [33: 4–5]. Для 5–9-х классов как приоритетные ценностные результаты названы воспитание личности, патриота и гражданина, для 10–11-х классов – «осознание причастности к отечественным традициям и исторической преемственности поколений» [34: 4].

Таким образом, в нормативных документах преподавание литературы в школе призвано привить школьникам общегуманистические ценности, такие как добро, справедливость, гуманизм, уважение к личности и труду, чувство прекрасного. Предполагается, что чтение будет способствовать формированию национальной идентичности и понимания исключительности и ценности национальной культуры и традиций.

Ценности на уроках литературы

Школьные учебники по литературе отражают содержание русского литературного канона и предлагаемые способы его освоения в соответствии с государственными стандартами, т. е. можно говорить о сформированном государственном каноне по русской литературе. Современные учебники включают несколько основных тем, изучение которых основано на историко-биографическом подходе, включая знакомство с биографиями писателя, вписанными в исторический контекст.

В учебнике 5-го класса знакомство начинается с фольклора и продолжается произведениями XIX в. Во вторую часть годового курса включены авторы XX в., которые раньше не входили в канон, – И.А. Бунин, С.А. Есенин, А.П. Платонов, В.П. Астафьев, Н.М. Рубцов, Саша Черный и Ю.Ч. Ким, что может рассматриваться как преодоление разрыва между канонами разных эпох, существовавшего из-за эмиграции, репрессий, непризнания писателей [22]. Новым стало включение произведений зарубежных авторов. В учебнике 6-го класса цикл повторяется, начиная с фольклора в вводной части, и с практически неизменной основной частью литературы XIX в. Новым стало включение произведений А.И. Куприна, А.С. Грина, В.Г. Распутина и В.М. Шукшина. Во второй части представлена мировая классика – мифы Древней Греции, отрывки из «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, М. Де Сервантеса Сааведра, И.Ф. Шиллера, П. Мериме и А. Де Сент-Экзюпери [23].

Изменение литературного канона заметно в учебнике для 7-го класса, где вторая часть включает произведения писателей XX в. Помимо новых авторов (И.А. Бунин, А.П. Платонов, Б.Л. Пастернак)

наследие советского периода значительно изменено, и акцент сделан на их лирических и романтических произведениях, описании природы, рассказах о животных. Такие канонические для советского периода произведения как «Владимир Ильич Ленин» или «Стихи о советском паспорте» В.В. Маяковского, не включены в программу, и вместо них школьники читают «Хорошее отношение к лошадям». Ни в одной из кратких биографий писателей не говорится о причинах эмиграции, смерти и «непризнания» при жизни [24].

В 7-м классе в разделе «Час мужества» школьники читают произведения А.А. Ахматовой, Ф.А. Абрамова, Е.И. Носова, Ю.П. Казакова и Д.С. Лихачёва, которые рассказывают о трагедии войны и жизни человека на войне [24]. Обширный раздел посвящен красоте природы, и в него вошли произведения писателей, не изучавшиеся в советской школе, – В.Я. Брюсова и Ф. Сологуба. В учебники включены произведения, которые стали популярными песнями, в том числе авторов, которые не считались «классиками» в советский период – Б.Ш. Окуджавы и А.Н. Вертинского. Фонотечный фонд курса позволяет прослушать эти песни.

Учебник 8-го класса построен по схожему принципу, где первая часть включает устное народное творчество и классические произведения XIX в. с усложнением выбранных произведений и подходов к их изучению через анализ исторической эпохи [25]. Учебник продолжают темы, связанные с проблемными сюжетами истории страны, через произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова. В разделе литературы XX в. выделены две части – «Русские поэты XX века о Родине, родной природе и о себе» и «Мне трудно без России», куда включены произведения поэтов «русского зарубежья» [25]. В учебнике также отведено место для знакомства с зарубежной классикой. В учебнике есть раздел по теории литературы и литературным местам страны.

Учебник 9-го класса начинается с русской классики XVIII в. и продолжается «шедеврами русской литературы XIX в.»: «Мертвыми душами» Н.В. Гоголя, произведениями Ф.М. Достоевского и А.Н. Островского. Он знакомит школьников с биографией Л.Н. Толстого и «творческой лабораторией» А.П. Чехова. Значительное место отведено произведениям писателей XX в., включая М.А. Булгакова, М.И. Цветаеву, А.А. Ахматову, Б.Л. Пастернака и А.И. Солженицына. Учебник продолжает знакомить школьников с песнями и романсами на слова русских писателей, включая поэзию военного времени [26].

Учебник 10-го класса охватывает русскую классическую литературу от начала XIX и до начала XX в. Учебник вписывает русскую классическую литературу в общемировой литературный и национально-исто-

рический контекст [20]. Учебник 11-го класса полностью посвящен литературе XX в. В нём подробно разбираются произведения о Гражданской войне, репрессиях, вынужденной эмиграции, трудной жизни в Советской России, включая так называемую деревенскую прозу. Произведения М.А. Булгакова, М.И. Цветаевой, А.И. Солженицына дополнены стихами О.Э. Мандельштама и рассказами В.Г. Распутина [21].

Анализ интервью с преподавателями литературы свидетельствует об особенностях интерпретации русского литературного канона и их приспособлении к школьным реалиям, а также помогает понять, как достигаются регламентируемые задачи по формированию ценностей. Наши респонденты – учителя в возрасте от 25 до 66 лет. Некоторые из них были свидетелями изменения канона, для других текущий русский литературный канон воспринимается как данность. Учителя старшего поколения критически оценивают изменение канона, в который включают, по их мнению, *«своих идеологически правильных авторов»*, а формирование канона считают достаточно случайным (интервью 5). При этом прозвучало мнение, что само содержание канона не претерпело больших изменений, хотя появился акцент на *«воспитании патриотизма, на то, что мы русские люди, наши ценности»* (интервью 2).

Заметно обращение к личному опыту преподавателей и школьников при обсуждении литературных произведений (интервью 1, 2, 4, 5). Несмотря на то, что отбор произведений для школьной программы был сделан с учетом их ценностного содержания, в частности в целях содействия гражданскому и патриотическому воспитанию, преподаватели литературы отмечали, что русская литература продвигает общечеловеческие ценности, которым они отдают приоритет (интервью 1, 2, 4, 5).

Во всех интервью отражено понимание важности литературы для формирования личности и её эстетических взглядов. Один респондент отмечал, что *«литература – один из самых важных предметов в школе»* потому, что она помогает сформировать *«эмоциональный интеллект»*, учит сопереживанию, умение *«достучаться»* (интервью 5). Называя произведения, которые дают возможность обсуждать нравственные вопросы, один респондент назвал помимо канонических *«Преступления и наказания»*, *«Отцов и детей»* рассказ *«Юшка»* (А. Платонова) о *«восприятии людей другого формата»* (интервью 4).

Тема воспитания, формирования *«души»* и особенности души русского человека звучала во всех интервью. Было отмечено, что *«когда принимался Федеральный государственный образовательный стандарт, ходили такие разговоры... литературу убрать, дети не читают и так далее. И я вообще была в шоке, если бы это стало*

реальностью, а где бы мы говорили о душе? А где бы мы воспитывали детей?» (интервью 2). Другой респондент заметил, что «русская душа раскрывается во многих произведениях, отовсюду по капле взять и можно, ну как-то в совокупности создать этот образ, его нельзя разложить по полочкам» (интервью 4). Третий респондент противопоставил особенность души русского человека западному, как способность соединить «прагматизм и прекрасное отношение к природе, такое лирическое, романтическое», в то время как «у западного человека больше воспитание идёт на единичности, а у нас на общности строится вся история» (интервью 1). Наш респондент так оценил значение классики: «это база, как фундамент дома, это красота слога, это наша история, но в художественном изображении, это как музей – пойти и посмотреть картины о каком-либо времени. Это своего рода информация, но принесенная не сухим каким-то научным языком, а красивым литературным языком» (интервью 4).

Учителя в интервью подтвердили основу содержания русского литературного, назвав произведения золотого века русской литературы (интервью 1, 2, 4, 5). Из писателей XX в. к «образцовым» был отнесен роман «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова (интервью 2). Более молодые респонденты среди классиков назвали В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, М.М. Хераскова, что совпадает с содержанием учебников (интервью 3).

Респонденты отмечали жёсткую заданность программы и недостаточность времени на изучение больших и серьезных произведений. Как заметил один респондент, «часы рассчитаны очень странно, на какие-то произведения уделяется всего час. Лучше ничего не говорить о произведении, чем говорить всего час» (интервью 3). Некоторые учителя отмечали возможность дополнять программу произведениями по своему усмотрению, другие указывали на нехватку времени как основное препятствие для отступления от программы.

Учителя отмечали, что детям трудно читать большие произведения, они не всегда готовы воспринимать язык другой эпохи, хотя сюжеты, которые обсуждаются в классических произведениях, не теряют актуальности (интервью 1–5). Все респонденты используют способы освоения материалы, предлагаемых в учебниках, – чтение и обсуждение, творческие задания, написание эссе. Дополнительно некоторые учителя приглашают на свои уроки священников, ветеранов и историков (интервью 1, 2).

Действительно, акцент на золотом веке русской классической литературы для изучения в 5–9-х классах наталкивается на проблему чтения объемных и написанных в другое время произведений. Кроме того, произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя

вряд ли можно отнести к разряду «детского чтения», поскольку там обсуждаются ситуации со множеством трудноразрешимых дилемм. Именно поэтому эти произведения читают во многих странах мира, и они остаются актуальными для современных читателей. Более того, актуальность моральных вызовов остается темой современных исследований [14].

Заключение

Изучение особенностей преподавания русской литературы в средней школе позволяет сделать следующие выводы о содержании, функциях и ценностном наполнении русского литературного канона. Можно утверждать, что мы имеем дело с новым литературным каноном, который сформировался в 2010-е гг. Эти изменения подтверждает тезис М.Б. Гронаса о том, что «канонические революции происходят в моменты тектонических изменений в классовой структуре общества» [10: 13]. На примере России мы также можем видеть, что востребованность классики поддерживается культурными институциями, включая академические и издательские [7: 4].

Вдобавок к ним, среди новых практик усвоения литературы стоит отметить использование фонтотек и приглашения на уроки ветеранов, историков, священников. Новые практики, с одной стороны, направлены на решение проблемы чтения, на которую ссылаются официальные документы и респонденты. С другой стороны, стоит отметить популяризацию поэзии через массовую культуру. Таким образом, можно согласиться с тезисом А.В. Вдовина, что в школе происходит неизбежная «фольклоризация» классических текстов [2: 11].

Особенностью нового литературного канона является сохранение золотого фонда русской литературы XIX и начала XX в., причем подход к изучению этих произведений почти не изменился. Сохранился жанр любования родной природой и рассказы о природе и о животных. Традиция обращения к истории «простого» человека был дополнена новым акцентом на религиозной и духовной составляющей такого жизнеописания. В учебниках сохранился жанр военной прозы и поэзии с тем отличием, что больший акцент сделан на страданиях на войне, чем на героизме и подвиге. Само понятие «мужество» представлено как способность человека справляться с каждодневными проблемами. Таким образом, наши выводы согласуются с наблюдениями Е.М. Бутениной о том, что понимание классики не исчерпывается самим корпусом текстов, но и связано с закрепившимися интерпретациями и даже стереотипами восприятия, связанными с ней [7: 7].

Новым в каноне является пересмотр содержания литературы XX в. со значительным расширением списка произведений изучаемых авторов, включая тех, кто эмигрировал, был репрессирован, «не признан» при жизни. Эти «новые старые» авторы включены в программы всего школьного цикла с усложнением произведений и тех проблем, к которым они обращаются. Литература XX в. пополнилась произведениями некоторых советских писателей позднего времени, чья «канонизация» произошла за счет популярности их произведений и признания ценности для русской культуры. Установка на преодоление «насилованного разрыва» в русской литературе заявлена в учебниках 10–11-х классов. По-новому представлена история Гражданской войны, коллективизации, политических репрессий. Заметно усиление темы веры и духовности и уменьшение внимания к политической активности. Стоит отметить усиление исторического и политического контекста в изучении художественной литературы. Вдобавок в учебниках прослеживается формирование любви к России, основанной на понимании исключительности ее культуры, высокой духовности и нравственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. 20 наиболее издаваемых авторов по художественной литературе. 1 полугодие 2023 г. // Российская государственная библиотека. URL: https://www.rsl.ru/photo/!_ORS/7-RKP/1%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%B5%202023/11.1.pdf (дата обращения: 01.09.2023).

2. Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / ред. тома А. Вдовин, Р. Лейбов. Тарту, 2013. 345 с.

3. Castells M. The information age: economy, society and culture. Vol. II. The power of identity. Oxford: Blackwell, 1997. 462 p.

4. Абашева М. На литературном фронте: борьба с каноном в русской прозе рубежа XX–XXI веков // Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые возможности. Сер. «Универсалии культуры» / отв. ред. Н.В. Ковтун. М., 2014. С. 115–137.

5. Баль В.Ю. Литературная репутация Гоголя: между двух канонов (на материале 200-летнего юбилея писателя в 2009 г.). Статья 1 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 68. С. 213–242. DOI: 10.17223/19986645/68/10

6. Баль В.Ю. Литературная репутация Гоголя: между двух канонов (на материале 200-летнего юбилея писателя в 2009 г.). Статья 2 // Вестник Томского

государственного университета. Филология. 2021. № 70. С. 184–198. DOI: 10.17223/19986645/70/10

7. Бутенина Е.М. Интертекст русской классики в прозе американского постмодернизма: к проблеме культурного трансфера: дис. ... д-ра филол. наук. Владивосток, 2018. 418 с.

8. Венедиктова Т.Д. Страсти по канону: двадцать лет вперёд // Вопросы литературы. 2018. № 3. С. 301–316. DOI: 10.31425/0042-8795-2018-3-301-316

9. Гаврилюк В.В., Маленков В.В., Гаврилюк Т.В. Современные модели российской гражданственности // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 97–106.

10. Гронас М.Б. Диссенсус. Война за канон в американской академии 80-х–90-х годов // Новое литературное обозрение. 2001. № 5. С. 6–18.

11. Гронас М.Б. Литературный канон как проблема. Безымянное узнаваемое, или Канон под микроскопом // Новое литературное обозрение. 2001. № 5. С. 68–86.

12. Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. Статьи по социологии литературы. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 352 с.

13. Дробижева Л.М. и др. Поиски определения и динамика распространения российской идентичности // Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / отв. ред. Е.М. Арутюнова, С.В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 21–36.

14. Зорин А.Л. Жизнь Льва Толстого: Опыт прочтения. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 248 с.

15. Интеграционный и дезинтеграционный потенциал идентичности в истории и современности / отв. ред. О.А. Харусь. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2023. 272 с.

16. Кознова И.Е. Русская литературная классика в идентификационных представлениях советской культуры // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 3 (51). С. 81–93. DOI: 10.21685/2072-3024-2019-3-8

17. Кутузов А.Г. и др. Как войти в мир литературы. 5 класс: методическое пособие / ред. А.Г. Кутузова. М.: Дрофа, 1995. 112 с.

18. Кутузов А.Г. и др. Как войти в мир литературы: 6 класс: методическое пособие / А.Г. Кутузов, А. Г. Гутов, Л. В. Колосс. М.: Дрофа, 1996. 90 с.

19. Ланин Б.А. Читательский канон и литературное образование в современной школе // Ценности и смыслы. 2018. № 5 (57). С. 20–35. DOI: 10.24411/2071-6427-2018-10022

20. Литература. 10 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. Базовый и профил. уровни: в 2 ч. / Ю.В. Лебедев. 14-е изд. М.: Просвещение, 2012.

21. Литература. 11 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. / под ред. В.П. Журавлева. 17-е изд. М.: Просвещение, 2012.

22. Литература. 5 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. / В.Я. Коровина, В.П. Журавлев, В.И. Коровин. 2-е изд. М.: Просвещение, 2013.

23. Литература. 6 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. / В.П. Полухина, В.Я. Коровина, В.П. Журавлев, В.И. Коровин. М.: Просвещение, 2012.

24. Литература. 7 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. / В.Я. Коровина, В.П. Журавлев, В.И. Коровин. 5-е изд. М.: Просвещение, 2016.

25. Литература. 8 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. / В.Я. Коровина, В.П. Журавлев, В.И. Коровин. 8-е изд. М.: Просвещение, 2009.

26. Литература. 9 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. / В.Я. Коровина, В.П. Журавлев, В.И. Коровин, И.С. Збарский. 20-е изд. М.: Просвещение, 2013.

27. «Литрес» назвал самое популярное произведение классической литературы // ТАСС. 2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17938151> (дата обращения: 11.09.2023).

28. Лоскутова М. Национальный литературный канон в средней школе // Новое литературное обозрение. 2001. № 5. С. 19–34.

29. Петров А.А. К проблеме трансформации школьного литературного канона // Наукосфера. 2021. № 5 (1). С. 216–220.

30. Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (дата обращения: 26.10.2023).

31. Приказ Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/bf0ceabdc94110049a583890956abbfa/> (дата обращения: 26.10.2023).

32. Приказ от 17 декабря 2010 года № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (с изменениями на 8 ноября 2022 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/902254916> (дата обращения: 26.10.2023).

33. Примерная рабочая программа основного общего образования «Литература» (для 5–9 классов образовательных организаций) // Министерство просвещения Российской Федерации. 2021. URL: <https://fgosreestr.ru/oor/primernaia-rabochaia-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniia-literatura> (дата обращения: 23.04.2023).

34. Примерная рабочая программа учебного предмета «Литература» (базовый уровень) для 10–11 классов общеобразовательных организаций //

Министерство просвещения Российской Федерации. 2022. С. 4. URL: <https://fgosreestr.ru/oop/primernaia-rabochaia-programma-uchebnogo-predmeta-literatura-bazovyi-uroven-dlia-10-11-klassov-obshcheobrazovatelnykh-organizatsii> (дата обращения: 02.09.2023).

35. Программа по литературе для 5–11 классов общеобразовательной школы / авт.-сост.: Г.С. Меркин, С.А. Зинин, В.А. Чалмаев. М.: Русское слово, 2010. URL: https://nsportal.ru/sites/default/files/2014/05/17/merkin_g_s_zinin_s_a_chalmaev_v_a_-_programma_po_literature_5-11_klassyliteratura.pdf (дата обращения: 26.10.2023).

36. Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5–11 классы (Базовый уровень), 10–11 классы (Профильный уровень) / под ред. В.Я. Коровиной. М.: Просвещение, 2007. URL: https://opalevalara.ucoz.ru/programma_po_literature_v.ja.korovinoj.pdf (дата обращения: 26.10.2023).

37. Рабочая программа. Литература. 5–9 класс. УМК Курдюмовой Т.Ф. URL: <https://rosuchebnik.ru/material/literatura-5-9-klassy-rabochaya-programma-kurdumova/> (дата обращения: 26.10.2023).

38. Распоряжение Правительства РФ от 9 апреля 2016 г. № 637-р «Об утверждении Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации». URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/216174b3a3e742ed4198233094d948ac/download/2745/> (дата обращения: 26.10.2023).

39. Российская книжная палата опубликовала статистику за 2022 год. URL: <https://godliterary.ru/articles/2023/02/16/rossijskaia-knizhnaia-palata-opublikovala-statistiku-za-2022-god> (дата обращения: 01.09.2023)

40. Сухих И.Н. Русский литературный канон (XIX–XX вв.). СПб.: РХГА, 2016. 471 с.

41. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 648 с.

42. Федеральный компонент государственного стандарта общего образования // Федеральный портал «Российское образование». URL: <https://www.edu.ru/documents/view/61154/> (дата обращения: 26.10.2023).

43. Федоров В.В. Бытование классических образцов в современной русской литературе: трансформация языкового и эстетического канона // Челябинский гуманитарий. 2016. № 2 (35). С. 85–92.

44. Хазанова О.Э. Литературный текст как факт культурного отбора для целей образования // Наука и школа. 2015. № 3. С. 105–113.

45. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. М.: Алетейя, 1998.

46. Чтение. Энциклопедический словарь / ред. Ю.П. Мелентьевой. М: ФГБУН НИЦ. Наука. РАН, 2021. 448 с.

REFERENCES

1. The Russian State Library (2023) *20 naibolee izdavaemykh avtorov po khudozhestvennoy literature. 1 polugodie 2023 g.* [20 most published authors in fiction. 1st half of 2023]. [Online] Available from: https://www.rsl.ru/photo/!_ORS/7-RKP/1%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%B5%202023/11.1.pdf (Accessed: 1st September 2023).
2. Vdovin, A. & Leybov, R. (ed.) (2013) *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie, IX. Khrestomatiynye teksty: russkaya pedagogicheskaya praktika XIX v. i poeticheskiy kanon* [Acta Slavica Estonica IV. The works on Russian and Slavic philology. Literary criticism IX. Obligatory texts: Russian pedagogical practice in the 19th century and the poetic canon] Tartu: [s.n.].
3. Castells, M. (1997) *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. II. Oxford: Blackwell.
4. Abasheva, M. (2014) Na literaturnom fronte: bor'ba s kanonom v russkoy proze rubezha XX–XXI vekov [At the literary front: The struggle with canon in the Russian prose at the turn of 21st centuries]. In: Kovtun, N.V. (ed.) *Krizis literaturotsentrizma. Utrata identichnosti vs. novye vozmozhnosti* [The crisis of literary centrism. Loss of identity vs. new opportunities]. Moscow: Flinta. pp. 115–137.
5. Bal, V.Yu. (2020) Gogol's literary reputation: Between two canons (on the material of the 200th anniversary of the birth of the writer in 2009). Article 1. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 68. pp. 213–242 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/68/10
6. Bal, V.Yu. (2021) Gogol's literary reputation: between two canons (on the material of the 200th anniversary of the birth of the writer in 2009). Article 2. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 70. pp. 184–198 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/70/10
7. Butenina, E.M. (2018) *Intertekst russkoy klassiki v proze amerikanskogo postmodernizma: k probleme kul'turnogo transfera* [Intertext of Russian classics in American post-modernist prose: The issue of cultural transfer]. Philology Dr. Diss. Vladivostok.
8. Venediktova, T.A (2018) Passion for the Canon: Twenty Years Ahead. *Voprosy literary*. 3. pp. 301–316. DOI: 10.31425/0042-8795-2018-3-301-316
9. Gavriluk, V.V., Malenkov, V.V. & Gavriluk, T.V. (2016) Sovremennye modeli rossiyskoy grazhdanstvennosti [Current models of Russian statehood]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 11. pp. 97–106.
10. Gronas, M.B. (2001) Dissensus. Voyna za kanon v amerikanskoy akademii 80-kh – 90-kh godov [Dissensus. The War for the Canon in the American Academy of the 1980s–1990s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5. pp. 6–18.

11. Gronas, M.B. (2001) *Literaturnyy kanon kak problema. Bezymyannoe uznavaemoe, ili kanon pod mikroskopom* [Literary canon as a problem. The nameless recognizable or the canon under microscope]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5. pp. 68–86.

12. Gudkov, L. & Dubin, B. (1994) *Literatura kak sotsial'nyy institut. Stat'i po sotsiologii literatury* [Literature as a social institute. The articles on literature sociology]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

13. Drobizheva, L.M. et al. (2021) *Poiski opredeleniya i dinamika rasprostraneniya rossiyskoy identichnosti* [Looking for the definition and the dynamics of Russian identity dissemination]. In: Arutyunova, E.M. & Ryzhova, S.V. (eds) *Soderzhatel'nye osnovy rossiyskoy identichnosti. Regional'nyy i etnokul'turnyy konteksty* [Contents of Russian Identity. Regional and Ethnocultural Contexts]. Moscow: FNIS RAS. pp. 21–36.

14. Zorin, A.L. (2023) *Zhizn' L'va Tolstogo: Opyt prochteniya* [The life of Leo Tolstoy. The reading experience]. 2nd ed. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

15. Kharus, O.A. (ed.) (2023) *Integratsionnyy i dezintegratsionnyy potentsial identichnosti v istorii i sovremennosti* [Integrative and disintegrative potential of identity in history and modernity]. Tomsk: Tomsk State University.

16. Koznova, I.E. (2019) Russian Literary Classics in Identification Representations of Soviet Culture. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki – University Proceedings. Volga region. Humanities. History*. 3(51). pp. 81–93 (in Russian). DOI: 10.21685/2072-3024-2019-3-8

17. Kutuzov, A.G. et al. (1995) *Kak voyti v mir literatury. 5 klass: Metodicheskoe posobie* [To enter the world of literature. 5 grade: The toolkit]. Moscow: Drofa.

18. Kutuzov, A.G. et al. (1996) *Kak voyti v mir literatury: 6 klass: Metodicheskoe posobie* [To enter the world of literature. 6 grade: The toolkit]. Moscow: Drofa.

19. Lanin, B.A. (2018) The reading canon and literary education in modern school. *Tsennosti i smysly – Tsennosti i smysly*. 5(57). pp. 20–35 (in Russian). DOI: 10.24411/2071-6427-2018-10022

20. Lebedev, Yu.V. (ed.). (2012) *Literatura. 10 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy. Bazovyy i profil. urovni. V 2 ch.* [Literature. 10th grade. Textbook for comprehensive schools. Basic and advanced levels in 2 parts]. 14th ed. Moscow: Prosveshchenie.

21. Zhuravlev, V.P. (ed.) (2012) *Literatura. 11 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy v 2 ch.* [Literature. 11th form. Textbook for comprehensive schools in 2 parts]. 17th ed. Moscow: Prosveshchenie.

22. Korovina, V.Ya., Zhuravlev, V.P. & Korovin, V.I. (eds) (2013) *Literatura. 5 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy v 2 ch.* [Literature. 5th grade. Textbook for comprehensive schools in 2 parts]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie.

23. Polukhina, V.P., Korovina, V.Ya., Zhuravlev, V.P. & Korovin, V.I. (eds) *Literatura. 6 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy v 2 ch.* [Lit-

erature. 6th grade. Textbook for comprehensive schools in 2 parts]. Moscow: Prosveshchenie.

24. Korovina, V.Ya., Zhuravlev, V.P. & Korovin, V.I. (eds) (2016) *Literatura. 7 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy v 2 ch.* [Literature. 7th form. Textbook for comprehensive schools in 2 parts]. 5th ed. Moscow: Prosveshchenie.

25. Korovina, V.Ya., Zhuravlev, V.P. & Korovin, V.I. (eds) (2009) *Literatura. 8 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy v 2 ch.* [Literature. 8th grade. Textbook for comprehensive schools in 2 parts]. 8th ed. Moscow: Prosveshchenie.

26. Korovina, V.Ya., Zhuravlev, V.P. & Korovin, V.I. (eds) (2013) *Literatura. 9 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy v 2 ch.* [Literature. 9th grade. Textbook for comprehensive schools in 2 parts]. 20th ed. Moscow: Prosveshchenie.

27. TASS. (2023) "*Litres*" nazval samoe populyarnoe proizvedenie klassicheskoy literatury [Litres announced the most popular literary classics]. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/17938151> (Accessed: 11th September 2023).

28. Loskutova, M. (2001) Natsional'nyy literaturnyy kanon v sredney shkole [National literary canon in high school]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5. pp. 19–34.

29. Petrov, A.A. (2021) K probleme transformatsii shkol'nogo literaturnogo kanona [On the transformation of school literary canon]. *Naukosfera*. 5(1). pp. 216–220.

30. Russian Federation. (2012) *Prikaz Minobrnauki Rossii ot 17 maya 2012 g. № 413 "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego obshchego obrazovaniya"* [Order № 413 of the Ministry of Education of the Russian Federation adopted on May 17, 2012, on the Federal state education standard of secondary general education]. [Online] Available from: <https://docs.edu.gov.ru/document/bf0ceabdc94110049a583890956abbfa/> (Accessed: 26th October 2023).

31. Russian Federation. (2021) *Prikaz Ministerstva prosveshcheniya RF ot 31 maya 2021 g. № 287 "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta osnovnogo obshchego obrazovaniya"* [Order № 287 of the Ministry of Education of the Russian Federation adopted on 31 May 2021 on the Federal state education standard of basic general education]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (Accessed: 26th October 2023).

32. Russian Federation. (2022) *Prikaz ot 17 dekabrya 2010 goda № 1897 "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta osnovnogo obshchego obrazovaniya" (s izmeneniyami na 8 noyabrya 2022 goda)* [Order №

1897 adopted on December 17, 2010, on the Federal state education standard of basic general education changed on November 8, 2022]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/902254916> (Accessed: 26th October 2023).

33. Ministry of Education of the Russian Federation. (n.d.) *Primernaya rabochaya programma osnovnogo obshchego obrazovaniya "Literatura" (dlya 5–9 klassov obrazovatel'nykh organizatsiy)* [Sample programme program for basic general education "Literature" (for grades 5–9 of educational organizations)] [Online] Available from: <https://fgosreestr.ru/oop/primernaia-rabochaia-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniia-literatura> (Accessed: 23rd April 2023).

34. Ministry of Education of the Russian Federation. (n.d.) *Primernaya rabochaya programma uchebnogo predmeta "Literatura" (bazovyy uroven') dlya 10–11 klassov obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy* [Sample programme for the academic subject "Literature" (basic level) for grades 10–11 in general education organizations]. [Online] Available from: <https://fgosreestr.ru/oop/primernaia-rabochaia-programma-uchebnogo-predmeta-literatura-bazovyy-uroven-dlya-10-11-klassov-obshcheobrazovatel'nykh-organizatsii> (Accessed: 2nd September 2023).

35. Merkin, G.S., Zinin, S.A. & Chalmaev, V.A. (2014) *Programma po literature dlya 5–11 klassov obshcheobrazovatel'noy shkoly* [Literature program for grades 5–11 of general education school]. [Online] Available from: https://nsportal.ru/sites/default/files/2014/05/17/merkin_g.s._zinin_s.a._chalmaev_v.a._programma_po_literature_5-11_klassyliteratura.pdf (Accessed: 26th October 2023).

36. Korovina, V.Ya. (ed.) (n.d.) *Programmy obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy. Literatura. 5–11 klassy (Bazovyy uroven'), 10–11 klassy (Profil'nyy uroven')* [Programs of general education institutions. Literature. Grades 5–11 (Basic level), Grades 10–11 (Profile level)]. [Online] Available from: https://opal-evalara.ucoz.ru/programma_po_literature_v.ja.korovinoj.pdf (Accessed: 26th October 2023).

37. Kurdyumova, T.F. (n.d.) *Rabochaya programma. Literatura. 5–9 klass. UMK Kurdyumovoy T.F.* [Syllabus on Literature. 5th–9th grades. Kurdyumova T.F.]. [Online] Available from: <https://rosuchebnik.ru/material/literatura-5-9-klassy-rabochaya-programma-kurdyumova/> (Accessed: 26th October 2023).

38. Russian Federation. (2016) *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 9 aprelya 2016 g. № 637-r "Ob utverzhdenii Kontseptsii prepodavaniya russkogo yazyka i literatury v Rossiyskoy Federatsii"* [Order № 637-r of the Government of the Russian Federation adopted on April 9, 2016, on the Concept of Russian language and literature teaching in the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://docs.edu.gov.ru/document/216174b3a3e742ed4198233094d948ac/download/2745/> (Accessed: 26th October 2023).

39. GodLiteratury.RF. (2023) *Rossiyskaya knizhnaya palata opublikovala statistiku za 2022 god* [Russian Literary Chamber published the statistics for

2022] [Online] Available from: [sthttps://godliteratury.ru/articles/2023/02/16/rossijskaia-knizhnaia-palata-opublikovala-statistiku-za-2022-god](https://godliteratury.ru/articles/2023/02/16/rossijskaia-knizhnaia-palata-opublikovala-statistiku-za-2022-god) (Accessed: 1st September 2023).

40. Sukhikh, I.N. (2016) *Russkiy literaturnyy kanon (XIX–XX vv.)* [Russian literary canon in the 19th – 20th centuries]. St. Petersburg: RChAH.

41. Tishkov, V.A. (2013) *Rossiyskiy narod: istoriya i smysl natsional'nogo samo-soznaniya* [Russian people: History and meaning of national self-awareness]. Moscow: Nauka.

42. Russian Federation. (n.d.) *Federal'nyy komponent gosudarstvennogo standarta obshchego obrazovaniya* [Federal component of state standard for general education]. [Online] Available from: <https://www.edu.ru/documents/view/61154/> (Accessed: 26th October 2023).

43. Fedorov, V.V. (2016) Elements of the Classics in the Modern Russian Literature: Transformation of Linguistic and Aesthetic Canons. *Chelyabinskiy gumanitariy*. 2(35). pp. 85–92 (in Russian).

44. Khazanova, O.E. (2015) Literary text as a fact of cultural selection for education. *Nauka i shkola*. 3. pp. 105–113 (in Russian).

45. Hobsbawm, E. (1998) *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nations and Nationalism since 1780]. Translated from English. Moscow: Aleteyya.

46. Melentieva, Yu.P. (ed.) (2021) *Chtenie. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Reading. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Nauka, RAS.

Дериглазова Лариса Валериевна – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета (Россия).

Larisa V. Deriglazova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: dlarisa@inbox.ru

Погорельская Анастасия Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета (Россия).

Anastasia M. Pogorelskaya – Tomsk State University (Russia).

E-mail: pogorelskaya@mail.tsu.ru

УДК 81'246.3

UDC

DOI: 10.17223/18572685/74/16

Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны*

Д.М. Искандарова

Российско-Таджикский (Славянский) университет,
734025, Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

E-mail: diloroiskandarova@gmail.com

Авторское резюме

Анализируется языковая ситуация в диахроническом и синхронном аспектах с учетом исторически сложившегося естественного билингвизма в контактных зонах проживания таджиков. Подобные зоны расположены по территории всей Центральной Азии, поскольку исторически ираноязычные таджики, как правило, городские жители, имели тесные контакты с тюркоязычными племенами, в частности, оседлыми узбеками, которые селились в окрестных селениях-кишлаках, и кочевыми тюркоязычными племенами. Языковые контакты способствовали развитию двуязычия, а иногда и многоязычия, в основном мужского населения, женщины при этом зачастую оставались монолингвами. В современном Таджикистане языковая ситуация также характеризуется несколькими зонами с компактным проживанием представителей различных тюркоязычных этносов (узбеками, кыргызами, туркменами), кроме того, особый интерес представляет Горно-Бадахшанская автономная область, где проживают носители малых, так называемых памирских языков, которые являются не просто билингвами, но зачастую мультилингвами. Приведённый краткий историко-этнолингвистический обзор языковой ситуации в Туркестане XIX – начала XX в., а также в советский и постсоветский период позволяет понять природу этноязыкового ландшафта, существования этноконтактных лингвистических зон, витальности языков и характера билингвизма. Проведён социоллингвистический опрос в университетской среде (преподаватели и студенты), результаты которого также демонстрируют полученные ранее данные о функционировании таджикского и русского языков, малых языков Бадахшана, узбекского и кыргызского языков.

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Результаты исследования легли в основу скорректированной социолингвистической анкеты при реализации проекта «Создание психолингвистических нормативных баз данных по таджикскому языку и таджикско-русскому билингвизму».

Ключевые слова: этноязыковой ландшафт, языковые контакты, социолингвистические зоны, таджикско-русский билингвизм, мультилингвизм, витальность

Linguistic situation in Tajikistan: Ethnocontact zones*

Diloro Iskandarova

Russian-Tajik Slavonic University

30 V. Tursunzade str., Dushanbe, 734025, Tajikistan

E-mail: diloroiskandarova@gmail.com

Abstract

The article analyzes the language situation in diachronic and synchronic aspects, taking into account the historically established natural bilingualism in the contact zones of Tajiks. Similar zones are located throughout Central Asia, since historically Iranian-speaking Tajiks, usually urban residents, had close contacts with Turkic-speaking tribes, in particular, sedentary Uzbeks who settled in surrounding villages, and nomadic Turkic-speaking tribes. Language contacts contributed to the development of bilingualism, and sometimes multilingualism, mainly among the male population, while women often remained monolingual. In modern Tajikistan, there are also several zones with compact residence of representatives of various Turkic-speaking ethnic groups (Uzbeks, Kyrgyz, Turkmens). Of them, the Badakhshan Mountainous Autonomous Region is of special interest, since the speakers of “small”, so-called Pamir languages, who live there, are not just bilinguals, but often multilinguals. The present brief historical and ethnolinguistic overview of the linguistic situation in Turkestan in the 19th and early 20th centuries, as well as in the Soviet and post-Soviet periods, explains the ethnolinguistic landscape, the existence of ethno-contact linguistic zones, the vitality of languages, and the nature of bilingualism. The results of the sociolinguistic survey, conducted among university faculty and students, also support the previously obtained data on the functioning of the Tajik and Russian languages, as well as the minor languages of Badakhshan, the Uzbek

* This study is supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority 2030).

and Kyrgyz languages. The results of the study were used to adjust the sociolinguistic questionnaire for the project "Creation of psycholinguistic normative databases on the Tajik language and Tajik-Russian bilingualism."

Keywords: ethnolinguistic landscape, language contacts, sociolinguistic zones, Tajik-Russian bilingualism, multilingualism, linguistic vitality

Вводные замечания. Постановка проблемы

Языковая ситуация в современном Таджикистане характеризуется наличием нескольких больших и малых языков, количество носителей и сферы функционирования которых имеют значительное различие. Государственным языком, согласно ст. 2 Конституции Республики Таджикистан, является таджикский язык, языком межнационального общения назван русский язык. Кроме того, все «нации и народности, проживающие на территории республики, вправе свободно пользоваться своим родным языком» [10]. Русский язык в советский период также был родным языком большого количества граждан страны, однако вследствие трагических событий 1990-х гг., а также в результате гражданской войны 1992–1997 гг. носители русского языка массово эмигрировали из Таджикистана, что изменило этноязыковой ландшафт страны.

Общее количество живых языков в Таджикистане, согласно авторитетному компендиуму «Этнолог» [19], составляет 11, 1 из них имеет статус институционального, 6 – стабильных и 4 относятся к исчезающим (Endangered languages). 8 языков Таджикистана относятся к индоевропейской, 2 – к тюркской, 1 – к афроазиатской семьям. Вопрос о статусе памирских языков (шугнанский, рушанский, ваханский, ишкашимский и др.) остается открытым, поскольку в различных исследованиях они называются то языками, то диалектами.

Языками, находящимися на грани исчезновения в Таджикистане, занимались также учёные исследовательской группы SIL International, изучавшие в течение 2003–2004 гг. языки малых народов страны – парья, ягноби, язгулемский, ишкашимский, шугнанский, рушанский, хуфский, бартангский, рошорвский. В результате исследований были изданы коллективная монография «Studies in Languages of Tajikistan» [4] и статьи [3].

Изучением шугнанского языка и некоторых других языков Памира с 2017 г. активно занимается также группа учёных НИУ ВШЭ (г. Москва) во главе с академиком В.А. Плунгяном и профессором Е.В. Рахилиной. Ими создан проект, посвященный памирским языкам, – **Pamiri.online** (<https://pamiri.online/>).

Функционирование языков в Таджикистане изучается с различных ракурсов, в основном российскими и зарубежными исследователями, однако, на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания языковым контактам в диахроническом аспекте, характеру таджикско-русского билингвизма, а также самоидентификации билингвов.

Основную задачу данного исследования, таким образом, мы видим в том, чтобы, опираясь на историко-этнографические и лингвистические данные, проанализировать языковую ситуацию в Таджикистане в историческом и современном состоянии в целом (взгляд изнутри) и описать характер билингвизма и мультилингвизма в стране, особенно в этноконтактных зонах.

Методы, материалы и источники исследования

Для решения поставленной задачи в своём исследовании мы привлекаем историко-этнографические источники – труды известных русских путешественников и учёных А.Ф. Миддендорфа, А.Д. Гребенкина и др. [9; 14], таджикских учёных – академиков А. Турсона и Р. Масова (историософское осмысление проблемы витальности таджикского народа) [12; 13; 18].

Источником для изучения вопросов языкового разнообразия Таджикистана послужили данные компендиума «Этнолог» [19] и полевые исследования по малым языкам Таджикистана международной группы SIL International, в частности Джона М. Клифтона [3; 4].

В исследовании применены методы диахронического и синхронного анализа, этнолингвистические и социолингвистические методы. Для верификации результатов современных исследований билингвизма и мультилингвизма проведён социолингвистический опрос среди студентов и преподавателей Российско-Таджикского (Славянского) университета и Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе. Количество респондентов – 80 человек двух возрастных групп: студенты (18–20 чел.) и преподаватели (25–63 чел.).

Результаты и дискуссия

Языковая ситуация в диахроническом срезе. Историко-этнолингвистический обзор. Чтобы выяснить, откуда берёт свои истоки таджикский язык, следует, прежде всего, обратить внимание на то, что «таджик» на протяжении тысячелетий был этнонимом, но язык до XX в. не назывался таджикским. Известный таджикский учёный А. Турсон считает, что «формирование таджикского этноса в качестве особой, духовно спаянной туранской ветви арийства со своим литературным языком, письменной культурой, мифопоэтической

генеалогией, а также местной политической традицией завершилось в эпоху Саманидов (IX–X вв. – Д.И.)... Вместе с тем, поскольку само слово “таджик”, по мнению ведущих лингвистов-иранистов, имеет парфяно-согдийское происхождение, вполне вероятно, что первые тюркские писатели использовали этноним, распространённый среди самих таджиков, в том числе и таджиков, живших с давних пор в Баласагуне и Кашгаре... в известном историографическом труде Байхаки (двенадцатое столетие), в котором автор, подчёркивая свою небезучастность к происходящим военно-политическим событиям своего времени, говорит: “Я и подобные мне таджики” (ману монанди ман тозикон)» [6: 459; 18: 22].

А.Д. Гребенкин пишет: «Название таджик туземцы производят от тадж и ли, т. е. коронованный; следовательно, это название они получили еще в отдаленные времена, когда их цари носили корону» [9: 1–2].

Отметим, что вопросов по этимологии и времени появления этнонима много, приводить их здесь не считаем целесообразным, однако упомянем, что нам встретилось и более раннее упоминание этнонима *tājika* с переводом «перс» в «Санскритско-русском словаре» [11: 238], который содержит наиболее употребительную лексику (28 000 слов) из текстов эпического (VII в. до н.э. – III в. н.э.) и классического (IV–VII вв.) санскрита, что является свидетельством того, что это слово, как название этноса, присутствовало еще в санскритских текстах более раннего периода.

Что касается названия языка, исторически он назывался *форсии дари* (т. е. придворный фарси), разделение которого на три самостоятельных языка началось в XVI в., теперь это три языка – персидский в Иране, дари в Афганистане и таджикский в Таджикистане и некоторых ареалах с компактным проживанием таджиков в других странах Центральной Азии, в основном в Узбекистане. На протяжении долгого времени, начиная с X–XII вв., персидский выполнял функции языка дипломатии, межэтнического общения, делопроизводства, культуры и литературы на большом пространстве и оказал огромное влияние на другие иранские, тюркские и новоиндийские языки от Центральной Азии и Индии до Турции, Крыма и Кавказа.

Таджики на протяжении многих веков были жителями городов. Учёные говорят о факторах исторического выживания таджиков как народа, называя среди них в первую очередь «градоцентричность культуры», т. е. ведущую созидательную и охранительную роль города: «Самарканд и Бухара, Балх и Герат, Тус и Нишапур, Мерв и Ходжент, города Ферганской и Дарвазской долин – вот далеко не полный перечень центров исторической кристаллизации таджикского на-

рода и его городского менталитета. Именно в этих древних городах формировались социокультурные нормы и идеалы таджиков, складывался их национальный характер, утончались духовные архетипы и традиции» [18: 36–37]. О том, что таджики являются в основном городскими жителями на обширных территориях Средней Азии, говорят и российские путешественники и учёные. Так, А. Д. Гребенкин в своей книге «Русский Туркестан», изданной в 1872 г., пишет: «Город и таджик так тесно связаны в понятии среднеазиатца, что узбеки, например, считают всех живущих в городах не иначе как таджиками... “Почему же они не таджики? Ведь они живут в городе и занимаются торговлею?” Яснее этого аргумента для узбека ничего быть не может. Город есть настоящее место жительства таджика, и только в городе таджик в своей сфере» [9: 4].

История «топорного деления»

В истории таджиков некоторые историки выделяют три периода, когда само существование народа оказывалось под угрозой:

Первый этап – присоединение Средней Азии к России и образование Туркестанского генерал-губернаторства. «Этим названием сознательно или по незнанию истории народов Средней Азии утверждалось, что здесь как жили ранее, так и теперь проживают лишь одни турки. Между тем таджики вместе с сартами (отуреченные таджики) составляли большую часть населения Средней Азии... Это было первое, “топорное”, ничем не обоснованное разделение, а точнее – искусственное и насильственное превращение таджиков в турков» [12: 10].

Второй этап – «второе “топорное” разделение, – пишет академик Р. Масов, – произошло в результате столкновения геополитических интересов России и Англии и созданной ими в 1895 году разграничительно-территориальной линии “сферы влияния”, которая была проложена по реке Пяндж. Согласно ей левобережные земли реки Пяндж с таджикским населением отошли к Афганистану. Таким образом, таджики этого региона насильственно были превращены, хотели они этого или нет, в афганцев» [12: 10].

Третий этап – «третье “топорное” разделение по отношению к таджикскому народу состоялось в советский период, а точнее, в 1924 году. По мнению многих русских учёных с мировым именем, да и на наш взгляд, оно для таджиков было и по-прежнему является самым трагичным. В результате национально-территориального размежевания более двух миллионов таджиков, компактно проживающих на своей исторической родине, были насильственно включены в состав искусственно образованной Узбекской Советской Социалистической

Республики и в кратчайший срок превращены в “узбеков”» [13: 199–200].

А. Турсон так охарактеризовал этот период: «Духовному господству таджиков в Средней Азии пришел конец осенью 1924 г., когда в результате криминально-исторической акции, документально зафиксированной как “национально-территориальное размежевание народов Средней Азии”, жирный кусок региона, обитаемого издревле таджиками, был преподнесён на блюдецке с красной каёмочкой новорождённому “советскому Узбекистану”» [18: 43].

Тот факт, что крупнейшие города – средоточие культуры, ремёсел, духовных и учебных центров, населённые главным образом таджиками, были отданы другой республике, и есть результат «топорного деления», нанёсшего еще один сильнейший удар по таджикам.

Несмотря на описанные трагические события, угрожающие самому существованию таджиков как народа, по словам учёного-ориенталиста А.Ф. Миддендорфа, «таджики, сколько мне известно, представляют единственный на нашей планете пример столь упорного существования, пробивающего себе путь, несмотря на враждебные, в течении столетий, воздействия против них» [14: 159], они не просто выжили, но и сохранили свою этническую самобытность благодаря своей высокой духовности: «Только благодаря своему превосходству в духовном отношении, так же как во всякой житейской практике, таджик и мог сохранить свою этнографическую самостоятельность... Несмотря на непрерывные порабощения, несмотря на исторические события, которые, казалось, складывались так, чтобы уничтожить всякую типическую особенность, как духовную, так и физическую, несмотря на изолирование от главной массы западноиранских единоплеменников, персов, из страны которых ни одна освежающая историческая волна не достигла таджиков. С той древнейшей эпохи, когда обе группы разделились, несмотря на все эти насильственные влияния, сохранился своеобразный уклад» [14: 162].

Язык как фактор сохранения идентичности таджиков

Несмотря на безжалостное вытеснение из селений и городов, расположенных на равнинах, в горы (93 % территории современного Таджикистана – горы), что привело к «расчленению антропологически и исторически единого тела народа» [18: 42], а затем и к этнопсихологическому и лингвокультурному отчуждению, раздробленности народа, таджиков можно назвать «нацией языка», поскольку самоидентификация происходит на основе языка (владение которым далеко не всегда полное, как показывают современные исследования).

Следовательно, одним из важнейших факторов, способствовавших экзистенциальному выживанию таджиков, является конструктивная роль языка как особой «культуротворящей и коммуникативной системы» [18: 37]. Как отмечает известный американский востоковед Ричард Фрай, язык играет двоякую конструктивную роль, как: 1) «наиболее адекватный критерий для определения идентичности народа» и 2) «наиболее важное средство для поддержания преемственности культуры по сравнению с религией или социальной организацией» [1: 4].

Из сказанного выше следует, что именно язык был и остается «носителем, хранителем и кодом культуры» [18: 38], обеспечившей выживание таджиков как этноса.

Этот тезис мы проиллюстрируем далее на материале малых языков.

Языковая ситуация в Таджикистане в XX–XXI вв.

Сохранению таджикского языка в советский период способствовали усилия известных учёных, писателей, государственных деятелей, среди которых в первую очередь необходимо назвать основоположника таджикской советской литературы Садриддина Айни и учёного, государственного деятеля Б.Г. Гафурова (оба удостоены звания Герой Таджикистана в период независимости). Также следует отметить советских востоковедов В.В. Бартольда, Е.Э. Бертельса, М.С. Андреева, А.А. Семенова, И.С. Брагинского, Б.А. Литвинского и других; благодаря их трудам было официально признано общее культурно-историческое прошлое, персидско-таджикская литература начинает своё существование с произведений основоположника Рудаки, т. е. с IX–X вв., а не с XX в., как настаивали некоторые псевдоучёные, пытаясь предать забвению культурную память народа. Одним из основных этапов формирования нынешней таджикской письменности стал перевод её с арабского на латиницу в 1928 г., а затем на кириллицу в 1940 г.

Этнический состав Таджикистана начал меняться с началом советской индустриализации. В середине 1920-х гг. в него прибыло большое количество специалистов – русских, украинцев и других национальностей, которые вместе с местным населением строили новые города на месте небольших кишлаков (столица страны – город Душанбе – также построен на месте нескольких кишлаков), и стали их основными жителями – рабочими строящихся заводов и фабрик, при этом таджики и узбеки проживали преимущественно в сельской местности. Кроме того, в Таджикистан были депортированы тысячи татар и немцев по обвинению в пособничестве нацистам во время Второй мировой войны [5]. Из-за того что промышленность

развивалась преимущественно в городах, а также именно там находилось большинство вузов и правительственных учреждений, доля русскоязычных в них была значительно выше. Так, в столице, «согласно переписи населения 1989 года, население Душанбе состояло из таджиков (39,1 %), русских (32,4 %), узбеков (10 %), татар (4,1 %) и украинцев (3,5 %). Большинство образованных таджиков в городской среде говорили по-русски, а русские не чувствовали необходимости изучать таджикский язык» [20].

Основным языком многонационального города, таким образом, стал русский, он употреблялся во многих сферах, где вполне мог и должен был использоваться таджикский язык. Не секрет, что советская языковая политика была направлена на создание советского народа с единым языком, культурой, менталитетом. Поэтому ставилась задача овладения русским языком как вторым родным языком всеми нациями и национальными меньшинствами путем расширения сфер использования русского языка. Вследствие этой политики и складывающейся ситуации большинство таджиков стали таджикско-русскими билингвами. Русский язык открывал новые горизонты, владение им давало возможность получить хорошее образование, в том числе и за пределами республики, построить успешную карьеру, приобщиться к сокровищнице мировой культуры.

Языковая ситуация в Таджикистане значительно изменилась после распада СССР. Изменился и этнический состав страны после обретения независимости и гражданского противостояния 1992–1997 гг. и последовавшей за этим разрухой не только в экономике, но и практически во всех областях жизни. Большинство нетаджикских этнических групп, в том числе узбеки, русские, кыргызы и украинцы бежали в Россию и другие бывшие советские республики (среди таджиков также было много мигрантов, особенно среди северян); многие так и не вернулись, в результате чего уже к 2000 г. примерно 80 % населения составляли таджики [5]. Из-за оттока специалистов значительно пострадали такие жизненно важные сферы, как промышленность, медицина и образование, что привело и сокращению количества детей, знающих русский язык: «Слом социальных систем повлёк и языковой слом. Последовавшие социальные потрясения привели не только к утрате русского языка, особенно в регионах, но и к появлению молодого поколения, которое не могло читать и писать даже на родном языке, так как школы как образовательные институты не работали» [17: 10].

Ситуация стала меняться с начала 2000-х гг., когда в Таджикистане стали приниматься государственные программы по изучению русского языка 2004–2014, 2014–2020 и 2021–2030 гг. [8].

Этноязыковой ландшафт современного Таджикистана

По данным 2014 г., этнический состав современного Таджикистана выглядит следующим образом: таджики – 84,3 % (включая памирцев и ягнобцев), узбеки – 13,8 %, другие – 2 % (включая кыргызов, русских, туркмен, татар, арабов и др.) [5].

К наиболее крупным по количеству носителей и сферам употребления языкам в стране можно отнести таджикский, русский и узбекский языки. Таджикский язык используется в качестве родного и имеет статус государственного, а также является средством межэтнического общения между некоторыми этническими группами Бадахшана, русский язык – как родной (русские, украинцы, белоруссы, корейцы, евреи и др.) и общий язык межэтнического общения; узбекский язык – как родной язык крупнейшей национальной диаспоры (почти 14 % от общей численности населения).

Особого внимания заслуживают памирские языки. В Горно-Бадахшанском автономном округе (ГБАО – 45 % территории страны) проживают небольшие этнические группы, их общее количество превышает 270 тыс. человек, и говорят они на 14 языках и диалектах, которые обычно объединяются под одним названием – памирские языки [2: 9–10].

Кроме того, как отмечено выше, республика является домом для таких этнических групп, как украинцы, белорусы, корейцы (которых можно отнести к категории русскоязычного населения), татары, казахи, а также кыргызы (в основном проживающие в Мургабском и Джиргитальском районах).

К числу малых языков, кроме названных выше памирских языков, относятся ягнобский (прямой потомок мёртвого согдийского языка) и парья (индоарийский), о которых будет сказано далее.

Таким образом, этноязыковой ландшафт в современном Таджикистане характеризуется высокой степенью языкового разнообразия, что обуславливает существующий в стране билингвизм/мультилингвизм. Однако следует подчеркнуть, что таджикский и русский языки доминируют в количественном отношении, что усиливает несбалансированный характер нынешней языковой ситуации.

Этноконтактные зоны: билингвизм и мультилингвизм

Традиционно выделяют три социолингвистические зоны на территории современного Таджикистана, которые мы рассмотрим как этноконтактные, сложившиеся в результате языковых контактов различных этнических групп.

1. Северная зона. Согдийская область, где традиционно таджики соседствовали и контактировали с оседлым узбекским населением. В данной зоне исторически существовал таджикско-узбекский

билингвизм, который в советское время в определённой степени превратился в таджикско-узбекско-русское многоязычие.

2. Южная зона. Данную зону можно подразделить на 3 подзоны:

1) Джиргитальский район с компактным проживанием кыргызского населения, что способствует тесному взаимодействию кыргызского, таджикского и русского языков;

2) район Турсунзаде (узбекский, таджикский и русский языки): ситуация в данной этнолингвоконтактной зоне схожа с таковой в северной, поскольку обе находятся на границе с Узбекистаном;

3) Шаартузский район, представляющий особый интерес, где проживают не только таджики и узбеки, но и арабы, говорящие на т. н. таджикском варианте арабского (Tajiki Spoken Arabic); здесь же есть и носители южного пушту [19]. В данной подзоне также функционирует и русский язык. Соответственно, существуют различные варианты мультилингвизма с включением таджикского и/или русского в родной (семейный) язык. По многочисленным свидетельствам, общение на различного рода мужских мероприятиях (свадебных и прочих торжествах) или просто в мужской компании может проходить одновременно на всех упомянутых языках со свободным переключением кодов.

3. Бадахшан – третья наиболее интересная с точки зрения этнолингвоконтактов зона. Она характеризуется широким использованием местных языков, а также таджикского и русского, т. е. мультилингвизмом. Здесь выделяют особую подзону – Мургабский район (где люди в основном используют кыргызский и наряду с ним таджикский, русский, шугнанский и бартангский языки в различных би- и мультилингвальных вариациях).

Названные этнолингвоконтактные зоны наглядно представлены на рис. 1.

Говоря о языковом разнообразии Таджикистана, необходимо особо остановиться на малых языках, поскольку носители этих языков, как правило, и являются многоязычными (хотя, как отмечалось выше, в этноконтактных зонах с преобладающим узбекским или кыргызским населением (не относятся к малым языкам) также распространено многоязычие с включением русского или другого контактного языка).

К малым языкам Таджикистана относятся, прежде всего, памирские, входящие в юго-восточную подгруппу иранской группы. К памирским языкам относят языки шугнано-рушанской группы, включающей в себя шугнанский, рушанский, хуфский, бартангский, орошорский (рошорвский), сарыкольский; язгулямский, ваханский, ишкашимский.

Кроме того, к малым языкам Таджикистана относятся ягнобский, относящийся к северо-западной подгруппе иранских языков, и язык парья (относится к индоарийской группе индоиранской ветви).

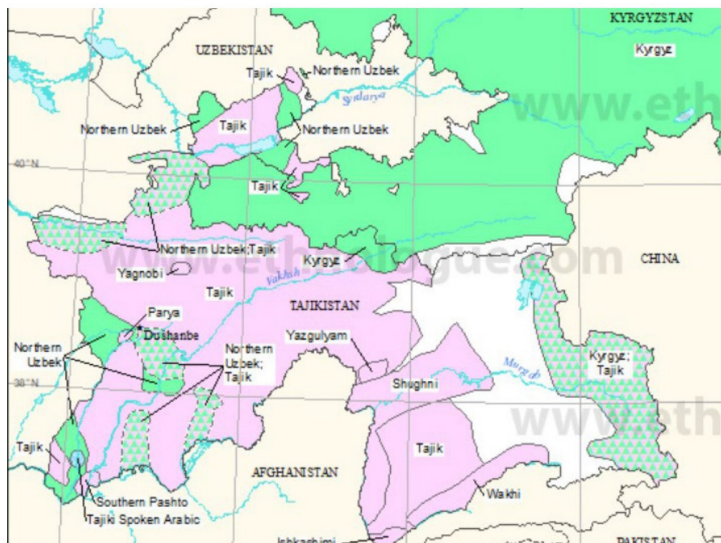

Рис. 1. Этноязыковая карта Таджикистана [19]

Языковое разнообразие и многоязычие, несомненно, влияют друг на друга, поскольку доминирующие языки подавляют малые языки и культуры и вследствие многоязычия происходит утрата языкового многообразия [3: 1]. И это драматично, поскольку, как считает Дж. Клифтон, если для лингвистов исчезновение языка означает утрату «уникальной совокупности лингвистических явлений, имеющих теоретическое значение», то для антропологов – это «утрата уникального мировоззрения» [3: 1].

Однако с точки зрения языковой экологии утрата языка это не то же самое, что потеря народа, она – крайний результат языкового сдвига: «когда одна языковая разновидность заменяет другую в конкретной области». Немаловажным является и факт того, что «языковой сдвиг в некоторых сообществах привёл к утрате языка, а в других сообществах – к устойчивому многоязычию» [3: 1].

Результаты исследований ягнобского (13 тыс. носителей), парья (5 тыс.) и ишкашимского (1 тыс.) языков позволили учёному сделать выводы о стабильном многоязычии в Таджикистане.

Носители этих языков регулярно контактируют с соседями-таджиками и/или узбеками. Традиционным местом расселения ягнобцев является долина реки Ягноб (достаточно изолированная, труднодоступная), однако большая часть общины была насильственно переселена в начале 1970-х гг. для работы на хлопковых плантациях на

северо-западе Таджикистана, где они живут среди гораздо более крупных таджикских и узбекских общин в Зафарабадском районе Согдийской области.

Парья проживают к западу от Душанбе в Гиссаре и Шахринаве (районы республиканского подчинения (РПП)), а ишкашимцы – в самом южном уголке Таджикистана, в ГБАО. Все они находятся в контактных зонах с таджикоязычными общинами.

Относительно всех малых языков Таджикистана полевые этно- и социолингвисты отмечают, что ни один из этих языков не имеет официального государственного статуса и ни один из них не преподаётся в школах. Отсутствие официального признания и широкое взаимодействие с носителями таджикского и узбекского языков характерны для всех менее распространённых языков Таджикистана; и хотя большинство носителей этих языков владеют либо таджикским, либо узбекским (дополнительно русским) языками, каждый из менее распространённых языков по-прежнему активно используется всеми возрастными группами [3: 4; 4].

Полевые лингвисты отмечают, что традиционные методы опроса и инструменты оценки не совсем уместны в Таджикистане, в частности, подчёркивается: «Гостеприимство очень важно в культурах; это означает, что, когда мы посещали дом, мы не могли сузить своё внимание до достижения наших исследовательских целей» [3: 5]. Эти и другие факторы существенно затрудняли сбор материала.

Для устного интервью были заданы определённые вопросы. Приведём в качестве примера следующие:

«1. Каковы различия между парья и другими этническими группами?

2. Каковы наиболее важные факторы, необходимые для того, чтобы стать парья? Назовите 3 наиболее важных из них.

3. Вы типичный парья? Почему или почему нет? Что делает других людей типичными парья?

4. Насколько важно уметь говорить на языке парья, чтобы человек был парья?» [3: 4–5].

В других языковых сообществах вопросы могли отличаться, но, как отмечают исследователи, в результате исследования и его обобщения, можно сделать заключения о нескольких факторах жизнеспособности, таких как, например, многостороннее социальное взаимодействие и этническая идентичность.

При этом **язык** неизменно был одним из наиболее часто упоминаемых факторов (вспомним приведённый в начале статьи тезис о языке как факторе выживания этноса).

«Среди ишкашимцев более 85 % респондентов определили язык как основное отличие между ними и их соседями. В ответ на вопрос, каковы наиболее важные факторы того, чтобы считаться ишкашимцем, 40 % указали язык, чуть более 30 % указали отца/родителей и менее 15 % сказали, что имеет значение место рождения» [3: 5].

Аналогичные ответы были получены от респондентов – ягнобцев и парья, хотя вопросы немного отличались. Более половины ягнобцев указали, что быть ягнобцем – значит **знать язык**. Такое же количество ягнобцев отметили, что хорошо, что у них есть язык, традиционная культура гостеприимства и гордость за свою идентичность.

Результаты данных социолингвистических исследований указывают на то, что каждому из исследованных языковых сообществ присуще сильное чувство групповой идентичности и язык играет центральную роль в этом восприятии, названные языки достаточно устойчивы, поскольку доминирующий язык не угрожает разговорному языку, когда есть взаимодополняющие области использования.

Именно эту ситуацию можно наблюдать в языковых сообществах носителей малых языков Таджикистана, что свидетельствует о существующем устойчивом многоязычии.

Социолингвистический опрос в университетской среде

После изучения вопросов функционирования и витальности языков, проблем двуязычия и многоязычия в Таджикистане мы посчитали целесообразным провести социолингвистический опрос среди студентов и преподавателей университета с целью определения количества билингов/мультилингов. Это было необходимо для того, чтобы начать опрос по социолингвистическим и психолингвистическим анкетам, предложенным Лабораторией лингвистической антропологии Томского государственного университета в рамках сетевого проекта (общее описание проекта представлено в [15], последние исследования данного направления – в работах [7; 16 и др.]).

Однако первые социолингвистические анкеты не дали необходимого результата, так как в связи с существующей уникальной ситуацией с двуязычием/многоязычием вопросы о первом/втором языках вызывали недопонимание. Отнесение русского языка к иностранному также вызывало неприятие, поскольку для интервьюируемых таджикско-русское двуязычие или многоязычие с включением этих языков и своего малого является вполне естественным и зачастую врождённым. Для того чтобы получить адекватные ответы и скорректировать социолингвистическую анкету, предложенную томскими партнерами, был проведён краткий опрос, который включал 9 вопросов о национальности респондента, его родном (материнском) языке, языке

общения, втором/третьем языках, о родных языках отца и матери, двуязычии/многоязычии, первом/втором/третьем языках. Результаты анкеты приведены в табл. 1, 2.

Таблица 1

Результаты анкетирования в университетской среде, чел.

Вопрос	Ответ						
	Таджикский	Русский	Узбекский	Памирский	Рушанский / Шугнанский	Английский	Азербайджанский
1. Кто вы по национальности?	68	1	8	2	–	–	1
2. Какой язык вы считаете родным?	58	25	5	2	1/1	2	–
3. На каком языке вы чаще общаетесь?	36	43	4	2	1/1	2	–
4. На каком языке чаще всего говорит ваша мать?	43	25	7	4	1/1	–	1
5. Какой язык является родным языком вашей матери?	61	5	8	4	1/1	–	1
6. На каком языке чаще всего говорит ваш отец?	55	17	7	3	1/1	1	–
7. Какой язык является родным языком вашего отца?	66	4	8	3	1/1	2	1

На вопрос «Считаете ли вы себя двуязычным/многоязычным?» ответили «да» 76 чел., «нет» – 4 чел.

Таблица 2

Ответы на вопросы о двуязычии/многоязычии, чел.

9. Если да, то какой язык считаете своим	Таджикский	Русский	Узбекский	Памирский	Рушанский/Шугнанский	Азербайджанский	Английский
первым?	46	23	6	2	1+1	–	1
вторым?	25	43	1	–	–	1	13
третьим?	6	7	1	–	–	–	41

Как видно из результатов опроса, большая часть испытуемых – таджики (85 %), узбеки (10 %), памирцы всего в двух случаях идентифицировали себя как памирцы, остальные записали в графе национальность – таджики.

Вопросы о родном языке и первом языке не имеют одинаковых показателей (ср.: для таджикского – 58 и 46 чел. соответственно, русский – 25/23, узбекский – 5/6 чел.). Самоидентификация носителей памирских языков идёт в основном по своим языкам. Вопрос о том, на каком языке чаще общаются респонденты, отражает ситуацию с более частым использованием русского, а не таджикского языка (43 и 36 чел. соответственно). В графе о первом языке встречались сразу два: русский и таджикский, что говорит о равном владении языками. На вопрос о владении третьим языком 57 чел. дали ответы, однако в 41 ответе речь, вероятнее всего, идёт об английском как иностранном.

Заключение

Полученные при социалингвистическом опросе результаты подтверждают наличие в Таджикистане устойчивого двуязычия, а в этноконтактных зонах и многоязычия, обусловленного многими факторами, которые рассмотрены в статье. Дальнейшее изучение данного аспекта должно быть проведено в Согдийской и Хатлонской областях, ГБАО и РПП, что мы и намерены сделать. Подобные этно- и социалингвистические исследования позволяют нам продвинуться и в области создания психолингвистических нормативных баз данных по таджикскому языку и таджикско-русскому билингвизму в рамках сетевого проекта «Выявление динамики когнитивных структур в условиях виртуальной мультязыковой информационно-коммуникативной среды» Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета под руководством доктора филологических наук, профессора З.И. Резановой.

В заключение отметим, что этноязыковой ландшафт в современном Таджикистане характеризуется, с одной стороны, высокой степенью языкового разнообразия, с другой – тем, что таджикский и русский языки доминируют в количественном отношении, демонстрируя несбалансированный характер языковой ситуации. Проблема vitality таджикского и русского языков, а также малых языков после приобретения независимости и гражданской войны 1992–1997 гг. требует новых исследований и особого рассмотрения в связи с изменением языковой ситуации Таджикистана, что мы и намерены сделать в следующих работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Frye R.* The Heritage of Central Asia: From Antiquity to the Turkish Expansion. Princeton Series on the Middle East. Princeton: Markus Wiener Publishers, 1996. 263 p.

2. *Iskandarova D.M. et al.* Social and linguistic aspects of the Tajik national identity formation: The findings of the survey of students in Tajikistan // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Vol. 9, is. 5. P. 1–13. DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i5/87594

3. *Clifton J.M.* Stable Multilingualism in Tajikstan. URL: https://www.academia.edu/2088389/Stable_Multilingualism_in_Tajikstan (дата обращения: 06.11.2023).

4. Studies in Languages of Tajikistan. Grand Rapids, MI, USA, 2005. 250 p.

5. Tajikistan. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/tajikistan> (дата обращения 07.11.2023).

6. *Бартольд В.В.* Таджики. Исторический очерк. Сочинения. Т. 2, ч. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 449–469.

7. *Владимирова В.Е., Резанова З.И., Коршунова И.С.* Отражение этноязыкового контактирования в языковом сознании: влияет ли билингвизм на субъективные оценки перцептивной семантики? // Русин. 2022. Т. 70. С. 212–228. DOI: 10.17223/18572685/70/12

8. Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года от 30 августа 2019 года, № 438. URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=134849 (дата обращения: 08.11.2023).

9. *Гребенкин А.Д.* Таджики. Узбеки. Мелкие народности Заравшанского округа // Русский Туркестан: сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. Вып. 2: Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. М.: Университетская типография (Катков и К°) на Страстном бульваре, 1872. С. 1–119.

10. Конституция Республики Таджикистан. URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 01.11.2023).

11. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М.: Русский язык, 1978. 896 с.

12. *Масов Р.* Таджики: вытеснение и ассимиляция. Душанбе: Дониш, 2003. 175 с.

13. *Масов Р.* Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. Душанбе: Пайванд, 2005. 288 с.

14. *Миддендорф А.Ф.* Очерки Ферганской долины. СПб., 1882.

15. *Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А.* Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в

синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. 2018. № 52. С. 107–117. DOI: 10.17223/18572685/52/8

16. Резанова З.И., Коршунова И.С. Русская речь в зоне языкового контактирования: активные тенденции в сфере отклонений от речевого стандарта // Русин. 2022. № 68. С. 266–279. DOI: 10.17223/18572685/68/14

17. Рогозная Н.Н. Би- и полилингвизм в современном Таджикистане // Русский язык за рубежом. Специальный выпуск. 2022. № 12. 84 с.

18. Турсон А. Самандар и Зулкарнайн: к историософии таджиков // Таджики: история, культура, общество. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 5–63.

19. Этнолог. URL: <https://www.ethnologue.com/country/TJ> (дата обращения: 02.11.2023).

20. Этнический состав населения Таджикистана. URL: <https://ru.history-hub.com/etnicheskii-sostav-naseleniya-tadzhikistana> (дата обращения: 05.11.2023).

REFERENCES

1. Frye, R. (1996) *The Heritage of Central Asia: From Antiquity to the Turkish Expansion*. Princeton Series on the Middle East. Princeton: Markus Wiener Publishers.

2. Iskandarova, D.M. et al. (2016) Social and linguistic aspects of the Tajik national identity formation: The findings of the survey of students in Tajikistan. *Indian Journal of Science and Technology*. 9(5). pp. 1–13. DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i5/87594

3. Clifton, J.M. (2010) Stable Multilingualism in Tajikistan. In: Baglini, R., Grinsell, T., Keane, J., Singerman, A.R. & Thomas, J. (eds) *Proceedings of CLS 46-2: The parasessions*. Chicago Linguistic Society. Editors. pp. 17–25). [Online] Available from: https://www.academia.edu/2088389/Stable_Multilingualism_in_Tajikistan (Accessed: 6th November 2023).

4. Clifton, J.M. (ed.) (2005) *Studies in languages of Tajikistan*. Dushanbe: National State University of Tajikistan; St. Petersburg: North Eurasia Group, SIL International.

5. CIA. (n.d.) *Tajikistan. The World Factbook*. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/tajikistan/> (Accessed: 7th November 2023).

6. Bartold, V.V. (1963) *Tadzhiki. Istoricheskiy ocherk. Sochineniya* [Tajiks. A historical sketch. Essays]. Vol. 2(1). Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury. pp. 449–469.

7. Vladimirova, V.E., Rezanova, Z.I. & Korshunova, I.S. (2022) Ethno-linguistic contact as reflected in language cognition: Does bilingualism affect subjective assessments of perceptual semantics? *Rusin*. 70. pp. 212–228 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/70/12

8. Republic of Tajikistan. (2019) *Gosudarstvennaya programma sovershenstvovaniya prepodavaniya i izucheniya russkogo i angliyskogo yazykov v Respublike Tadzhikistan na na period do 2030 goda ot 30 avgusta 2019 goda, №438* [State program for improving the teaching and learning of Russian and English languages in the Republic of Tajikistan till 2030. Dated August 30, 2019. #438]. [Online] Available from: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=134849 (Accessed: 8th November 2023).

9. Grebenkin, A.D. (1872) *Tadzhiki. Uzbeki. Melkie narodnosti Zaravshanskogo okruga* [Tajiks. Uzbeks. Small nationalities of Zarafshan district]. In: *Russkiy Turkestan: Sbornik, izdannyy po povodu Politekhicheskoy vystavki* [Russian Turkestan: collection published on the occasion of the Polytechnic Exhibition]. Vol. 2. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i Ko) na Strastnom bul'vare. pp. 1–119.

10. *The Constitution of the Republic of Tajikistan*. [Online] Available from: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (Accessed: 1st November 2023).

11. Kochergina, V.A. (1978) *Sanskritsko-russkiy slovar'* [Sanskrit–Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

12. Masov, R. (2003) *Tadzhiki: vytesnenie i assimilyatsiya* [Tajiks: displacement and assimilation]. Dushanbe: Donish.

13. Masov, R. (2005) *Aktual'nye problemy istoriografii i istorii tadzhikskogo naroda* [Current problems of historiography and history of the Tajik people]. Dushanbe: Payvand.

14. Middendorf, A.F. (1882) *Ocherki Ferganskoy doliny* [Essays on the Fergana Valley]. St. Petersburg: [s.n.].

15. Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Miklashevskiy, A.A. (2018) Investigation of psycho-linguistic and cognitive aspects of language contacting in the project “Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: Interaction of Languages and Cultures.” *Rusin*. 2(52). p. 107–117 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/8

16. Rezanova, Z.I. & Korshunova, I.S. (2022) Russian speech in the language contact zone: active trends in deviations from the speech standard. *Rusin*. 68. pp. 266–279 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/68/14

17. Rogoznaya, N.N. (2022) Bi- i polilingvizm v sovremennom Tadzhikistane [Bi- and multilingualism in modern Tajikistan]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. Special issue. 12.

18. Turson, A. (2014) Samandar i Zulkarnayn: k istoriosofii tadzhikov [Samandar and Zulkarnain: to the historiography of the Tajiks]. In: Rakhimov, R.R. (ed.) *Tadzhiki: istoriya, kul'tura, obshchestvo* [Tajiks: history, culture, society]. St. Petersburg: MAE RAS. pp. 5–63.

19. *Ethnologue*. [Online] Available from: <https://www.ethnologue.com/country/TJ/> (Accessed: 2nd November 2023).

20. Ru.history. (n.d.) *Etnicheskiy sostav naseleniya Tadjikistana* [Ethnic composition of Tajikistan] [Online] Available from: <https://ru.history-hub.com/etnicheskii-sostav-naseleniya-tadjikistana> (Accessed: 5th November 2023).

Искандарова Дилоро Мукаддасовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией Междисциплинарных прикладных исследований Научно-исследовательского Института Российско-Таджикского (Славянского) университета (Таджикистан).

Diloro Iskandarova – Russian-Tajik Slavonic University (Tajikistan).

E-mail: diloroiskandarova@gmail.com

УДК 930 (2); 94 (47); 32.019.52

UDC

DOI: 10.17223/18572685/74/17

Исторические нарративы национальной идентичности в оптике больших данных Рунета: смысловые конструкты «война» и «мир»*

Н.В. Трубникова¹, А.Ю. Саркисова², И.Е. Рогаева³

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: troub@mail.ru

² E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

³ E-mail: irina_rogaeva@mail.ru

Авторское резюме

Анализируются смысловые конструкты репрезентаций прошлого, эксплицированные посредством представлений о «войне» и «мире» пользователей социальной сети «ВКонтакте». Экспериментальным материалом исследования послужили 114 588 постов, опубликованные в 2021–2023 гг. на стенах сообществ «ВКонтакте». Теоретико-методологическую основу исследования составили современные положения в области нарратологии, истории памяти и исследований медиатекста. Анализ данных показал, что нарратив о войне плотно оформлен и фактологически насыщен; он не поэтичен, лишён метафор, страха и переживаний, внешне нейтрален даже при описании катастрофических фактов и событий; стиль повествования сохраняет прозаичность и прагматизм. Тексты пользователей, содержащие конструкцию «Война – это...», в основном транслируют восприятие войны как безусловного зла. Результаты рассматриваются в широком контексте русских паремий о войне как

* Результаты были получены в рамках государственного задания Минобрнауки, проект № FSWM-2023-0008 «Исторические нарративы национальной идентичности в оптике больших данных Рунета: комплексная методология исследования». Теоретико-методологическая основа применения программ автоматизированного анализа больших данных к предметному полю исторической памяти разработана в рамках программы развития Томского государственного университета «Приоритет 2030», проект № 2.3.7.22 ОНГ.

выражении народного сознания. Ценностно-смысловой конструкт «мир» проявляется в различных текстуальных контекстах в связи с противопоставлением войне, сохраняя основные характеристики милитарного дискурса. Устойчивой характеристикой военного тропа является представление о том, что Россия обычно выигрывает на поле боя, но всегда проигрывает за столом переговоров (частотные словосочетания «позорные мирные соглашения», «унизительный мир» и т. п.). Негативным оказывается восприятие пользователями терминов «пацифизм», «компромисс». Словосочетание «русский мир», устойчивое в исследуемой текстовой выборке, рассмотрено применительно к исторической судьбе русинов. Сделан вывод, что ценностно-смысловые конструкты «война» и «мир» в военных нарративах сетевых сообществ не обнаруживают свойств дихотомичности. «Худой мир», «позорный мир», «унизительный мир», по сути, являются продолжением лексики войны. Мир как цель существования остаётся заветным идеалом и мечтой, которая едва просматривается в милитарной метафоре современного дискурса медиасферы.

Ключевые слова: военный нарратив, историческая память, национальная идентичность, конструкт, дихотомия, бинарная оппозиция, война и мир, социальные сети, большие данные

Historical narratives of national identity in the optics of Runet big data: Semantic constructs of “war” and “peace”*

Natalia V. Trubnikova¹, Anna Yu. Sarkisova²,
Irina E. Rogaeva³

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: trouba@mail.ru

² E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

³ E-mail: irina_rogaeva@mail.ru

*The results were obtained under the state assignment of the Ministry of Education and Science, Project no. FSWM-2023-0008 “Historical narratives of national identity in the optics of Runet big data: A comprehensive research methodology.” The theoretical and methodological basis for the application of automated big data analysis programmes to the historical memory was developed under the Tomsk State University development programme “Priority 2030”, Project No. 2.3.7.22 ONG.

Abstract

The article analyzes the semantic constructs of representations of the past, explicated through the ideas of “war” and “peace” of VK network users. The experimental material for the study was 114,588 posts published in 2021–2023 on the walls of VK communities. The theoretical and methodological basis was made up of modern provisions of narratology, history of memory, and media text research. The data analysis has shown that the war narrative is dense and factually rich; it is not poetic, devoid of metaphors, fear and emotions, outwardly neutral even when describing catastrophic facts and events. The narrative style remains prosaic and pragmatic. Users’ texts containing the construction “War is...” mainly convey the perception of war as an unconditional evil. The results are considered in the broad context of Russian proverbs about war as an expression of national consciousness. The value-semantic construct “peace” manifests itself in various textual contexts as opposed to war and preserves the main characteristics of military discourse. A persistent characteristic of the military trope is the idea that Russia usually wins on the battlefield, but always loses negotiations (frequent phrases are “shameful peace agreements”, “humiliating peace”, etc.). Users’ perception of the terms “pacifism” and “compromise” turns out to be negative. The combination “Russian world”, stable in the text sample under study, is considered in relation to the historical fate of the Rusins. The authors conclude that the value-semantic constructs “war” and “peace” in the military narratives of online communities do not exhibit dichotomous properties. “Bad peace”, “shameful peace”, “humiliating peace”, in fact, are the extensions of the lexeme of war. Peace as the goal of existence remains a cherished ideal and dream, which is barely visible in the military metaphors of modern media discourse.

Keywords: military narrative, historical memory, national identity, construct, dichotomy, binary opposition, war and peace, social networks, big data

Введение

Представления о событийной структуре и иерархии военного нарратива российских социальных медиа¹ необходимо дополнить анализом, характеризующим основные смысловые конструкты репрезентаций прошлого, сформированных в ходе концептуальной интерпретации выводов, выявленных в массиве больших данных. Попытаемся проявить некоторую конвергенцию смыслов военного нарратива через рассмотрение и сравнение представлений о «войне» и противоположном ей «мире» в военных нарративах сетевых сообществ «ВКонтакте».

Если обратиться к опыту лингвокультурологии, концепт «мир» является частью базовых понятий, структурирующих языковую картину

мира [15]. Концепт «война», как абсолютный антагонист «мира», не входит в национальную систему ценностей, хотя и является одним из неизбежных элементов в жизни человечества и, по мнению современных исследователей, изучен недостаточно [1; 11].

К числу важнейших особенностей мышления человека общественные и гуманитарные науки относят дихотомическое структурирование мира: «жизнь – смерть», «добро – зло», «земля – небо», «свет – тьма». Значения бинарной оппозиции лингвокультурных концептов «война» и «мир» в современном русском языке не коррелируют с обозначенной схемой: если война – это вооруженный конфликт между государствами, то мир – это отсутствие войны, «не-война». Между тем подобная смысловая связка не всегда была присуща российскому языковому сознанию.

В традиционном обществе Руси «мир» означал «соглашение, священные обязанности», поддерживаемые ритуально-мифологическими действиями, и одновременно – «коллектив людей, пришедших к соглашению». На протяжении всей рассматриваемой эпохи мир как «договор» и мир как «коллектив» были семантически неразрывно связаны. Слово «война» первоначально было прилагательным женского рода, означающим «свойственный воину или войску». Однако, помимо качеств признака, «война» обозначала ещё и сам коллектив людей, совершавших военные действия. Отсюда двусмысленность самого действия «идти войной», что означало и передвижение коллектива людей, занимающихся военным делом, и их намерение совершить военное действие.

Таким образом, вначале «война» и «мир» не формировали явной бинарности: «мир» касался всех людей, являясь и причиной объединения коллектива, и его результатом, в то время как «война» относилась к функциональной деятельности более узкой социальной группы, связанной с боевыми действиями [14].

Лишь в XVII в., давшем почву многочисленным социальным антагонизмам в российском обществе, постепенно образуется понимание «мира» как отсутствия противодействия, однако «война» и «мир» (противодействие и взаимодействие) по-прежнему не являются полноценной дихотомической парой, поскольку «мир» в подобной трактовке не содержит самостоятельного концептуального смысла. В дальнейшем развитии мира, конфликтном и полном взаимных территориальных претензий, именно оппозиция такого типа сформировала понимание «мира» как отсутствия войны [4: 201–202].

Между тем понимание значения «мира» в русской культуре последующего периода имеет также, вне обозначенной бинарности,

собственную внутреннюю глубину и многослойность. Так, в знаменитом романе Л.Н. Толстого «Война и мир» исследователи выделяют несколько его значений: 1) мир как не-война – основная лексема, выдержанная в культурной семантике «мировойны», которая и дала часть заглавия роману (по правописанию XIX в. – «миръ»); 2) весь свет, мирское сообщество (в правописании времени автора – «міръ»), который выше сословий, где видны отголоски крестьянской или церковной общины («міром Господу помолимся», «жить в міру, а не в затворе»); 3) есть эпизоды, повествующие о «классовом мире» между сословиями; 4) мир-вселенная и мир экзистенциальных переживаний, трудно и редко приводящий героев к душевной гармонии [10: 211].

В представленной статье будет показана специфика культурного дискурса «войны и мира», свойственная коллективной памяти сетевых сообществ Рунета, которые объединяет тематический интерес к военному прошлому России.

Материал и методы²

1. Теоретико-методологические подходы к исследованию. В основе исследования военных нарративов лежит несколько базовых подходов, почерпнутых из истории памяти, нарратологии и исследований медиатекста. Из истории памяти заимствуются представления об асинхронном развитии научной истории и обыденной исторической памяти, которая формирует собственные взгляды на прошлое, избирательно прислушиваясь к мнению академической науки [13].

Теория медиатекста изучает массив больших данных как единое, но многоуровневое и сложное по структуре коммуникативное пространство, в котором могут быть выявлены некоторые общие содержательные закономерности и способы повествования [6].

Современная нарратология, позволяющая анализировать текстологические формы и закономерности любого информационного продукта, даёт возможность выявления неосознанно сформированных суждений о прошлом, появляющихся в результате «топоса согласия» между нарратором и его адресатом, возможно, гораздо больше общающегося о современной коммуникативной интертекстуальной среде, чем о самом прошлом [17: 37].

Из подходов, специфически присущих именно исследованию сетевых нарративов о войне и мире, следует упомянуть лингвокультурологию, изучающую языковое сознание и ценностную картину мира во взаимосвязи с культурным измерением, обрамляющим слово

всем комплексом представлений, знаний и ассоциаций, свойственных социуму [3: 44].

Также в исследовании используется термин «смысловой конструкт», тяготеющий к теории личностных конструктов Дж. Келли, под которыми автор имел в виду самые общие, абстрактные эталоны смыслов и ценностей, сформированных на основе жизненного опыта, с помощью которых осмысливается окружающая действительность. Конструкт отражает базовые структуры мышления, отличается устойчивостью воспроизведения в самосознании человека и способствует построению верных прогнозов в рефлексии жизненного опыта. Келли утверждал, что личностные конструкты образуют пары, отражающие смысловые максимы той картины мира, что свойственно человеку. Эти бинарные оппозиции, понимание которых у Келли складывается, по всей видимости, независимо от идей структурной антропологии К. Леви-Стросса, позволяют типологизировать переживаемые человеком события и обладают собственным эмерджентным (выявляют элементы подобия или сходства) и имплицитным (определяют свойства контраста и противоположности) полюсами осознания [9].

2. Эмпирическая основа исследования. С применением метода открытого API из массива данных социальной сети «ВКонтакте», опубликованных в 2021–2023 гг., были извлечены 142 374 текста. В качестве критерия отбора использовалось 69 лингвистических маркеров, отражающих основные смыслы и события военной истории России. После предобработки текстов итоговая аналитическая выборка включила в себя 114 588 текстов. Анализ полученных текстовых данных осуществлялся с помощью аналитической платформы PolyAnalyst [2] на базе Суперкомпьютерного центра НИ ТГУ.

Прежде всего была выявлена частотность упоминания лингвомаркеров в текстовой выборке независимо от словоформы и регистра. Обобщающие смысловые конструкты «война» и «мир» встречались чаще всего, при этом наиболее частотным ожидаемо стал термин «война» (26 668 упоминаний), у слова «мир» 8 881 упоминание.

В результате дальнейшей автоматизированной обработки из массива текстов были извлечены 113 ключевых слов, каждое из которых имело минимальную поддержку в виде 1 000 текстов. В центре сформированного «облака смыслов» оказалось слово «войско». Далее на основе анализа взаимовстречаемости ключевых слов в пределах трёх соседних предложений был сформирован граф связей (рис. 1). Минимальная поддержка связанных слов со-

ставляет 10 (т. е. как минимум в 10 текстах эти слова встретились вместе).

Рис. 1. Граф связей ключевых слов

На основании графа связей ключевых терминов можно сделать вывод, что военный троп сетевых повествований насыщен конкретно-историческими событиями и не ориентирован на общие рассуждения о проблемах «войны и мира».

Слово «мир» отсутствует в перечне статистически определяемых объектов. В этой связи авторы взяли в работу часть общей коллекции из 8 881 текста, включающего слово «мир», и снова произвели извлечение ключевых слов. Минимальная поддержка составила в этот раз 350 текстов. При том, что слово «войско» по-прежнему остаётся стержневым понятием, можно заметить появление в «облаке смыслов» религиозной, философской и обобщённой политической лексики, что свидетельствует о несколько иной семантике

ской окраске содержания, чем в общей коллекции военного нарратива.

Таким образом, для определения смысловых конструкторов «войны» и «мира» были использованы материалы общей «военной» коллекции текстов и её отдельного уточнённого сегмента, более прицельно ориентированного на понимание проблематики «мира».

«Война» и «мир» как смысловые конструкторы сетевых исторических нарративов о войне

1. Война. Анализ эмоциональной тональности объекта «война» предсказуемо отражает негативное к ней отношение, окрашенное сильными эпитетами: «ужасный», «кошмарный», «изнурительный». Незначительное вкрапление положительных коннотаций явно связано с упоминанием героизма, военных успехов, отношениями взаимной поддержки и дружбы на фронте (рис. 2).

Проведённая кластеризация выделенной коллекции военного нарратива выявила многогранность тематики войны в повествованиях цифровых сообществ (табл. 1).

Разнообразие тематик военных тропов тем не менее позволяет, при погружении в тексты, подтвердить те же выводы, которые были получены в исследовании исторических государственно-центричных нарративов (проведённом тем же коллективом исследователей в 2022 г.), для которых центральным понятием неожиданно оказалось слово «война» [16].

Нарратив о войне плотно оформлен и скомпонован, насыщен фактологией. При том, что конструктор «войны» наделяется эмоционально сильными негативными коннотациями, он совершенно не поэтичен, лишён метафор, страха и переживаний, внешне нейтрален даже при описании катастрофических военных зверств и разрушений; стиль повествования сохраняет прозаичность и прагматизм. Производится скрупулезная фиксация различных сторон «военного быта», участники исторических сообществ, демонстрируя высокую степень личной вовлечённости, легко включаются в «дискурс войны»: цитируют военные сводки, умело оперируют цифрами о силах противостоящих армий, анализируют стратегии и тактики, комментируют число потерь.

Полученные выводы коррелируют с теми логическими образами войны, которые были выделены специалистами-филологами в исследовании русских пословиц о войне. Часть пословиц касается людей, ведущих военные действия, делающих «труд» войны: «На войне рать крепка воеводою»; «Война всех метит: шрамом – военных, морщиной – гражданских»; «Воин врагов побивает, а трус корысть подбирает»

9	Партия, рабочий, правительство, революция, страна, совет, власть, политический, борьба, коммунистический	4 685
10	Сержант, рядовой, память, боевик, район, погибнуть, мотострелковый, боевой, подразделение, область	4 629
11	Князь, войско, русский, армия, война, битва, французский, сражение, француз, союзник	4 174
12	Царский, государь, император, семья, отец, царь, священник, императрица, церковь, дитя	4 061
13	Святой, икона, преподобный, молитва, церковь, святитель, храм, вера, монастырь, святая	3 888
14	Дивизия, полк, бой, красный, противник, атака, огонь, батарея, генерал, фланг	3 391
15	Станица, казак, казачий, кубанский, войско, атаман	2 992
16	Статья, отдел, образование, среднее, источник, лейтенант, звание, орган, область, зам	1 498

и т. п. Другой подтип паремий отмечает тяжёлый труд, опасность и травматизм войны: «Война не лечит, а калечит»; «Хочешь победить на войне – работай вдвойне» и т. п. Третья группа пословиц утверждает представления об ужасных итогах войны: «Война питается деньгами, а увеселяется кровью»; «Война напечёт и вдов, и сирот» и т. п. Авторы делают вывод о том, что в русских пословицах на эмоциональном уровне восприятия войны содержится много боли и представление о том, что война – это не богоугодное дело [12: 130].

В русских паремиях в большей степени делается акцент на антиценностном смысле войны и ценностном смысле мира, в логике которых война представляется именно тяжёлой работой, которую надо сделать, несмотря ни на что, а мир – абсолютной и желанной, но трудно достижимой ценностью.

Смысловой конструкт «война» может быть дополнительно раскрыт через объяснения самих пользователей «ВКонтакте» на примере 273 текстов, содержащих сочетание слов «Война – это...».

Большинство определений подчёркивает качества войны, несущей смерть, в любых исторических контекстах как безусловное зло и «грязное дело»:

«...Война – грязное дело, так было всегда. Это, вероятно, самый старый, безусловно, самый прибыльный и, безусловно, самый худший преступный бизнес. Война – это заговорщическая организованная преступность международного масштаба, и единственная, где прибыль исчисляется в долларах, а потери – в жизнях».

При этом, оставаясь безусловным злом, война имеет разные личности, в частности, революция – это тоже война, которая прикрывается красивыми лозунгами:

«...многие авторы, прославляющие прогрессивно-очистительную роль революций и толкующие о "праве народа на восстание", имеют обыкновение резко осуждать "поджигателей войны". Война – это плохо, и её хотят плохие люди. Революция – это хорошо, и её жаждут люди хорошие. Но революция – это всегда война, потому что те, против кого она происходит, вовсе не обязаны капитулировать – "примириться и соглашаться"».

Некоторые непрожитые войны, коренящиеся в сердце коллективной травмы, вызывают к поиску исторической правды и общественному резонансу:

«"ВОЙНА" – это правда обмана. Война заканчивается, когда умирает её последний солдат. К 2060 году умрёт последний солдат войны в Афганистане 1979–1989 гг. К 2100 году умрут дети солдат Афганской войны. Десять лет войны – сто лет памяти. Нам осталось не так много, чтобы сохранить правду обмана этой войны... МЫ УЙДЁМ. А ВОЙНА БУДЕТ ПРЕСЛЕДОВАТЬ НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ... ТАК БЫЛО ВО ВСЕ ВРЕМЕНА...».

Наконец, есть редкие примеры «эмпатического», скорее женского восприятия войны как опыта, трагического и травматичного для всех вовлечённых:

«С фотографии на нас смотрит совсем ещё мальчишка... Такие добрые и одновременно грустные глаза у солдата. Война – это всегда страшно. Конечно, страшно и ему. Страшно не увидеть маму, не взять за руку папу, не обнять девушку и так и не заиметь детей. Милые мальчики, сейчас уже мужчины, кто выжил в той войне, будьте здоровы и пусть ваши близкие будут рядом. Вечная память погибшим и соболезнования родителям. Такие раны не затягиваются никогда».

Отдельный блок рассуждений связан с противопоставлением мирного и военного времени (417 против 414 упоминаний в текстовой коллекции), в которых представления о том и другом оказываются неразрывно связаны, поскольку «мирное время» всегда оценивается с позиций произошедших тревожных изменений, а военное время сравнивается с тем, что было раньше или позже него.

Мирное время:

«В мирное время Новочеркасск был, в сущности, глухой провинциальный город. Он оживился и приобрёл крупное значение в конце 1917 года, когда прибыл Корнилов, и начала формироваться Добровольческая Армия...».

Военное время:

«Вглядитесь в эти открытки Великой войны 1914–1918 гг. И задумайтесь. Интересно, есть ли в мире ещё одна страна, кроме России, где государственная пропаганда, да ещё в военное время, была направлена на гуманное, христианское отношение к раненым и пленным врагам?.. А в Российской Империи такое отношение было не только закреплено в законе, утверждённом Государем Императором Николаем II, но и культивировалось на бытовом, народном уровне, существовало в народном сознании».

2. Мир. Ценностно-смысловой конструкт «мир» ожидаемо проявляется в различных текстуальных контекстах именно в связи с противопоставлением войне, сохраняя основные характеристики милитарного дискурса (см. рис. 2). В уточнённой выборке по слову «мир» представлен и некоторый кластер текстов, ориентированных на «мир»-вселенную,

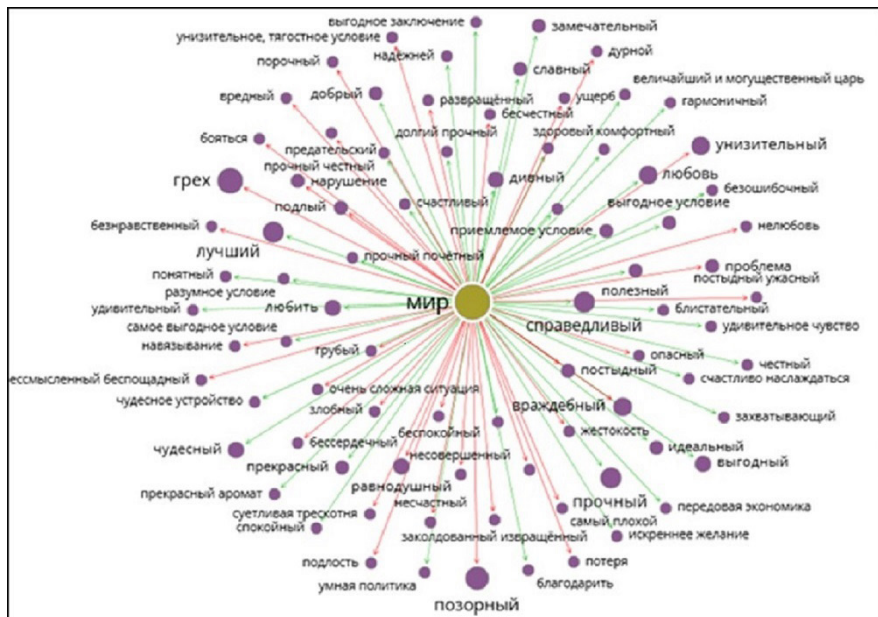

Рис. 3. Анализ тональностей применительно к объекту «мир»

но он незначителен. Заметно проявляет себя религиозный контекст, отражающий православный взгляд на проблемы «войны» и «мира». В военных нарративах, содержащих рассуждения о мире, также тотально доминируют события XX и XXI вв., самым непосредственным и живым образом наполняя коллективную память и воображение пользователей Рунета, не умеющих и не желающих дистанцироваться от драматического опыта предков.

Результаты анализа тональностей применительно к объекту «мир» представлены на рис. 3.

Не единичные оценки конкретизированы в виде таблицы (табл. 2).

Таблица 2

Лексические экспликации оценки «мира» в текстах пользователей «ВКонтакте»

Номер	От	До	Отношение	Поддержка
1	мир	грех	Standard / Negative	19
2	мир	позорный	Standard / Negative	14
3	мир	прочный	Standard / Positive	11
4	мир	лучший	Standard / Positive	10
5	мир	справедливый	Standard / Positive	8
6	мир	унизительный	Standard / Negative	6
7	мир	любовь	Standard / Positive	4
8	мир	враждебный	Standard / Positive	4
9	мир	выгодный	Standard / Negative	3
10	мир	дивный	Standard / Positive	3
11	мир	любить	Standard / Positive	3
12	мир	чудесный	Standard / Positive	3
13	мир	равнодушный	Standard / Negative	3
14	мир	выгодное условие	Standard / Positive	2
15	мир	добрый	Standard / Positive	2
16	мир	замечательный	Standard / Positive	2
17	мир	идеальный	Standard / Positive	2
18	мир	полезный	Standard / Positive	2
19	мир	прекрасный	Standard / Positive	2
20	мир	приемлемое условие	Standard / Positive	2
21	мир	славный	Standard / Positive	2
22	мир	нарушение	Standard / Negative	2
23	мир	подлый	Standard / Negative	2
24	мир	постыдный	Standard / Negative	2
25	мир	проблема	Standard / Negative	2

Распределение тональностей оказалось примерно равным: 83 негативных контекста, 90 – позитивных.

Первоначальные визуализации данных выявляют амбивалентное, совсем неоднозначное отношение пользователей «ВКонтакте» к рассматриваемому смысловому конструкту: лидерами словоупотребления становятся «грех», «позорный» или «унизительный мир».

«Унизительный» / «позорный» / «гнилой» мир

Устойчивой характеристикой военного тропа является представление о том, что Россия обычно выигрывает на поле боя, но всегда проигрывает за столом переговоров. Это мнение обретает форму словосочетаний типа «позорные соглашения», «унизительный мир», выражая убеждённость в том, что мир слишком часто оказывается предательством, малодушием или ошибкой, знаменуя собой неокончательную, но победу «сил Зла». Цифровые сообщества «ВКонтакте» мыслят категориями исторического и государственного масштаба, немыслимые человеческие потери в этой логике должны быть оправданы дальнейшими благоприятными условиями заключения «мира», сопровождаться впечатляющими символами победы: флагом на Рейхстаге, Парижским заграничным походом. Но этого в истории, как правило, не происходит, и «мир» оставляет в коллективной памяти горький осадок напрасных массовых жертв и обмана в отношении самых разных исторических событий – от Смутного времени до всех локальных войн XX и XXI вв.:

«23 августа 1905 года по унизительному мирному договору Япония установила контроль над частью Сахалина к югу от 50-й параллели».

«25 лет назад, 31 августа 1996 г., были подписаны позорные Хасавюртовские соглашения...».

«Опасность гнилого мира повторилась впоследствии ещё раз; а гнилым можно было признать мир даже на условии границ 1790 и 1792 годов – коль скоро Наполеон оставался на престоле».

Пацифизм

Как уже было сказано выше, лингвомаркер «мир» в текстах не охватывает всех семантических нюансов, раскрывающих данный ценностно-смысловой конструкт.

В контексте анализа представлений о мире были рассмотрены понятия «пацифизм» и «пацифист», нередко встречающиеся в выборке текстов. Приведём примеры.

В малой их части словоупотребление «пацифизма» является нейтральным и точным по смыслу (пацифизм – это идеология сопротивления насилию):

«Авторы проекта рассказывают о некоторых выдающихся моментах. Например, о знаменитом Рождественском перемирии 1914 года, когда солдаты прекратили огонь, встречались на нейтральной полосе и даже поздравляли друг друга. Этот акт пацифизма и гуманизма впечатлил многих, хотя реакция общественности была различной».

Часто слово «пацифизм» или «пацифисты» берётся в кавычки, чтобы показать неискренность намерений и двойную игру:

«В этой ситуации, чтобы западные "пацифисты" не увлекались особенно сильно и не строили воздушные замки по поводу победы над русскими, Москва решила напомнить о себе и о том, что мир – хрупок».

Ряд военных нарративов экстремистской, часто антисемитской направленности объясняют свою ненависть к пацифизму свойственным им образом:

«Все современные европейские лозунги были придуманы распятыми Христа евреями: демократия, забастовки, социализм, атеизм, веротерпимость, пацифизм, мировая революция, капитализм и коммунизм. Всё это изобрели евреи и их отец – дьявол».

Иногда пацифизм осуждается как качество, присущее слабой, ленивой и трусливой личности:

«И тогда с берега на уродскую рыбу щерится тигр: а если эта гадина нападёт – вас кто защищать будет, эти ботаники, склонные к пацифизму и пофигизму?».

Таким образом, само по себе нейтральное слово «пацифизм» в военных дискурсах сетевых сообществ почти не имеет положительных коннотаций и не является частью ценностно-смыслового конструкта «мир»: пользователям не импонирует, когда под абсолютную, идеальную ценность подводится какая-то идеологическая основа. К тому же слово является заимствованным, не укоренённым в российской культуре и ассоциируется с чем-то «западным». Часто

рассуждения о пацифизме содержат обесценивающие обобщения во множественном числе: «все пацифисты», «всякие пацифисты» – воззрения подобного рода не признаются как осознанные и обоснованные.

Значительная часть текстов связывает тему религиозной веры и пацифизма, заявляя о том, что манипулировать миролюбивыми религиозными чувствами народа или авторитетом церкви недопустимо.

Мир как отсутствие войны

Тема «пацифизма», как бы она ни интерпретировалась, оказывается тесно связана в военном нарративе с обсуждениями прекращения войны, возвращениями / невозвращениями / потерями территорий, признания и непризнания границ, уступками и политическими компромиссами, снова и снова ведя к обсуждениям военных конфликтов исторического прошлого и настоящего, цитированиям историков и публицистов.

Об окончании наполеоновских войн:

«Как хорошо, что нас не признали, – часто говорил Верховный Правитель. – Мы избежали Версаля, не дали своей подписи под договором, который оскорбителен для достоинства России и тяжок для её жизненных интересов (Гинс. Сибирь, Союзники и Колчак)».

О событиях на о. Даманском:

«Причиной конфликта стало нежелание Китая признавать законность Пекинского договора 1860 года, устанавливающего границу между государствами».

О Северной войне:

«А было время, когда Пётр Великий готов был заключить мир со Швецией на условиях признания за Россией лишь устья Невы с Петербургом».

В рефлексии о «мире» как «не-войне» преобладает забота о территориальной целостности и «неотъемлемости» российских земель, на которые постоянно посягает тот или иной хитроумный враг. Есть выраженное, очень тревожное представление о том, что любой мир непрочен, непостоянен, зависим от субъективных желаний политиков и событийных коллизий, он является всего лишь очередным антрактом между актами вечной военной драмы, в которую втянуты разные народы. В этом восприятии есть определённая амбивалентность, связанная с тем, что, с одной стороны, ни одна война не приносит

окончательного мира, а лишь приводит, после мучительных жертв и лишений, к «передышке», и в этом смысле является абсолютной антиценностью; с другой – война становится необходимой (и постоянной!) формой существования и борьбы за выживание, требующей непрерывной к ней готовности.

Та же двойственность исторической семантики «мировойны» наблюдается и в народном сознании, схваченном поговорками: «Выиграна война, но не мир»; «Война – забава королей»; «С родной земли – умри, но не сходи»; «Кто за своё дерется, тому и сила даётся»; «Кто к нам с мечом придёт, от меча и погибнет»; «Живя в мире, не забывай о войне» [5].

«Компромисс и уступки» как отражение устремлений к миру

Достаточно распространённое в военном нарративе слово «компромисс» чаще всего используется и в рассуждениях пользователей, и в избранных ими цитатах военных деятелей прошлого как вариант развития событий, который должен быть решительно отвергнут или расценён как предательство:

«В свою очередь это закономерно приводило к тому, что либеральная буржуазная оппозиция прибегала к компромиссам с американскими интервентами».

«На свободе остаётся только четыре правящих архиерея, которые пошли на компромисс с атеистической властью; на каждого НКВД были сфабрикованы "показания", на основе которых в любой момент их можно было арестовать».

Многие исторические примеры приводятся в параллель современному конфликту на Украине в годы проведения СВО для обоснования того же вывода: любые компромиссы с врагом недопустимы.

Исконно русское слово «уступки» гораздо чаще в военном дискурсе обозначает то утраченное, нейтральное значение слова «компромисс», но всегда – в контексте серьёзной политической борьбы, или переговоров, которого мы не обнаруживаем в примерах выше.

Комментарий по поводу Кронштадского мятежа:

«Во многом именно из-за этого коммунисты пошли крестьянам на уступки – отменили грабительскую продовольственную развёрстку и ввели НЭП. Но сам мятеж был жестоко подавлен».

О бескровном освобождении г. Гродно в 1812 г.:

«После нескольких встреч с Давыдовым, где в полной мере проявились его обаяние, выдержка и светскость, надменный и расчётливый Фрейлих, предвидя близящийся крах Наполеона, пошёл на уступки и согласился оставить город в неприкосновенности, со всеми запасами провизии».

О результатах Азовского похода:

«Ради скорейшего обретения мира Пётр был готов идти на любые уступки. Турция, озабоченная борьбой в Средиземноморье, также склонялась к миру с Россией».

Таким образом, ни окруженный негативными коннотациями компромисс, ни относительно нейтральные «уступки» не способствуют, в представлении россиян, наступлению мира.

Гуманность и милосердие

В военных нарративах сетевых сообществ гуманность, как и пацифизм, также рассматривается в основном с позиции деконструкции или опровержения её основного смысла, авторы и комментаторы публикаций, как правило, не верят в искренность её проявлений:

«Сначала предполагалось казнить "контрреволюционную интеллигенцию", но расстрел был заменён на высылку из России по предложению Ленина, – акт "предусмотрительной гуманности", как окрестил его Троцкий».

«Уместно ли оценивать "гуманизм" царей исключительно по официально оформленным казням, как это делают с наукообразной миной различные апологеты монархии?».

Довольно многочисленными в небольшой текстуальной выборке военного нарратива «о мире» являются упоминания «милосердия» (890), однако из них более половины представляют собой воспоминания о сёстрах милосердия. Чаще всего «милосердие» звучит всё же как анахронизм: не ценностно-ориентированное понятие в комментариях наших современников, а «фигура речи» в цитатах из речей прошлого, призывающих не верить лицемерию врагов.

«И ещё, знайте, мир на этой земле возможен только тогда, когда страна Ваша будет такой сильной, что все её соседи будут до ужаса бояться подойти к границам этой страны с оружием в руках. И помните, они никогда не простят Вам мужества, величия и милосердия Ваших предков».

Мир и предательство

Оба слова встречаются в связке одного контекста, при этом под «миром» могут подразумеваться разные вещи:

«Очередное испытание, ибо Смута – хроническая болезнь Русского мира. Поселяясь в умах и душах тысяч людей разного чина и звания, Смута открывает дорогу самозванцу. Это главный герой русской Смуты, – ...готовый предать – страну, свою землю... Недаром самозванец всякий раз так обласкан нашими соседями-доброхотами... Впрочем, Смута покрывает всё, даже предательство. И потому его, самозванца, встречают как избавителя (Ф. Разумовский)».

«А если по-прежнему демагоги и свядомые лицвины будут нам вешать, что нахождение белорусов под литовцами и поляками было "положительной" вехой в истории белорусского народа... и что мы часть "польско-литовского мира и его традиций", то пусть знают, что они не благодетели, а враги белорусов и нашей страны!».

Русский мир: пример русинов

В качестве отдельной подкатегории «мира» можно выделить словосочетание «русский мир», иногда обособляющийся в текстовом массиве данных о войне, как правило, в контексте противостояния недружественной политике соседних народов. Эта тематика пронизывает тексты, затрагивающие народ с самобытной культурой и драматичной исторической судьбой – русинов.

Для изучения специфики понимания мира в нарративах о русинах была создана специальная выборка текстов, извлечённая из общего массива данных. Анализ показал, что ключевые тропы рассуждений о мире – в любом понимании этого слова – прочно увязаны с глубоко трагичной памятью о пережитом русинами геноциде и репрессиях в годы Первой мировой войны. В этом же ключе в цифровых сообществах понимается и «русский мир» – как некогда единое жизненное пространство славянских народов, искусственно и целенаправленно расколотое в начале XX в.:

«Львовская газета "Слово" в 1866 г. в редакционной статье писала: "Русь галицкая, угорская, киевская, московская, тобольская и пр. в отношениях этнографическом, историческом, лексик, литературном и обрядовом есть одна и та же самая Русь... Мы не можем отгородиться китайской стеной от наших братьев и отделиться от языковой, литературной, церковной и народной связи со всем русским миром"».

Пользователи припоминают и более отдалённые эпизоды истории, в которых над «русским миром», неотъемлемой частью которого были русины, нависала угроза полного исчезновения:

«Прикарпатские земли – неотъемлемая часть Русского мира – были местом притязаний со стороны западных соседей издревле. В конце XVI в. они были захвачены Речью Посполитой и в результате Брестской унии ополячены и окатоличены. Начались страшные гонения на православие. Запрещали даже причащать тяжелобольных, хоронить по православному обряду».

При этом в текстах проявляется противопоставление «русского и, шире, славянского мира», частью которого мыслятся русины, с его непримиримым антагонистом, вбирающим в себя всё чуждое – от религии до строя мысли – и разрушительное для этого жизненного уклада – «германский / немецкий мир»:

«Борьба русских с украинофилами усиливается из года в год и продолжается под страшным террором вплоть до мировой войны, – войны немецкого мира со славянством, к которой Германия и Австро-Венгрия готовились десятки лет...».

При анализе выборки текстов о русинах была подтверждена ранее выявленная характерная черта, которую можно считать установленной закономерностью – понятие «мир» почти не встречается в текстах в смысле, хоть сколько-нибудь близком к описанию гармоничного повседневного уклада. Мир проявляет себя либо как общность людей, объединённых общими ценностями, традициями и историей, противостоящая внешним вызовам (подобно «русскому миру»), либо как антитеза войне, не имеющая чёткого описания. Подтверждением этому служат наиболее частотные в контенте слова, содержащие корень «мир»: «перемирие», «мирное население».

Примечательно, что в массиве записей о русинах практически нет сюжетов о Второй мировой и Великой Отечественной войнах. Память о катастрофических последствиях Первой мировой войны для русинов вытеснила традиционно центральный нарратив Рунета на обочину повествования.

Мир и Победа

Предсказуемо часто «мир» и «победа» идут «рука об руку» в праздничных поздравлениях по случаю годовщин Великой Отечественной

войны. Как уже было отмечено в публикации, отмеченной сноской 3, даже в коллекции нарративов, сознательно очищенных от текстов о ней, образ самой кровопролитной и трудной войны нашей истории в виде поздравлений, ассоциаций и сравнений всегда незримо сохраняется. Гораздо реже эта связка представлена в отношении других военных событий прошлого.

«Победа» всегда желательна, и только она даёт тот самый призрачный «мир», который обеспечит передышку уставшему воинству и позволит накопить силы для отражения (подлинных или мнимых) грядущих атак. За исключением словосочетания «пиррова победа», сообщающего об обманутых ожиданиях победителей, эпитеты к самому слову говорят о безусловно положительном отношении к слову «победа» сетевых сообществ (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Определения слова «победа», представленные в текстовой выборке

Определение	Количество упоминаний
Великая победа	229
Наша победа	151
Блестящая победа	84
Славная победа	73
Крупная победа	70
Русская победа	42
Новая победа	33
Будущая победа	20
Безоговорочная победа	12
Историческая победа	11
Долгожданная победа	7
Пиррова победа	6
Дорогая победа	2

«Позор!»: о поправной памяти

Неожиданно широко представленным и эмоционально выразительным сегментом дискурса о «войне и мире» оказалась выборка текстов, объединённых словом «позор», неразделимо соединяющих прошлое и настоящее бременем памяти:

«"Позор ленинцам!" – это надпись, поднятая в Ревеле матросами крейсера "Олег", протестующими против национал-предательской политики большевиков и уходящими в окопы Великой войны. Если вдуматься, то и через сто лет картина изменилась мало: патриоты вновь идут на фронт или поддерживают, как могут, Российскую Армию в тылу. А новые

ленинцы – национал-предатели – выходят на митинги с большевистским лозунгом "Нет войне!" ("Долой войну"!)). Или подыгрывают западной пропаганде и дискредитируют Россию и Российскую Армию, поднимая красные флаги...».

В рассмотренном текстуальном сегменте речь всегда идёт о неоплаченных долгах прошлого, которые лишь «отодвигают» перспективу наступления «мира».

Заключение

Таким образом, ценностно-смысловые конструкты «война» и «мир» в военных нарративах сетевых сообществ не выявляют свойств дихотомичности, объединены общей историко-культурной семантикой и метафорикой. «Худой мир», «позорный мир», «унизительный мир», по сути, являются продолжением лексемы войны. Мир как цель существования остаётся заветным идеалом и мечтой, которая едва просматривается в военной метафорике современного дискурса медиасферы [7]. Подтверждая умозаключения лингвистов [8], авторы также приходят к выводу о вездесущности образа Великой Отечественной войны на разных уровнях и в разных формах репрезентации макроструктур медиатекста.

Примечания

1. Статья является логическим продолжением исследования, первоначальные результаты которого представлены в публикации: Трубникова Н.В., Рогаева И.Е., Саркисова А.Ю. Память о военных конфликтах России в сетевом дискурсе «ВКонтакте»: структура и событийная иерархия // Русин. 2023. № 73. С. 298–319. DOI: 10.17223/18572685/73/19

2. Более подробно технология работы с большими данными социальных сетей и общая теоретико-методологическая основа исследования представлены в публикации, указанной в примечании 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авраменко Ю.И. Особенности функционирования и эволюция концепта «война» в романах Г. Бёлля: дис ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2011. 225 с.

2. Анонян С.М., Сазонов Д.С., Слынько Ю.Н., Соломатин Е.Б. Аналитическая платформа PolyAnalyst: архитектура, функциональность, практика применения. М.: Горячая линия – Телеком, 2023. 232 с.

3. Воробьёв В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности. М.: Изд-во РУДН, 1996. 170 с.
4. Голубенко Е.А. «Война» и «мир» в русской языковой картине мира средневековья // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 199–203.
5. Глотова Е.А. Война в народном сознании (на примере фразеологии и крылатых выражений) // Народная культура Сибири: материалы XXIX научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору (Омск, 18 ноября 2020 года). Омск: Изд-во ОГПУ, 2021. С. 20–24.
6. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь). М.: Флинта; Наука, 2008. 263 с.
7. Долгова Е.В. Милитарная метафорика в медийном дискурсе // Филология и человек. 2018. № 1. С. 19–30.
8. Ерофеева И.В. Концепт «война» в современном медиатексте: репрезентация традиционных моделей // Учёные записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 2 (61). С. 72–82.
9. Келли Дж.А. Теория личности. Психология личностных конструкторов. СПб.: Речь, 2000. 249 с.
10. Кондаков И.В. Диалог «войны» и «мира» в русской культуре // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 209–219.
11. Крячко В.Б. Концептосфера «война» в английской и русской лингвокультурах: дис ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 233 с.
12. Лаврова С.Ю., Ермакова Л.А. Роль оценочных семантических оппозиций «война» / «мир», «war» / «peace» в русской и английской паремиологических сферах // Поливановские чтения. 2020. № 14. С. 127–134.
13. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 14.11.2023).
14. Соловьёва Н.В. Оппозиция война – мир в русской языковой картине мира // Актуальныя пытанні сучаснай навукі : зборнік навуковых прац. Мінск: БГПУ імяні Максіма Танка, 2016. С. 160–162.
15. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 838 с.
16. Трубникова Н.В., Саркисова А.Ю., Рогаева И.Е. Исторические нарративы и репрезентации войны в коллективной памяти сообществ «ВКонтакте»: темпоральные траектории и семантические сети // Русин. 2022. № 70. С. 268–292. DOI: 10.17223/18572685/70/16
17. Тюпа В.И. На пути к исторической нарратологии // Новый филологический вестник. 2020. № 3 (54). С. 32–54.

REFERENCES

1. Avramenko, Yu.I. (2011) *Osobennosti funktsionirovaniya i evolyutsiya kontsepta "voyna" v romanakh G. Belya* [Features of the functioning and evolution of the concept of "war" in the novels of Heinrich Böll]. Philology Cand. Diss. Magnitogorsk: Volga State Social and Humanitarian Academy.
2. Anonyan, S.M., Sazonov, D.S., Slynko, Yu.N. & Solomatin, E.B. (2023) *Analiticheskaya platforma PolyAnalyst: arkhitektura, funktsional'nost', praktika primeneniya* [The analytical platform PolyAnalyst: Architecture, functionality, application practice]. Moscow: Goryachaya liniya – Telekom.
3. Vorobev, V.V. (1996) *Lingvokul'turologicheskaya paradigma lichnosti* [Linguistic and cultural paradigm of personality]. Moscow: RUDN.
4. Golubenko, E.A. (2018) "Voyna" i "mir" v russkoy yazykovoy kartine mira srednevekov'ya ["War" and "peace" in the Russian language picture of the world in the Middle Ages]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 6. pp. 199–203.
5. Glotova, E.A. (2021) Voyna v narodnom soznanii (na primere frazeologii i krylatykh vyrazheniy) [War in the popular consciousness (on the example of phraseology and popular expressions)]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri* [Folk Culture of Siberia]. Proc. of the 29th Seminar of the Siberian Regional University Center for Folklore. Omsk, November 18, 2020. Omsk: OSPU.
6. Dobrosklonskaya, T.G. (2008) *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI (sovremennaya angliyskaya mediarech')* [Medialinguistics: a systematic approach to the study of media language (modern English media speech)]. Moscow: Flinta; Nauka.
7. Dolgova, E.V. (2018) Militar'naya metaforika v mediynom diskurse [Military metaphors in media discourse]. *Filologiya i chelovek*. 1. pp. 19–30.
8. Erofeeva, I.V. (2015) Kontsept "voyna" v sovremennom mediatekste: reprezentatsiya traditsionnykh modeley [The concept of "war" in modern media text: A representation of traditional models]. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(61). pp. 72–82.
9. Kelly, J.A. (2000) *Teoriya lichnosti. Psikhologiya lichnostnykh konstruktov* [Personality Theory. Psychology of Personal Constructs]. St. Petersburg: Rech'.
10. Kondakov, I.V. (2022) Dialog "voyny" i "mira" v russkoy kul'ture [Dialogue of "war" and "peace" in Russian culture]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*. 2(29). pp. 209–219.
11. Kryachko, V.B. (2007) *Kontseptosfera "voyna" v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh* [The concept sphere of "war" in English and Russian linguistic cultures]. Philology Cand. Diss. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University.
12. Lavrova, S.Yu. & Ermakova, L.A. (2020) Rol' otsenochnykh semanticheskikh

oppozitsiy “voyna” / “mir”, “war” / “peace” v russkoy i angliyskoy paremiologicheskikh sferakh [The role of evaluative semantic oppositions “war”/“peace” in the Russian and English paremiological spheres]. *Polivanovskie chteniya*. 14. pp. 127–134.

13. Nora, P. (2005) Vsemirnoe torzhestvo pamyati [Worldwide celebration of memory]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2–3. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (Accessed: 14th November 2023).

14. Solovieva, N.V. (2016) Oppozitsiya voyna – mir v russkoy yazykovoy kartine mira [Opposition “war – peace” in the Russian language picture of the world]. In: *Aktual'nyya pytanni suchasnay navuki*. Minsk: BSPU. pp. 160–162.

15. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

16. Trubnikova, N.V., Sarkisova, A.Yu. & Rogaeva, I.E. (2022) Historical narratives and war representations in the collective memory of Runet communities: temporal trajectories and semantic networks. *Rusin*. 70. pp. 276–304 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/70/16

17. Tyupa, V.I. (2020) Na puti k istoricheskoy narratologii [On the way to historical narratology]. *Novyy filologicheskiiy vestnik*. 3(54). pp. 32–54.

Трубникова Наталья Валерьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск, Россия).

Natalia V. Trubnikova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: troub@mail.ru

Саркисова Анна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных Томского государственного университета (Томск, Россия).

Anna Yu. Sarkisova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sarkisova@data.tsu.ru

Рогеева Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск, Россия).

Irina E. Rogaeva – Tomsk State University (Russia).

E-mail: irina_rogaeva@mail.ru

международный исторический журнал **Русины**

Основан в 2003 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2023. № 74

Республиканская общественная ассоциация «Рүсь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 364 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул. Миорица 1С, кв. 83.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru, info@rusin.md

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайты «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journals.tsu.ru/rusin>

<http://journalrusin.ru>

 www.facebook.com/groups/journalrusin

 <https://vk.com/journalrusin>

 <https://t.me/journalRusin>

Подписано к печати 30.12.2023.

Формат 60х90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 09/0123.

Отпечатано в типографии «Taicom».
г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами и читателями в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

